

252
Н. 31.

ТВОРЕНІЯ

14598
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Гр. Митрополитъ Нисскій 2. 1777.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

Б. 1777
Православной Дух.
Академ.

45899

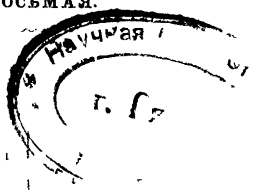
ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

Содержание:
Слова к царю свв. Григория Нисскаго.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

Въ Кн. 12
Москва
Издана въ 1871 г.
по ценѣ
НВ. № 45899

МОСКВА.

Типография В. Готье на Куликовомъ мосту у Горькаго

1871.

С Л О В О .

НА ДЕНЬ СВѢТОВЪ, ВЪ КОТОРЫЙ КРЕСТИЛСЯ НАШЪ
ГОСПОДЬ.

Нынѣ узнаю мое стадо; сегодня вижу обычный видъ церкви, когда возненавидѣвъ попеченіе о плотскихъ заботахъ, въ совершенной полнотѣ стеклись вы на служеніе Богу. Тѣснитъ народъ въ домѣ (Божіемъ), во внутренности недоступнаго (всѣмъ) святилища. Подобно пчеламъ наполняютъ и внѣшнія мѣста въ притворахъ тѣ, которые непомѣстились внутри. Ибо и пчелы, однѣ работаютъ внутри улья, а другія отвнѣ съ шумомъ окружаютъ его. Такъ и дѣлайте, о чада, и никогда не оставляйте таковой ревности. Ибо признаюсь, что страдаю пастырскимъ страдаціемъ,—сѣдя на этомъ высокомъ сѣдалищѣ, желаю видѣть собранное вокругъ, какъ бы у подножія горной вершины, стадо. И когда это случается, я полонъ удивительной радости и слово для меня столь же пріятный трудъ, какъ для пастырей пастушескія пѣсни. Когда же бываетъ

иначе, когда вы увлекаетесь блужданіемъ языческимъ ⁽¹⁾, какъ вы сдѣлали недавно, въ прошедшій воскресный день, то я много страдаю и предпочитаю молчать. Я помышляю бѣжать отсюда и ищу Кармила Пророка Иліи и какой либо необитаемой скалы; ибо для печальныхъ любезноудиненіе и пріятна пустыня. Нынѣ же видя васъ, съ самыми семействами вашими во множествѣ собравшихся на праздникъ, вспоминаю пророческое слово, которое издревле воспѣлъ Исаія, предвозвѣщая благоплодіемногоплодіе Церкви. *Кѣи* суть, говоритъ, *иже яко облацы летятъ, и яко голуби со птенцы ко мнѣ* (Ис. 60, 8); присовокупляетъ и сіе: *тѣсно ми мѣсто, сотвори ми мѣсто, да вселюся* (Ис. 49, 20). Вотъ что сила Духа предвозвѣстила о многолюдствѣ церкви Божіей, которая въ послѣдующія времена долженствовала наполнить всю вселенную отъ краевъ земли до краевъ. Итакъ круговращеніе времени снова приводитъ насъ къ воспоминанію, очищающихъ человѣка, святыхъ таинствъ, которыя смывають неудобосмыываемый грѣхъ съ души и тѣла и возводятъ къ первоначальной красотѣ, дарованной въ созданіи насъ величайшимъ художникомъ Богомъ. И посему вы, освященный народъ, опытно извѣдавшій блага нашей вѣры, собрались здѣсь и привели, какъ

(1). Святый Григорій вѣроятно разу мѣсть здѣсь театры и цирки.

добрые отцы, и тѣхъ, которые еще неиспытали ихъ, заботливо и старательно руководя непосвященныхъ къ совершенному воспріятію благочестія. Я же сорадуюсь тѣмъ и другимъ; совершеннымъ, потому что вы обогатились великимъ даромъ, не освященнымъ, потому что вы надѣетесь получить прекрасныя блага,— оставленіе наказанія, разрѣшеніе узъ, соединеніе съ Богомъ, свободу дерзновенія, равенность съ ангелами вмѣсто рабскаго уничиженія. Ибо эти и другія послѣдующія за сими блага, какъ залогъ, вручаетъ намъ и даруетъ благодать омовенія. По сему отлагая до другаго времени иные предметы изъ писаній остановимся на предположенной цѣли, по силамъ принося празднику свойственные и приличные ему дары. Ибо каждому празднику любезно свое; такъ бракъ мы сопровождаемъ брачными пѣснями; скорби отдаемъ обычное ей въ надгробныхъ пѣснопѣніяхъ; при дѣлѣ говоримъ важныя рѣчи; въ пиршествахъ разрѣшаемъ душевную сдержанность и сосредоточенность; наблюдаемъ, чтобы каждое время не возмущалось тѣмъ, что ему несвойственно.

Итакъ, родился Христосъ, какъ бы не много дней тому назадъ, рожденный прежде всякой сущности, какъ чувственной, такъ и умозерцаемой. Сего дня крещается онъ Іоанномъ, чтобы оскверненное очистить, Духа свыше привести и человѣка на небеса вознести, дабы

павшій возсталъ, а низвергнувшій посрамился. И не удивляйся, если мы стали для Бога предметомъ такого попеченія, что самъ онъ содѣлалъ спасеніе человѣка; заботою злодѣя мы потерпѣли насиліе; попеченіемъ Зиждителя спасаемся. Злой клеветникъ, вводя въ родъ нашъ неизвѣстный дотолѣ грѣхъ, облекся въ достойный своего намѣренія покровъ,—въ змія, какъ нечистый, вошедши въ подобнаго себѣ, какъ земной и перстный, по свойству своей воли, вселившись въ пресмыкающагося. Христосъ же исправляя его лукавство, воспріемлетъ совершеннаго человѣка и спасаетъ человѣка и становится образомъ и начертаніемъ для всѣхъ насъ, дабы освятить начатокъ cadaго дѣла и оставить рабамъ для ревностнаго исполненія несомнѣнное преданіе. Итакъ крещеніе есть очищеніе грѣховъ, прощеніе прегрѣшеній, причина обновленія и возрожденія; возрожденіе же разумѣй мыслию созерцаемое, очами не видимое. Ибо подлинно мы не измѣнимъ старца въ отроча, по слову Еврея Никодима и его грубому разумѣнію; и не превратимъ покрытаго морщинами и убѣленнаго сѣдинами въ нѣжное и новорожденное дитя, и не возвратимъ человѣка опять въ утробу матери; по запятнаннаго грѣхами и состарѣвшагося въ злыхъ привыкахъ царскою благодатію возвратимъ къ невинности младенца. Потому что какъ новорожденное дитя сво-

бодно отъ вины и наказаній, такъ и чашо
 возрожденія, по дару Царя получивъ отпуще-
 ніе наказанія не подлежитъ ни за что отвѣт-
 ственности. Но такое благодѣяніе даруетъ не
 вода (ибо она была бы тогда совершеннѣе
 всего сотвореннаго); но повеленіе Божіе и
 наитіе Духа, таинственно нисходящаго для
 нашего освобожденія; вода же служитъ для
 указанія очищенія. Поселику тѣло осквернен-
 ное грязью и нечистотою мы обыкновенно
 дѣлаемъ чистымъ, омывая его водою, то по-
 сему мы ее же употребляемъ и въ таинствен-
 номъ дѣйствіи, чувственнымъ предметомъ,
 обозначая не тѣлесную чистоту. А лучше, если
 угодно, остановимся на болѣе тонкомъ изслѣ-
 дованіи вопроса о банѣ (крещенія), начавъ
 какъ бы съ нѣкотораго источника, съ запо-
 вѣди писанія: *аще кто не родится*, говоритъ
 оно, *водою и Духомъ, не можетъ внити въ*
царствіе Божіе (Іоан. 3, 5). Для чего два
 предмета, а не одинъ Духъ почитается до-
 статочнымъ для полнаго совершенія крещенія?
 Человѣкъ не простъ, а сложенъ, какъ точно
 знаемъ; посему (существу) двойственному, и
 сопряженному (изъ двухъ частей); удѣлены
 для изцѣленія его сродныя и подобныя вра-
 чества; видимому тѣлу,—чувственная вода, а
 невидимой душѣ,—Духъ незримый, призы-
 ваемый вѣрою, неизреченно приходящій. Ибо
Духъ, идъ же хочетъ, дышетъ, и гласъ его

*слышиши, но не вси откуду приходитъ, и камо
идетъ* (юан. 3, 8); Онъ благословляетъ тѣло
крещаемое и воду омывающую. Посему не
пренебрегай божественною банею и не по-
читай ее малоцѣнною, какъ вѣчто обыкно-
венное, по причинѣ употребленія воды, ибо
Дѣйствующій великъ и отъ него совершается
чудное. Потому что и сей святой жертвенникъ,
которому предстоимъ, по природѣ есть обык-
новенный камень, ничѣмъ неразличный отъ
другихъ плитъ, изъ которыхъ строятся наши
стѣны и конми украшаются полы; но поелику
онъ посвященъ на служеніе Богу и принялъ
благословеніе, то онъ естъ святая трапеза, чи-
стый жертвенникъ, которому касаются уже не
всѣ, но только священники, да и тѣ съ благо-
говѣніемъ. Хлѣбъ опять,—пока есть обыкно-
венный хлѣбъ; но когда надъ ними будетъ свя-
щеннодѣйствовано таинство, называется и
бываетъ тѣломъ Христовымъ. То же бываетъ
и съ таинственнымъ елеемъ; то же съ виномъ;
сїи предметы малоцѣнны до благословенія,
послѣ же освященія Духомъ, каждый изъ нихъ
дѣйствуетъ отличнымъ образомъ. Та же сила
слова производитъ такъ же почтеннаго и чест-
наго священника, новымъ благословеніемъ от-
дѣляя его отъ обыкновенныхъ простыхъ людей.
Ибо тотъ, кто вчера и прежде былъ однимъ изъ
многихъ, однимъ изъ народа, вдругъ оказы-
вается вождемъ, предстоятелемъ, учителемъ

благочестія, совершителемъ сокровенныхъ таинствъ; и такимъ онъ дѣлается, нисколько неизмѣнившись по тѣлу или по виду, но оставаясь по видимости такимъ же, какимъ былъ, нѣкоторою невидимою силою и благодатию преобразовался по невидимой душѣ, къ лучшему. Такимъ образомъ переносясь мыслію ко многимъ предметамъ, найдешь удобопрезираемымъ то, что является, а великимъ то, что имъ совершается, особенно же когда соберешь сродные тому, о чемъ идетъ рѣчь и подобные (примѣры) изъ ветхозавѣтной исторіи. Жезлъ Моисеевъ былъ орѣховаго дерева; и что онъ иное какъ не обыкновенное дерево, которое всякая рука рубить, и нести, и прилаживаетъ къ чему угодно, и по произволу бросаетъ въ огонь? Когда же Богъ восхотѣлъ сотворить чрезъ оный высокія и невыразимыя словомъ чудеса, дерево превращалось въ змія (Исх. 4, 2—5). И опять въ другой разъ, ударъ сего дерева по водамъ то содѣлывалъ воду кровью, то изводилъ безчисленное племя жабъ (Исх. 7, 17. 8, 6). За тѣмъ оно разсѣкало море до самой глубины, такъ что оно разошлось и несоединилось (Исх. 14, 20). Подобнымъ образомъ милоть одного изъ пророковъ, будучи козьею кожею, содѣлала Елисеязнаменитостію вселенной (4 Царств. 2, 13). А дерево креста есть спасеніе для всѣхъ людей, хотя оно часть, какъ слышалъ я, не важнаго растенія и цѣ-

нимаго менѣе многихъ другихъ. И кустъ терновника показалъ Моисею явленіе Бога (Исх. 3, 2) и останки Елисея воскресили мертваго

Царств. 13, 21), и брвеніе просвѣтило слѣпаго отъ рожденія (Іоан. 9, 6). Всѣ эти предметы, будучи веществами неодушевленными и безчувственными, послужили средствомъ для великихъ чудесъ, пріявъ силу Божию. На основаніи подобныхъ разсужденій мы утверждаемъ, что и вода, будучи ни чѣмъ инымъ, какъ водою, когда благословить ее благодать свыше, обновляетъ человѣка въ мысленное возрожденіе. Если же кто либо недоумѣвая и сомнѣваясь, станетъ утруждать меня постоянными вопросами и допытываться, какъ вода и совершаемое надъ нею тайнодѣйствіе возраждаетъ, то я могу сказать ему по всей справедливости: представь мнѣ образъ рожденія по плоти, и я расскажу тебѣ силу пакибытія по душѣ. Скажешь можетъ быть, какъ будто давая какое объясненіе: сѣмя есть причина, производящая человѣка. Итакъ выслушай взаимно и отъ насъ, что благословляемая вода очищаетъ и просвѣщаетъ человѣка. Если же опять возразишь мнѣ: какъ? Я еще сильнѣе воскликну тебѣ въ отвѣтъ: какъ влажная и безформенная сущность дѣлается человѣкомъ? Если пройдемъ нашимъ словомъ по всему творенію, то и относительно каждой вещи также затруднимся (отвѣчать). Какъ произошло небо? Какъ—земля?

Какъ море? Какъ каждая вещь порознь? Ибо повсюду человѣческая мысль, бизильная открытъ истину, прибѣгаетъ къ этой частицѣ *какъ*, подобно тому какъ не могущіе ходить, къ сѣдалищу. И коротко сказать: повсюду сила Божія и дѣйствіе непостижимы и неизслѣдимы, она легко дала бытіе всему, чему ни захотѣла, но сокрыла отъ насъ подробное знаніе своего дѣйствованія. Посему и блаженный Давидъ обративъ вѣкогда умъ свой на великолѣпіе творенія и исполнившись въ душѣ недоумѣніемъ предъ чудесами его, изрекъ сіи, всѣми прославляемыя слова: *возвеличишася дѣла твоя Господи: вся премудростію сотворишъ еси* (Пс. 103, 24). Премудрость онъ уразумѣлъ, а искусства премудрости не постигъ.

Итакъ оставивъ трудныя изслѣдованія, превышающія человѣческую силу, спросимъ лучше о томъ, что представляется (возможнымъ) уразумѣть хотя отчасти. Почему очищеніе (совершается) водою? И для какой потребности принимаются три погруженія? Чему и отцы научили, что и нашъ умъ согласно съ ними принимаетъ, есть слѣдующее. Мы признаемъ четыре стихіи, изъ которыхъ слагается міръ: онѣ извѣстны всѣмъ, хотя бы мы и молчали о названіяхъ ихъ. А если для болѣе простыхъ нужно сказать и названія ихъ, то онѣ суть: огонь, воздухъ, земля и вода. Итакъ Богъ и Спаситель нашъ, совершая о насъ домострои-

тельство, снизшелъ на четвертую изъ сихъ (стихій) подъ землю, чтобы отсюда возсіять жизнь. Мы же приѣмля крещеніе по подражанію Господу и учителю и вождю нашему, хотя въ землю не погребаемся (ибо она бываетъ покровомъ совершенно умершаго тѣла, сокрывая немощь и тлѣніе нашего естества), но нисходя въ сродную съ землею стихію, — воду, сокрываемся въ ней, какъ Спаситель въ землѣ. Дѣлая же сіе трижды, отображаемъ на себѣ тридневную благодать воскресенія, и дѣлаемъ это, не въ молчаніи принимая тавнство, но съ произнесеніемъ надъ нами именъ трехъ Святыхъ Ипостасей, въ которыя мы увѣровали, на которыя и уповаемъ, отъ которыхъ происходитъ и настоящее наше бытіе и будущее существованіе. Можетъ быть ты, дерзновенно ратующій противъ славы Духа, недоволенъ этимъ, и завидуешь чести Утѣшителя, которою чтутъ его благочестивые? Перестань же препираться со мною, и противорѣчь, если можешь, словамъ Господа, которыми законоположено для людей призываніе при крещеніи. Что же говорится въ повелѣніи Владыки? *Крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19.). Почему во имя Отца? Потому что Онъ начало всего. Почему во имя Сына? Потому что Онъ Зиждитель твари. Почему во имя Духа Святаго? Потому что Онъ совершительная сила всего. Итакъ

преклонимся Отцу, дабы освятиться; преклонимся и Сыну, да будетъ тоже самое, преклонимся и Святому Духу, да будемъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть и именуется (т. е. святыми.). Нѣтъ различія въ освященіи, какъ будто бы Отець освящаетъ болѣе, Сынъ же менѣе, и Святой Духъ менѣе ихъ обоихъ. Итакъ для чего же ты раздробляешь три Ипостаси на различныя естества и содѣлываешь трехъ боговъ, не подобныхъ другъ другу, когда отъ всѣхъ (ихъ) пріемлешь одну и ту же благодать?

Послужу же примѣры всегда дѣлають слово болѣе оживленнымъ для слушателей, то я хочу подобіемъ исправить образъ мыслей богохульствующихъ, земнымъ и низкимъ объясняя великое и незримое чувствами. Еслибы съ тобою случилось несчастье подвергнуться плѣну отъ непріятелей, стать рабомъ, бѣдствовать и оплакивать прежнюю свободу, которую имѣлъ, и вдругъ три извѣстные гражданина, прибывъ въ страну твоихъ владыкъ и тирановъ, освободили тебя отъ удручающей неволи, поровну заплативъ выкупъ и равномерно раздѣливъ между собою денежныя издержки: то получивъ такую милость, если будешь справедливо цѣнить благодѣяніе, неодинаково ли станешь смотрѣть на (всѣхъ) трехъ, какъ на благодѣтелей и не по равной ли части внесешь имъ долгъ за выкупъ, когда общими были и забота о тебѣ и издержки? Что ка-

сается до примѣровъ, то этого достаточно; ибо нынѣ мы не имѣемъ цѣлью оправдывать ученіе вѣры. Перейдемъ къ настоящему времени и къ предположенному изслѣдованію. Нахожу, что благодать крещенія не только послѣ крестнаго страданія возвѣстили Евангелія, но что и прежде вочеловѣченія Господа, Ветхозавѣтное Писаніе повсюду предобразовало образъ нашего пакибытія, не ясно являя видъ его, но гадательно предъизображая челоуколюбіе Божіе. И какъ агнецъ былъ предвозвѣщенъ, и крестъ предсказанъ, такъ и крещеніе было предуказано и въ дѣйствіяхъ и въ словѣ. Напомнимъ же любознательнымъ о сихъ прообразахъ, потому что время праздника необходимо требуетъ сего воспоминанія. Агарь, рабыня Авраама, повѣствованіе о которой и Павелъ иносказательно объясняетъ, бесѣдуя съ Галатами (Гал. 4, 22—28.), высланная изъ дома господина по причинѣ гнѣва Сарры (ибо тяжела для законныхъ женъ раба подозрѣваемая въ близости къ господину) одинокая шла по пустынной землѣ, имѣя при себѣ вскормленнаго ею Измаила. Поелику же оказался недостатокъ въ необходимомъ и сама она была на краю смерти и прежде нея дитя, такъ какъ вода бывшая въ мѣхѣ истощилась, (да и невозможно было Синагогѣ, доколѣ она вращалась только среди образовъ приснотекущаго Источника, имѣть

въ себѣ достаточно жизни); то неожиданно является ангелъ и показываетъ ей кладязь воды живой, почерпнувъ изъ котораго, спасаетъ Измаила. (Быт. 21, 14—20.). Итакъ обрати вниманіе на таинственный прообразъ, какъ въ самомъ началѣ погибающему (подавалось) спасеніе чрезъ живую воду, не бывшую прежде, но по благодати дарованную Ангеломъ. Опять, въ послѣдствіи времени должно было сочетаться бракомъ тому Исааку, ради котораго и Измаилъ былъ изгнанъ съ своею матерію изъ подъ отческаго крова. И служитель Авраамовъ, будучи посланъ сватомъ, чтобы привести невѣсту (своему) господину, находитъ Ревекку близъ колодца, и бракъ, отъ котораго имѣлъ произойти родъ Христовъ, получаетъ начало и первое соглашеніе при водѣ (Быт. 24, 11—27.). Также и самъ Исаакъ, когда водилъ стада, повсюду въ пустынѣ копалъ колодцы, которые иноплеменники заграждали и засыпали землю (Быт. 26, 15—23.), во образъ тѣхъ нечестивыхъ послѣдующаго времени, кои возбраняли и препятствовали благодати крещенія, противоборствуя истинѣ; однакоже копавшіе кладязи мученики и священники побѣдили и даръ крещенія наводнилъ всю вселенную. Тоже самое значеніе словъ (писанія) находимъ и въ томъ, что Иаковъ, спѣша къ супружеству, неожиданно встрѣтилъ Рахиль при колодцѣ; на колодцѣ же лежалъ большой

камень, который множество пастуховъ собираясь вмѣстѣ отваливали, чтобы такимъ образомъ добыть воды себѣ и овцамъ (Быт. 29, 1—10.). Но Иаковъ одинъ отваливаетъ камень и напаяетъ овецъ своей невѣсты. Это событие, думаю я, есть загадочное изображеніе и тѣнь будущаго. Ибо кто есть наложенный камень, какъ не самъ Христось? О немъ говоритъ Исаія: и положу *въ основаніе Сиону камень многоцѣненъ, избранъ, честенъ* (Ис. 28, 16); и Даниилъ подобнымъ же образомъ: *отслѣся камень безъ рукъ* (Дан. 2, 45.), то есть родился Христось безъ мужа. Ибо какъ необычайно и странно, чтобы камень отсѣлся отъ скалы безъ каменотесца и каменотесныхъ орудій, такъ и превъше всякаго чуда—видѣть рожденіе отъ безневѣстной Дѣвы.

Итакъ долгое время лежалъ на кладязѣ разумный камень,—Христось, скрывая во глубинѣ и тайнѣ баню пакибытія, имѣя еще нужду въ продолжительномъ времени, какъ бы въ долгой веревкѣ, чтобы быть открытымъ. И никто не отвалилъ камня кромѣ Израиля, который есть умъ, видящій Бога. Далѣе, онъ же и воду почерпаетъ и напаяетъ овецъ Рахили, то есть открывъ сокровенное таинство, подаетъ живую воду стаду Церкви. Присовокупи къ сему и то, что сказано въ Писаніи о трехъ жезлахъ Иакова. Съ того времени, какъ три жезла были положены при источ-

никѣ, богатый Лаванъ сталъ бѣднымъ, а Іаковъ богатымъ и имѣющимъ много овецъ (Быт. 30, 31—43.). Иносказательно же Лаванъ знаменуетъ діавола, а Іаковъ Христа. Ибо послѣ крещенія Христосъ взялъ все стадо отъ сатаны и сталъ самъ богатъ. Великій Моисей, въ то время какъ былъ прекраснымъ груднымъ младенцемъ, подпавъ общему и печальному опредѣленію, которое произнесъ жестокой Фараонъ на младенцевъ мужескаго пола, былъ оставленъ на берегу рѣки не нагой, но положенный въ ковчежецъ (Исх. 2, 3.); по тому что, иносказательно, закону надлежало быть въ ковчегѣ. Положенъ близъ воды; ибо законъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ благодатию и ежедневныя омовенія Евреевъ скоро въ послѣдующія времена должны были замѣниться совершеннымъ и дивнымъ крещеніемъ. А по мнѣнію божественнаго Павла и самый народъ, прошедшій Черное море, благоувѣствоваль спасеніе отъ воды (1 Кор. 10, 1—4.). Прошелъ народъ, а Египетскій царь съ войскомъ потонулъ; и это событіе предвозвѣщало таинство. Ибо и нынѣ, когда народъ, убѣгая отъ Египта,—злаго грѣха, нисходитъ въ воду пакнбытія, самъ онъ освобождается и спасается, а діаволъ съ своими слугами (говоря о духахъ злобы) задыхается отъ печали и бѣдствуетъ, почитая собственнымъ несчастьемъ спасеніе людей. Достаточно было бы

сего для доказательства того предмета, который предположили мы (раскрыть). Однакоже любознательный недолженъ оставлять безъ вниманія и того, что слѣдуетъ далѣе. Народъ Еврейскій много, какъ мы знаемъ, пострадавшій и окончившій тягостное странствованіе въ пустынѣ, не прежде получилъ землю обѣтованную, какъ перешедши подъ руководствомъ вождя и правителя своей жизни, Иисуса, Иорданъ. Иисусъ же, положивши въ потокъ двѣнадцать камней, очевидно симъ предъизобразилъ двѣнадцать учениковъ, служителей крещенія (Ис. Нав. 4, 9.). А удивительное и всякій человѣческій умъ превышающее священнодѣйствіе старца Освитянина чѣмъ было инымъ, какъ не предназначенованіемъ, самымъ дѣломъ, вѣры во Отца и Сына и Святаго духа и искупленія? Ибо когда весь Еврейскій народъ, поправъ отеческое благочестіе, ниспалъ въ заблужденіе многобожія, и Царь Ахаавъ тѣшился идолослуженіемъ, имѣя злою подругою жизни и всескверною учительницею нечестія ненавистную Іезавель; то исполнившійся духовной благодати и вышедшій на встрѣчу Ахааву пророкъ, при свидѣтеляхъ, — царѣ и всемъ народѣ, вступилъ въ удивительную и необычайную борьбу съ жрецами Ваала. Предложивъ имъ безъ огня принести въ жертву вола, онъ показалъ, какъ смѣшны и жалки напрасно молящіеся и вопіющіе къ

несуществующимъ богамъ. Наконецъ, призвавъ самъ своего истиннаго Бога, дивно совершилъ предложенную борьбу, многое прибавивъ и присовокупивъ; ибо не просто помолившись низвелъ съ неба огонь на бывшія тамъ сухія дрова но, повелѣвъ и приказавъ слугамъ принести много воды и троекратно поливъ дрова изъ водоносовъ, молитвою возжегъ огонь изъ воды, дабы чрезъ необычайное соединеніе въ сродство и содѣйствіе' противоположныхъ по природѣ стихій съ большею необычайностію показать силу своего Бога. (3 Царств. 18, 16—40.) Такъ, симъ дивнымъ священнодѣйствіемъ Ілія ясно предвозвѣстилъ намъ объ имѣющемъ совершиться въ послѣдствіи тайнодѣйствіи крещенія. Ибо троекратно возлитою водою возжигается огонь для того, чтобы показать, что гдѣ таинственная вода, тамъ и духъ воспламеняющій, горящій, огневидный, нечестивыхъ сожигающій, а вѣрныхъ освѣщающій. Также и ученикъ его Елиссеи, пришедшаго къ нему просителя, болѣвшаго проказою Неемана Сиріянина, омывши въ Іорданѣ, очищаетъ отъ болѣзни, употребленіемъ воды вообще и погруженіемъ въ рѣкъ въ частности, ясно предназначаема будущее (4 Царствъ 5. 1—15.). Ибо изъ рѣкъ одинъ Іорданъ, пріявъ въ себя начатокъ освященія и благословенія, какъ бы изъ нѣкотораго образнаго источника излилъ

Handwritten signature or initials, possibly "И. И. И."

Дисп. Ч. VIII.
ИЗДАНИЕ

Москва

всему міру благодать крещенія. Все это указанія на пакибытіе чрезъ баню (крещенія) въ самыхъ дѣлахъ и событіяхъ.

Посмотримъ наконецъ на пророчества въ словахъ и реченіяхъ. Итакъ Исаія вопіеть, говоря: *измойтеся, чисти будете, отымите лукавства отъ думъ вашихъ* (Ис. 1, 16.). Давидъ же: *приступите къ нему и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся* (Псалм. 33, 6.). А Іезекиль, пиша яснѣе и понятнѣе, даетъ прекрасное обѣтованіе: *и выкроплю на вы воду чисту, и очиститесь отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ, и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ очищу васъ, и дамъ вамъ сердце ново, и духъ новъ дамъ вамъ, и отиму сердце каменное отъ плоти вашей, и дамъ вамъ сердце плотяно, и духъ мой дамъ въ васъ* (Іезек. 36, 25. 26.). Яснѣе же всего пророчествуеть Захарія, (изображая) Иисуса облеченнымъ въ одежду нечистую, то есть нашу рабскую плоть; совлеки же съ него мрачное одѣяніе украшаетъ его въ одежду чистую и свѣтлую (Захар. 3, 1—6.), симъ образнымъ примѣромъ научая насъ, что въ крещеніи Иисусовомъ всѣ мы совлекаясь грѣховъ, какъ бы вищенскаго и изъ лоскутьевъ сшитаго хитона, облакаемся въ священную и прекраснѣйшую (одежду) пакибытія. Гдѣ же помѣстимъ мы я оное изреченіе Исаіи, зывающаго къ пустынь: *радуйся пустыня жаждающая, да веселится пустыня: и да цвѣтетъ*

яко кринъ. *И процвѣтетъ и возвеселится пустыня Иорданова* (Исаи 35, 1. 2.). Ясно, что не безжизненнымъ и безчувственнымъ мѣстамъ благовъствуетъ радость, но подъ пустынею образно разумѣеть грубую и не благоустроенную душу. Это разумѣеть и Давидъ, когда говорить: *душа моя, яко земля безводная* (Пс. 142, 6.), и опять: *возжажда душа моя къ Богу крѣпкому, живому* (Пс. 41, 3.). Въ Евангеліи также (говорить) Господь: *аще кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37.); и къ Самарянкѣ: *всякъ пій отъ воды сея вжаждется паки: а иже пьетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки.* (Іоан. 4, 13. 14.). *И честь кармилова* (Ис. 35, 2.) дастся душѣ имѣющей подобіе съ пустынею, то есть благодать отъ Духа (святаго). Такъ какъ Ілія обиталъ на Кармилѣ, гора же эта сдѣлалась знаменитою вслѣдствіе добродѣтели и славы обитавшаго на ней, а Іоаннъ креститель возсіавшій въ духѣ Іліи (Лук. 1, 17.) освятилъ Іорданъ; то посему пророкъ предвозвѣстилъ, что сей рѣкѣ дана будетъ честь Кармилова. *И славу Ливанову* (Ис. 35, 2.) отнесъ къ рѣкѣ, по сравненію съ высокими деревьями, ибо какъ оный Ливанъ имѣетъ достаточный предметъ для удивленія, — самыя деревья, которыя произращаетъ и питаетъ: такъ и Іорданъ прославляется за то, что возраждаетъ и насаждаетъ въ раю

Божию людей, всегда цвѣтущихъ и осыпанныхъ добродѣтелями, которыхъ листъ, по словамъ псалма, не *отпадетъ* (Пс. 1, 3.), а плодамъ, въ свое время снятымъ, возвеселится Богъ какъ добрый насадитель, веселящійся собственными дѣлами. Пророчествовалъ божественный Давидъ и о гласѣ, который Отецъ съ небесъ изрекъ надъ крещающимся Сыномъ, дабы слышавшихъ оный, кои до тѣхъ поръ видѣли только чувственную уничиженность Его какъ чловѣка, привести къ познанію естественнаго достоинства Его божества. Въ книгѣ (Псалмовъ) Онъ написалъ слѣдующее: *маса Господень на водахъ, маса Господень въ великолѣпнн* (Пс. 28, 3. 4.). Но что касается до свидѣтельствъ изъ божественныхъ писаній, то мы остановимся здѣсь; ибо слово разширилось бы до безграничныхъ размѣровъ, если бы кто захотѣлъ, изъясняя все порознь, изложить въ одной книгѣ.

Вы же всѣ, которые красуетесь даромъ пакибытія и хвалитесь спасительнымъ обновленіемъ, покажите мнѣ, послѣ (полученія) таинственной благодати, перемѣну нравовъ, и чистотою образа жизни дайте знать о различіи измѣненія къ лучшему. Ибо въ томъ, что видимо для глазъ, ничто не перемѣнилось; черты тѣла остаются тѣми же самими, и наружный видъ видимаго естества не измѣняется. Но вполне необходимо какое нибудь ясное ука-

заніе, по которому мы признали бы только что рожденнаго челоуѣка, по какимъ нибудь яснымъ признакамъ различая новаго (челоуѣка) отъ ветхаго. Такіе признаки, думаю я, состоятъ въ свободныхъ движеніяхъ души, по которымъ она, отдаляясь отъ древняго привычнаго образа жизни и вступая на новый путь ея, ясно покажетъ знающимъ ее, что она содѣлалась другою, не оставивъ на себѣ никакой ветхой примѣты. Способъ же сего преобразования, если повѣришь мнѣ, сохраните (мое) слово, какъ законъ, будетъ таковъ. Если кто до крещенія былъ невоздержнымъ, любостыжательнымъ, хищникомъ чужаго, обидчикомъ, лжецомъ, клеветникомъ, или преданъ подобнымъ и близкимъ къ симъ порокамъ; тотъ пусть будетъ нынѣ благодѣтельнымъ, цѣломудреннымъ, довольнымъ своимъ и отъ своего подающимъ тѣмъ, кто находится въ бѣдности, правдолюбивымъ, почтительнымъ, благосклоннымъ, коротко сказать,—подвигающимся во всякомъ похвальномъ дѣлѣ. Ибо, какъ свѣтомъ разсѣивается тьма, и какъ червотѣ исчезнетъ, когда будетъ закрашена бѣлою краскою; такъ и ветхій челоуѣкъ исчезнетъ, когда его украсятъ дѣла правды. Видишь, какъ и Закхей измѣненіемъ образа жизни умертвилъ въ себѣ мыгаря, возвративъ и отдавъ въ четверо тѣмъ, коимъ не право причинилъ ущербъ. (Лук. 19, 8.). Евангелистъ Матѳей, другой

мытарь, занимавшійся тѣмъ же дѣломъ, что и Закхей, послѣ призванія (Матѳ. 9, 9.) тотъ часъ перемѣнилъ жизнь, какъ бы какую личину. Гонителемъ былъ Павелъ, но послѣ (пріятія) благодати сталъ Апостоломъ, и понесъ за Христа тяжкія узы, въ знакъ воздаянія и роскаянія за тѣ несправедливыя узы, которыя взявъ у закона несъ возложить на Евангеліе (Дѣян. 9, 1—3.). Таковымъ должно быть возрожденіе; такъ должно изглаживать привычку ко грѣху; такъ должно жить сынамъ Божиимъ; ибо мы зовемся послѣ (полученія) благодати сынами Божиими. По сему должно тщательно присматриваться къ свойствамъ нашего Родителя, чтобы образуя себя и свою жизнь по подобію Отца, мы явились истинными чадами Того, Кто призвалъ насъ къ благодатному усыновленію. Ибо если кто отеческое благодетство не оправдываетъ дѣлами, то это дурной признакъ: онъ незаконно-рожденный, подкидышъ. По сему кажется мнѣ, и Господь въ Евангеліи, устанавливая намъ правила жизни, употребилъ такія выраженія (обращаясь) къ ученикамъ: *добро творите невидящихъ васъ, молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгоняющъ вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесехъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и блвыя, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.* (Матѳ. 5, 44. 45.). Ибо тогда, говоритъ, будутъ сынами, когда въ своихъ по-

мыслахъ впечатлѣютъ подобіе отеческой бла-
гости, въ человѣколюбіи къ ближнимъ.

Посему и діаволь, послѣ (полученія нами)
достоинства усыновленія, сильнѣе злоумыш-
ляетъ противъ насъ, бросая завистливые взоры,
когда видитъ красоту новорожденного чело-
вѣка, спѣшащаго къ небесному жительству,
откуда онъ низпалъ и возбуждаетъ на насъ
огненные искушенія, стараясь отнять и второе
украшеніе, какъ отнялъ первое. Но когда по-
чувствуемъ его нападенія, должны прилагать
къ себѣ апостольское изреченіе: *елицы во*
Христа крестихомся, въ смерть его крестихомся
(Рим. 6, 3.). Если же мы содѣлались подобны
смерти его (Филип. 3, 10.), то за тѣмъ грѣхъ
въ насъ совершенно мертвъ, будучи пронзенъ
копьемъ крещенія, какъ онъ блудникъ ревни-
телемъ Финеесомъ (Числ. 25, 8.). Итакъ бѣги
отъ насъ, ненавистный, ибо хочешь ограбить
мертвого, древле бывшаго въ союзѣ съ тобою,
нынѣ потерявшаго способность ощущать удо-
вольствія. Мертвый не питаетъ любви плотской,
мертвый не увлается богатствомъ, мертвый
не клеветаетъ, мертвый не лжетъ, не похи-
щаетъ того, что не принадлежитъ ему, не
оскорбляетъ кого ни случится. Для другой
жизни указаны мнѣ правила жизни; я наученъ
презирать мірское, оставлять безъ вниманія
земное, спѣшить къ небесному, какъ опре-
дѣленно свидѣтельствуешь Павелъ, что міръ

ему *распяся* и онъ міру (Галат. 6, 14.). Вотъ рѣчи души истинно возрожденной; вотъ слова новопосвященнаго человѣка, помнящаго собственное обѣщаніе, которое онъ далъ Богу при сообщеніи ему таинства, — обѣщаніе пренебрегать всякимъ и мученіемъ и удовольствіемъ ради любви къ Нему.

Сказаннаго нами достаточно для священнаго предмета дня, который круговращающійся годъ привелъ намъ въ урочное время. Хорошо же заключить словообращеніемъ къ человѣколюбивому подателю такого дара, вознося малый гласъ въ воздаяніе за великія дѣла. Ибо Ты, Владыко, по истинѣ чистый и приснотекущій источникъ благостыни, Ты справедливо отвратился отъ насъ и человѣколюбиво помиловалъ насъ; возненавидѣлъ и примирился съ нами; проклялъ и благословилъ, изгналъ изъ рая и опять призвалъ; снялъ съ насъ листья смоковницы, — постыдный покровъ, и облекъ одеждою многоцѣнною; отверзъ темницу и освободилъ осужденныхъ; окропилъ водою чистою и очистилъ отъ сквернъ. Уже не будетъ стыдиться призываемый тобою Адамъ, и не станетъ скрываться обличаемый совѣстію, хоронясь подъ кустомъ рая. Уже не станетъ огненный мечъ ограждать рая, дѣлая входъ недоступнымъ для приближающихся къ нему. Но все для насъ, наследниковъ грѣха, измѣнилось къ радости. Доступенъ человѣку рай

и самое небо; пришла въ дружественное согласіе тварь, какъ въ мірѣ, такъ и превыше міра, древле враждовавшая между собою, и мы люди стали согласны съ ангелами, благочестиво исповѣдуя ихъ божество. По всему этому, воспоемъ пѣснь радости Богу, которую древле пророчески возгласили уста, одушевленные Духомъ: *да возрадуется душа моя о Господь: облече бо мя въ ризу спасенія, и одеждою веселія одя мя: яко на жениха возложи на мя вѣнецъ, и яко невѣсту украси мя красотою* (Псалм. 61, 10.). Украситель же невѣсты, конечно, есть Христосъ, сый и прежде Сый и грядый, благословенный нынѣ и во вѣки. Амнь.

С Л О В О

НА СВЯТУЮ ПАСХУ, И О ТРИДНЕВНОМЪ СРОКѢ
ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА.

Если какое благословеніе, данное патріархамъ Духомъ Божественнымъ, подтвердилось, если какое благо, обѣщанное духовнымъ законодательствомъ, исполняющимъ оное ожидается, если въ загадочныхъ событіяхъ (Священной) исторіи усматривается вѣроуказное предначертаніе истины, если какой пророческій голосъ благовѣствовалъ о сверхъестественномъ; то все сіе есть дѣло настоящей благодати. И какъ въ подлежащемъ нашимъ глазамъ зрѣлищѣ наши взоры озаряетъ одинъ свѣтъ, соединяющійся отъ безчисленныхъ свѣтильниковъ; такъ и все Христово благословеніе, само по себѣ блистающее, на подобіе пламенника, проливаетъ намъ сей великій свѣтъ, слагающійся изъ многихъ и различныхъ лучей писанія. Ибо отъ каждого изъ боговдохновенныхъ указаній можно заимствовать что либо приличное настоящему

празднеству. Спросишь ли о смыслѣ благо-
 словенія Авраамова? (Быт. 26, 4.). Найдешь
 искомое, взирая на настоящее. Видишь ли
 звѣзды небесныя,—я говорю о звѣздахъ, отъ
 Отца нашего прекрасно возсіявшихъ и содѣ-
 лавшихъ церковь цѣлымъ небомъ,—о звѣздахъ,
 благодать отъ которыхъ, озаряющую душу,
 означаютъ лучи свѣгильниковъ? И называющій
 ихъ по истинѣ чадами Авраама. родившимися
 ему по обѣтованію, небеснымъ звѣздамъ по-
 добными, не погрѣшитъ противъ истины.
 Удивляешься ли возвышенному Моисею, силою
 вѣдѣнія объявшему все Божіе твореніе? Вотъ
 тебѣ благословенная суббота перваго міро-
 творенія. Черезъ ту субботу познай сію субботу,
 день успокоенія, который Богъ благословилъ
 преимущественно предъ иными днями. Ибо
 въ оный истинно успокоился отъ всѣхъ дѣлъ
 своихъ Единородный Богъ, промыслительнымъ
 воспріятіемъ смерти субботствовавшій пло-
 тію, и опять возшедши туда, гдѣ былъ, вос-
 кресеніемъ совоскресилъ съ Собою все лежа-
 щее, содѣлавшись жизнію; и воскресеніемъ,
 и востокомъ, и днемъ для сѣдящихъ во тьмѣ
 и сѣни смертной (Ис. 9, 2.). (Священная)
 Исторія полна (примѣрами) подобнаго благо-
 словенія. Отецъ Исаака не щадитъ сего воз-
 любленнаго; единородный содѣлывается при-
 ношеніемъ и жертвою, и вмѣсто него закалается
 агнецъ (Быт. 22, 1—13): въ этомъ повѣст-

вованіи можно видѣть все таинство благочестія, Агнецъ зацѣпляется за дерево, *держимый рогами*; единородный для себя самого несетъ дрова ко всесожженію: видишь ли, какъ все носящій *магомлѣ силы*, Самъ и несетъ бремя нашихъ дровъ (т. е. грѣховъ), и древомъ воспринимается, неся какъ Богъ, и возносимый какъ Агнецъ? такъ Духъ Святой образно раздѣлилъ великое таинство между обоими—возлюбленнымъ сыномъ и вмѣстѣ указаннымъ агнцемъ, чтобы показать въ агнцѣ таинство смерти, въ единородномъ же—жизнь, неразрушаемую смертію. Если хочешь взять и самого Моисея, воздвѣніемъ рукъ изображающаго крестъ и симъ знаменіемъ обращающаго въ бѣгство Амалика (Исх. 27, 11—13.), то можешь видѣть осуществленіе сего образа, и Амалика—покоряющимся кресту. Имѣешь и Исаію, не мало приносящаго тебѣ для уясненія настоящей благодати. Ибо отъ него ты предуаченъ о безневѣстной матери, о безотчей плоти, о безболѣзненной болѣзни раждающей, о нескверномъ рожденіи. Такъ говоритъ пророкъ: *се двѣ во чревь прииметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ, еже есть съ нами Богъ* (Ис. 7, 14, Мате. 1, 23.). Что же касается до того, что дѣторожденіе было безболѣзненно, то прежде узнай, что такъ и надлежало сему быть. Такъ какъ всякое наслажденіе соединеность страданіемъ, то совершенно необходимо, чтобы когда изъ (сихъ) двухъ нераздѣльно

мыслимыхъ состояній, нѣтъ одного, не было и другаго; посему гдѣ страстное удовольствіе не предшествовало рожденію, тамъ не послѣдовало и болѣзни (рожденія). Потомъ эту мысль подтверждаетъ и пророческое слово, говоря такъ: *прежде неже пріити труду, чревоболнїя избѣже, и породи мужескъ полъ* (Ис. 66, 7.); или, какъ сказалъ другой толкователь, прежде нежели мучилась родами, родила. Отъ этой, говоритъ пророкъ, Дѣвы Матери, *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, ея же начальство бысть на рамп ея. велика совѣта Ангелъ* и такъ далѣе. (Ис. 9, 6.) Сіе отроча, сей сынъ яко овца на заколнїе ведеса, и яко онецъ предъ стрищущимъ его безгласенъ (Ис. 53, 7.), лучше же, какъ сказалъ Іеремія, онъ яко аня незлобное ведомое на заколеніе. Онъ есть тотъ хлбъ, въ который *влагаютъ древо* враги хлѣба и древа (Іер. 11, 19.). Наиболѣе же очевидное и ясное указаніе получаемъ отъ пророка, чрезъ котораго ясно преднаписано таинство,—говорю объ Іонѣ, безвредно сокрывшемся въ китѣ и безъ болѣзни изшедшемъ изъ кита, и тремя днями и столькими же ночами, (проведенными) во внутренностяхъ кита, преднаписавшемъ пребываніе Господа во адѣ. (Іон. 2, 1—11.). Сіе и сему подобное надлежало бы изыскивать и выбирать изъ каждой книги Писанія; ибо все сіе видишь въ настоящемъ. На настоящемъ

свѣтломъ празднествѣ *весь законъ и пророцы висятъ* (т. е. утверждаются), какъ говоритъ нѣгдѣ Евангеліе (Матѣ. 22, 40.), и всякое Боговдохновенное слово и законъ, по слову Павла. совершаются въ сей благодати (2 Тим. 3, 16.). Ибо здѣсь и конецъ страданій и начало благъ. Скажу наиримѣрь, — *царствова смерть отъ Адала* (Рим. 5, 14.), получивъ начало тлетворной силы; но ея злая держава продолжилась и до Моисея, и законъ нисколько не обуздавъ злое могущество смерти. Пришло царство жизни, и разрушилась держава смерти: явилось иное рожденіе, другая жизнь, иной образъ жизни, претвореніе самой природы нашей. Сіе рожденіе *не отъ крове, ни отъ похоти мужескія, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога произошло* (Юан. 1, 13.). Какъ же это? Ясно выскажу и представлю тебѣ сію благодать. Сей плодъ вѣроу чревоносится, возрожденіемъ крещенія изводится на свѣтъ; кормилица его есть церковь, сосцы, — наставленія; пища, — хлѣбъ свыше; совершеніе возраста, — высокая жизнь; бракъ — сожитіе съ мудростію: чада, — надежды: дома, — царство; наследіе и богатство, — наслажденіе въ раю, конецъ же, — вмѣсто смерти, жизнь вѣчная въ блаженствѣ предстоящемъ святымъ. И великій Захарія видитъ сіе начало переменны къ лучшему и сомнѣвается о нареченіи имени: какъ должно надлежащимъ образомъ назвать настоящую

благодать; потому что перечисляя другія чудеса, относящіяся къ страданію, говоритъ и то о семъ времени, что оно *не день и не ночь* (Зах. 14, 7.), чрезъ что показываетъ, что оно не можетъ быть названо днемъ; потому что нѣтъ солнца, и не есть ночь; потому что нѣтъ тмы; ибо какъ говоритъ Моисей: *Богъ тлу нарече ночь* (Быт. 1, 5.). Итакъ поелику по времени—ночь; по свѣту же—день; то пророкъ и сказалъ: *и не день, и не ночь.*

Если же сіе время, по слову пророка, не есть ночь, то настоящая благодать именуется и есть нѣчто совершенно иное въ сравненіи съ симъ. Хотите ли скажу, что мнѣ пришло на мысль? *Сей есть день, его же сотвори Господь* (Пс. 116, 24), онъ,—иной, отличный отъ дней созданныхъ въ началъ (Быт. 1, 5.), Ибо въ сей день творитъ Господь новое небо и землю новую, какъ говоритъ пророкъ (Ис. 65, 17.), Какое небо? Твердь вѣры во Христа. Какую землю? То есть благое сердце, какъ сказалъ Господь,—землю пьющую падающій на нее дождь и плодоносящую обильный колосъ (Евр. 6, 7.). Въ семъ твореніи солнце есть чистая жизнь, зѣзды — добродѣтели, воздухъ—свѣтлая общественная дѣятельность; море—глубина богатства мудрости и знанія, травы и произрастенія—доброе ученіе и божественные догматы, на которыхъ пасется народъ паствы, то есть стадо Божіе; плодоносныя

деревья—исполненіе заповѣдей. Въ семь твореніи создается истинный человѣкъ, по образу и подобію Божию. Не новымъ ли міромъ кажется тебѣ сіе начало,—*день, ею же сотвори Господь*,—день, о которомъ говорятъ пророкъ Захарія, что онъ ни день сравнительно съ другими днями, ни ночь сравнительно съ другими ночами? Но наше слово еще не возвѣстило превосходнѣйшаго о настоящей благодати. Она уничтожила скорбь смертную; она произвела первенца изъ мертвыхъ; ею сокрушены желѣзныя врата смерти; ею уничтожены мѣдныя запоры ада. Нынѣ отверзается темница смерти; нынѣ плѣннымъ возвѣщается освобожденіе; нынѣ слѣпымъ дается прозрѣніе; нынѣ сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной посѣщаетъ Востокъ свыше (Лук. 1, 58; Ис. 9, 2.).

Желаете ли узнать что нибудь и относительно тридневнаго срока? Довольно узнать только то, что для всемогущей Премудрости, бывшей въ сердцѣ земли, для Господа, довольно было и столь малаго промежутка времени, чтобы оный великій умъ, въ ней обитающій, обьюродѣлъ; ибо такъ именуеть его пророкъ, называя его великимъ умомъ и княземъ Ассирійскимъ (Ис. 10, 11.). Итакъ поелику сердце есть нѣкоторое жилище ума: ибо въ сердцѣ пребываетъ, какъ думаютъ, властвующая сила души; то посему Господь нисходитъ въ сердце земли, которое замѣняетъ небесное

жилище для онаго ума, чтобы содѣлать безумнымъ его совѣтъ, какъ говоритъ пророкъ (Ис. 19, 11.), уловить мудраго въ коварствѣ его и обратить противъ негоже его лукавыя предприятия (Иов. 5, 12—13.). Начальнику тьмы невозможно было приблизиться къ пришедшему чистому свѣту, если бы онъ не узрѣлъ въ немъ нѣкоторой части плоти; по сему какъ скоро увидѣлъ богоносное тѣло, а вмѣстѣ увидѣлъ и содѣваемыя самимъ Божествомъ чудеса, то возимѣлъ надежду, что если чрезъ смерть овладѣетъ плотію, то овладѣетъ и всюю въ ней находящеюся силою. И посему проглотивъ приманку плоти, пронзается удою божества, и такимъ образомъ змій приведенъ удою, какъ сказалъ Иовъ, предвозвѣстившій имѣвшее быть чрезъ него, говоря: *извлечеш ли змїя удицею* (Иов. 40, 20.). Послушаемъ же у пророка, что замышляло противъ вселенной самое сердце земли, когда разверзло пасть на Господню плоть. Что говорить ему въ обличеніе Исаїа? *Ты рекл еси въ сердцѣ твоємъ: на небо възду, выше облакъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему* (Ис. 14, 13—14.). Такъ замышляло о себѣ злое сердце. А какъ еще прежде сей великій во злѣ ѹмъ, злой Ассиріянинъ, разсуждалъ съ собою, о томъ опять послушаемъ слова Исаїа: *сіе рече: крѣпостію руки моея сотворю, и премудростію разума отгнму предѣлы языковъ, и силу ихъ пльню:*

и сотрясу грады населенныя, и вселенную всю обилу рукою моею яко гнѣздо, и яко оставленная ящца возму и нѣсть, иже убѣжитъ мене, или противу мнѣ речетъ (Ис. 10, 13—14.). Съ такою надеждою онъ принимаетъ въ себя Того, кто по челоуколюбно низшелъ въ дольняя земли. А что съ нимъ было вмѣсто того, чего надѣялся, о томъ ясно повѣствуетъ пророчество, говоря о его страданіи: *како спаде съ небесе денница, како сокрушился на земли тотъ, которому подостлана гнилость, котораго одеждою служить покровъ изъ червей (Ис. 14, 11—12.),* и прочее, что говорится о его гибели, что желающій можетъ съ точностію узнать изъ самыхъ писаній; мнѣ же нужно обратиться опять къ цѣли слова.

Для того истинная Премудрость и посѣщаетъ велерѣчивое сіе сердце земли, чтобы уничтожить въ ней великій во злѣ умъ и просвѣтить тьму, чтобы смертное было поглощено жизнью, а зло обратилось въ ничтожество, по истребленіи послѣдняго врага, который есть смерть (1 Кор. 15, 26.). Вотъ что совершено для тебя въ тридневный срокъ. Не медлительна благодать? Не въ очень продолжительное время совершено такое благо?—Желаешь ли знать могущество силы, совершившей (столь многое) въ столь краткое время? Изчисли мнѣ всѣ мимошедшія поколѣнія людей, (начиная) отъ перваго появленія зла (въ мірѣ)

и до его уничтоженія: сколько человекъ въ каждомъ поколѣнн и сколько тысячъ можно ихъ насчитать? Не возможно объять числомъ множествъ тѣхъ, въ которыхъ по преемству распространялось зло; худое богатство порока, раздѣляясь каждому изъ нихъ, каждымъ увеличивалось, и такимъ образомъ плодородное зло перешло въ непрерывно слѣдующія поколѣнн, разливаясь по множеству людей до безконечности, пока, дошедши до самаго крайняго предѣла, овладѣло всѣмъ человѣческимъ естествомъ, какъ прямо сказалъ пророкъ о всѣхъ вообще: *вси уклонишася, вкупѣ неключими быша* (Пс. 13, 3.), и не было ничего въ сущемъ, что не было бы орудіемъ зла. Итакъ уничтожившій въ три дня такое скопленіе зла, собиравшееся отъ устроенія міра до совершенія нашего спасенія чрезъ смерть Господа, — ужели малое далъ для тебя доказательство превосходной силы? Не сильнѣе ли оно всѣхъ (упоминаемыхъ) въ священ-ныхъ повѣствованіяхъ чудесь? Ибо какъ чудо Самсона тѣмъ особенно велико, что онъ не только одолѣлъ льва, но и безъ труда умертвилъ его голыми и невооруженными руками, какъ бы шутя разорвавъ звѣря; такъ и то, что Господь безъ всякаго труда уничтожилъ такую злобу, есть наисильнѣйшее доказательство превосходнаго могущества. Не потоки неизмѣримыхъ водъ, съ верхнихъ стремнинъ.

падающіе внизъ, ни бездны, переполняющія собственные предѣлы и морями наводняющія землю, сокрывающія въ глубинѣ водъ всю вселенную, подобно кораблю съ людьми, дѣлающія подводными горы и затопляющія вершины горъ, ни потоки пламени по подобію Содома, огнемъ очищающіе развращенное, ни что нибудь другое подобное, но одно простое и непостижимое пришествіе Жизни и присутствіе Свѣта для сидящихъ во тмѣ и тѣни смертной, произвело полное исчезновеніе и уничтоженіе тмы и смерти. Прибавить ли что нибудь еще къ сказанному? Зло зародилось въ змѣ; искушеніемъ змѣя побѣждена жена; за тѣмъ женою побѣжденъ мужъ; зло получило бытіе чрезъ трохъ. Къ чему я воспоминаю объ этомъ? Изъ порядка въ злѣ можно уразумѣть нѣкоторый порядокъ добра. Замѣчаю сіи три сосуда зла: первый, въ которомъ (зло) сначала образовалось; второй, въ который перешло; третій, въ которомъ послѣ возрасло. Итакъ поелику зло распространилось въ сихъ трехъ (сосудахъ), то есть въ діавольскомъ естествѣ, въ женскомъ полѣ, и въ совокупности мужей; то посему и болѣзнь уничтожается соотвѣтственно съ симъ въ три дня; каждому роду заболѣвшихъ зломъ на врачеваніе отдѣляется одинъ день: въ одинъ день освобождаются отъ болѣзни мужи; въ другой—врачуется женскій полъ; въ послѣдній,

упраздняется послѣдній врагъ,—смерть и вмѣстѣ съ нимъ уничтожаются его спутники: начала, власти и силы враждебныхъ и первенствующихъ силъ (зла). Не удивляйся, что созданіе добра раздѣляется временными промежутками. Ибо и при первомъ произведеніи міра божественная сила не слаба была, чтобы во мгновеніе совершить все сущее; но не смотря на то при созиданіи сущаго опредѣлила быть и временнымъ промежуткамъ. И какъ тамъ, въ первый дѣнь совершена часть творенія, а во второй—другая, и за тѣмъ по порядку такимъ же образомъ совершено все сущее, такъ что Богъ въ опредѣленные дни благоустроилъ все твореніе; такъ и здѣсь по неизглаголанной мысли его премудрости, въ три дня изгоняется зло изъ существующаго,—изъ мужей, изъ женъ и изъ рода змій, въ которыхъ первыхъ получило бытіе естество зла.

Впрочемъ о причинѣ числа дней мы только предполагаемъ это; вѣрно сіе или нѣтъ, оставимъ на судъ слушателей; ибо слово (наше) не есть рѣшеніе, но упражненіе и изысканіе. Если же хочешь точно узнать опредѣленный срокъ этихъ дней страданія, (ибо въ числѣ не малаго не достанетъ, если станешь считать время съ девятаго часа пятницы, въ который (Господь) предалъ духъ въ руки отчія); то нѣсколько помедли, и можетъ быть слово объ-

яснить тебѣ это. Какое же слово? Обрати взоръ на величіе божественной силы, и узнаешь то, о чемъ здѣсь спрашиваешь. Вспомни объ изреченіи Господнемъ, что объявляетъ о Себѣ имѣющій державу надъ всѣмъ, какъ самодержавною властію, а не по необходимости естественной Онъ разлучаетъ душу отъ тѣла. Онъ говоритъ: *никто же возметъ душу Мою, но Азъ полагаю ю о Себѣ. Область имамъ положить ю, и область имамъ паки пріяти ю.* (Иоан. 10, 18.). Какъ скоро это мнѣ твердо извѣстно, то и искомое уясняется. Ибо всѣмъ Правящій совладычнымъ самовластіемъ неждетъ принужденія (къ страданію) отъ предательства, не ожидаетъ для того разбойническаго нападенія Иудеевъ, ни незаконнаго суда Пилатова, чтобы ихъ злоба была началомъ и причиною общаго спасенія людей; но своимъ домостроительствомъ самъ предупреждаетъ ихъ наступленіе способомъ священнодѣйствія неизреченнымъ и людьми невиданнымъ, самаго Себя приносить въ приношеніе и жертву за насъ, будучи вмѣстѣ священникомъ и агнцемъ Божиимъ, вземлющимъ грѣхъ міра. Когда же это? Когда предложивъ ядомое тѣло Свое въ пищу, ясно показалъ, что жертвоприношеніе агнца уже совершилось. Ибо жертвенное тѣло не было бы пригодно къ яденію, если бы было еще одушевлено. Итакъ когда (Господь) преподалъ ученикамъ тѣло для яденія и кровь для

питія, то свободою властію Домостроителя таинства тѣло Его неизреченно и невидимо уже было принесено въ жертву, а душа была въ тѣхъ мѣстахъ, куда пренесла ее власть Домостроительствующаго, вмѣстѣ съ соединенною съ нею божественною силою; она обходила оную страну въ сердцѣ (земли). Итакъ считающій время отъ того часа, когда Богу принесена была жертва великимъ Архіереемъ, неизглаголанно и невидимо священнодѣйствовавшимъ Себя самага, какъ агнца, за общій грѣхъ, не погрѣшитъ противъ истины. Ибо былъ вечеръ, когда снѣдено было сіе священное и святое тѣло. За сѣмъ вечеромъ послѣдовала ночь предъ пятницею. Далѣе—день пятницы, разсѣченный вводною ночью, раздѣляется на одну ночь и два дня. Ибо если Богъ *тму нарече ночь* (Быт. 1, 5.), а въ продолженіи трехъ часовъ была тма по всей вселенной, то эта тма и есть ночь, новораздѣлившая день по срединѣ, разграничившая собою два отдѣла дня, одинъ, — отъ разсвѣта до шестаго часа, другой, — отъ девятаго (часа) до вечера. Такимъ образомъ доселѣ было два дня и двѣ ночи. Далѣе, —ночь предъ субботою и съ нею день субботы, — ты имѣешь три ночи.

Наконецъ изслѣдуй время воскресенія, и найдешь истину сказаннаго. Когда послѣдовало воскресеніе? *Въ вечеръ субботный* —

провозглашаетъ Матѳеѣй (Матѳ. 28, 1.). Итакъ вотъ (самый) часъ воскресенія по гласу Ангела. Вотъ предѣлъ пребыванія Господа въ сердцѣ земли. Ибо когда былъ уже глубокой вечеръ, начинавшій собою ту ночь, за которою послѣдовалъ первый изъ (послѣ) субботнихъ дней; тогда произошло землетрясеніе; тогда блистающій одеждою Ангелъ отвалилъ камень надгробный. А жены вставшія незадолго до утра, когда уже появлялся дневной свѣтъ, такъ что показывалось и нѣкоторое сіяніе восходящаго солнца, возвѣщаютъ уже совершившееся воскресеніе; о чудѣ онѣ узнали, часъ же не былъ имъ открытъ. Ибо Ангелъ сказалъ имъ, что Господь возсталъ, а когда,—въ словѣ (своемъ) не прибавилъ. Но великій Матѳеѣй одинъ изъ всѣхъ Евангелистовъ точно обозначилъ время, говоря, что вечеръ субботный былъ часомъ воскресенія.

Если же такъ, то срокъ по нашему счисленію соблюденъ, когда мы будемъ считать отъ вечера четвертка до вечера субботы, вставляя, какъ сказано, ночь, раздѣляющую пятницу на два дня и одну ночь. Ибо Властвующему своимъ могуществомъ надъ самымъ вѣкомъ прилично было (содѣлать), чтобы не дѣла Его по необходимости сообразовались съ установленными для времени мѣрами, но чтобы мѣры времени дѣлились поновому порядку сообразно потребности сущаго, и чтобы, когда боже-

ственная сила въ кратчайшій срокъ совершаетъ дѣло благое, и мѣры времени укорачивались бы. Такимъ образомъ и времени прошло не менѣе трехъ дней и столькихъ же ночей, (потому что этого числа требуетъ таинственная и неизглаголанная причина),—и божественная сила, въ выжиданіи обычныхъ промежутковъ дней и ночей, невстрѣтила препятствія для скорости дѣйствованія. Ибо Имѣющій власть и положить душу свою *о Себѣ* и опять воспріять, когда хотѣлъ, какъ Творецъ вѣковъ, имѣлъ власть въ своихъ дѣлахъ не быть подвластнымъ времени, но устроить время сообразно съ дѣлами.

Но слово еще не коснулось самаго главнаго вопроса. Болѣе любознательнымъ естественно спросить: какимъ образомъ Господь въ одно и то же время могъ быть въ сихъ трехъ: въ сердцѣ земли, въ раю съ разбойникомъ и въ рукахъ Отца. Ибо Фарисеямъ Оцъ говоритъ: *яко же бѣ Иона во чревь китовъ: тако будетъ и Сынъ человѣскій въ сердцѣ земли* въ продолженіи трехъ дней (Матѣ. 12, 40.); разбойнику: *днесъ со мною будещи въ раи* (Лук. 23, 43.); Отцу же: *въ руцѣ твои предаю духъ Мой* (ст. 46.). Но ни въ преисподней нѣтъ никакого рая, ни преисподней въ раю, такъ чтобы въ то же время можно было быть въ обоихъ, или называть ихъ руками Отца. Для благочестиво разсуждающихъ

это, быть может, и изслѣдованіа не заслуживаетъ. Ибо вездѣ сущій божественною силою и всюду присутствуетъ, и ни отъ чего не удаляется. Я же, изучая этотъ предметъ, пришелъ къ другой еще мысли, которую для желающихъ изъ васъ изложу кратко. Когда Духъ Святый низшелъ на Дѣву и сила Вышняго осѣнила ее (Лук. 1, 35.), чтобы образовать въ ней новаго человѣка, (потому названнаго новымъ, что созданъ по Богу, а не по человѣческому обыкновенію), чтобы быть нерукотвореннымъ вмѣстилищемъ Бога, (ибо *Всевышній не въ рукотворенныхъ*, то есть не въ людьми приготовленныхъ, *храмьхъ живетъ* (Дѣян. 17, 24.): тогда вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Премудростію самою устроенъ былъ домъ (Притч. 9, 1.) и осѣненіемъ Силы, какъ бы наложеніемъ печати извнутри довершено было его образованіе, божественная сила соединяется съ обѣими составными частями человѣческой природы, то есть съ душою и тѣломъ, соотвѣтственно сочетавшись съ тою и другимъ. Ибо такъ какъ обѣ сіи части поражены были смертію чрезъ преслушаніе, (для души омертвѣніе состояло въ удаленіи ея отъ дѣйствительной жизни; для тѣла же въ тлѣніи и разрушеніи); то нужно было изъ обоихъ ихъ изгнать смерть примѣшеніемъ жизни. Итакъ по соединеніи Божества съ каждой изъ частей человѣка, въ обѣихъ явились ясные признаки

всепревосходящаго естества. Ибо тѣло обнаруживало (находящееся) въ немъ Божество, совершая исцѣленія чрезъ прикосновеніе, душа показывала божественную силу могущественною оною волею. Ибо какъ тѣлу свойственно ощущеніе чрезъ прикосновеніе, такъ душѣ,— движеніе посредствомъ воли. Приходитъ проказенный, уже разлагающійся и невладѣющій тѣломъ; какъ изцѣляется онъ Господомъ? Душа желаетъ, тѣло «касается. И болѣзнь тѣмъ и другимъ образомъ изгоняется. Ибо тотчасъ, какъ написано, оставила его» проказа (Матѳ. 8, 3.). (1) Опять,—Онъ не желаетъ отпустить голодными многія тысячи, бывшія при Немъ въ пустынѣ, а руками преломляетъ хлѣбы. Видишь ли, какъ Божество, соприсутствующее обѣимъ (частямъ), обнаруживается въ каждой,— въ тѣлѣ дѣйствіемъ, въ душѣ стремленіемъ ея воли. И что нужды перечислять самыя чудеса, всѣ совершаемыя подобнымъ образомъ, и обременять слово извѣстнымъ? Перейду къ тому, для чего упомянулъ о сказанномъ. Какъ Господь въ тоже время былъ въ аду и въ раю? Одно разрѣшеніе этого вопроса: нѣтъ ничего недоступнаго для Бога, *въ немъ же всяческая состоится* (Колос. 1, 17.). Другое

---

(1). Здѣсь въ изданіи твореній Святаго Григорія на Греческомъ находится пропускъ. Слова означенныя вносными знаками дополнены по Латинскому переводу.

же то, къ которому клонится теперь наше слово: такъ какъ Богъ измѣнилъ (*μεταβλεψάμενος*) всего (воспріятого имъ) человѣка въ божественное естество чрезъ соединеніе съ нимъ; то и во время страданія по домостроительству не отступилъ ни отъ одной изъ частей, съ коими однажды соединился: *не раскаянна бо дарованія* Божіи (Римл. 11, 29.). Хотя Божество добровольно разлучило душу отъ тѣла, но показало, что оно пребываетъ въ обоихъ. Ибо тѣломъ, которое не приняло тлѣнія смерти, оно сокрушило имущаго державу смерти (Евр. 2, 14.); душою же открыло разбойнику входъ въ рай: то и другое дѣлается въ одно время и божество совершаетъ благо чрезъ ту и другую (части человѣка): чрезъ нетлѣніе тѣла — уничтожаетъ смерть, чрезъ душу же, восходящую къ собственному своему жилищу, — возвращаетъ людей въ рай. (Итакъ поелику составъ человѣческій двойственъ, а Божественное естество просто и единовидно; то и во время разлученія тѣла отъ души недѣлимое не раздѣляется вмѣстѣ съ сложнымъ; но напротивъ пребываетъ тѣмъ же. Ибо единствомъ Божескаго естества, равно присущаго какъ въ тѣлѣ, такъ и душѣ, разрозненное, опять соединяется вмѣстѣ. И такимъ образомъ смерть происходитъ отъ раздѣленія соединеннаго, воскресеніе же, — отъ соединенія раздѣленнаго, Если же спросишь, какимъ образомъ будучи

въ раю, Господь предаеть Себя въ руки Отца, то искомое объяснить тебѣ высокій Исаія. Ибо онъ отъ лица Божія о горнемъ Іерусалимѣ, который, какъ вѣруемъ мы, есть не иное что, какъ рай, говоритъ: *се на рукахъ моихъ написанъ стлны твоя* (Ис. 49, 16.). Итакъ если Іерусалимъ, который есть рай, написанъ на рукахъ Отца, то ясно, что вступившій въ рай, совершенно вселяется въ дланяхъ Отчихъ, на которыхъ и божественный городъ имѣеть (свое) начертаніе. Объ этомъ довольно.

Стоитъ вкратцѣ сказать и о томъ, что слышимъ отъ Іудеевъ, сильно нападающихъ своими обвиненіями на (нашъ) догматъ. Говорятъ они, что въ постановленіи о пасхѣ Іудеямъ заповѣдано Моисеемъ не только праздновать четырнадцатый періодъ луннаго теченія, но и семь дней вкушать опрѣсноки, а приправу къ опрѣснокамъ дѣлать изъ горькихъ травъ. Итакъ, говоритъ Іудей, если вы такъ заботливо наблюдаете четырнадцатый день, то соблюдайте вмѣстѣ съ тѣмъ и горькія травы и опрѣсноки; если же этимъ можно пренебрегать, то за чѣмъ заботиться о празднованіи того дня? Ибо нельзя у того же самаго законодателя одно почитать справедливымъ и душеполезнымъ, а другое бесполезнымъ и заслуживающимъ отверженія; такъ что необходимо или исполнять намъ все заповѣданное о пасхѣ, или не держаться ничего. Что же мы скажемъ?

Вспомнимъ, что Господь училъ насъ не бояться поношенія отъ людей и не смущаться ихъ порицаніемъ (Матѳ. 5, 11.). Извѣстна намъ душеполезность соблюденія опрѣсноковъ, польза горькихъ травъ и четырнадцатаго дня. А въ какомъ смыслѣ,—коротко разсмотримъ. Законъ *снѣдь и мѣдъ трудящихся благъ* (Евр. 10, 1.) имѣеть въ виду преимущественно одну цѣль—какъ бы посредствомъ различныхъ постановленій очистить человѣка отъ приѣшавшагося къ нему зла. Сіе исполняется въ обрѣзаніи, въ субботахъ, въ наблюденіи пищи, въ различныхъ жертвоприношеніяхъ животныхъ, въ соблюденіи каждаго (предписанія) закона. И долго было бы съ точностію излагать все то, на что въ частности указываетъ намъ гадательно законъ относительно очищенія жизни. Посему какъ чрезъ обрѣзаніе, совершаемое духовно, природа отлагаетъ страстность, будучи усѣкаема въ жизни плотяной; какъ чрезъ субботаствованіе она научается недѣланію зла; какъ закланіе въ жертву животныхъ закаляетъ страсти, а узаконенное относительно снѣдей отдѣленіе нечистаго побуждаетъ тебя къ отчужденію отъ грязной и нечистой жизни: такъ и сей самый праздникъ указываетъ тебѣ на тотъ праздникъ, къ которому душа готовится чрезъ опрѣсноки, въ теченіи семи дней воздержанія отъ яденія кваснаго. Значеніе же сихъ (дней) таково: седмидневное

число указываетъ тебѣ на сіе преходящее время, возвращающееся понедѣльно, когда ты долженъ заботиться, чтобы на наступающій день не сохранить никакого остатка вчерашней злобы, чтобы (примѣсь) злобы прошлаго дня не произвела какого кваса или кислоты въ сегодняшнемъ смѣшеніи. *Солнце да не зайдетъ во инъелъ вашемъ* (Ефес. 4, 26.), говоритъ Апостоль, повелѣвающій праздновать *не въ квасъ ветхъ, ни въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасиухъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8.). А что узнали мы объ одномъ видѣ злобы, то, какъ извѣстно намъ, относится и до остальныхъ видовъ ея. Что же касается до употребленія горькихъ травъ, то горечь изгоняетъ испорченность и распушенность въ жизни, вводитъ же напротивъ жизнь воздержную, строгую и непріятную для чувства; поелику *всякое наказаніе не мнитъ въ настоящее время радость быти, но печаль* (Евр. 12, 11.).

Итакъ, кто во всю седмицу сей жизни всегда проводитъ настоящій день безъ примѣси и кваса ветхой злобы, дѣлая приправою жизни воздержаніе, тотъ отстраняетъ отъ себя всякую примѣсь тьмы. На сіе указываетъ четырнадцатый (день) луннаго теченія. Поелику кругъ теченія луны состоитъ изъ двадцати девяти дней съ половиною, въ которые луна, отъ новомѣсячія чрезъ приращеніе достигши полноты, опять чрезъ ущербъ доходитъ до

совершеннаго изчезновенія свѣта; то ясно, что половина упомянутаго числа есть четырнадцатый день и еще немного. Луна тогда бываетъ въ такомъ видѣ, что совершивъ свойственное ей теченіе въ продолженіе ночи она продолжаетъ свое круговращеніе еще на нѣсколько времени, и полная свѣтомъ смѣшиваетъ свое сіяніе со свѣтомъ дневныхъ лучей, такъ что ни вечеромъ, ни утромъ никакой промежутокъ темноты не разрѣшаетъ непрерывности свѣта и, не смотря на преемство дня и ночи, свѣтъ не раздѣляется (тьмою). Ибо прежде, чѣмъ солнечный лучъ совершенно скроется на противоположной сторонѣ, тотъ часъ является луна и своимъ свѣтомъ озаряетъ землю; и опять,—прежде, чѣмъ кругъ ея совершенно зайдетъ за горизонтъ, съ остатками луннаго свѣта смѣшивается дневное сіяніе. Такимъ образомъ въ сей день полнолунія тьма уничтожается и утро и вечеръ озаряется преемствомъ свѣтилъ. Итакъ, что случается съ чувственнымъ свѣтомъ въ четырнадцатый день, когда не допускается примѣси тмы во всю ночь и день, то духовный законъ желаетъ сдѣлать символомъ для духовно-празднующихъ, чтобы они всю жизненную седмицу,—все время своей жизни, содѣлывали одною пасхою свѣтлою и неомраченною. Вотъ значеніе предписаній о пасхѣ для Христіанъ. Для сего мы и наблюдаемъ четырнадцатый день, чрезъ

чувственный сей и вещественный свѣтъ восходя къ представленію невещественнаго и мысленнаго; такъ что повидимому мы обращаемъ вниманіе на полную луну, озаряющую насъ достаточнымъ свѣтомъ во всю ночь, на самомъ же дѣлѣ видимъ здѣсь законъ для насъ состоящій въ наблюденіи, чтобы все время, измѣряемое ночью и днемъ, было у насъ непрерывно свѣтло и свободно отъ примѣси мрачныхъ дѣлъ. И о семъ достаточно.

А всѣ тѣ мысли, къ которымъ приводитъ насъ крестъ, чрезъ который совершилось таинство страданія, можно ли кому либо легко изъяснить словомъ? Ибо, не было ли безчисленнаго множества способовъ, ведущихъ къ смерти, чрезъ которые могло бы исполниться домогательство о насъ смертію? Но изъ всѣхъ (видовъ смерти), самовластно Опредѣлившимъ самому Себѣ страданіе, назначенъ сей. Ибо *подобаетъ сыну человеческому* (Марк. 8, 31.). Несказалъ, — то и то претерпитъ Сынъ человѣческій, какъ бы просто сказалъ кто нибудь, предсказывая то о чемъ говорилъ; но утверждаетъ, что сему необходимо нужно быть по вѣкоей неизреченной причинѣ, говоря, что *подобаетъ Сыну человеческому мною пострадати и искушену быти и быть распяту и въ третій день воскреснути* (Марк. 8, 31.). Уразумѣй со мною значеніе слова *подобаетъ*, изъ котораго открывается рѣшительно, что

Гр. Иисск. Ч. VIII.

страданіе именно никакъ не должно было совершиться иначе, какъ чрезъ крестъ. Какая же причина сего? Одному великому Павлу, наученному неизрѣченными глаголами, которые онъ, посвященный въ тайны рая, слышалъ тамъ, свойственно уяснить и сіе таинство, какъ онъ въ словахъ къ Ефесянамъ отчасти и даетъ уразумѣть сокровенное, говоря: *да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долота и глубина и высота. Разумѣти же преспѣвающую разумъ любовь Христову, да исполнитесь во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. 3, 18. 19.). Ибо не напрасно божественное оное око Апостола мысленно узрѣло (здѣсь) образъ креста; но чрезъ сіе (Апостоль) ясно показалъ, что всякій отринувъ отъ глазъ чешую невѣдѣнія, чисто увидитъ самую истину. Ибо онъ зналъ, что образъ креста, представляющій четыре выступа соединенные по срединѣ, обозначаетъ на все простирающуюся силу и промышленіе Того, Кто на немъ явился; и посему каждому выступу даетъ отличительное названіе: глубиною именуя то, что идетъ внизъ отъ средины, высотой то, что находится сверху, широтою же и долготою то, что поперегъ простирается въ обѣ стороны отъ связи, такъ что (часть) въ ту сторону отъ средины называется широтою, а въ другую сторону,—долготою. Чрезъ это, мнѣ кажется, ясно обозначается словомъ то, что

нѣтъ ничего существующаго, чтѣ бы неодо-
жимо было Божескою природою, — и небесное
и подземное и отовсюду простирающееся по-
срединѣ до предѣловъ сущаго. Ибо высотой
означается горнее, глубиною, — подземное,
долготою и широтою все, что заключается
въ срединѣ и что держится всѣмъ управляю-
щею силою. Доказательствомъ сказаннаго
пусть будетъ то, что происходитъ въ душѣ
твоей, при мысли о Богѣ. Ибо воззри на
небо, представь въ умѣ дольнѣя глубины,
простири свою мысль до широты и до пре-
дѣловъ всего существующаго, и подумай,
какова сила содержащая все сіе, служащая
какъ бы нѣкоторою связью всего, — и увидишь,
какъ мысль о божеской силѣ сама собою на-
черчиваетъ въ умѣ образъ креста, отъ гор-
няго низходящій въ бездну и до крайнихъ
предѣловъ простирающійся поперекъ.

Сей-то образъ (креста) воспѣлъ и великій
Давидъ говоря о себѣ: *камо пойду отъ Духа
твоего? и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще
взыду на небо, вотъ высота: аще сиду во адъ, —
вотъ глубина; аще возму криль мориано* (разу-
мѣется востокъ солнечный), — вотъ широта,
если *вселюся въ послѣднихъ моря* (такъ онъ
называетъ западъ), — вотъ долгота (Пс. 138,
7—9). Видишь, какъ словами живописуетъ онъ
образъ креста? Ты, говоритъ, пронцаешь все,
связуешь все сущее и объемлешь Собою всѣ

концы, горѣ Ты паходишься, внизу Ты присуствуешь, въ семь концѣ присуща рука Твоя, и въ другомъ указываетъ путь десница твоя. Посему и великій Апостоль говоритъ, что когда все исполнится вѣры и вѣдѣнія, тогда Сущій превыше всякаго имени, о имени исуса Христа получить поклоненіе отъ *небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10.). Опять и здѣсь, соотвѣтственно образу креста, (Апостоль) раздѣляетъ поклоненіе кресту. Ибо превышемирная область въ верхней части креста воздаетъ поклоненіе Владыкѣ, міровая часть въ срединѣ, преисподняя же соотвѣтствуетъ нижней части (креста). Тоже означаетъ, по моему мнѣнію, и *iota* въ соединеніи съ *чертою*, оказывающаяся тверже неба, постояннѣе земли и крѣпче всего состава сущаго. Небо и земля мимо идетъ (Матѣ. 24, 35.) и всего міра образъ *преходитъ* (1 Кор. 7, 32.); *iota* же изъ закона и *черта* не *прейдеетъ* (Матѣ. 5, 18.). Опущенная къ низу линія, нисходящая сверху внизъ, именуется *iota*, а проводимая продольно поперекъ называется *черта*, какъ сему можно научиться и отъ мореплавателей; потому что дерево, лежащее поперекъ мачты, на которой распускаютъ парусъ, именуютъ чертою (*χεραια*), называя (его такъ) по его виду. Посему кажется мнѣ, божественныя слова Евангелія, подъ образомъ креста, гадательно и какъ бы въ зеркалѣ имѣють въ

виду указать на то, въ чемъ все имѣеть бытіе, что болѣе вѣчно, чѣмъ содержащееся въ немъ, и сила чего сохраняетъ все сущее. Посему-то и говорить, что *подобаетъ Сыну человѣческому*,—не просто умереть, но быть *распяту*, чтобы крестъ для болѣе пронизательныхъ былъ богословомъ, чрезъ (свой) образъ возвѣщающимъ всесильную власть явившагося на немъ и сущаго вся во всемъ.

Не умолчимъ, братіе, и о благообразномъ совѣтникѣ, Іосифѣ Аримаѳейскомъ, который взявши тѣло Господа, чистый и святой даръ, обвиняетъ его чистою плащаницею и полагаетъ въ чистомъ гробѣ. Дѣло сего благообразнаго совѣтника да будетъ для насъ закономъ, чтобы и мы подобнымъ образомъ, когда пріемлемъ оный даръ тѣла, не совѣтовали себѣ принимать (его) въ оскверненную плащаницу совѣсти и полагать въ смрадномъ отъ мертвыхъ костей и всякой нечистоты гробѣ сердца. Но, какъ говоритъ Апостолъ, пусть каждый испытываетъ себя, чтобы благодать не была во осужденіе недостойно принимающему ее (1 Кор. 11, 28—29.).

Но, говоря сіе я вдругъ чувствую себя пораженнымъ свѣтоносною одеждою Ангела, и потрясаетъ радостію мое сердце оное вожденное землетрясеніе, отваливающее тяжелый камень человѣческой гробницы, отверзающее всѣмъ дверь воскресенія. Потечемъ

и мы къ сему зрѣлищу необычайнаго чуда. Ибо суббота уже прошла, не останемся позади жень. Въ нашихъ рукахъ да будутъ и ароматы: вѣра и совѣсть; ибо это благоуханіе Христово. Не станемъ уже искать живаго съ мертвыми, ибо ищущаго такимъ образомъ отрѣваетъ Господь, говоря: *неприкасайся Мнѣ* (Іоан. 20, 17.); но когда взойду ко Отцу, тогда тебѣ можно прикоснуться. Послушаемъ, что благовѣтствуетъ и жена, вѣрою предупредившая мужа и хорошо сіе сдѣлавшая, чтобы предвареніемъ въ добрѣ оправдаться въ причиненіи зла. Что же благовѣтствуетъ жена? Подлинно *ни отъ челоуковъ ни чрезъ челоуковъ, но Исусъ Христомъ* (Галат. 1, 1.). Ибо послушайте, говоритъ мироносица, что Господь повелѣлъ намъ сказать вамъ, которыхъ Онъ и братьями своими называетъ: *восхожду къ Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.), О прекрасное и благое благовѣстіе! Сдѣлавшійся для насъ подобнымъ намъ, чтобы, будучи намъ сроднымъ, сдѣлать насъ. Своими братьями, приводитъ Свое челоучество къ истинному Отцу, чтобы Собою привлечь все сродное, чтобы впрядь никто не укорялъ насъ, что мы служили *не по естеству сущимъ богамъ* (Галат. 4, 8.), потому что мы снова приведены къ живому и истинному Богу, и чтобы мы не были отвергнуты и лишены отеческаго наслѣдія, чрезъ

усыновленіе послѣдовавъ за Сыномъ. Содѣлавшій Себя чрезъ воплощеніе первороднымъ *во многихъ братіяхъ* (Рим. 8, 29.) привлекъ всю тварь, которой приобщился, въ принятой на Себя плоти. Но тогда какъ предъ пасхою прѣсвѣтъ хлѣбъ имѣлъ приправою горечь, мы видимъ, что послѣ воскресенія хлѣбъ направляется нѣкоторою сладкою свѣдію. Видишь ли, при ловленіи Петромъ рыбы, хлѣбъ и соты медовые въ рукахъ Господа? Подумай, что готовить тебѣ горечь жизни? И такъ и мы, возставши отъ словесной ловитвы, приступимъ теперь къ хлѣбу, услаждаемому сотами благой надежды, во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

НА СВЯТУЮ ПАСХУ О ВОСКРЕСЕНИИ; СКАЗАНО ВЪ
ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ ВОСКРЕСНЫЙ.

Бѣдные люди, любящіе праздники и желающіе почтить торжества душевнымъ усердіемъ и праздничною одеждою, если сами не имѣютъ достаточныхъ средствъ пріобрѣсти себѣ свѣтлыя украшенія, о которыхъ заботятся собираютъ всякія дорогія вещи у родныхъ и знакомыхъ и достигаютъ того, что не имѣютъ ни въ чемъ недостатка для предполагаемаго употребленія. Въ такомъ же, кажется, положеніи нахожусь и я для настоящаго дня. Ибо не имѣя ничего драгоцѣннаго, чтобы самъ отъ себя могъ собрать для предлежащихъ славословій, прибѣгну къ священной пѣсни, которую мы недавно воспѣли. За тѣмъ воспользовавшись ею какъ поводомъ, вышлachu долгу, присовокупивъ къ реченіямъ священнаго писанія и свои слова, если только у бѣднаго раба найдутся для Владыки какія либо благодарственныя хвалы. Итакъ, сказалъ не-

давно Давидъ и мы вмѣстѣ съ нимъ: *хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людие* (Пс. 116, 1.). Призываетъ онъ къ пѣнію всякаго человѣка происшедшаго отъ Адама; никого не оставляетъ не призваннымъ; но западныхъ, восточныхъ, живущихъ вблизи тѣхъ и другихъ или въ сосѣдствѣ съ сѣверомъ и обитателей полудня,—всѣхъ вмѣстѣ созываетъ этимъ псалмомъ. Въ другихъ мѣстахъ обращаетъ рѣчь частно, къ нѣкоторымъ людямъ, или святыхъ призывая, или возбуждая къ пѣснопѣнію дѣтей; въ настоящемъ же случаѣ собираетъ свою псалтирю языки и народы. Ибо когда, по слову Апостола, *прейдесть образъ міра сего* (1 Кор. 7. 31.) и явится всѣмъ Царь и Богъ, — Христось, вполне убѣдивъ всякую невѣрующую душу, обуздавъ хульный языкъ, прекративъ и суесловіе Елиновъ и заблужденіе Іудеевъ, и неукротимую болтливость ересей; тогда всѣ языки и народы отъ начала вѣка, преклопившись воздадутъ Ему безспорное поклоненіе; тогда произойдетъ нѣкая дивная симфонія славословія, слагающаяся изъ обычныхъ пѣснопѣній Святыхъ и невольно жалобныхъ воплей нечестивыхъ. Тогда всѣми согласно воспоется истинно побѣдная пѣснь, и побѣжденными и побѣдителями. Тогда виновникъ мятежа, возмечтавшій о достоинствѣ Владыки, явится предъ очами всѣхъ рабомъ непрестанно бичуемымъ, влекомымъ на

казнь Ангелами, и всѣ служители и пособники его злобы подвергнутся приличнымъ имъ наказаніямъ и казнямъ; а явится одинъ Царь и Судія, котораго всѣ признають общимъ своимъ Владыкою. Наступитъ же тогда тишина, какъ бываетъ тогда, когда начальникъ сидитъ на судейскомъ мѣстѣ, глашатай подаетъ знакъ къ молчанію, а люди напрягаютъ и зрѣніе и слухъ въ ожиданіи услышать, что будетъ имъ возвѣщено: *Посему хвалите Господа вси языцы, похвалите Ею вси людіе.* Хвалите какъ сильнаго; похвалите какъ человеколюбиваго, потому что Онъ павшихъ и мертвыхъ вновь оживотворилъ, поврежденный сосудъ опять возобновилъ и неприятнаго вида останки, во гробахъ находящіеся, преобразовалъ человеколюбиво въ нетлѣнное живое существо, и душу, за четыре тысячи лѣтъ оставившую тѣло, какъ бы изъ долгаго странствованія возвелъ въ свое жилище,—душу, которая отъ времени и забвенія нисколько не стала чуждою собственнаго своего органа, но быстро устремилась къ нему, какъ птица къ собственному гнѣзду.

Выскажемъ особенности праздника, чтобы, какъ слѣдуетъ, и соотвѣтственно дѣлу, праздновать оный. Ибо несоотвѣтственное и чуждое, кромѣ того, что не приноситъ никакой пользы, составляетъ нарушеніе порядка и приличія не только въ рѣчахъ, имѣющихъ предметомъ служеніе Богу и благочестіе, но и въ тѣхъ,

кои относятся до внѣшней и мірской мудрости. Ибо ужели найдется столь неразумный и смѣшной риторъ, который, будучи позванъ на свѣтлое торжество брака, оставитъ приличную и блестящую, сочувственную радости праздника, рѣчь, а начнетъ жалобно пѣть плачевныя пѣсни и оглашать брачные покои печальными разказами о несчастіяхъ описываемыхъ въ трагедіяхъ? Или напротивъ, получивъ приказаніе исполнить долгъ при гробѣ умершаго, ужели забудетъ о скорби и станетъ говорить веселыя рѣчи предъ собраніемъ исполненнымъ печали? Если же въ мірскихъ рѣчахъ хорошъ порядокъ и знаніе дѣла, то гораздо болѣе приличны они, когда дѣло идетъ о великомъ и небесномъ.

Итакъ сегодня возсталъ Христосъ, Богъ, безстрастный, безсмертный; (удержись на малое время язычникъ; оставь необдуманый смѣхъ, пока не выслушаешь всего); не по необходимости страдалъ Онъ, не насильно принужденъ былъ низойти съ небесъ; несверхъ ожиданія обрѣлъ Онъ воскресеніе, какъ нечаянное благодѣяніе, но зналъ конецъ всѣхъ вещей, и такимъ образомъ положилъ начало, силою своего Божественнаго прозрѣнія вѣдая о томъ, что предлежало Ему, и прежде чѣмъ снизойти съ небесъ видя и мятежъ народовъ и жестокосердіе Израиля, и Пилата предсѣдательствующаго на судѣ, и Каіафу разстерзы-

вающаго свою одежду, и мятежный народъ пламенѣющій гнѣвомъ, и Иуду предающаго Его, и Петра Его защищающаго, вѣдая, что немного спустя и самъ воскресеніемъ преобразится въ славу нетлѣнія. И имѣя все будущее предначертаннымъ въ своемъ вѣденіи, не отложилъ дарованія благодати человѣку и не отсрочилъ домостроительства (спасенія); но какъ тѣ, кои видя слабаго, увлекаемаго потокомъ, по состраданію къ подвергшемуся опасности, не медлятъ бросится въ потокъ, хотя знаютъ, что и грязью его запачкаются и подвергнутся ударамъ камней, увлекаемыхъ быстрою водою; такъ и человеколюбивый нашъ Спаситель добровольно воспріялъ оскорбительное и безчестное для себя, чтобы спасти гибнущаго отъ обмана (человѣка); спизошелъ въ нашу жизнь, поелику провидѣлъ и славное восхожденіе изъ оной; согласился умереть по человечеству, поелику напередъ зналъ и о воскресеніи. Ибо не какъ одинъ изъ обыкновенныхъ людей дерзновенно ринулся въ опасность, довѣривши исходъ дѣла неизвѣстному будущему; но какъ Богъ устроилъ то, что предлежало, направляя оное къ опредѣленной и извѣстной Ему цѣли.

Итакъ *сей день, его же сотвори Господь, возрадуется и возвеличится въ оны (Пс. 117, 24.)*, (выражая свое веселіе) не пьянствомъ и пирами, не ликованіемъ и невоздержностію, но

богоприличными размышленіями. Сегодня можно видѣть всю вселенную, какъ бы одну семью, согласно сошедшуюся для одного дѣла,—дѣла обычнаго, какъ бы по одному условному знаку подвигнувшуюся на упражненіе въ молитвѣ. На дорогахъ вѣтъ путешественниковъ; море сегодня опустѣло съ отсутствіемъ корабельщиковъ и плователей; земледѣлецъ бросивъ заступъ и плугъ, украсилъ себя праздничною одеждою; лавки свободны отъ торговли; заботы исчезли какъ зима съ приближеніемъ весны; шумъ и суета и бури жизни уступили мѣсто тишинѣ праздника; бѣдный украшаетъ себя какъ богатый; богатый является одѣтымъ великолѣпнѣе, чѣмъ обыкновенно; старецъ какъ юноша бѣжитъ, чтобы принять участіе въ радости; больной насилуетъ даже свою болѣзнь; дитя празднуетъ чувственно перемѣною одежды, поелику не можетъ еще праздновать разумно. Необычная радость наполняетъ душу дѣвы, потому что она видитъ воспоминаніе о своей надеждѣ столь свѣтлымъ и чтимымъ; супруга радуется празднуя всѣмъ полвымъ домомъ; ибо нынѣ она и сожитель и дѣти и слуги и всѣ домашніе веселятся вмѣстѣ. И какъ новый и недавно родившійся рой пчелъ, впервые изъ заключенія въ ульяхъ выметѣвшій на воздухъ и свѣтъ, кучею и собравшись весь, садится на одну вѣтвь дерева; такъ и на этотъ праздникъ всѣ семьи въ полномъ

составѣ стекаются къ домашнему очагу. И по истинѣ настоящій день хорошо можетъ идти въ сравненіе съ (онимъ) грядущимъ днемъ. Ибо и тотъ и другой день суть дни собранія людей,—одинъ всеобщаго, другой частнаго; а если сказать правду, что касается до свѣтлой радости и веселья, то сей день пріятнѣе ожидаемаго; потому что тогда по необходимости увидишь и рыдающихъ,—тѣхъ, грѣхи которыхъ откроются; нынѣ же радость (праздника) не допускаетъ печальныхъ. Ибо и праведный радуется, и тотъ, у кого совѣсть нечиста, надѣется исправиться покаяніемъ, и всякая печаль засыпаетъ на настоящій день. Нѣтъ никого столь несчастнаго, чтобы не нашелъ облегченія въ величіи праздника; нынѣ разрѣшается отъ оковъ узникъ; отпускается должникъ; освобождается рабъ благимъ и челоуѣколюбивымъ возглашеніемъ церкви; не посредствомъ позорнаго ударенія по щекѣ, ударомъ будучи освобождаетъ отъ ударовъ; не посредствомъ торжественнаго показыванія народу съ возвышеннаго мѣста, при чемъ оскорбленіе и униженіе становится для него началомъ свободы; но освобождается какъ извѣстно, вполне благоприлично. Оказываются благодѣянія и остающемуся еще въ рабствѣ, хотя за нимъ и много и тяжелыхъ проступковъ, превышающихъ прощеніе и снисхожденіе, но господинъ чтя тишину и челоуѣколюбіе сего

дня, приѣмлетъ отверженнаго и лишеннаго чести, какъ Фараонъ виночерпія изъ темницы. Ибо знаетъ, что въ предустановленный день воскресенія, по подобію котораго чтимъ и настоящій, будетъ и онъ имѣть нужду въ незлобivosti и благости Владыки, и какъ бы давая здѣсь взаимны милость, ожидаетъ воздаянія въ то время. Вы слышали, господа; соблюдайте мое слово, какъ доброе; не оклеветайте меня передъ рабами, какъ будто я ложно осыпалъ похвалами (нынѣшній) день; отымите печаль отъ удрученныхъ ею душъ, какъ Господь отъялъ мертвенность отъ тѣлъ; лишеннымъ чести возвратите честь, страждущимъ радость, несмѣлымъ дерзновеніе; какъ изъ гробовъ изведите изъ мѣстъ заключенія ввергнутыхъ туда. Да процвѣтетъ красота праздника, какъ цвѣтъ для всѣхъ. Ибо если день рожденія челоука царя отверзаетъ темницу, то побѣдннй день воскресшаго Христа ужели не дастъ ослабы удрученнымъ горемъ? Бѣдные, приѣтствуйте вашего кормителя, страждущіе тѣлесными язвами и лишенные членовъ—цѣлителя вашихъ несчастій. Ради надежды воскресенія, и о добродѣтели мы заботимся и зло ненавидимъ; потому что если будетъ отнято воскресеніе, то окажется одно только имѣющимъ силу для всѣхъ слово: *яны и піелъ, утръ бо умремъ* (1 Кор. 15, 32.).

Обращая взоръ къ этому дню, Апостоль

презираетъ временную жизнь, сильно желаетъ грядущей, и почитая ничтожнымъ видимое, говоритъ: *еще въ животъ семъ уповающе есмь, окаянныйши всъхъ человекъ есмь.* (1. Кор. 15, 19.). Сей день причиною того, что люди становятся наслѣдниками Богу и сонаслѣдниками Христу. Сей день причиною, что та часть тѣла, которую съѣли плотоядныя птицы за тысячу лѣтъ, окажется цѣлою, что пожрали киты, собаки и морскія животныя, возстанетъ вмѣстѣ съ воскресшимъ человѣкомъ, что попалмъ огонь, что истребилъ червь въ гробахъ, и вообще всѣ тѣла, которыя послѣ рожденія уничтожило тлѣніе, будутъ отданы землею неповрежденными и цѣлыми, и, какъ учить Павелъ, воскресеніе совершится во мгновеніе ока (ст. 52). Мгновеніе же ока есть сомкнутіе вѣкъ и ничего не можетъ быть быстрѣ этой скорости; стараясь понять это по человѣчески, по мѣрѣ твоей силы, ты не можешь представить въ душѣ своей, сколько нужно было бы измѣреній времени, чтобы во первыхъ сгнившія и обратившіяся въ землю кости составить и сдѣлать по прежнему твердыми и гладкими, а соединенныя изъ раздробленныхъ опять привести въ стройный порядокъ и естественную связь. За тѣмъ обрати вниманіе на обложеніе ихъ плотью, на протяженіе мускульныхъ связокъ, жилъ и артерій, тонкихъ каналовъ, распростра-

ющихся подъ кожею, на несказанное и безчисленное множество душъ, (исходящихъ) изъ нѣкоторыхъ тайныхъ обиталищъ; каждая изъ нихъ узнаётъ свое тѣло, какъ свою отличную отъ другихъ одежду и снова быстро вселяется въ него, имѣя способность безошибочно различать при такомъ множествѣ однородныхъ душъ. Ибо представъ въ мысли всѣ души отъ Адама, и такое множество тѣлъ начиная отъ него; при такомъ количествѣ пустыхъ домовъ и домовладѣльцевъ возвратившихся послѣ долговременнаго отсутствія, все совершается необыкновеннымъ образомъ, потому что ни домъ не медлитъ возобновленіемъ, ни хозяинъ не блуждаетъ и не бродитъ безъ крова, отыскивая, гдѣ его, особенный домъ, но прямо стремится къ своему, какъ голубь къ своей башнѣ, хотя ихъ много, всѣ собрались около того же самаго мѣста и имѣютъ сходный внѣшній видъ. Откуда опять воспоминаніе и оцѣнка прежней жизни и мысль о каждомъ дѣлѣ, такъ быстро возникающая вмѣстѣ съ живымъ существомъ, разрушившимся за столько вѣковъ? И отъ глубокаго сна пробудившійся челоуѣкъ нѣсколько времени не сознаетъ, что онъ и гдѣ, и забываетъ объ обычныхъ вещахъ, пока бодрствованіе, разсѣявши оупѣніе, опять оживитъ силу памяти и энергію. Это и подобное, приходя на мысль людемъ, поражаетъ разумъ необычайнымъ удивленіемъ и возбуждаетъ

вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе къ чуду. Ибо такъ какъ умъ не находитъ разрѣшенія недоумѣніямъ и вопросамъ, и не можетъ успокоить свою любознательность изслѣдованіемъ и разрѣшеніемъ, то онъ наконецъ по слабости своихъ мыслей склоняется къ невѣрію своихъ мыслей, отрицая и отвергая истину сихъ предметовъ. Но поелику наше слово, двигаясь своимъ путемъ, дошло до вопроса, о которомъ постоянно говорятъ и этотъ предметъ близокъ и сроденъ настоящему празднику; то мы, мало по малу возведши подлежащій вопросъ къ приличному началу, попытаемся вполнѣ убѣдить неправо сомнѣвающихся въ ясныхъ вещахъ.

Звждитель всего, восхотѣвъ сотворить чело-вѣка, привелъ его въ бытіе не какъ презрѣнное животное, но какъ существо, честью превосходящее всѣхъ и назначилъ его царемъ поднебесной твари. Имѣя это въ виду, создавъ его мудрымъ и боговиднымъ, украсивъ многими дарами, ужели съ тою мыслию привелъ его въ бытіе, чтобы родившись онъ разрушился и подвергся совершенной гибели? Но это была бы пустая цѣль (созданія), и такого рода намѣреніе было бы крайне недостойно приписывать Богу. Ибо въ такомъ случаѣ Онъ уподоблялся бы дѣтямъ, тщательно строящимъ домики и скоро разрушающимъ построенное ими, такъ какъ ихъ разсудокъ не имѣетъ въ виду никакой полезной цѣли. Но ученіе вѣры

говорить намъ совершенно противное,—что Богъ сотворилъ первозданнаго безсмертнымъ; когда же привзошло преступленіе и грѣхъ, то въ наказаніе за прегрѣшеніе лишилъ его безсмертія; потомъ Источникъ благодати, призывающій человѣколюбіемъ, сжалившись надъ дѣломъ рукъ своихъ украшеннымъ мудростію и знаціемъ, благоволилъ вновь возстановить насъ въ прежнее состояніе.

Это и истинно и достойно понятія о Богѣ; ибо здѣсь приписывается Ему вмѣстѣ съ благодію и сила. Выказывать же безучастіе и жестокость къ подначальнымъ и подвластнымъ не свойственно даже людямъ добрымъ и лучшимъ. Такъ пастухъ желаетъ, чтобы было здоровымъ его стадо и едва не желаетъ того, чтобы оно было безсмертнымъ; волонасъ всякаго рода средствами размножаетъ воловъ; пастухъ козъ желаетъ, чтобы козы рождали двойни; коротко, каждый владѣлецъ стада, имѣя въ виду, какую либо полезную цѣль, желаетъ, чтобы стадо его оставалось у него цѣлымъ и находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Если это такъ, и если изъ недавно сказаннаго нами явствуется, что Зикдителю и Художнику рода нашего весьма прилично возсодать поврежденное твореніе; то очевидно, что невѣрующіе дальнѣйшему не почему либо иному вооружаются противъ сего, какъ потому, что почитаютъ не возможнымъ для Бога воскресить

умершее и разрушившееся. Поистинѣ прилично только мертвымъ и безчувственнымъ разсужденіе тѣхъ, кои думаютъ, что для Бога есть что либо невозможное и неудобноисполнимое, и кон собственную немощь переносятъ на всемогущее влечіе. Но чтобы поразить ихъ безуміе словомъ обличенія, изъ того, что было и есть, покажемъ то, что будетъ и чему они не вѣрятъ. Ты слышалъ, что прахъ былъ образованъ и сталъ человѣкомъ. Итакъ, прошу тебя, который своею мудростію имѣетъ притязаніе объять все, научи меня, какъ тонкій разсѣянный прахъ соединился, какъ земля стала плотію, какъ одно и тоже вещество сдѣлалось и костями и кожею и жиромъ и волосами? Какъ въ одной и той же плоти различные виды членовъ и качествъ и связокъ? Отчего легкое на осязаніе мягко и по цвѣту синевато, печень жестка и красна, сердце сжато и самая твердая часть въ тѣлѣ, селезенка рыхла и черна, желудочная оболочка бѣла и сплетена природою на подобіе рыболовной сѣти? Обратимъ ли вниманіе и на то: какимъ образомъ первая жена, изъ малой части ребра, образовалась въ цѣлое живое существо, подобное совершенному и первому (человѣку), и какъ часть стала достаточною для всего и малое составило все? Ребро сдѣлалось головою, руками и ногами, извилистымъ и разнообразнымъ стросніемъ внутренностей, плотью и

волосами, глазомъ и носомъ и устами и,— чтобы не затягивать вдаль слова, просто скажу, всѣмъ; все это для насъ ничтожныхъ существъ удивительно и необыкновенно; у Бога же способности устроенія удобны и вполнѣ надежны. Послѣ сего, какъ признать здравомыслящими тѣхъ, кои допуская, что изъ одного ребра содѣлался человѣкъ, не вѣрятъ, что онъ же самый можетъ быть возсозданъ изъ всецѣлаго вещества человѣка? Не можетъ, не можетъ испытующая мысль человѣческая постигнуть дѣйственную силу Божію. Ибо если бы для насъ было понятно, то не былъ бы совершеннѣе насъ Тотъ, кто совершеннѣе. Но что я говорю о Богѣ? По отношенію къ нѣкоторымъ силамъ, мы не можемъ сравняться даже съ неразумными животными, но и имъ уступаемъ. Вотъ, въ бѣгѣ превосходятъ насъ кони и собаки и многія другія животныя; силою,— верблюды и лошаки; распознаваніемъ дорогъ,— ослы; остроты зрѣнія серны также не находится въ нашихъ очахъ.

Итакъ благомыслящіе и разумные должны вѣрить тому, что говоритъ Богъ, а не испытывать способности и причины Его дѣйствій, какъ превышающіе умъ. Ибо можно будетъ сказать любопытствующему: покажи мнѣ своимъ разумомъ способъ осуществленія видимаго? Скажи, какимъ искусствомъ создалъ Онъ это многообразное произведеніе? Если ты это от-

кроешь, то законно можешь недоумѣвать и негодовать, почему, зная причину рожденія, не знаешь способа преобразованія чрезъ возрожденіе. Если же для тебя это сонъ и мечта, и познаніе сего отвсюду недоступно; то не досадуй, если не зная причины устроенія, не понимаешь и (способа) исправленія поврежденнаго. Одинъ и тотъ же Художникъ и перваго созданія и втораго преобразованія. Онъ знаетъ, какъ собственное дѣло, подвергшееся разрушенію, опять сложить и привести въ прежнее состояніе. Если нужна мудрость,—у Него источникъ мудрости; если нужна сила,—Онъ не нуждается въ сотрудникѣ и помощникѣ. Онъ есть, по слову мудрѣйшаго пророка, *измѣрившій рукою воду и великое и неизмѣримое небо пядію, и землю горстію* (Ис. 40, 12.). Посмотри на эти образы Его дѣйствованія, служащія для обозначенія неизреченной силы, и заставляющія нашу мысль отчаяваться въ возможности представлять что либо достойное Божескаго естества. Богъ и есть и называется всемогущимъ; вѣроятно, ты не будешь спорить противъ этого, и согласишься допустить эту мысль. Но для могущаго все нѣтъ ничего не возможнаго и неудобоисполнимаго. Имѣешь много залоговъ вѣры, которые принудительно заставляютъ тебя согласиться съ сказаннымъ нами; во первыхъ, все разнообразное и многосложное твореніе, которое

яснѣе всякой проповѣди возглашаетъ, что великъ и премудръ Художникъ, устроившій все видимое. Будучи же предусмотрительнымъ по отношенію къ твари, и издалека видя мелочныя души невѣрующихъ, Богъ утвердилъ дѣломъ воскресеніе мертвыхъ, одушевивъ многія тѣла скончавшихся. Посему четверодневный Лазарь вышелъ изъ гроба (Іоан. II, 44.), и единородный сынъ вдовы, отъ погребальнаго одра возвращенный въ число живыхъ, былъ отданъ матери (Лук. 7, 12—16.), и тысячи другихъ (случаевъ), изчислять которые теперь было бы утомительно. Что сказать о Богѣ и Спасителѣ, когда Онъ, чтобы еще болѣе посрамить сомнѣвающихся, и рабамъ своимъ Апостоламъ даровалъ силу воскрешать мертвыхъ? Итакъ доказательство очевидно. За чѣмъ же вы, любители превій, даете намъ (лишній) трудъ, какъ будто бы мы толкуемъ вамъ о томъ, что не можетъ быть доказано? Какъ воскресъ одинъ, такъ и десять; какъ десять, такъ и триста; какъ триста, такъ и многіе. Художникъ одной статуи, удобно произведетъ и тысячу. Развѣ не видите какъ механики на маломъ количествѣ воска предварительно производятъ формы и образцы великихъ и громадныхъ построеній? И мысль (выполненна) надъ малымъ имѣетъ ту же силу во многихъ и большихъ произведеніяхъ. Велико небо, художественное созданіе Божіе;

но поелику Богъ сотворилъ человѣка разумнымъ животнымъ, чтобы разумѣніемъ Его твореній онъ прославлялъ мудраго и благоискуснаго Творца, то посмотри на сферу у астронома; она мала, но въ рукѣ свѣдущаго движется также, какъ небо у Бога, и самый малый инструментъ дѣлается подобіемъ великаго произведенія, и разумъ при помощи малаго объясняетъ безмѣрное и превышающее наше чувство. Къ чему же я говорю объ этомъ? Чтобы ты зналъ, что если спросишь меня, какъ будетъ воскресеніе тѣлъ (умершихъ) отъ вѣка, то тотъ часъ услышишь обратный вопросъ: какъ былъ воскрешенъ четверодневный Лазарь? Ибо ясно, что здравомыслящій человѣкъ, по удостовѣренію одного примѣра, не будетъ сомнѣваться и во многихъ. Признавая Бога творцемъ, не можешь сказать, что для Него что либо невозможно, и неможешь думать, что мудрость Непостижимаго постижима твоею мыслию; ибо и для Него нѣтъ ничего безпредѣльнаго, и для тебя безпредѣльное неизслѣдимо.

Еще лучше и яснѣе раскроемъ эту мысль, если въ дополненіе къ тому, что сказано нами, изслѣдуемъ и способъ нашего происхожденія, — не того перваго и древнѣйшаго (происхожденія) отъ Бога, о которомъ было говорено прежде, но того, которое послѣдовательно совершается природою до нынѣ. Этотъ

способъ неизъяснимъ и недоступенъ человѣческой мысли. Ибо, какъ сѣмя, будучи сущностью влажною, безформенною и безвидною, становится плотнымъ въ головѣ, отвердѣваетъ въ голенныя кости и ребра, дѣлаетъ мозгъ мягкимъ и рыхлымъ, а облегающій его черепъ столь твердымъ и крѣпкимъ,—и чтобы не растягивать рѣчи мелочными перечисленіями всего порознь, скажу коротко, производить все разнообразное строеніе животнаго? А какъ сѣмя, будучи въ началѣ безформеннымъ, устрояемое неизреченнымъ искусствомъ Божиимъ, образуется въ очертаніе и возрастаетъ въ плотное тѣло, такъ нисколько не странно, но и совершенно послѣдовательно, чтобы вещество находящееся въ гробахъ, нѣкогда имѣвшее видъ, опять возобновилось въ прежней формѣ и прахъ снова сдѣлался человѣкомъ, такъ какъ и прежде отсюда же онъ произошелъ. Допустимъ, что Богъ можетъ сдѣлать столько, сколько въ силахъ сдѣлать горшечникъ; разсудимъ теперь, что дѣлаетъ послѣдній. Взявъ не имѣющую формы глину, онъ превращаетъ ее въ сосудъ, и выставивъ оный на солнечные лучи, сушитъ и дѣлаетъ твердымъ; лѣпнитъ онъ кувшинъ, блюдо, сосудъ для вина; но если что нибудь нечаянно упадетъ на эти вещи и опрокинетъ ихъ, то отъ паденія они разбиваются и становятся опять безформенною землею. Художникъ же, если захочетъ, скоро

поправляетъ случившееся и опять искусно придавъ форму глинѣ, дѣлаетъ сосудъ несколько не хуже прежняго. И это дѣлаетъ горшечникъ,—ничтожное созданіе Божіе; какъ же не вѣрять Богу, когда Онъ обѣщаетъ возобновить умершаго! Много безумія въ этомъ.

Разсмотримъ и примѣръ пшеницы, которымъ премудрый Павелъ поучаетъ безумныхъ, говоря: *безуміе, ты еще съеши, не тѣло будущее съеши, но зело зерно, аще случится пшеницы или иною отъ прочихъ сѣмянъ; Богъ же даетъ ему тѣло якоже восхоцетъ* (1 Кор. 15, 36. 37. 38.). Вникнемъ тщательно въ произрастеніе пшеницы и можетъ быть уразумѣмъ ученіе о воскресніи. Пшеничное зерно бросаютъ въ землю; сгнивши въ сырости и такъ сказать умерши оно превращается въ нѣкоторое млековидное вещество, которое нѣсколько оплотнѣвъ дѣлается остроконечнымъ бѣлымъ волоконцемъ; выросши на столько, чтобы проникнуть землю, оно изъ блага мало по малу становится зеленымъ. За тѣмъ дѣлается травою и зеленью полей; разросшись же на нихъ и давъ достаточно отпрысковъ, распространяетъ внизу развѣтвленный корень, приготовляя подпору для будущей тяжести. И какъ на кораблѣ мачты со всѣхъ сторонъ прикрѣпляются множествомъ канатовъ, чтобы стояли твердо, удерживаемыя въ равновѣсіи натянутыми канатами; такъ веревидныя раз-

вѣтвленія корня дѣлаются прикрѣпленіями и подпорами колосьевъ. Послѣ того какъ пшеница вытянется въ стебель и поднимется до известной высоты, Богъ скрѣпляетъ ее колѣнцами и узелками, укрѣпляя ее какъ бы какой домъ связями, по причинѣ ожидаемой тяжести растенія. Потомъ когда заготовлены силы, разорвавъ оболочку, производитъ колосъ. И опять здѣсь еще бѣльшія чудеса; ибо пшеничныя зерна обростають вокругъ колоса одно за другимъ по порядку и каждое зерно имѣетъ особое влагалище; послѣ всего выходятъ острия и тонкія ости,—оружіе, какъ думаю, противъ питающихся зернами птицъ, чтобы испытывая уколы отъ острия ихъ, не вредили плоду. Видимъ ли, какія чудныя дѣла представляетъ одно сгнившее зерно? Павши (на землю) одно въ какомъ числѣ зеренъ воскресаетъ? Человѣкъ же (съ воскресеніемъ) ничего не получаетъ бѣльшаго; получаетъ опять то, что имѣлъ и посему наше обновленіе оказывается болѣе удобнымъ, чѣмъ въ земледѣліи выростаніе пшеницы. Отсюда перейди къ размышленію о деревьяхъ, какъ для нихъ зима каждаго года замѣняетъ смерть. Ибо опадають плоды, падаетъ листь, и деревья остаются сухими, лишенными всякой красоты. Послѣ же того какъ наступитъ время весны, они покрываются самымъ пріятнымъ цвѣтомъ; послѣ цвѣта является покровъ листьевъ и тогда онѣ,

какъ прекрасное зрѣлище, привлекають взоры людей и становятся помѣщеніемъ для пѣвчихъ птицъ, сидящихъ на вѣтвяхъ. И чудная какая то пріятность сіяетъ отъ этихъ деревьевъ, такъ что многіе оставляли и домъ украшенный золотомъ и Фессалійскимъ и Лакедемонскимъ мраморомъ и почитали для себя болѣе пріятнымъ жить подъ деревьями. И Патріархъ Авраамъ водрузилъ кушу подъ дубомъ, не потому, конечно, что не могъ имѣть дома, но находя удовольствіе жить подъ вѣтвями. Къ подтвержденію той мысли, которую мы имѣемъ теперь въ виду, приводитъ меня и жизнь змѣй. Ибо въ зимнее время года ихъ жизненная сила замираетъ и въ теченіи шести мѣсяцевъ онѣ лежатъ въ норахъ, совершенно неподвижными. Послѣ же того, какъ придетъ установленное время и міръ огласится звуками грома, они, принявъ громовый ударъ какъ бы за какой условный знакъ къ жизни, быстро выползають, и въ теченіи долгаго времени обнаруживаютъ обычную дѣятельность. Какой смыслъ сего? Пусть скажетъ мнѣ испытатель и изслѣдователь дѣлъ Божіихъ и научить меня, почему онъ допускаетъ, что громъ воскрешаетъ змѣй, которыя были мертвы, и не соглашается признать одушевленія людей при звукѣ трубы Божіей съ небесъ, какъ говоритъ слово Божіе: *вострубитъ бо и мертвіи возстанутъ* (1 Кор. 15, 52.), и опять въ другомъ

мѣстѣ яснѣе: и пошлетъ ангелы своя съ трубными гласомъ великимъ и соберетъ избранныя Ею (Матѣ. 24, 30.)

Итакъ перестанемъ невѣрить измѣненіямъ и обновленіямъ. Ибо и жизнь растений и различныхъ животныхъ и самихъ даже людей научаетъ насъ, что ничто изъ того, что подвержено тлѣнію и рожденію, не остается тождественнымъ, но измѣняется и превращается. И вопервыхъ, если угодно, рассмотримъ измѣненіе наше съ возрастами. Каково грудное дитя, это мы знаемъ. По прошествіи малаго времени оно получаетъ силу ползать и ничѣмъ не отличается отъ малыхъ щенковъ, опирающихся на четыре лапы. Около третьяго года дитя начинаетъ стоять прямо и издаетъ звуки, лепеча и картавя. Потомъ говоритъ членораздѣльно и дѣлается пріятнымъ мальчикомъ. Отъ этаго возраста переходитъ въ отрока и юношу; когда же пухъ покроетъ щеки, спустя немного является густая борода, одно изъ другаго; за тѣмъ (является) мужъ въ цвѣтѣ силъ, крѣпкій, способный выносить труды. Послѣ же того какъ пройдетъ четыре десятка годовъ, начинается обратная переиѣна; сѣдѣетъ голова, сила склоняется къ слабости и приходитъ наконецъ старость,—совершенное изчезновеніе силы, тѣло наклоняется и сгибается къ землѣ, какъ слишкомъ перезрѣлый колось; то что было гладко дѣлается морщини-

стымъ; бывшій нѣкогда юношею и крѣпкимъ мужемъ опять является младенцемъ не ясно говорящимъ, непонятливымъ, также ползающимъ на рукахъ и ногахъ, какъ и прежде. Все это чѣмъ тебѣ кажется? Не измѣненіемъ ли? Не многообразными ли перемѣнами? Не различными ли обновленіями, преобразующими смертное животное и прежде смерти? А сонъ нашъ и бодрствованіе, не послужатъ ли для разумнаго человѣка наученіемъ относительно искомаго? Ибо первый есть образъ смерти, а послѣднее подобіе воскресенія. Посему и нѣкоторые изъ языческихъ мудрецовъ назвали сонъ братомъ смерти, по сходству того, что испытываетъ душа въ томъ и другой. Ибо въ томъ и другой одинаково забвеніе и незнаніе прошедшаго и будущаго; тѣло лежитъ безчувственнымъ, не узнавая друга, не зная врага, не видя стоящихъ вокругъ и смотрящихъ, изнѣможенное, мертвое, лишенное всякой энергіи, ни чѣмъ не различное отъ (тѣлъ) положенныхъ въ гробахъ и могилахъ. Такъ, если захочешь, можешь ограбить спящаго какъ мертваго, опустошить его домъ, наложить оковы; а онъ не обваруживаетъ никакого ощущенія того, что дѣлаютъ. Немного же слушя, когда дается нѣкоторая поддержка и подкрѣпленіе въ немощи, человѣкъ встаетъ какъ бы недавно оживившись, мало по малу приходитъ въ сознаніе себя и того, что дѣ-

дается, постепенно возвращая дѣятельность своихъ силъ, какъ бы одушевленный живительною силою бодрствованія. Если же въ продолженіе настоящаго существованія и пребыванія чловѣка, связаны съ его жизнію столь многія дневныя и ночныя особенныя состоянія, измѣненія, смѣны памятованія и забвенія; то было бы крайне неразумно и дерзко не вѣрить Богу, общающему обновленіе въ послѣдній день, — Богу, которому принадлежитъ и первое зажительное образованіе его.

Особенно даетъ оружіе противорѣчащимъ намъ, и способствуетъ ихъ невѣрію, прежде всего, думаю, то, что они полагають, будто тѣла подвергаются совершенному исчезновенію. Но это не такъ. Ибо тѣло не исчезаетъ окончательно, но разрѣшается на части изъ которыхъ сложено; и эти части существуютъ въ водѣ и воздухѣ, въ землѣ и огнѣ. Поелику первообразныя стихіи всегда пребываютъ и въ нихъ возвращается послѣ разрѣшенія то, что отъ нихъ (заимствовано); то въ сихъ стихіяхъ совершенно остаются цѣлыми и части (тѣла). Если же Богу весьма легко создавать изъ не (сущаго), ибо такъ въ началѣ все воспріяло бытіе); то производитъ изъ началъ существующихъ, конечно, гораздо легче и удобнѣе. Итакъ не станемъ отнимать благой надежды у людей, — исправленія нашей помощи

и втораго, такъ сказать, рожденія, свободнаго отъ смерти; по чрезмѣрной любви къ удовольствіямъ не станемъ пренебрегать благимъ челоуѣколюбивымъ общаніемъ Божиимъ. Ибо противники раскрываемой нами мысли кажутся мнѣ друзьями зла и врагами добродѣтели, людьми сластолюбивыми, любостыжательными, невоздержными, и очами и слухомъ и обоняніемъ, — всѣми чувствами приемлющими въ себя втекающее чрезъ оныя удовольствіе. Поелику же ученіе о воскресеніи соединено съ мыслию о судѣ, и они слышатъ, какъ священныя книги выразительно говорятъ, что не безответна наша жизнь, но что когда обновимся къ второй жизни, всѣ предстанемъ предъ судилищемъ христовымъ, дабы отъ онаго Судии по достоинству воспріять воздаяніе за дѣла жизни; то созная, что дѣла ихъ самыя постыдныя, достойны многихъ наказаній, по ненависти въ суду отвергають и воскресеніе. Такъ злые рабы, растратившіе имущество господина, представляютъ себѣи смерть господина и его погибель, и сообразно тому, чего сами желаютъ, вымышляютъ пустыя предположенія.

Но такъ разсуждать не станетъ никто здравомыслящій. Ибо какая будетъ польза отъ правды, отъ истины, отъ благости и отъ всего хорошаго? Если вѣтъ воскресенія, то изъ за чего труждаются и любомуарствуютъ люди,

порабощающіе удовольствіе чрева, любящіе воздержаніе, позволяющіе себѣ кратковременный только сонъ, вступающіе въ борьбу съ холодомъ и зноемъ? Скажемъ имъ словами Павла: *ямы и нѣмъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 15, 32.). Если нѣтъ воскресенія, но смерть есть предѣлъ жизни, то оставь обвиненія и порицанія. Предоставь не возбранно свободу человѣкоубійцѣ; пусть прелюбодѣй дерзновенно строитъ ковы противъ брака; пусть любостыжатель роскошествуетъ на счетъ своихъ противниковъ; никто пусть не останавливаетъ ругателя, пусть клятвопреступникъ постоянно клянется, ибо смерть ожидаетъ и того, кто соблюдаетъ клятвы; пусть иной жетъ, сколько хочетъ, потому что нѣтъ никакого плода отъ истины; никто пусть не милуетъ бѣдныхъ, ибо милосердіе остается безъ награды. Такія разсужденія производятъ (въ душѣ) безпорядокъ хуже потопа, они изгоняютъ всякую цѣломудренную мысль и поощряютъ всякій безумный и разбойническій замысль. Ибо если нѣтъ воскресенія, нѣтъ и суда; если же отъешлетъ судъ, то вмѣстѣ съ нимъ отвергнется и страхъ Божій. А гдѣ не уцѣломудриваетъ страхъ, тамъ ликуетъ діаволь. И очень прилично, къ такого рода людямъ, Давидъ написалъ оный псаломъ: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ; растлѣша и омерзѣша въ начинаніихъ* (Пс. 13, 1.). Если нѣтъ воскре-

Гр. Нисск. Ч. VIII.

сенія, то вымысль—Лазарь и богатый, и ужасная пропасть и нестерпимый пламень огня и горящій языкъ и сильно желаемая капля воды и персть бѣднаго. (Лук. 16, 19—27.). Ибо ясно, что все это изображаетъ, что будетъ при воскресеніи. Подъ языкомъ и перстомъ разумѣются не члены безплотной души, но члены тѣла. И никто пусть не думаетъ, что это уже произошло; этимъ предвозвѣщается будущее. Въ день же преобразования, когда будутъ одушевлены мертвые, каждый изъ жившихъ предстанетъ для отчета (существомъ) сложнымъ какъ прежде, состоящимъ изъ души и тѣла. А богодухновенный Іезекіиль созерцатель великихъ видѣній въ какомъ смыслѣ видѣлъ оное великое и обширное поле, полное костей человѣческихъ, проречь на которыя было повелѣно ему? И оныя кости тотъ часъ обрастали плотію, и то, что было разъединено и беспорядочно расторгнуто, совокунялось одно съ другимъ въ порядкѣ и согласіи (Іезек. 37, 1—12.). Сими словами Писаніе не съ достаточною ли ясностію доказываетъ намъ оживленіе сей плоти? А миѣ думаютъ оспаривать то, о чемъ здѣсь рѣчь, кажутся не только нечестивыми, но и глупыми. Ибо воскресеніе и оживленіе и преобразование и всѣ подобныя наименованія переносятъ мысль слышащаго оныя къ тѣлу, которое подвержено тлѣнію, такъ какъ душа, разсматриваемая сама по себѣ,

никогда не можетъ воскреснуть, поелику она не умираетъ, но безсмертна и негибнуща. Будучи же безсмертною, имѣетъ общникомъ своихъ дѣлъ смертное (тѣло), и посему во время воздаянiя отъ праведнаго Судии снова вселится въ своего сотрудника, чтобы съ нимъ воспрiять общiя наказанiя или награды.

Но чтобы наши слова были доказательнѣе и сильнѣе, разсудимъ такимъ образомъ. Что мы называемъ человѣкомъ? Душу и тѣло вмѣстѣ, или одно что нибудь? Очевидно, сочетанiе того и другаго характеризуетъ сiе живое существо; вѣтъ нужды распространяться о томъ, что не оспоримо и извѣстно. Если же это такъ; то присовокупимъ и такого рода размышленiе: то что дѣлаютъ люди какъ то: блудъ, убiйство, хищенiе и все, что сопровождаетъ эти (пороки), или напротивъ: цѣломудрiе, воздержанiе и всякое противоположное злу дѣйствованiе,— называемъ ли мы дѣйствiями обонхъ, (тѣла и души), или приписываемъ эти дѣла одной душѣ? Но и въ этомъ очевидна истина. Ибо никогда душа отдѣльно отъ тѣла не совершаетъ воровства, не подкапываетъ стѣнъ; никогда одна она не подаетъ хлѣбъ алчущему, не напаяетъ жаждущаго, не спiшитъ немедленно въ темницу, чтобы оказать пособiе страждущему въ заключенiи; но при всякомъ дѣлѣ душа и тѣло соединяются другъ съ другомъ и вмѣстѣ совершаютъ то, что дѣлаютъ. Если это такъ, то

какимъ же образомъ , допуская , что будетъ судъ за дѣла жизни, ты отторгаешь одно отъ другаго? И тогда какъ содѣланное составляетъ общую принадлежность того и другаго , ты назначаешь судилище для одной души? А если кто захочетъ быть тщательнымъ судьей чело­вѣческихъ прегрѣшеній и внимательно при­смотрится, откуда возникаютъ первыя причины грѣха, то можетъ быть найдеть, что первая вина безпорядка заключается въ тѣлѣ. Ибо часто, когда душа находится въ покоѣ и поль­зуется невозмутимымъ миромъ, глазъ страст­нымъ взоромъ взглянетъ на то, на что лучше бы не смотрѣть, и передавъ душѣ недугъ , превращаетъ въ бурю и волненіе ея тишину. Подобнымъ образомъ и ухо, прислушавшись къ какимъ либо безстыднымъ и возбуждаю­щимъ словамъ, какъ бы черезъ какіе каналы проводить въ мысли скверну своего смятенія и нестроенія. Бываетъ, что и носъ посред­ствомъ чувства (обонянія) и вдыханія вносить во внутренняго чело­вѣка великое и неиз­образимое зло. Умѣютъ и руки посредствомъ осязанія разслаблять твердость мужественной души. И когда я такимъ образомъ мало по малу начинаю изслѣдовать и разсматривать, то нахожу, что тѣло виновно во многихъ грѣхахъ. Несетъ оно также и труды за добродѣтель и при подвигахъ , также выносить страданія , будучи посѣгаемо желѣзомъ, палимо огнемъ,

поражаемо бичемъ, отягчаемо тяжелыми узами и подвергаясь всякаго рода мукамъ, чтобы не измѣнить священному любомудрію, которое, какъ бы'какой украшенный прекрасными стѣнами и башнями городъ, окружено бранію со зломъ. Итакъ если тѣло въ достиженіи совершенства труждается вмѣстѣ съ душою, и въ прегрѣшеніяхъ не отстанетъ отъ нея; то на какомъ основаніи влечешь на судилище одну невещественную душу? Такое мнѣніе и не справедливо и не здравомысленно. Если душа одна и безъ тѣла согрѣшила, одна и будетъ наказана; если же имѣла явнаго соотрудника, то и его не оставитъ безъ наказанія праведный Судія. А я слышу, что Писаніе говоритъ и то еще, что осужденные будутъ подвергнуты справедливымъ казнямъ: огню и мраку и червю. Все это суть наказанія для сложныхъ и вещественныхъ тѣлъ; души же самой никогда не коснется огонь; и мракъ не можетъ быть для нея тяжелымъ, такъ какъ она лишена очей и зрительныхъ органовъ. Что могъ бы сдѣлать ей и червь, который способенъ повреждать тѣла, а не души? Посему послѣдовательный ходъ разсужденій отовсюду побуждаетъ насъ признать воскресеніе мертвыхъ, которое въ надлежащее время совершитъ Богъ, дѣломъ утвердивъ собственныя обѣтованія. Итакъ повѣримъ говорящему: *вострубятъ бо, и мертвіи возстанутъ* (1 Кор. 15, 52.), и опять:

врядетъ часъ, въ онѣже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Его, и изыдутъ сотворшии блая въ воскрешеніе живота, а сотворшии злая въ воскрешеніе суда (Іоан. 5, 28. 29.). И не объщаетъ только, но и дѣлами, которыя ежедневно совершаетъ, ясно научаетъ, что Онъ всемогущъ. Ибо ни въ началѣ не утомился творя, ни преобразуя (созданное) не оскудѣетъ мудростію. Посмотримъ на настоящее, и мы повѣримъ тому, что будетъ. Всякое дѣйствіе Божіе возбуждаетъ въ насъ изумленіе; такъ велико и невыразимо чудо, когда видимъ, что черты отцевъ и прадѣдовъ точно переходятъ въ наружность потомковъ, и дѣти носятъ на себѣ отпечатокъ предковъ. Здѣсь-то я необычайно изумляюсь премудрому искусству совершеннѣйшаго Художника Бога и Спасителя, какъ въ неизреченной тайнѣ зиждутся подражанія первообразамъ, когда тѣ уже и не существуютъ и не являются, какъ бы воскрешая умершихъ въ другомъ нѣкоемъ видѣ чрезъ дѣйственность ихъ типовъ. А часто и особенности многихъ лицъ вмѣстѣ отображаются въ одномъ тѣлѣ; носъ отца, глазъ дѣда, походка дяди, звукъ голоса матери, и одинъ человекъ представляется какъ бы какимъ растеніемъ, принявшимъ прививки отъ многихъ деревьевъ и приносящимъ при сборѣ тысячи видовъ плодовъ. Все это удивительно, и какъ происходитъ, для насъ неизвѣстно, но легко

для Знждителя и совершается Имъ, какъ знаемъ, безъ всякаго труда. Посему крайне неумѣстно и неразумно допускать, что отличительные признаки сгнившихъ и уже истлѣвшихъ тѣлъ въ раждающихся ежедневно въ настоящее время (людяхъ) воскресаютъ и чужое переходить въ другихъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ не признавать, что собственныя и особенныя свойства каждаго, въ самыхъ тѣхъ лицахъ, которыя нѣкогда приобрѣли ихъ, не возобновятся и не оживутъ, но напротивъ отвергать это и оспаривать, почитая вымысломъ, а не (вѣрнымъ) словомъ обѣтованіе Того, который все это видимое нами составилъ и украсилъ, какъ восхотѣлъ. Но мы вѣруемъ воскресенію, возсылая славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

НА СВЯТУЮ И СПАСИТЕЛЬНУЮ ПАСХУ.

Истинный покой субботы, получившій Божіе благословеніе, которымъ Господь почилъ отъ дѣлъ своихъ, для спасенія міра субботававши упраздненіемъ дѣятельности смерти, уже оканчивается, явивъ особенную благодать и взорамъ, и слуху, и сердцу, посредствомъ всего того, что при совершеніи празднованія, мы видѣли и слышали, отъ чего получили сердечную радость. [Ибо то, что видѣли мы глазами, былъ свѣтъ, свѣтившій намъ въ ночи огненнымъ облакомъ отъ лампадъ;] слово, въ продолженіи сей ночи оглашая слухъ псалмами и пѣніями и пѣснями духовными, и вливая въ душу чрезъ слухъ какъ бы какой потокъ радости, исполняло насъ благими надеждами; а сердце, радостно утѣшаясь тѣмъ, что мы слышали и видѣли, запечатлѣвало въ себѣ неизреченное блаженство. Видимое руководило его къ невидимому, такъ что благо-

дѣяніе сего унокоенія, укрѣпля неизглаголанную надежду на то, что уготовано намъ, служить образомъ тѣхъ благъ, которыхъ ни *око не видѣ*, ни *ухо не слыша*, которыя и *на сердце челоуку не взыдоша* (1 Кор. 11, 9.).

И такъ, поелику сія свѣтозарная ночь, соединившая блескъ отъ лампадъ съ ранними лучами солнца, произвела одинъ непрерывный день, не раздѣленный промежуткомъ тьмы, то мы, братіе, размыслимъ о пророчествѣ, которое говоритъ, что *сей есть день, еможе сотвори Господь* (Псал. 117, 14.). Дѣло для этого дня не тяжелое и трудное, но удовольствіе, радость и веселіе, поелику такъ говорить слово Божіе: *возрадуемся и возвеселимся въ оны*. О прекрасное занятіе! О сладостное повелѣніе! Кто замедлитъ повиноваться симъ заповѣдямъ? Кто не сочтетъ для себя вредомъ и не надолго отсрочитъ такого рода занятія? Радость,—дѣло, а веселіе,—приказаніе, чрезъ исполненіе котораго разрѣшается осужденіе за грѣхъ и печаль превращается въ радость.

Таково рѣшеніе мудрости: въ день радости,—забвеніе золь. Сей день заставилъ насъ забыть о первомъ противъ насъ приговорѣ, или лучше, не забыть заставилъ, а совѣмъ уничтожилъ его, ибо онъ совершенно изгладилъ всякое воспоминаніе о (произнесенномъ) на насъ осужденіи. Тогда дѣторожденіе въ *болзняхъ* (Быт. 3, 16.), нынѣ рожденіе безъ

мукъ; тогда отъ плоти рождались мы, чтобы быть плотію, нынѣ рожденное есть духъ отъ духа (Іоан. 3, 6.); тогда были сынами чело-вѣческими, нынѣ рождены чадами Божиими; тогда низведены были съ неба на землю, нынѣ Небесный и насъ содѣлалъ небесными; тогда чрезъ грѣхъ царствовала смерть, нынѣ наоборотъ, чрезъ жизнь получаетъ державу власти оправданіе. Тогда одинъ открылъ входъ смерти, нынѣ чрезъ Единаго вводится жизнь; тогда чрезъ смерть мы низпали отъ жизни, нынѣ смерть уничтожается жизнью; тогда отъ стыда укрывались подъ смоковницею, нынѣ облеченные славою приближаемся къ древу жизни; тогда за преслушаніе изгнаны изъ рая, нынѣ же вѣроу вселяемся въ рай. Снова предлагается намъ, кому угодно, въ снѣдъ плодъ жизни; снова райскій источникъ, раздѣляясь на четыре потока евангельскихъ рѣкъ, напаяетъ *все лице* (Быт. 2, 6.) Церкви, такъ что упоются и бразды нашихъ душъ, которыя Сбьющій слово провелъ плугомъ ученія, и обильно возвращаютъ плоды добродѣтели.

Что же нужно при этомъ дѣлать? Что иное, какъ не подражать пророческимъ горамъ и холмамъ въ ликованіи; ибо *горы, какъ сказано, взывашася яко овни и холми, яко агнцы овни* (Псал. 113, 4.). Итакъ *приидите возрадуемса Господеви* (Пс. 94, 1.), сокрушившему силу вражію и воздвигшему ради насъ великое по-

бѣдное знаменіе креста надъ падшимъ противникомъ. *Воскликисѣмъ* (Пс. 94, 1.)! Воскликновеніе же есть торжественное возгласеніе, исторгающееся у побѣдителей надъ побѣжденными.

И такъ поелику воинство нашего непріятеля ниспровергнуто и самъ онъ, имѣющій власть надъ злою ратию демоновъ, прогнанъ, погубленъ и даже обращенъ въ ничтожество, то и скажемъ: *Богъ велий Господь, и Царь велий по всей земли*, (Пс. 94, 3.), благословившій вѣнецъ лѣта благости своей и введшій насъ въ сіе духовное ликостояніе, во Христѣ Иисусѣ Господѣ, Которому слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О

НА ДЕНЬ, НАЗЫВАЕМЫЙ ПО МѢСТНОМУ ОБЫЧАЮ
У КАППАДОКІЙЦЕВЪ: Ἰπσωζομένη, ТО ЕСТЬ НА
ПРАЗДНИКЪ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА
ХРИСТА.

Какой пріятный спутникъ въ человѣческой жизни пророкъ Давидъ! Мы встрѣчаемъ его на всѣхъ путяхъ сей жизни. Какъ прилично онъ примѣняется ко всѣмъ духовнымъ возрастамъ, приспособляется къ всякому разряду стремящихся къ совершенству! Съ дѣтьми по Бозѣ онъ вмѣстѣ играетъ, съ мужами вмѣстѣ подвизается, юношей руководить, старости служить опорой; всѣмъ бываетъ все: для воиновъ,—оружіе, для подвизающихся,—наставникъ, для упражняющихся въ борьбѣ,—училище, для побѣдителей,—вѣнецъ; соотрапезникъ въ радости, утѣшеніе въ печали. Нѣтъ ничего въ нашей жизни, что лишено бы было этаго благодатнаго участія (пророка). Есть ли какая сильная молитва, которой не содѣйствовалъ бы Давидъ? Есть ли какая радость праздника, которой бы не украсилъ

Пророкъ? Это можно видѣть и нынѣ; ибо и нынѣшній праздникъ, какъ ни великъ самъ по себѣ, пророкъ сдѣлалъ еще больше, предложивъ и съ своей стороны, приличныя предмету онаго, слова радости изъ псалмовъ. Ибо въ одномъ изъ нихъ (Псал. 22.) повелѣваетъ тебѣ быть овцею, пасомою Богомъ, и не лишаемою никакого блага, — овцею, для которой добрый Пастырь служитъ всѣмъ, и лакомъ для питанія и водою упокоенія и пищею и кущею и стезею и водительствою, распредѣляя свою благодать соотвѣтственно каждой нуждѣ. Всѣмъ этимъ онъ научаетъ Церковь, что должно тебѣ прежде всего быть овцею добраго Пастыря, благимъ оглашеніемъ руководимою къ божественнымъ пажитямъ и источникамъ ученія, дабы спогребстись ему крещеніемъ въ смерть и не страшиться этой смерти, потому что это не смерть, но тѣнь и отображеніе смерти; ибо *еще пойду говорить посреди снги смертныя, не убоюся того, что будетъ со мною, какъ зла, яко Ты со мною еси* (Псал. 22, 4.). За тѣмъ утѣшивъ палицею (ст. 4) Духа, ибо Духъ есть утѣшитель, предлагаетъ таинственную трапезу, уготованную *спротивъ* демонской трапезѣ (ст. 5); ибо демоны стужали человѣческой жизни чрезъ идолослуженіе; *спротивъ* имъ (предлагается) трапеза Духа. Потомъ помазуетъ главу елеемъ Духа и, присовокупивъ къ сему вино, весе-

лящее сердце, производитъ въ душѣ трезвенное упоеніе, твердо направивъ помыслы отъ временнаго къ вѣчному. Ибо вкусившій сего упоенія перемѣняетъ краткую жизнь на нескончаемую, *въ домѣ дней* продолжая обитаніе въ домѣ Божіемъ (ст. 6.).

Даровавъ намъ это въ одномъ изъ псалмовъ, въ слѣдующемъ за нимъ Давидъ возбуждаетъ душу къ большей и совершеннѣйшей радости. Если угодно объясню вамъ сокращенно смыслъ и сего (псалма.). *Господня земля, и исполненіе ея* (Пс. 23, 1 и слѣд.). И такъ чтоже страннаго, о человѣкѣ, въ томъ, что Богъ нашъ явился на землѣ и жилъ съ человѣками, когда земля есть Его твореніе и дѣло? И такъ нѣтъ ничего новаго и неприличнаго въ томъ, что Владыка *во своя* пришелъ (Іоан. 1, 11.); ибо Онъ приходитъ не въ чужой міръ, но въ тотъ, который Самъ устроилъ, основавъ землю на моряхъ и содѣлавъ её удобною для теченія по ней рѣкъ (ст. 2.). Для чегоже пришелъ Онъ? Для того, чтобы извлечь тебя изъ пучины грѣха, возвести *на юру* (ст. 3.), если для восхожденія ты воспользуешься царскою колесницею, то есть добродѣтельнымъ образомъ жизни. Ибо нельзя взойти на оную гору, если не будутъ сопутствовать тебѣ добродѣтели; для сего ты долженъ быть *неповиенъ рукамъ*, не оскверненъ никакимъ лукавымъ дѣломъ, *чистъ сердцемъ*, не обращаясь душою своею ни къ чему сует-

ному, и не измышлять противъ ближняго ни какаго коварства (ст. 4). Награда за сіе восхождение есть *благословеніе*; Господь даруетъ такому назначенную имъ *милость*. (ст. 5). Сей есть *родъ шущихъ* Его, восходящихъ на высоту посредствомъ добродѣтели и *шущихъ лице Бога Иаковля* (ст. 6.).

Слѣдующая же часть псалма, можетъ быть, выше и самаго Евангельскаго ученія; ибо Евангеліе повѣствуетъ о пребываніи Господа на землѣ и о возвращеніи его отъ насъ; сей же высокій Пророкъ, изшедъ изъ себя самаго какъ-бы неотягощаемый уже бременемъ тѣла и присоединившись къ небеснымъ силамъ, передаетъ намъ гласы ихъ, какъ сіи силы, торжественно сопровождая Владыку въ его нисхожденіи, повелѣваютъ пребывающимъ на землѣ ангеламъ, которымъ ввѣрена человѣческая жизнь, подыять входы, говоря: *возмите врата, князи ваша, и возмיתесь врата вѣчная: и увидетъ Царь славы* (ст. 7.). И поелику Содержащій въ себѣ все, куда ни нисходитъ, вездѣ соразмѣряетъ себя съ способностію приѣмлющихъ, (ибо бываетъ не только человѣкомъ между людьми, но, конечно соотвѣтственно тому, и находясь среди ангеловъ, низводитъ Себя до ихъ естества), то вратари спрашиваютъ у вѣстника: *кто есть сей Царь славы?* (ст. 8.). Въ отвѣтъ на сіе объявляютъ имъ, что онъ есть *крѣпкій и сильный*, имѣющій сразиться

съ плѣннввшимъ чловѣческое естество и сокрушить *илуцаго державу смерти* (Евр. 2, 14.), чтобы по уничтоженіи послѣдняго врага возвратить къ свободѣ и миру родъ чловѣческой. Опять повторяетъ тѣже гласы (ст. 9, 10.); ибо таинство смерти уже совершилось, побѣда надъ врагами одержана и противъ нихъ воздвигается побѣдный знакъ,—крестъ. И снова *возшелъ на высоту Плѣннвшій плынъ*, давшій людямъ сіи благія *даянія* (Пс. 67, 19),—жизнь и царство. Снова должны отвориться находящіяся горѣ врата; въ свою очередь торжественно сопровождаютъ его наши стражи и повелѣваютъ отверзть Ему горнія врата, чтобы въ нихъ опять воспріять прославленіе. Но тамъ не узнаютъ Его, облеченнаго нечистою одеждою (Захар. 3, 4.) нашей жизни, багрность одѣянія Котораго (происходитъ) отъ точила (Исаі. 63, 12.) чловѣческихъ золь. Посему встрѣчаютъ сопровождающихъ такимъ вопросительнымъ гласомъ: *кто есть сей Царь славы?* За тѣмъ (слѣдуетъ) не прежній уже отвѣтъ: *крпнокъ и силенъ въ брани*, но: *Господь силъ*, пріавшій власть надъ всѣмъ, возглавившій въ себѣ все, первенствующій во всемъ, возстановившій все въ прежнее состояніе творенія, *Сей есть Царь славы.*

Видите какъ Давидъ увеличилъ для насъ сладость праздника, присоединивъ собственную радость къ веселію Церкви. И такъ будемъ

и мы подражать Пророку въ томъ, въ чемъ можно успѣшно подражать,—въ любви къ Богу, въ кротости жизни, въ долготерпѣніи къ ненавидящимъ насъ, чтобы наставленіе Пророка было руководствомъ жизни по Богѣ, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь

С Л О В О

О С В Я Т О М Ъ Д У Х Ъ .

Предметъ всякаго праздника содѣлываетъ свѣтлѣе Давидъ, всегда соотвѣтственно потребности настраивая свою многостройную цитру. Итакъ и великій праздникъ пятидесятницы пусть озаритъ намъ тотъ же пророкъ, бряцаломъ духа ударяя по струнамъ мудрости и возглашая пѣснь. Пусть изречетъ изъ онаго божественнаго пѣснопѣнія сіи приличные настоящей благодати слова: *приидите возрадуемъя Господеву* (Пс. 94, 1.). Прежде нужно узнать благодать, въ чемъ она состоитъ, а потомъ примѣнить къ содержанію ея соотвѣтствующія слова изъ пророчества; позвольте и мнѣ, сколько возможно, изъяснить по порядку все, что касается сего предмета.

Отъ начала впало въ заблужденіе человечество относительно познанія Бога, и оста-

вивъ Господа твари, одни обольстившись стали служить стихіямъ міра, другіе же начали почитать естество демоновъ, а многимъ и рукотворенныя изображенія идоловъ показались божествомъ, и для служенія симъ лжеименнымъ богамъ устроились ими и жертвенники, и храмы, и посвященія, и жертвы, и священныя роши, и капища. Но воззрѣвъ окомъ челоуѣколюбія на поврежденіе естества челоуѣческаго Владыка твари и постепенно опять возводитъ челоуѣческую жизнь отъ заблужденія къ познанію истины. Ибо какъ тѣ, кои съ нѣкоторымъ знаніемъ врачебнаго искусства восстанавлиють силы истощенныхъ долговременнымъ голодомъ, невдругъ позволяютъ имъ насыщаться, щадя ихъ слабость; но когда посредствомъ соразмѣрнаго употребленія пищи прибудетъ у нихъ силы, тогда позволяютъ сколько угодно наполнять себя пищею: такимъ же образомъ, когда челоуѣческое естество было истощено страшнымъ голодомъ, домостроительствомъ (Божіимъ) установлена была постепенность въ приобщеніи къ таинственной пищѣ, такъ чтобы люди, всегда восходя къ совершенству въ нѣкоторомъ послѣдовательномъ порядкѣ, достигли такимъ образомъ до предѣла совершенства. Ибо, что спасаетъ насъ, это есть животворящая Сила, которой вѣруемъ подъ именемъ Отца и Сына и Святаго Духа. Но неспособныя къ воспріятію сей истины вполнѣ,

въ слѣдствіе приключившейся имъ отъ душевнаго глада слабости, прежде всего, отвлекаемые отъ многобожія пророками и закономъ, пріучаются взирать на единое божество, и въ единомъ божествѣ уразумѣваютъ единую только силу Отца, будучи неспособны, какъ я сказалъ, къ совершенной пищѣ. За тѣмъ, для ставшихъ болѣе совершенными при помощи закона открывается чрезъ Евангеліе и едиnorodный Сынъ; послѣ сего предлагается намъ совершенная пища для нашего естества,— Духъ Святой, въ которомъ жизнь. Вотъ предметъ праздника; посему прилично намъ собравшимся для празднованія Духу слушаться предводителя сего духовнаго ликостоянія, Давида, который говоритъ: *приидите возрадуемся Господеву. Господь же духъ есть*, какъ говоритъ Апостоль (2 Кор. 3, 17.).

Ибо сегодня, при окончаніи, по годовичному обращенію времени, пятидесятицы, въ самый сей часъ (если теперь третій часъ дня) дарована неизглаголанная благодать. Снова сообщилъ себя людямъ Духъ, который прежде отдалился отъ нашего естества, потому что человекъ сталъ *плотію* (Быт. 6, 3.). И когда бурнымъ онымъ дыханіемъ были изгнаны изъ воздуха и разсѣяны духовныя силы злобы и всѣ скверныя демоны, тогда снишествіемъ Духа въ видѣ огня исполнились божественной силы всѣ пребывавшіе въ горницѣ (Дѣян. 1,

13): ибо невозможно иначе содѣлаться причастникомъ Святаго Духа, какъ обитая на высотѣ сей жизни. Приобщаются Святаго Духа только тѣ, кои мудрствуютъ горняя, преставивъ свое жилище отъ земли на небо, и живутъ въ *горницѣ* высокаго образа жизни. Ибо такъ говоритъ книга Дѣяній, что когда собрались въ горницѣ оный чистый и невестественный огонь раздѣляется въ видѣ языковъ по числу учениковъ. Но они бесѣдовали съ Парянами, Мидянами и Еламитянами и прочими народами, свободно приспособляя свою рѣчь къ каждому народному нарѣчію; а я, какъ говоритъ Апостоль, *хощу пять словесъ въ церкви умома моима глаголати, да и ины польую, нежели тмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14, 19.). Тогда полезно было говорить одною рѣчью съ иноязычными, чтобы проповѣдь не была бездѣйственной для невѣдущихъ, встрѣчая препятствіе въ языкѣ проповѣдующихъ; теперь же, когда всѣ (здѣсь) говоримъ однимъ языкомъ, нужно поискать огненнаго языка Духа, для просвѣщенія помраченныхъ обманомъ. Итакъ и въ семъ да руководить насъ Давидъ, взявъ въ сопутники себѣ Апостола. Ибо сей псаломъ, начало котораго даруетъ намъ радость о Господѣ, въ словахъ: *приидите возрадуема Господеви*, не только руководить насъ къ славословію Святаго Духа, но гораздо болѣе,—въ томъ, что слѣдуетъ далѣе, поучаетъ

насъ о божествѣ Его. Скажу же вамъ и самыя слова Пророка, съ которыми согласуется и великій Апостолъ; изреченіе его таково: *днесь, аще гласъ ево услышите, не ожесточите сердцеу вашихъ, яко въ прогнѣваніи, по дни искушенія въ пустыни: въ оныя же искусиша мя отцы ваши* (Пс. 94, 8. 9.). Упомянувъ о сихъ словахъ божественный Апостолъ говоритъ такъ: *тъмъ же, яко же малолетъ Духъ Святый* (Евр. 3, 7.), и сказавъ сіе приводитъ самыя слова Пророка относя ихъ къ лицу Духа. Итакъ, кто есть тотъ, котораго *искусиша отцы* ихъ въ пустынь? Кто тотъ, котораго прогнѣвали? Узнай это отъ самого Пророка, который говоритъ, что *искусиша Бога Вышняго* (Пс. 77, 56.). И Апостолъ также указавъ на лице Святаго Духа, приписываетъ Ему сіи самыя реченія: *тъмъ же, яко же малолетъ Духъ святый въ день искушенія въ пустыни, идъже искусиша мя отцы ваши* (Евр. 3, 8—9.). Итакъ, поелику Духъ Святый говоритъ: *искусиша мя отцы ваши въ пустыни*, а пророкъ свидѣтельствуеъ, что тотъ, кого искусили въ пустынь, есть вышній Богъ; то да заградятся уста духовборцевъ, говорящія неправду о Богѣ, когда и Апостолъ и Пророкъ сказаннымъ ясно возвѣщаютъ божество Духа. Ибо Пророкъ говоритъ: *искусиша Бога Вышняго* и какъ бы отъ лица Божія произносить къ Израильтянамъ оныя слова: *въ пустыни искусиша мя отцы*

ваша; а великій Павелъ сіи слова приписываетъ Святому Духу, такъ что чрезъ это доказывается, что Духъ Святый есть Вышній Богъ. Итакъ, согласны ли враги славы Духа видѣть огненный языкъ божественныхъ словесъ, освѣщающій сокровенное, или будутъ смѣяться (надъ нами), какъ надъ напившимися сладкаго вина. (Дѣян. 2, 13.)? Я же, хотя бы они и сказали это о насъ, совѣтую вамъ, братіе, не бояться порицанія таковыхъ и не упадать духомъ отъ ихъ насмѣшекъ. О, если бы и у нихъ было когда нибудь сладкое вино, это нововыжатое вино, излившееся изъ точила, которое истопталъ Господь чрезъ Евангеліе, дабы напоить тебя кровію собственнаго грозда (Ис. 63, 2. 3.)! О, еслибы и они исполнились онаго новаго вина, названнаго ими сладкимъ, котораго не испортили еще торгаши примѣсью еретической воды! Тогда они конечно исполнились бы и Духа, при помощи котораго всѣ кипящіе Духомъ какъ пѣну сбрасываютъ съ себя грубость и нечистоту невѣрія. Но не могутъ таковыя пріять въ себя сего сладкаго вина, потому что носятъ еще ветхіемѣхи, которые будучи не въ состояніи сдержать таковаго вина, еретически расторгаются. Мы же, братіе, *приидите возрадуемъя Господеву*, какъ говоритъ пророкъ, *пія и сладкія* питія благочестія, какъ повелѣваетъ Ездра (2 Ездр. 9, 51.), и свѣтло празднуй

съ ликами Апостоловъ и пророковъ, приидите,
по дару Святаго Духа возрадуемъ и вознесе-
лимся въ день сей, его же сотвори Господь во
Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава
во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

СВЯТОМУ ПЕРВОМУЧЕНИКУ СТЕФАНУ.

Какъ прекрасно слѣдуетъ одно благо за другимъ! Какое пріятное преемство радости! Ибо вотъ, мы получаемъ праздникъ за праздникомъ, удовольствіе за удовольствіемъ. Вчера Господь вселенной устроилъ для насъ пиршество, нынѣ, — подражатель Его. Какъ устрояетъ сей, и какъ Тотъ? Тотъ облечшись за насъ въ человѣческое естество, сей за Него совлекшись человѣка; Тотъ ради насъ вступая въ пещеру жизни; сей исходя изъ пещеры ради Него; Тотъ ради насъ будучи повиваемъ пеленами, сей,—побиваемый камнями за Него; Тотъ разрушая смерть, сей попирая низложенную смерть.

Потечемъ же и мы, братіе, нашимъ словомъ на зрѣлище и посмотримъ, какъ будетъ подвизаться великій борецъ, выступая на поприще исповѣданія противъ лукаваго противника человѣческой жизни. Ибо истинно, по слову

Павла, сдѣлался зрѣлищемъ для міра и ангеловъ и челоувѣковъ (1 Кор. 4, 9.) великій Стефанъ, первый украшенный вѣнцемъ исповѣданія, первый открывшій входъ лику мучениковъ, первый противопоставшій грѣху даже *до крове* (Евр. 12, 4.). И мнѣ кажется, для всего премірнаго воинства и для всѣхъ темъ Ангеловъ, какъ служащихъ такъ и предстоящихъ, для всѣхъ, какіе намъ извѣстны, горнихъ высшихъ чиновъ, для началъ, силъ, престоловъ, властей, господствъ и для всего небеснаго сонма, служилъ тогда зрѣлищемъ сей подвижникъ борющійся съ противникомъ. Ибо жизнь челоувѣческая простиралась предъ борющимися какъ бы какое поприще, гдѣ они взаимно возбуждали къ бою другъ друга; съ одной стороны лукавый противникъ челоувѣковъ, со времени паденія прародителей до временъ Стефана искусившійся въ одержаніи побѣдъ надъ людьми; съ другой, — великій подвижникъ вѣры, ни во что ставящій нападеніе противника. Было у обоихъ и оружіе другъ противъ друга: у виновника смерти, — угроза (смертію) у ученика жизни, — исповѣданіе вѣры. И кто не подивится этому новому виду борьбы, когда основаніемъ сужденія объ истинѣ служила жизнь и смерть, когда доказательствомъ истины была смерть? Ибо проповѣдникъ сокровенной вѣры и невѣдомой жизни самымъ дѣломъ

провозгласилъ людямъ (истину) своего проповѣданія; поелику для людей здравосудящихъ готовность оставить сію жизнь служила доказательствомъ того, что жизнь оставляемая перемѣняется на лучшую.

Но лучше постараемся точно живописать словомъ, какъ бы на картинѣ, весь подвигъ Стефана, чтобы послѣдовательнымъ изображеніемъ того, что было, удобнѣе показать цѣлый рядъ чудесъ. Незадолго прежде, бурное дыханіе свыше, разсѣявшее воздушную и лживую силу демоновъ, наполнило домъ, въ которомъ находились апостолы и Духъ, раздѣлившись въ видѣ огненныхъ языковъ по числу приѣмлющихъ благодать, пребылъ на каждомъ изъ нихъ. При видѣ необычайнаго чуда, обнаружившагося въ звукахъ и языкѣ, объяли ужась и смятеніе всѣхъ собравшихся въ Иерусалимѣ изъ всякаго народа, когда они раздѣленные различными и разнообразными особенностями языковъ, всѣ внезапно оказались понимающими рѣчь учениковъ на этихъ языкахъ, и когда у Апостоловъ способность говорить (иными языками) возникла не вслѣдствіе предварительнаго ученія и какого-либо упражненія, но отъ вдохновенія Духа, чрезъ внезапное дарованіе сей благодати. Ибо нужно было, чтобъ утратившіе единство языка при строеніи земной башни опять обрѣли сіе единство при духовномъ созиданіи Церкви.

Посему домостроительство Святаго Духа хорошо начинается дѣйствіе благодати тѣмъ, что общее для всѣхъ людей благодѣяніе одинаково содѣлываетъ доступнымъ разумѣнію на всякомъ человѣческомъ языкѣ, дабы проповѣдь благочестія, будучи заключена въ предѣлахъ одного только языка, не осталась бы бесполезною и недѣйствительною для говорящихъ на иныхъ языкахъ.

Итакъ, когда Фарисеи не вѣрили собственнымъ ушамъ и старались ввести въ заблужденіе изумленныхъ чудодѣйствіемъ, насмѣшливо говоря, что такое необычайное состояніе произвело въ нихъ сладкое вино; когда Петръ одною рѣчью, какъ бы какою сѣтью, уловилъ Христу три тысячи душъ, и Церковь затѣмъ постоянно умножалась приращеніемъ спасающихся; когда хромой отъ рожденія опять отверзъ спасающимся красныя врата храма, сидя при которыхъ, посредствомъ своего чудеснаго исцѣленія, руководилъ къ вѣрѣ храмлющихъ душею, — и такъ въ то самое время, когда многіе стекались на проповѣдь вѣры и когда потребно было большее количество людей для служенія благодати,—тогда на помощь Апостоламъ призывается Духомъ великій пръ мудрости и благодати Стефанъ. И пусть никто, останавливаясь на названіи *служеніе* (Дѣян. 6, 2.), не думаетъ, будто этимъ онъ ставится ниже апостольскаго достоинства,

поелику и Павелъ признавалъ себя служителемъ Тайнъ Христовыхъ (1 Кор. 6, 5.), и Господь вселенной, своею плотію совершившій домостроительство спасенія человѣка, не стыдился именованія служенія, говоря, что Онъ посреди (учениковъ) *яко служаи* (Лук. 22, 27.), совершая *раздѣленіе служеній*, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 12, 5.). Ибо какъ огонь, охвативъ пригодное для него вещество, подымлетъ пламень въ высоту и производитъ большій прежняго свѣтъ; такъ и Духъ Святой, вселившись въ великую душу Стефана, содѣлалъ яснѣйшими лучи благодати. Посему на него обращали взоры всѣ имѣвшіе какое-либо знаніе и образованіе; и тѣ, кои почитали себя въ этомъ отношеніи сильнѣе другихъ, согласившись вмѣстѣ, образовали какъ бы какой плотный ратный строй, пытаясь такимъ образомъ отразить удары Стефана. Но онъ для всѣхъ былъ равно не преоборимъ, вступалъ ли въ борьбу со многими, или съ немногими. Въ настоящемъ случаѣ, по видимости, вступали въ борьбу съ подвижникомъ истины Александрійцы, Либертинцы, Кириейцы и другіе отовсюду собравшіеся; но тотъ, кто скрывался за сею видимостію, былъ отецъ лжи, въ лицѣ людей возставшій противъ глаголавшей въ Стефанѣ истины. Между тѣмъ хотя истина и восторжествовала надъ ложью, когда оный доблестный мужъ совер-

шенно обратился въ бѣгство всѣхъ поборниковъ лжи; однако служитель истины терпѣть навѣты отъ врага истины, какъ будто открывалъ не дѣйствительную, а измышлялъ мнимую истину. Я сказалъ бы діаволу: къ чему ты строишь эти ковы противъ провозвѣстника (истины)? Если у тебя есть сила, то поражай истину говорящую въ Стефанѣ; если же она не доступна твоимъ ухищреніямъ, то что изощряешь злобу свою противъ сосуда истины и уничтожаешь содержащее, оставивъ (неприкосновеннымъ) содержимое? Не подобное ли нѣчто дѣлаютъ псы, грызущіе камни, которыми въ нихъ бросаютъ, но не трогающіе того, кто бросаетъ? И такъ, поелику ложь была избличена противопоставленною ей (истиною), и оный лукавій уже не въ состояніи былъ найти какого-либо другаго поборника лжи, такъ какъ всѣ обратили взоры къ ясно открытой истинѣ; то онъ вспоминаетъ о собственномъ своемъ ратномъ искусствѣ, раздѣляетъ свою силу между обвинителями и судьями и, дѣйствуя въ тѣхъ и другихъ, однихъ побуждаетъ говорить ложь на Стефана, другихъ съ гнѣвомъ принимать клевету; и различно настроивъ Іудеевъ своими внушеніями, становится противъ Стефана всѣмъ, и обвинителемъ и судьей и палачомъ и всѣмъ прочимъ, что могло служить къ его смерти, не зная какому паденію подвергнется самъ

послѣ такого приговора противъ Стефана. Ибо какъ опытные борцы, уступая тѣлесной силѣ противниковъ, готовятъ имъ болѣетяжкое паденіе посредствомъ нѣкоторой искусственной ловкости; такъ и великій Стефанъ, простертый по землѣ, наноситъ тяжкое пораженіе противнику. Ибо съ этой поры потекли апостолы по вселенной; здѣсь начало распространія ученія повсюду; поелику, еслибъ Іудейскій народъ послѣ убійства Стефана не возсталъ съ неистовствомъ на Апостоловъ, то благодать Евангелія ограничилась бы, можетъ быть, однимъ Іерусалимомъ; теперь же, гонимые Іудеями, они разсѣваются каждый по различнымъ народамъ вселенной, отовсюду изгоняя діавола ученіемъ таинствъ. Такъ, приемлетъ слово Божіе Самарія; такъ, мимоходомъ на пути Филиппъ содѣлываетъ спасеніе евнуха; такъ великій сосудъ Церкви Павелъ, вооруженный отъ діавола гнѣвомъ и угрозами, обращаетъ стрѣлы противъ того самаго, кто вооружилъ его, изгоняя его за предѣлы всей вселенной, такъ какъ ни одной страны не оставилъ онъ недоступною вѣрѣ во Христа. Съ этихъ поръ Египтяне, Сиріяне, Паряне и жители Месопотаміи, Италійцы и Галаты, Иллирійцы, Македоняне (познаютъ Христа), и ученіе, распространяясь всюду, приводитъ всѣ народы къ вѣрѣ. Видишь ли ратоборческое искусство Стефана? Видишь ли, сколь

многими ударами сокрушенъ врагъ, мнѣвшій посредствомъ клеветы взять верхъ надъ своимъ противникомъ?

Но возвратимся назадъ, на поприще борьбы. Какими словами клеветники возбуждаютъ народъ? *Человѣкъ сей не престаеѣ, говорятъ они, глаголы хульныя глаголя на мѣсто святое сіе и законъ. Слышахомъ бо его глаголюща яко Иисусъ Назорей сей разоритъ мѣсто сіе, и измѣнитъ обычаи, яже предаде намъ Моисей (Дѣян. 6, 13. 14.)*. Таково обвиненіе риторовъ діавола. Но каково безуміе слушающихъ? За что съ гнѣвомъ встаютъ противъ обвиняемаго? Что худаго усмотрѣли въ сихъ словахъ? Что выставляли они какъ обвиненіе противъ него, то впоследствии совершилось. Говорили, будто онъ сказалъ, что мѣсто сіе имѣетъ быть разрушено и постановленія Моисеевы будутъ отмѣнены. Какое же преступленіе заключается въ сихъ словахъ, истинны ли они, или ложны? Ибо если говоритъ ложь, то не произойдетъ этого печальнаго событія, если же правду, то что преступнаго въ словѣ, которое предсказываетъ то, что сбудется? Чему быть непремѣнно, то совершится, будемъ ли мы молчать о томъ, или нѣтъ: а улучшить ли скольконибудь участь опечаленныхъ умерщвленіе предсказателя? Потомъ обвиняется Иисусъ Назорей, а къ наказанію приговаривается Стефанъ. И если преступникъ возбуждаетъ

гнѣвъ, преступленіе же состоитъ въ переустройствѣ мѣста и обычаевъ, а это по словамъ обвинителя произведено не Стефаномъ, а Иисусомъ; то судъ конечно долженъ былъ обратиться противъ обвиняемаго. О несправедливый приговоръ слушающихъ! Поелику, говорятъ, Иисусъ измѣнить законы, то пусть будетъ побитъ камнями Стефанъ. Но какимъ образомъ измѣнить законъ Иисусъ, Который такъ стоялъ за законъ, Который все установилъ для утвержденія древнихъ (законовъ) и сказалъ: *не придохъ разорити законъ, но исполнити* (Матѳ. 5, 17.); Иисусъ, Который законъ воспрещающій убійство подтвердилъ своимъ ученикамъ тѣмъ, что совершенно возбранилъ гнѣвъ (Матѳ. 5, 21. 22.), Который вмѣстѣ съ вожденіемъ изгналъ прелюбодѣяніе (ст. 28), Который запрещеніемъ мстить за оскорбленіе узаконилъ не допускать даже и начала злыхъ обидъ (ст. 43. 44.), Который заповѣдавъ раздаяніе имущества искоренилъ страсть любостыжанія. Какъ же этого и не припомнили и не подвергли изслѣдованію и обсужденію? Желалъ бы я теперь присутствовать на собраніи оныхъ кровожадныхъ судей и спросить о мѣстахъ, изъ за которыхъ они неистовствуютъ: гдѣ оный знаменитый храмъ, гдѣ тѣ, до невѣроятности огромные камни, гдѣ оное золото, которое по цѣнѣ едва ли не должно было равняться остальнымъ мате-

Гр. Иисск. Ч. VIII.

ріаламъ храма, гдѣ законныя священнодѣйствія, овенъ, телець, агнецъ, телица, голубь, горлица, козелъ отпущенія? Если съ тою цѣлю осуждаютъ на смерть Стефана, чтобы не постигло какое-либо изъ этихъ бѣдствій, то пусть покажутъ, что они сберегли для себя посредствомъ этого незаконнаго убійства? Если же ничего такого не уцѣлѣло, изъ-за чего провнесенъ оный приговоръ, то пусть скажутъ, изъ-за чего это убійство? Но мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изображеніи подвиговъ Стефана, какъ мститъ кровожаднымъ убійцамъ осыпаямъ камнями, какъ хлопьями снѣга, какими ударами отражаетъ тѣхъ, которые сыплютъ на него градъ камней. Пусть сыны Іудеевъ узнаютъ оружіе христіанъ, которое великій Стефанъ, употребивъ для отмщенія мучителямъ, своимъ примѣромъ далъ законъ для нашей жизни. Они съ звѣрскою и безчеловѣчною яростію обступивъ Святаго, всѣ имѣли въ виду одну цѣль: все, что было подъ рукою, обратить въ оружіе противъ Стефана; а онъ какъ нѣкій Священникъ, по духовному закону закаляющій чистую жертву, приносящій не чужое, а собственное тѣло, вмѣсто возліянія изливающій кровь, самъ собою за согрѣшившихъ умилостивлялъ Бога, Котораго зрѣлъ въ недоступныхъ небесахъ, за убійство отмщая благодѣянiемъ, вопія въ слухъ убійцамъ и говоря: *Господи, не поста-*

ви имъ грѣха сею (Дѣян. 7, 60.). Онъ молитвою изглаждалъ грѣхъ ихъ, который убійцы вписали своими незаконными руками, а они, раздражаясь даже молитвою, не переставали бросать камни до тѣхъ поръ, какъ великій Стефанъ, засыпанный ими какъ нѣжными цвѣтами, или какъ бы покрытый какою легкою росой, погрузился въ сладкій и блаженный сонъ.

Но побѣда предварила (окончаніе) борьбы, и мы видимъ борца увѣнчаннымъ прежде конца подвиговъ; ибо прежде чѣмъ мы разсмотрѣли самый подвигъ, наше слово коснулось уже конца подвиговъ. Однако я думаю, наше слово не должно опускаться изъ виду того, въ чемъ особенно ясно открывалась доблесть мученика: каково было собраніе замышлявшихъ убійство и какъ у всѣхъ равно духъ возбужденъ былъ къ убійству, какое согласіе на зло было у собравшихся, каковъ взоръ cadaго, каковъ внѣшній видъ, какой скрежетъ зубовъ, какъ даетъ знать о томъ божественное Писаніе: *распылахуся сердца свои и скрежестяху зубы на нѣ* (Дѣян. 7, 54.). Но стоявшій посреди столькихъ и такихъ людей, возставшій противъ всей силы вражіей, дѣйствовавшей посредствомъ сихъ кровожадныхъ, во всемъ препобѣдилъ ихъ величіемъ души, противопоставивъ гнѣву, — долготерпѣніе, угрозамъ, — пренебреженіе, страху смерти, —

презрѣніе жизни, ненависти, — любовь, злобѣ, — благорасположеніе, клеветѣ, — очевидность истины. Подвижникъ истины явилъ себя побѣдителемъ не однимъ какимъ-либо способомъ; но противъ всякаго вида злобы, обнаруживаемой тогда Іудеями, онъ противопоставлялъ въ себѣ различныя добродѣтели; со всѣми видами зла сражался и всѣ побѣждалъ. Такъ я слышалъ, что въ гимнастическихъ упражненіяхъ борцевъ тѣ, кои превосходятъ другихъ силою, часто, вступая въ состязаніе со всѣми участвующими въ бѣгѣ, одерживаютъ побѣду надъ всѣми противниками; таковъ былъ и предводительствующій на поприщѣ мучениковъ; онъ, противопоставъ всей силѣ противника, надъ всѣми торжествуетъ побѣду. Ибо лжеименную, боровшуюся съ нимъ мудрость Либертинцевъ, Киринейцевъ и Александрійцевъ, побѣдилъ истинною мудростію; страхъ, — дерзновеніемъ, угрозу, — презрѣніемъ, озлобленіе, — благодѣяніемъ, ложь, — истиною. Они готовились къ убійству и уже вооружили руки камнями, выражая озлобленіе и взорами и тяжелымъ дыханіемъ и скрежетомъ зубовъ; а онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на братьевъ и привѣтствовалъ какъ отцевъ; ибо, *мужіе*, говоритъ онъ, *братіе и отцы послушайте* (Дѣян. 7, 2.). Они измышляли вѣроподобныя клеветы; а для него сонмище убійцъ было мѣстомъ преподаванія истины; не пре-

рывалось слово отъ страха, не ослабѣвало отъ ожидаемыхъ опасностей, не было у него смерти предъ глазами, но вознесшись духомъ горѣ и взянувъ на тѣхъ, кто находился предъ нимъ, онъ какъ неразумныхъ дѣтей руководить ихъ словомъ, для доказательства ихъ заблужденія относительно догматовъ пользуясь тѣмъ самымъ, чему они вѣрили. Въ рѣчь вводится Авраамъ и вся исторія его представляется въ немногихъ словахъ; потомъ по порядку являются слѣдующіе святые; повѣствуется при этомъ о Моисеѣ, о его рожденіи, воспитаніи, наученіи; о тайноводствѣ на горѣ; о томъ, какъ поразилъ онъ казнями Египеть, какъ спасъ Израиля, какъ предвозвѣстилъ тайну Господню (Дѣян. 7.). Особенно же привело въ волненіе синадріонъ и воспламенило его гнѣвъ то, что Моисей, котораго они, какъ имъ казалось, съ особеннымъ вниманіемъ изучали, оказался защитникомъ ученія Стефанова. Посему, вставши, приводятъ дѣло къ концу, достойному и ихъ собственнаго озлобленія и желанія Стефана. Ибо онъ, переступивъ предѣлы естества, прежде исшествія изъ тѣла, чистыми очами видитъ отверзтыя предъ нимъ небесныя врата, открытое внутреннее святилище, и какъ самую божественную славу, такъ и *сіяніе славы* (Евр. 1, 3.). Видъ славы Отчей не можетъ быть описанъ никакимъ словомъ; *сіяніе же* въ види-

момъ для людей образъ созерцается подвижникомъ, являясь настолько, насколько можетъ то вмѣстить человѣческая природа. И такъ онъ ставъ выше человѣческой природы и преобразившись въ ангельскую красоту (такъ что служилъ предметомъ удивленія и для самихъ убійць, когда видъ лица его измѣнился по подобію достоинства ангельскаго) увидѣлъ недоступное взору и громогласно возвѣстилъ явившуюся ему благодать. А они затыкали уши и не хотѣли слушать повѣствованія о видѣніи, поступаая хорошо по крайней мѣрѣ на сей разъ; ибо слухъ печистыхъ не былъ достоинъ принять повѣствованіе о божественномъ явленіи. И такъ, онъ сообщалъ всѣмъ предстоящимъ о благодати, передавая своимъ разказомъ во всеобщее свѣдѣніе то, чего былъ удостоенъ только онъ одинъ; *вижу*, говоритъ онъ, *небеса отверзта и Сына чловѣча одесную столица Бога* (Дѣян. 7, 50.). Они же, возопивъ громкимъ голосомъ и затыкая уши, единодушно устремились на него. Очень хорошо въ повѣствованіи о нихъ и вопль ихъ причисленъ къ дѣламъ, чтобы показать сродство произволенія ихъ съ произволеніемъ Содомлянъ. Ибо и ихъ беззаконіе Судією названо воплемъ; *воплъ*, говоритъ онъ, *Содомакій и Голоррекій взыде ко Мнѣ* (Быт. 18, 20.). И такъ они вопіяли для того, чтобы былъ услышанъ ихъ вопль противъ Стефана.

Подвижнику же не было неизвѣстно, что чрезъ озлобленіе убійць онъ получаетъ благодѣяніе; ибо какъ бы вѣщемъ увѣчанный въ кругу побивавшихъ его камнями, онъ такъ принималъ происходившее, какъ будто руки противниковъ сплетали ему побѣдный вѣнецъ. Посему-то убійцамъ и мститъ благословеніемъ, прося не возмездія за содѣянное надъ нимъ, въ противоположныхъ послѣдствіяхъ,—чтобы ему принесло это жизнь, противникамъ же его гибель; но моля, чего удостоивался самъ, того не лишать и враговъ, какъ содѣйствовавшихъ ему въ достиженіи благъ. Такъ умѣетъ относиться ко врагамъ тотъ, который зрѣлъ Христа; поелику онъ увидѣлъ Законодателя терпѣнія, то припомнилъ законъ, повелѣвающій любить враговъ, добро творить ненавидящимъ насъ и молиться за враждующихъ съ нами (Матѳ. 5, 44.).

Но не людскія похвалы могутъ прославить подвижника, да и цѣль его подвига состояла не въ достиженіи славы отъ людей; превзошедши цѣлый міръ величіемъ дѣянія и превысивши мѣру человѣческихъ силъ, онъ тѣмъ самымъ содѣлалъ совершенно безсильнымъ всякое хвалебное краснорѣчіе. И такъ его подвиги превыше всякаго человѣческаго слова; но намъ его дѣянія пусть послужатъ для спасенія душъ. Ибо какъ между борцами тѣлесными, тѣ, которые перестали состязаться,

обучаютъ гимнастическимъ упражненіямъ юношей, наставляя ихъ, какъ посредствомъ искусственной ловкости отражать нападенія противниковъ; такъ думаю и намъ должно учиться благочестію у великаго Стефана, чтобы, при его помощи, избѣжать нападеній духовборцевъ. Безумно возстающіе противъ славы Духа называютъ соучастникомъ своего безумія Стефана, который возрѣвъ на небо, увидѣлъ славу Божию и Иисуса, стоящаго одесную Бога. И такъ, извращающіе догматы благочестія говорятъ, что если Духъ долженъ быть несомнѣнно счисляемъ со Отцемъ и Сыномъ, то какъ Стефанъ, въ видѣніи, съ Сыномъ не видѣлъ и Духа? Какъ же Стефанъ простретъ руку помощи тѣмъ, которые обольщаются такими словами? Какъ поможетъ тѣмъ, кои слабы въ искусствѣ спорить? Въ томъ же самомъ (мѣстѣ писанія) помощь, которая ниспровергаетъ невѣріе противника. Ты, духовборецъ, спрашиваешь: если видима была слава Отца и Сына, стоящей одесную, то гдѣ Духъ? Еслибы въ тебѣ былъ Духъ, то ты не пропустилъ бы предложеннаго о Немъ слова, какъ потерявшіе зрѣніе проходятъ, не узнавая лежащаго у ихъ ногъ золота. По крайней мѣрѣ теперь послушай, если ты не затыкаешь ушей подобно Іудеямъ. Какимъ образомъ Стефанъ видѣлъ пренебесную славу? Кто отверзъ ему небесныя врата? Человѣческихъ ли

силъ то было дѣло? Или кто изъ ангеловъ подъялъ на оную высоту долу находящуюся человѣческую природу? Нѣтъ; не то говорить дѣяніе о Стефанѣ, будто бы онъ видѣлъ, что видѣлъ, въ слѣдствіе особенной своей силы, или будучи исполненъ ангельской помощи. А что говорить? *Стефанъ же сый исполнь Духа Свята, видь славу Божию* и Единороднаго Сына Божія (Дѣян. 7, 55.). Нельзя, какъ говорить пророкъ, увидѣть свѣтъ иначе, какъ видя его при посредствѣ свѣта; ибо *во свѣтъ Твоелъ, говоритъ, узримъ свѣтъ* (Псал. 35, 10.). И такъ, если созерцаніе свѣта возможно не иначе какъ при посредствѣ свѣта же, то какимъ образомъ можетъ взирать на солнце тотъ, кто находится внѣ лучей солнца? И такъ, поелику Единородный Свѣтъ созерцается въ Свѣтѣ Отца, то-есть, во Святомъ Духѣ, отъ Него исходящемъ, то поему предъовсѣщенный славою Духа разумѣваетъ Славу Отца и Сына. Потомъ какъ назовемъ истиннымъ Евангельское изреченіе, что *Бога никтоже видь видѣже* (Іоан. 1, 18)? Какъ слова Апостола не будутъ противорѣчить сказанному, когда онъ говоритъ: *Его же никтоже видѣлъ есть отъ человекъ, ниже видѣти возметъ* (1 Тимое. 6, 16.)? Ибо если слава Отца и Сына признается вмѣстимою для человѣческой природы и силы, то конечно былъ бы лжецомъ тотъ, кто сказалъ, что ви-

дѣніе божества невозможно для людей. Но необходимо допустить, что онъ не жеть и то, что повѣствуется, истинно. Итакъ, ясно открывается зломыслие духоборцевъ, потому что, по свидѣтельству Писанія, подобное усматривается подобнымъ. Стефанъ зреть Божество не съ человѣческою природой и силами оставаясь, но исполнившись благодати Святаго Духа, которою онъ возвысился до созерцанія Бога. Посему, если безъ Духа нельзя даже *речи Господа Иисуса* (1 Кор. 12, 3.), какъ говорить Апостолъ, ни уразумѣть Отчую славу, то ясно открывается, что гдѣ есть Духъ, тамъ зрится и Сынъ и вмѣстѣ созерцается Отчая слава.

Другое оружіе нечестія находятъ противъ насъ въ томъ же повѣствованіи христорборцы. Они говорятъ, что въ этомъ событіи обнаруживается низшее достоинство Единороднаго; ибо тѣмъ, что Онъ стоитъ одесную Отца, дается указаніе на то, что Онъ подвластенъ Отцу. Чтоже Павелъ, — сказалъ бы я таковымъ, чтоже прежде его жившій Пророкъ Давидъ, — оба по наученію отъ Духа повѣствующие о славѣ Единороднаго? Ибо Давидъ говоритъ: *рече Господь Господеву Мослу: сяди одесную Мене* (Псал. 109; 1.); а Апостолъ говоритъ, что Господь *сѣдлитъ одесную* престола Божія (Колосс. 3, 1.). Слѣдовательно, если стояніе есть знакъ уаменія, то сѣденіе конечно есть знакъ равно-

честія. Пусть же они, или уничтожагь свидѣтельства о Божескомъ достоинствѣ, которыми обозначается высота (пробыванія) одесную, или благочестно примуть сіе; ибо одинъ учитель у каждаго изъ сказанныхъ,—благодать Духа. Стефанъ видѣлъ то, что видѣлъ, будучи исполненъ Святаго Духа (Дѣян. 6, 8.), и то, что видѣлъ, разсказалъ; *Давидъ же Духомъ Господа Его нарицаетъ* (Матѣ. 22, 44.), какъ говоритъ Евангеліе, а Павелъ, какъ самъ говоритъ, *Духомъ глаголетъ тайны* (1 Кор. 14, 2.). И такъ, если одинъ Учитель, не разногласящій самъ съ собою (ибо учитель есть Духъ истины, пребывающій въ богодухновенныхъ мужахъ); то какимъ образомъ могъбы кто подозрѣвать какое либо разногласіе въ догматахъ!—Но по обыкновенному разумнію, говорятъ, иной смыслъ соединяется съ понятіемъ сѣденія и иной съ понятіемъ стоянія. И я соглашаюсь съ этимъ. Но слово, въ томъ значеніи, въ какомъ оно прилагается къ предметамъ тѣлеснымъ, не можетъ быть правильно примѣняемо къ природѣ безтѣлесной. По отношенію къ человѣку, сѣденіе означаетъ успокоеніе тѣла на бедренныхъ частяхъ, чтобы колѣнныя чашки, держа на себѣ тяжесть тѣла, не страдали отъ постояннаго напряженія; наоборотъ, стояніе обозначаетъ прямое положеніе человѣка на ногахъ, не успокоивающагося сидѣніемъ на бедрахъ. Въ отношеніи же

къ высшей природѣ, сидѣніе и стояніе не соединены съ сими понятіями; то и другое равно далеко и отъ обыкновеннаго значенія (сихъ словъ); ибо мы не поймемъ ни стоянія на ногахъ того, что безтѣлесно, ни сидѣнія на бедрахъ того, что не имѣеть вѣшняго вида; но подѣ каждымъ изъ сихъ словъ благочестно будемъ разумѣть твердость во всякомъ добрѣ и неизмѣняемость во всемъ. Говорящій, что Божество сѣдитъ и говорящій, что Оно стоитъ, ни сколько не разногласятъ между собою относительно смысла, не смотря на различіе реченій; первый утверждая, что Божество твердо стоитъ въ добрѣ, и послѣдній, что Оно неизмѣнно пребываетъ въ немъ. И какъ Пророкъ Давидъ и Апостоль Павелъ, каждый въ свойственныхъ себѣ выраженіяхъ говоря о сѣденіи Единороднаго, не даютъ тѣмъ разумѣть, что Сынъ сѣдитъ на престолѣ, тогда какъ Отецъ стоитъ; такъ и въ словахъ Стефана, услышавъ о стояніи Сына, ты неправильно сталъ бы предполагать, что сѣденіе свойственно только Отцу. Ибо какъ у Павла и Давида сѣденіемъ Сына одесную предполагается вмѣстѣ и сѣденіе Отца, хотя прежде и не было рѣчи объ Отцѣ; такимъ же точно образомъ и у Стефана стояніемъ Сына указывается вмѣстѣ на такое же положеніе и относительно славы Отца. Ибо понятіе образа (Евр. 1, 3.) можетъ сохраниться только тогда,

если мы все, что ни разумѣемъ и усматриваемъ въ немъ, будемъ признавать находящимся и въ первообразѣ. Какъ во благѣ благо, въ свѣтѣ свѣтъ, и во всемъ соотвѣтственными свойствами отображается въ образѣ первообразная красота; такъ и въ сѣденіи Сына (что бы ни давало разумѣть сіе наименование), вмѣстѣ разумѣется и сѣденіе Отца, подобно тому и въ стояніи Его, — стояніе Отца; иначе исчезло бы понятіе образа, какъ скоро съ измѣненіемъ свойствъ онъ сталъ бы инымъ, чѣмъ Первообразъ. Вотъ что, братіе, мы могли сказать мимоходомъ на представившійся вопросъ, такъ какъ видѣніе Стефана подало поводъ нашему слову коснуться разсмотрѣнія этого предмета. Намъ же, дай Богъ, быть не зрителями только подвига Стефанова, но и участниками благодати, исполненными Святаго Духа, въ низложеніе противниковъ, во славу Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

О ЖИЗНИ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ЧУДОТВОРЦА.

Цѣль нашего слова и настоящаго вашего собранія одна: ибо какъ для васъ причиною собранія, такъ для меня предметомъ собесѣдованія служитъ Григорій великій. Но я думаю, что одинаковой требуется сила, — дѣйтельно подвизаться въ добродѣтели и достойнымъ образомъ изложить подвиги добродѣтели словомъ. Посему намъ должно призвать ту помощь, съ которою онъ въ жизни совершалъ дѣла добродѣтели: а сія помощь, по моему мнѣнію, есть благодать Духа, которая, какъ въ жизни, такъ и въ словѣ, подкрѣпляетъ ревнующихъ о той и о другомъ. Итакъ, поелику она славная и чудная жизнь свершилась силою святаго Духа: то нужна молитва, чтобы сему слову снизошла такая же помощь, какою пользовался онъ во время жизни, дабы похвала сія не оказалась ниже достоинства самыхъ совершенствъ; но чтобы

онъ мужъ чрезъ воспоминаніе о его добродѣтеляхъ явился присутствующимъ такимъ же, какимъ онъ самъ былъ для видѣвшихъ дѣла его, современниковъ. Если бы воспоминаніе о людяхъ, болѣе прочихъ совершенныхъ въ добродѣтели, было бесполезно и слушающимъ не приносило никакого содѣйствія къ добру; тогда, быть можетъ, было бы излишне и совершенно бесполезно произносить похвальное слово, которое безъ всякой цѣли повѣствовало бы о немъ и напрасно обременяло слухъ. Поелику же сей благодатный предметъ слова, если надлежащимъ образомъ воспользоваться имъ, принесетъ общую пользу для слушающихъ, какъ для плывущихъ на морѣ маякъ, направляя къ себѣ во мракѣ блуждающихъ по морю; то думаю я, намъ обоимъ равное нужно приложить стараніе: вамъ къ слышанію, а мнѣ къ составленію слова; поелику ясно, что добродѣтельная жизнь его, на подобіе свѣтильника, чрезъ воспоминаніе свѣта душамъ нашимъ, указываетъ путь къ добру какъ описывающему его жизнь, такъ и слушающимъ; ибо мы, какъ люди, по природѣ своей, имѣемъ стремленіе ко всему похвальному и честному и желаемъ достигать онаго. Таковъ предметъ сей рѣчи! Впрочемъ я совершенно безопасно осмѣливаюсь приступить къ такому предмету, въ состояніи ли будетъ мое слово возвыситься до величія предмета, или нѣтъ;

потому что въ томъ и другомъ случаѣ слава прославляемаго останется одинаковою. Если слово мое будетъ соотвѣтствовать чуднымъ дѣламъ (его), то непременно изумить слухъ изображеніемъ совершенствъ; если же окажется ниже величія дѣлъ, то и тогда слава прославляемаго возсіяетъ; ибо оказаться выше способности хвалящихъ есть самая лучшая похвала для человѣка.

Впрочемъ никто изъ наученныхъ божественною мудростію не долженъ стараться по обычаю язычниковъ искусственными приѣмами похвальныхъ рѣчей восхвалять восхваляемаго духовно; ибо у насъ и у прочихъ сужденіе о прекрасномъ не одинаково,—и никто не найдетъ одинаковыхъ понятій о тѣхъ же предметахъ у живущихъ по обычаю міра и ставшихъ превыше міра. Для тѣхъ великимъ и достойнымъ вниманія и заботы представляется богатство, родъ, слава, мірское начальствованіе, миѳы объ основателяхъ роднаго города и, отвратительныя для имѣющихъ умъ, повѣствованія, трофеи, сраженія и бѣдствія, отъ войнъ приходящія; по нашему же сужденію, одно отечество читается рай,—первое жилище человѣческаго рода, одинъ городъ — небесный, построенный изъ живыхъ камней, коего *художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. 11, 10.); одна достопочтенность рода—сродство съ Богомъ, не случайно кому-либо до-

стающееся, по подобію благородства мірскаго, которое, послѣдовательно и само собою передаваясь, часто переходитъ и къ людямъ негоднымъ; но котораго не иначе можно достигнуть, какъ развѣ свободнымъ изволеніемъ: ибо *смыслъ пріѣхавша Ею*, говоритъ божественный гласъ, *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1, 12.). Что можетъ быть достопочтеннѣе такого благородства? Съ именемъ отечества для всѣхъ прочихъ соединены басни, вымыслы и смѣшанныя съ баснословными сказаніями, демонскія прельщенія: наше же отечество не нуждается въ повѣствователяхъ. Ибо, кто взглянетъ на небо и его красоты и окомъ души разсмотритъ все твореніе, тотъ столько найдетъ въ немъ повѣствованій о нашемъ отечествѣ, сколько въ состояніи будетъ объять своимъ умомъ чудесъ сего (творенія);—да притомъ еще не о самомъ отечествѣ, а о мѣстѣ пришельствія, о настоящемъ мірѣ, который мы получили въ удѣлъ, удалившись отъ горней жизни. Но если таково мѣсто пришельствія, то что должно подумать о томъ, каковъ главный городъ, отъ котораго зависитъ сіе преселеніе, какая въ немъ красота, какіе царскіе дворцы, каково блаженство тѣхъ, коимъ довелось обитать въ ономъ городѣ! Ибо если видимое въ твореніи таково, что превыше похвалъ; то что подумать о томъ, чего нельзя ни окомъ

обнять, ни слухомъ воспринять, ни умомъ отгадать? Этою духовною похвалою, божественный законъ хвалебныхъ словъ отстраняетъ отъ похваляемыхъ земныя глупости, считая постыднымъ, извѣстныхъ такими достоинствами прославлять тѣмъ, что въ чести на землѣ. Пусть мірской человѣкъ, обращающій вниманіе на вещественныя блага, собираетъ себѣ отъ нихъ похвалу у людей; пусть хвалится, что его родина богата скотомъ; или что близъ лежащее море изобилуетъ предметами (лакомыми) для обжоръ, или что камни, другъ на друга наложенные, украшаютъ строенія. Но кто имѣетъ въ виду высшую жизнь, для кого красота есть чистота души, богатство — нищета, отечество — добродѣтель, гордость — самыя царственные обитатели Божіи; тотъ земную славу будетъ считать позоромъ. Итакъ и мы, отказавшись отъ такого рода похвалъ, не будемъ въ похвалу великому Григорію ставить отечество, не будемъ брать на помощь нашему похвальному слову его предковъ, зная, что никакая похвала не истинна, которая не составляетъ собственности похваляемыхъ; собственною же похвалою мы называемъ ту, которая пребываетъ всецѣло неотъемлемою отъ насъ навсегда.

Итакъ, поелику мы, за отстраненіемъ всего: богатства, знатности, славы, чести, наслажденія, удовольствій, родственниковъ, дру-

зей,—нераздѣльно остаемся съ однимъ только расположеніемъ къ злу, или добру; то одного только добродѣтельнаго человѣка и почитаемъ блаженнымъ. Никто впрочемъ пусть не думаетъ, что я, не имѣя сказать вичего почетнаго объ отечествѣ и предкахъ сего мужа, подъ видомъ кажущагося пренебреженія къ сему, скрадываю что нибудь служащее не къ чести его. Кто не знаетъ о прозваніи Понта, всѣми по преимуществу присвояемомъ странѣ, которымъ указывается на извѣстную добродѣтель первоначальныхъ обитателей этой страны? Ибо одинъ на всей землѣ и морѣ Понтъ сей именуется Евксинскимъ (гостепріимнымъ), потому ли, что имя сіе свидѣтельствуеть о привѣтливости ихъ къ посѣщающимъ ихъ чужестранцамъ, или потому вмѣстѣ, что эта страна не только мѣстнымъ жителямъ и туземцамъ, но и отсюда стекающимся въ оную (иноземцамъ) въ изобиліи доставляетъ средства къ жизни; ибо такова природа сей страны, что она производитъ все необходимое для жизни, и не лишена произведеній другихъ странъ, потому что море дѣлаетъ ея собственностію привозимое отовсюду. Но хотя весь народъ сей таковъ, что какую бы часть его ни взять, подумаешь, что она превосходнѣе всѣхъ другихъ; тѣмъ не менѣе, по общему суду народа, какъ бы нѣкоторою главою всѣхъ другихъ окрестныхъ

городовъ есть (отечественный) городъ великаго Григорія, который одинъ знаменитый царь, державшій власть у Римлянъ, по имени Кесарь, плѣвившись этою мѣстностію и полюбивъ ее, призналъ достойнымъ городъ ея называть, по своему имени, Неокесаріею. Но это нисколько не относится къ нашему предмету, и я не думаю искать славы онаго великаго во святыхъ въ томъ, что страна его изобилуетъ плодами, или что городъ украшенъ строеніями, или что сосѣднимъ моремъ со всѣхъ странъ въ изобилии привозятся товары; неупомяну я также въ своемъ словѣ и о родителяхъ его, виновникахъ его плотскаго рожденія; не буду говорить объ ихъ богатствѣ, чести и мірской знатности. Ибо гробницы, памятники, надписи, мертвыя повѣствованія, что могутъ прибавить къ похвалѣ того, кто вознесъ себя выше всего міра? Впрочемъ невозможно и допустить, чтобы раздѣляли съ нимъ славу тѣ, коихъ родство, разумно родство духовное, онъ самъ отвергъ; ибо они осуетились лестію идольскою, а онъ, обратившись къ истинѣ, чрезъ вѣру сталъ членомъ горняго родства.

Посему, какъ, отъ кого онъ произошелъ, въ какомъ сначала жилъ городѣ, — все это, какъ нисколько не ведущее насъ къ предположенной цѣли, мы опускаемъ; а началомъ для похвалы его возьмемъ то время, какъ онъ

началъ добродѣтельную жизнь. Въ самомъ юномъ возрастѣ оставленный безъ естественнаго присмотра, по кончинѣ своихъ родителей, когда умъ у большей части людей, по не совершенству возраста, погрѣшаетъ въ сужденіи о добрѣ, онъ тотчасъ съ самаго начала показалъ, каковъ онъ будетъ въ совершенномъ возрастѣ. И какъ благородныя растенія, когда съ перваго роста идутъ въ прямой стволъ, настоящею своею красотою указываютъ земледѣльцамъ на красоту будущую; такимъ же образомъ и онъ, въ то время когда у прочихъ отъ невѣденія душа бываетъ неустойчива, ибо юношество большею частію весьма легко увлекается предметами суетными и бесполезными, первымъ избраніемъ образа жизни показалъ на себѣ истину словъ Давида, что *праведникъ, яко финиксѣ, процвѣтетъ* (Пс. 91, 13.). Подлинно одно это дерево (финикъ) выходитъ прямо изъ земли съ совершенно полною по густотѣ листьевъ вершиною, и тогда какъ ростъ его прибываетъ въ длину, время ничего не прибавляетъ къ широтѣ его. Такъ и онъ разцвѣлъ съ перваго появленія ростка, избраніемъ образа жизни тотчасъ же являсь совершеннымъ съ высокою вершиною. Ибо, отложивъ все, чѣмъ увлекается юношескій возрастъ,—верховую ѣзду, охоту, украшенія, одежду, игры, удовольствія, онъ тотчасъ весь устремился къ стяжанію добродѣтели, приоб-

рѣтая одно за другимъ то, что всегда прилично его настоящему возрасту. Первою добродѣтелию, которую стяжать пожелалъ, является у него любовь къ мудрости; за нею, какъ въкое сопряженное съ нею жребя, послѣдовало цѣломудріе; обимъ помогало воздержаніе; а негорделивость и незлобіе послѣдовали за презрѣніемъ денегъ; ибо нѣтъ другаго источника для тщеславія и гордости, если любостяжаніе не вводитъ за собою сіи страсти. О патріархѣ Авраамѣ повѣствуютъ, что онъ, изучивъ философію Халдеевъ, когда уразумѣлъ стройное и правильное положеніе и движеніе звѣздъ, знаніемъ о сихъ предметахъ воспользовался какъ ступенью къ созерцанію высочайшаго блага, разсудивъ, что если таково подлежащее чувству, то каково должно быть то, что превъше чувства; и такимъ образомъ достигъ искомаго, какъ-бы ставъ на ступень внѣшней мудрости и ею настолько возвысившись, что чрезъ нее приблизился нѣкоторымъ образомъ къ предметамъ непостижимымъ. Такъ и сей великій мужъ, изучивъ прилежно внѣшнюю философію, тѣмъ самымъ, что для многихъ служитъ опорой язычества, былъ приведенъ къ уразумѣнію христіанства, и оставивъ ложную религію отцевъ, взыскалъ истины суцаго, изъ самыхъ трудовъ внѣшней философіи познавъ несостоятельность языческаго ученія. Ибо замѣ-

тивъ, что философія какъ еллинская, такъ равно и иноземная, въ ученіи о Богѣ раздѣляется на различныя мнѣнія, и что представители сихъ мнѣній между собою не сходятся, а каждый усиливается при помощи изысканныхъ доказательствъ дать перевѣсъ своему мнѣнію, — онъ ихъ, какъ въ междуособной войнѣ, взаимно другъ друга испровергающихъ, оставилъ. Воспринимаетъ же твердое слово вѣры, подкрѣпляемое не какими-либо утонченными умозаключеніями и искусственными словозвукіями, но простыми словами всѣмъ равно возвѣщаемое, котораго достовѣрность заключается въ томъ самомъ, что превышаетъ вѣроятіе. Ибо если бы ученіе, о которомъ говоримъ мы, было таково, что можно объять его силою человѣческой мысли; то оно ничѣмъ не различалось бы отъ Еллинской мудрости, поелику и Еллины, что въ состояніи понять, того и существованіе признаютъ; но такъ какъ уразумѣніе высочайшаго естества недоступно мысли человѣческой, то посему, мѣсто мышленія заступаетъ вѣра, достигающая до того, что превышаетъ умъ и разумѣніе. Посему, какъ о Моисеѣ писаніе говоритъ, что онъ наученъ былъ всей премудрости египетской (Дѣян. 7, 22.): такъ и сей великій нужъ, прошедши все ученіе Еллиновъ и опытомъ дознавши слабость и несостоятельность ихъ положеній, дѣлается ученикомъ

Евангелія. Впрочемъ, прежде нежели введенъ былъ (въ церковь) чрезъ таинственное и духовное рожденіе, онъ достигъ такого совершенства въ жизни, что не внесъ въ купель (крещенія) ни какой грѣховной скверны. Когда же онъ жилъ въ Египтѣ, въ большомъ городѣ Александріи, куда отовсюду стекалось юношество учиться философіи и врачебной наукѣ; то сей юноша украшенный цѣломудріемъ свѣше своего возраста, былъ непріятнымъ зрѣлищемъ для своихъ сверстниковъ; потому что похвала чистоты его служила укоризною для ведущихъ жизнь нечистую. Итакъ, чтобы сколько нибудь оправдать себя тѣмъ, что не одни только они кажутся таковыми, развратники придумали нѣкоторый коварный замыселъ, чтобы нанести какое нибудь пятно на жизнь великаго. Для оклеветанія его они употребляютъ распутную женщину изъ непотребнаго дома, извѣстную безчестнымъ поведеніемъ; вотъ, когда онъ, по своему обычаю, въ избранномъ обществѣ съ важнымъ видомъ разсуждалъ и бесѣдовалъ съ нимъ о какомъ-то философскомъ предметѣ, подступаетъ женщина съ притворною ласкою и нѣжностями, всѣми своими словами и дѣйствіями показывая видъ, будто она имѣетъ съ нимъ связь; далѣе говоритъ, что она обманута въ условной платѣ, присовокупляя по безстыдству и поводы, которые были причиною лишенія сей платы. Когда знавшіе его

чистую жизнь вознегодовали и воспылали гнѣвомъ на сію женщину, онъ нисколько не возмутился вмѣстѣ съ тѣми, которые изъ за него разсердились и, будучи оклеветанъ, не высказалъ ничего такого, что свойственно негодующему; не призывалъ свидѣтелей своей жизни, не отрицалъ порока клятвою, не обличалъ злобы тѣхъ, которые устроили противъ него этотъ замыселъ; но обратившись къ одному изъ своихъ товарищей, спокойнымъ и равнодушнымъ голосомъ сказалъ: такой-то! Отдай ей деньги, чтобъ она болѣе не докучала и не мѣшала нашему предположенному занятію и разговору. Когда получившій такое приказаніе, узнавъ отъ блудницы, сколько она просила съ него денегъ, тотчасъ же всѣ ей отдалъ, и когда навѣтъ развратниковъ противъ цѣломудраго достигъ цѣли и плата находилась уже въ рукахъ безчестной женщины: тогда отъ Бога является свидѣтельство о цѣломудріи юноши и обличеніе клеветы товарищей. Ибо тотчасъ же, какъ только привяла въ руку деньги, поверженная лукавымъ духомъ и съ дикимъ скрежетомъ испуская не-человѣческой вопль, она падаетъ ницъ посреди собранія, внезапно представивъ собою присутствующимъ ужасное и страшное зрѣлище: распушенные волоса, терзаемые ея руками, глаза на выкатѣ, ротъ, испускающій пѣну. И не прежде пересталъ душить ее де-

монъ, какъ оный великій мужъ воззвалъ къ Богу и умолилъ Его за нее.

Таковы повѣствованія о юности сего великаго мужа, начало по истинѣ достойное его послѣдующей жизни. Но и сіе чудо таково, что, еслибы нечего было еще другаго сказать кромѣ сего, то и тогда за это одно, ни предъ кѣмъ изъ прославившихся добродѣтелию, онъ не долженъ занимать втораго мѣста въ похвалахъ. Богатый, юноша, живущій на чужбинѣ и поселившійся въ многолюдномъ городѣ, въ которомъ, потому что юноши свободно предаются удовольствіямъ, чистота жизни цѣломудренныхъ служила укоризною неразумнымъ,—когда ни мать не слѣдила строго за его поведеніемъ, ни отецъ не руководилъ его въ ежедневной жизни, безстрастіемъ возвысился до такой степени добродѣтели, что содѣлалъ свидѣтелемъ своей жизни Всевидящаго, который жестокимъ ударомъ обличилъ клевету женщины! Можно ли что-нибудь еще больше сего придумать для похвалы его? можно ли достойно надивиться ему? Умомъ преодолевъ природу и, какъ нѣкое ручное животное, подведши юность подъ ярмо разума, онъ сталъ выше волненія всѣхъ естественныхъ страстей; возбудивъ къ себѣ зависть, которая сопровождаетъ все прекрасное, сталъ выше и ея, когда не захотѣлъ мстить друзьямъ за ихъ коварство, и ту, которая слу-

жила для нихъ орудіемъ, чтобъ обезславить его, облагодѣтельствовалъ, избавивъ ее отъ демонскаго мученія молитвою. Таковъ, какъ знаемъ мы изъ исторіи, былъ Іосифъ; на его волю также представлялся случай совершить беззаконіе съ женою господина, когда она безумно увлеклась красотою юноши; свидѣтелемъ его дерзости не было бы никого изъ людей: однако онъ, взирая на (всевидящее) око Божіе, предпочелъ лучше показаться порочнымъ, чѣмъ быть таковымъ, лучше подвергнуться наказанію злодѣевъ, нежели самому быть злодѣемъ. Но можно, пожалуй, сказать въ похвалу его больше того, что повѣствуется объ Іосифѣ; ибо не одинаково возбуждаетъ отвращеніе къ оскверненію: беззаконіе прелюбодѣянія и тотъ порокъ, который повидимому имѣетъ меньшую степень грѣховности. Итакъ, кто въ такомъ случаѣ, гдѣ не угрожало никакой опасности со стороны законовъ, самое удовольствіе, отъ грѣха происходящее, почелъ страшнѣе наказанія, тотъ или превзошелъ Іосифа величіемъ дивнаго поступка, или никакъ не можетъ быть поставленъ ниже его.

Таково начало его жизни: какова же самая жизнь? Когда по окончаніи полнаго обученія вѣншей мудрости, онъ встрѣтился съ Фирмилианомъ, однимъ изъ благородныхъ юношей Каппадокійскихъ, подобнымъ ему по нравамъ,

какъ то показалъ сей послѣдующею своею жизнію, содѣлавшись украшеніемъ Каппадокійской церкви; то открывъ сему другу образъ своихъ мыслей и своей жизни, какъ бы это было предъ самимъ Богомъ и узнавъ, что и сей имѣеть такое же желаніе и стремленіе, оставляетъ всѣ занятія внѣшнею философіею и приходитъ вмѣстѣ съ нимъ къ главному въ то время руководителю въ Христіанской философій,—то былъ Оригенъ, весьма славившійся своими сочиненіями, показывая этимъ самымъ не только любовь къ ученію и прилежаніе, но также сдержанность нрава и смиреніе духа; ибо будучи самъ исполненъ такой мудрости, не счелъ для себя униженіемъ прибѣгнуть къ другому учителю въ наукахъ божественныхъ. Проживши у сего учителя потребное для изученія ихъ время, онъ, не смотря на то, что многіе просили и удерживали его въ чужой землѣ и убѣждали остаться у нихъ, предпочетши всему землю его родившую, возвращается опять въ свое отечество, принося съ собою богатство многообразной мудрости и знанія, которое подобно купцу нажилъ чрезъ обращеніе со всѣми, получившими извѣстность во внѣшнихъ наукахъ, мужами.

Для умѣющаго правильно судить о вещахъ, не совсѣмъ маловажнымъ для похвалы его покажется конечно и то, что онъ пренебрегъ такой общей просьбою города, не обратилъ

вниманія на стараніе всѣхъ лучшихъ въ немъ людей оставить его здѣсь, и на подобное желаніе пребывающихъ тамъ знатныхъ людей; ибо у всѣхъ у нихъ была цѣль, чтобъ остался при нихъ такой великій мужъ и направляя къ добродѣтели былъ законодателемъ ихъ жизни. Но онъ вездѣ, избѣгая поводовъ къ гордости, такъ какъ зналъ, что порокъ надменности большею частію служитъ началомъ худой жизни, какъ въ нѣкую пристань, переселяется въ тихую жизнь своего отечества. Здѣсь, когда весь народъ обратилъ на него вниманіе, и всѣ ожидали, что онъ обнаружитъ свою ученость всенародно въ общихъ собраніяхъ, дабы въ похвалахъ и извѣстности получить какой-нибудь плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ; сей великій мужъ, зная, съ чего должны начать проповѣдывать истинную философію тщательно усвоившіе оную, дабы не уязвить души своей страстію любочестія, (ибо похвала слушателей сильна настроить душу къ нѣкотораго рода гордости и надмать ее честолюбіемъ) — выказываетъ свою мудрость молчаніемъ, дѣломъ, а не словами показывая находящееся въ немъ сокровище; удалившись отъ шума площадей и отъ всей вообще городской жизни въ уединеніи пребывалъ самъ съ собою и чрезъ себя съ Богомъ, мало заботясь о всемъ мірѣ и дѣлахъ его, не любопытствуя о дѣлахъ государственныхъ, не рас-

прашивая о начальникахъ, не слушая разска-
зовъ, какъ идутъ какія-либо общественныя
дѣла; но заботясь о томъ, какъ довести до
совершенства душу путемъ добродѣтели, къ
этому направилъ всѣ попеченія въ своей жиз-
ни, и распростившись со всѣмъ въ мірѣ, онъ
содѣлался вторымъ Моисеемъ въ наше время,
по истиннѣ соревнующимъ ему въ чудесахъ.
Оба устранились отъ сей мятущейся и шум-
ной жизни: Моисей и Григорій, и жили каж-
дый въ свое время отдѣльно, сами по себѣ,
доколѣ божественное явленіе не открыло это-
му и другому пользу чистой жизни; но за
Моисеемъ вмѣстѣ съ любомудріемъ слѣдовала
и жена, Григорій же избралъ сожительницею
себѣ одну добродѣтель. И такъ, когда они
оба стремились къ одинакой цѣли, --(ибо ко-
нечно причиною удаленія каждаго изъ нихъ
отъ многочудства было то, чтобы чистымъ
душевымъ окомъ созерцать божественныя
тайны); то умѣющему хорошо оцѣнивать сте-
пени добродѣтели можно судить, у кого изъ
нихъ жизнь была болѣе безстрастною: у того
ли, кто снисходилъ къ законному и дозволен-
ному участию въ удовольствіяхъ, или у того,
кто возвысился надъ симъ и не давалъ ника-
кого доступа къ себѣ плотскому пристра-
стію. Когда же Федимъ, который былъ въ то
время предстоятелемъ церкви Амассійской, и
имѣлъ свыше отъ Святаго Духа силу прозрѣ-

нія въ будущее, употреблялъ все стараніе, завладѣвши великимъ Григоріемъ, дать ему начальствованіе въ церкви, чтобъ онъ такую добрую жизнь не проводилъ праздно и бесполезно; то онъ, узнавъ о намѣреніи святи-теля, задумалъ скрыться, переходя изъ одной пустыни въ другую. Славный оный Фединъ испытывалъ всѣ средства, употреблялъ все искусство и стараніе, но не могъ привести къ священству сего мужа, принимавшаго всѣ предосторожности, чтобы не быть какъ-нибудь взятымъ рукою святи-теля; и тотъ и дру-гой препирался въ своихъ усиліяхъ, одинъ желая поймать, другой избѣжать преслѣдую-щаго, ибо одинъ зналъ, что принесетъ Богу священный даръ, а другой боялся, чтобы при-соединенныя къ жизни заботы священства, какъ нѣкоторое бремя, не послужили ему пре-пятствіемъ въ любомудріи. Послѣ сего Фе-динъ, объятый нѣкоторымъ божественнымъ порывомъ къ предположенной цѣли, ни сколько не обращая вниманія на разстояніе, отдѣ-лявшее его отъ Григорія, (ибо онъ находился отъ него на разстояніи трехъ дней пути),— но воззрѣвъ къ Богу и сказавши, что Богъ въ часъ сей равно видитъ и его самого и то-го, вмѣсто руки налагаетъ на Григорія слово, посвятивъ его Богу, хотя онъ не присутство-валъ тѣломъ, назначаетъ ему оный городъ, который до того времени былъ одержимъ

идольскимъ заблужденіемъ, такъ что изъ безчисленнаго множества жителей, населяющихъ самый городъ и его окрестности, находилось не болѣе семнадцати человѣкъ, принявшихъ слово вѣры.

Такимъ образомъ принужденный взять на себя иго сіе, по совершеніи надъ нимъ послѣ сего всѣхъ узаконенныхъ (священнодѣйствій), испросивъ у назначившаго ему священство малое время для уразумѣнія въ точности таинства (вѣры) болѣе не нашелъ нужнымъ обращаться, какъ говоритъ Апостоль (Гал. 1. 16.), къ *плоти и крови*, но свыше просилъ себѣ откровенія тайнъ, и не прежде осмѣлился проповѣдывать слово, какъ нѣкоторымъ явленіемъ открыта была ему истина. Однажды когда онъ цѣлую ночь размышлялъ о предметѣ вѣры и волнуемъ былъ различными помыслами,—(ибо были и въ то время нѣкоторые люди, которые искажали благочестивое ученіе и вѣроподобными умствованіями часто представляли истину сомнительною, даже для разумныхъ);— въ это время, когда онъ озабоченный искаженіемъ сей истины проводилъ ночь безъ сна, является на яву нѣкоторый мужъ въ человѣческомъ образѣ, по виду старецъ, святолѣпный по устроенію одежды, какъ пріятностію лица, такъ и стройностію вида, обнаруживающій признаки великой добродѣтели. Когда же онъ утраченный видѣніемъ боялся встать

съ постели и спросить, кто онъ такой и зачѣмъ пришелъ; сей, кроткимъ голосомъ успокоивъ его душевное смущеніе, сказалъ, что онъ явился ему, по божественному повелѣнію, для разрѣшенія его недоумѣній, чтобъ открыть истину благочестивой вѣры. При этихъ словахъ мужество возвратилось къ нему и онъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторою радостію и изумленіемъ. Потомъ, когда тотъ протянулъ прямо руку и прямо направленными перстами какъ бы указывалъ стоящее въ сторонѣ явленіе: онъ, обративъ свой взоръ по направленію его руки, увидѣлъ противъ лица явившагося другое видѣніе въ женскомъ образѣ превосходившемъ человѣческаго, — и опять устранился до того, что склонилъ лице свое, приведенный въ замѣшательство видѣніемъ, и не въ состояніи будучи вынести сего явленія очами; необычайность сего видѣнія состояла особенно въ томъ, что въ самую глубокую ночь, такой свѣтъ окружалъ явившихся ему, какъ будто зажжена была нѣкая свѣтлая лампада. И такъ когда онъ не въ состояніи былъ выносить сего явленія глазами, услышалъ нѣкій разговоръ между явившимися ему лицами, которыя вели рѣчь другъ съ другомъ о предметѣ его изысканій. Черезъ этотъ разговоръ онъ не только научился истинному познанію вѣры, но и узналъ явившихся по именамъ; потому что каждый изъ нихъ назы-

валъ другаго собственнымъ его именемъ. Такъ, говорятъ, онъ услышалъ, что явившаяся въ женскомъ видѣ просила Евангелиста Іоанна открыть юному (епископу) тайну благочестія, а тотъ сказалъ, что готовъ и въ этомъ сдѣлать пріятное матери Господа, поелику сіе ей угодно. Такимъ образомъ въ стройныхъ и краткихъ словахъ изрекши (сію тайну), опять скрылись съ глазъ. Григорій же и божественное оное откровеніе тотчасъ заключилъ въ письмена, по оному послѣ проповѣдывалъ слово Божіе въ церкви и оставилъ сіе благодарованное ученіе, какъ нѣкое наслѣдіе потомкамъ; симъ ученіемъ даже до нынѣ тайноводствуется народъ онаго города, пребывая неприкосновеннымъ отъ всякой еретической злобы. Слова же сего тайноводственнаго ученія таковы: «Одинъ Богъ Отецъ Слова живаго, премудрости вѣстасной, и силы и образа присносущаго; совершенный, родитель совершеннаго, Отецъ Сына единороднаго. Одинъ Господь, единый отъ единаго, Богъ отъ Бога, образъ и изображеніе Божества, Слово дѣйственное, мудрость, объемлющая составъ всего, и творческая сила всей твари, истинный Сынъ истиннаго Отца, невидимый невидимаго, негнѣнный негнѣннаго, безсмертный безсмертнаго, присносущій присносущаго. И одинъ Духъ Святой, отъ Бога имѣющій бытіе (*ὁμοούσιον*) и чрезъ Сына явившійся, то-есть,

человѣкамъ; образъ Сына, совершеннаго совершенный, жизнь,—вина живущихъ, источникъ святой, святость, податель освященія; въ которомъ является Богъ Отецъ, иже надъ всѣми и во всѣхъ, и Богъ Сынъ, иже чрезъ всѣхъ. Троица совершенная, славою, вѣчностію и царствомъ не раздѣляемая и не отчуждаемая.» И такъ нѣтъ въ Троицѣ чего-либо сотвореннаго, или служебнаго; нѣтъ чего-либо привнесеннаго, какъ бы прежде не бывшаго, а въ послѣдствіи привзошедшаго. И такъ, ни въ чемъ у Сына не было недостатка передъ Отцемъ, и у Святаго Духа передъ Сыномъ: но непремѣнна и неизмѣнна есть всегда та же Троица. Кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, пусть послушаетъ церковъ, въ которой онъ проповѣдывалъ сіе ученіе: еще и до нынѣ хранятся тамъ самыя начертанія блаженной оной руки. Не равняются ли онѣ величіемъ благодати тѣмъ богоустроеннымъ скрижалямъ? Я говорю о тѣхъ скрижаляхъ, на которыхъ было начертано законодательство божественной воли. Ибо какъ о Моисеѣ говоритъ слово Божіе, что онъ, будучи внѣ видимаго и поставленный душею внутрь невидимаго, недоступнаго, (ибо на это указываетъ мракъ Исх. 20, 21.), позналъ божественныя тайны, и отъ себя научилъ богопознанію весь народъ; такъ тоже самое домостроительство можно видѣть и о семъ великомъ мужѣ. Для

него горою было не что-либо чувственное, не земная возвышенность, но высота стремленія къ истиннымъ догматамъ; мракомъ,—недоступное для прочихъ видѣніе; дскою,—душа; написанными на дскахъ письменами,—голосъ явившагося: чрезъ все это ему и тайноводствуемымъ отъ него совершилось откровеніе тайнъ.

И такъ, получивъ чрезъ оное откровеніе нѣкоторое дерзновеніе и смѣлость, какъ какой-нибудь боець, пріобрѣтши чрезъ (уроки своего) учителя достаточную силу и опытность въ борьбѣ, смѣло снимаетъ съ себя одежду на аренѣ и вступаетъ въ борьбу съ противникомъ; такимъ же образомъ и онъ, собственнымъ упражненіемъ и помощію явившейся ему благодати достаточно приготовивъ душу, выступаетъ на подвиги: ибо не инымъ чѣмъ, какъ подвигами и борьбою должно назвать всю его жизнь въ священствѣ, во время которой онъ вѣрою подвизался противъ всѣхъ силъ противника. Тотчасъ, оставивъ пустыню, онъ стремится въ городъ, въ которомъ долженъ былъ устроить Богу церковь. Когда узналъ, что вся страна сія одержима лестію бѣсовскою, что нигдѣ не устроено храма истинному Богу, но весь городъ и сосѣднія поселенія наполнены жертвенниками, капищами и кумирами (поелику весь народъ старался объ украшеніи храмовъ и капищъ идоль-

скихъ и объ утвержденіи между людьми безумнаго идолослуженія, поддерживая его торжествами и обрядами и нечистыми жертвоприношеніями); то, подобно какому-нибудь доблестному воину, который сразившись съ военачальникомъ, чрезъ него обращаетъ въ бѣгство и подчиненное ему войско, и сей великій мужъ начинаетъ подвигъ брани съ самихъ бѣсовъ. Какимъ же образомъ? Идя изъ пустыни въ городъ, поелику наступилъ вечеръ и пошелъ сильный дождь, онъ по пути заходитъ съ своими спутниками въ одинъ храмъ. Храмъ сей былъ изъ числа знаменитыхъ; въ немъ открыто сообщались жрецамъ внушенія чтимыхъ тамъ демоновъ, посредствомъ издаваемыхъ ими волшебныхъ предсказаній. Вошедши съ спутниками своими въ сей храмъ, онъ тотчасъ же привелъ въ ужасъ бѣсовъ призваніемъ имени Христова, и знаменіемъ креста очистивъ оскверненный жертвеннымъ дымомъ воздухъ, провелъ, по обычаю своему, всю ночь бодрствуя въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, такъ что оскверненное жертвенною нечистотою и кумирами мѣсто сіе обратилось въ домъ молитвы. Такимъ образомъ проведши ночь, поутру опять продолжалъ свой путь далѣе. Когда же жрецъ утромъ началъ совершать обычное служеніе демонамъ, говорятъ, что явившіеся ему демоны сказали, что храмъ сей недоступенъ для

нихъ по причинѣ пребывавшаго въ немъ. Сколько потомъ ни употреблялъ онъ нѣкоторыхъ очистительныхъ омовеній и жертвъ, чтобы водворить чрезъ то опять въ семъ храмѣ демоновъ; несмотря на всѣ попытки, его стараніе было напрасно; демоны никогда, по прежнему обычаю, не повиновались его призыванію. Тогда жрецъ, пылая гнѣвомъ и яростію, настигаетъ онаго великаго мужа, грозя ему всѣми страшными угрозами, — что онъ и донесетъ на него начальникамъ и употребитъ противъ него силу, и доведетъ до свѣдѣнія царя о его дерзости, что онъ, будучи христіаниномъ и врагомъ боговъ осмѣлился войти въ храмъ, что отъ входа его сила, дѣйствующая въ святилищѣ, удалилась и обычныхъ пророческихъ вѣщаній демоновъ въ сихъ мѣстахъ болѣе уже не бываетъ. Когда же Григорій сію дерзкую и грубую ярость жреца укротилъ великодушіемъ и всѣмъ угрозамъ противопоставлялъ помощь Божію и говорилъ, что онъ столько увѣренъ въ могущество Поборающаго ему, что по произволу можетъ прогонять демоновъ, откуда ни захочетъ и поселять въ такія мѣста, какія ему угодно, обѣщаясь представить на все сказанное тотчасъ же доказательства: то жрецъ, удивившись и изумившись величію власти, просилъ показать сію власть надъ этими самими демонами и поселить ихъ опять въ храмѣ. Выслушавъ

сіе, великій мужъ оторвалъ небольшой клочекъ изъ книги и далъ оный жрецу, написавъ на немъ нѣкоторое повелительное изреченіе демонамъ; самыя же слова, написанныя на немъ, были таковы: — «Григорій сатанѣ: войди.»—Жрецъ, взявши эту записку, положилъ на жертвенникъ; потомъ, когда совершилъ обычныя жертвоприношенія и мерзости, опять увидѣлъ то самое, что видѣлъ прежде чѣмъ демоны вышли изъ кумирни. Послѣ сего происшествія, онъ убѣдился, что Григорій владѣетъ нѣкоторою божественною силою, при помощи коей является сильнѣе демоновъ, и снова съ поспѣшностію догнавъ его, пока еще не ушелъ въ городъ, просилъ открыть ему тайну,—и кто сей Богъ, имѣющій власть надъ природою демонскою. Когда же сей великій мужъ въ краткихъ словахъ изложилъ тайну благочестія, съ жрецомъ симъ случилось нѣчто такое, что обыкновенно бываетъ съ людьми еще непосвященными въ божественныя таинства: онъ вѣру въ явленіе Божества людямъ во плоти почелъ униженіемъ понятія о Богѣ. Когда тотъ сказалъ ему, что вѣра въ сіе таинство утверждается не словами, но дѣйствительность его удостовѣрена чудесами, жрецъ пожелалъ видѣть отъ него еще чудо, чтобы такимъ образомъ онъ могъ придти къ убѣжденію въ вѣрѣ. Тогда, говорятъ, оный великій мужъ совершилъ самое невѣроятное

великос чудо. Жрецъ требовалъ, чтобы какой-нибудь изъ великихъ, предъ глазами у него лежащихъ камней, безъ помощи человѣческой руки, одною силою вѣры, по приказанію Григорія, двинулся и перешелъ на другое мѣсто; — и великій оный, нисколько не медля, тотчасъ приказалъ сему камню, какъ бы одушевленному существу тотчасъ же передвинуться въ показанное жрецомъ мѣсто. Послѣ сего чуда, этотъ человѣкъ тотчасъ увѣровалъ слову (Григорія), и оставивъ родъ, домъ, жену, дѣтей, друзей, жречество, домъ, имущество, вмѣсто всѣхъ принадлежащихъ ему благъ, предпочелъ сообщество съ онымъ великимъ мужемъ и соучастіе въ трудахъ его и въ божественномъ ономъ любомудріи и ученіи. Да умолкветъ при этомъ всякая искусственная изобрѣтательность дѣписателей, краснорѣчіемъ преувеличивающая размѣры дивныхъ дѣяній; ибо не таково вышесказанное чудо, чтобы сила краснорѣчія повѣствующаго о немъ сдѣлала его большимъ или меньшимъ, нежели каково оно есть. Кто сказавши что-нибудь сверхъ сказаннаго, увеличить это чудо? Возможно ли кому-нибудь уменьшить въ слушателяхъ удивленіе къ совершившемуся? Камень отторгается отъ камней служащихъ камнямъ; камень дѣлается проповѣдникомъ божественной вѣры и путеводителемъ невѣрныхъ къ спасенію, не ка-

кимъ-либо голосомъ или словомъ проповѣдуя божественную силу, но тѣмъ, что сдѣлалъ, показывая, что возвѣщаемый Григоріемъ есть Богъ, которому одинаково подчинена и повинуется вся тварь,—не только одна чувствующая, живая и одушевленная, но и кромѣ сей, всякая другая такъ раболѣпно служить Ему, какъ будто не лишена была чувствъ. Естьли какой слухъ у камня? Естьли какое ощущеніе власти повелѣвающаго? Какая въ немъ способность къ передвиженію? Естьли какое строеніе членовъ и органовъ? Но все это и подобное сему замѣняетъ сила повелѣвающаго, узрѣвъ которую оный жрецъ тотъ часъ уразумѣлъ направленную на обольщеніе человѣческой природы демонскую лесть, возгнушался оною и обратился къ истинному Богу, отъ содѣланнаго рабомъ заключивъ о неизреченномъ могуществѣ Владыки. Ибо если такова сила у раба, что онъ словомъ движетъ неподвижное, даетъ приказаніе вещамъ безчувственнымъ, повелѣваетъ неодушевленному: то можно уразумѣть, какое обиліе силы у Владыки всего, воля котораго была какъ бы нѣкимъ веществомъ и устроеніемъ, и силою самаго міра и всего находящагося какъ въ немъ, такъ и превыше его!

Такимъ образомъ сей великій мужъ, начавъ счастливую брань съ демоновъ, и, какъ нѣкій побѣдоносный трофей, ведя съ собою жреца,

приведши сначала въ изумленіе народъ молвою о себѣ, теперь съ увѣренностію и дерзновеніемъ входитъ въ городъ, величаясь не колесницами, конями и мулами, не множествомъ спутниковъ, но со славою окружаемый добродѣтелями. Всѣ жители города всенародно вышли посмотрѣть (на него) какъ бы на какое новое зрѣлище, увидѣть, кто это такой Григорій; который, будучи человѣкомъ, какъ какой-нибудь царь, имѣетъ власть надъ тѣми, кого они почитали за боговъ, дѣйствуетъ приказаніями, и демоновъ, какъ рабовъ, по своему усмотрѣнію поселяя куда хочетъ и изгоняя откуда пожелаетъ,—и который поработивъ ихъ какою-то властію, ведетъ съ собою и служителя ихъ, презрѣвшаго ту честь, въ которой былъ прежде, и всѣ блага свои промѣнявшаго на жизнь вмѣстѣ съ нимъ.

Когда съ такими мыслями всѣ ожидали его предъ городомъ и, видя его приближающимся, пристально смотрѣли на него, онъ проходитъ между людьми, какъ между бездушными деревьями; ни къ кому изъ встрѣчающихся не обращается, идетъ прямо въ городъ, чѣмъ самымъ приводитъ ихъ еще въ большее изумленіе, и кажется зрителямъ еще выше молвы о немъ. Входя въ первый разъ въ великій городъ при необыкновенной для него обстановкѣ, онъ не изумился такому множеству народа, собравшемуся ради его, но идя какъ бы

въ пустынь, смотрѣлъ только на себя и на дорогу, не обращаясь ни къ кому изъ собравшихся около; это самое показалось людямъ выше чуда, произведеннаго надъ камнемъ. По этой причинѣ, хотя и мало было, какъ мы сказали прежде, принявшихъ вѣру до управленія его, — онъ входилъ въ городъ такъ отсюда тѣснымъ сопровождающими, какъ будто весь городъ уже почтилъ его святительство. Но такъ какъ онъ тотчасъ же вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ посвятилъ себя любовью, освободилъ себя отъ всего, какъ отъ какаго бремени, такъ что не было у него ничего изъ необходимыхъ для жизни вещей: ни поля, ни мѣста, ни дома, но всѣмъ былъ онъ для себя самъ, или лучше сказать вѣра и добродѣтель были для него и отѣчествомъ, и домомъ, и богатствомъ; то, когда онъ вошелъ въ городъ, а дома ему для успокоенія нигдѣ не было, ни церковнаго, ни собственнаго, его сопутники пришли въ смущеніе и безпокойство, гдѣ имъ пристать и у кого найти себѣ кровъ. Учитель говоритъ имъ: «что это вы, какъ будто находящіеся внѣ покрова Божія, беспокоитесь, гдѣ можно вамъ успокоить ваши тѣла? Ужели для васъ малымъ домомъ кажется Богъ, хотя о Немъ мы и живемъ, и движемся и есмы? Или тѣснѣе для васъ кровъ небесный, что вы ищете, кромѣ сего, другаго жилища? Да будетъ забота

у васъ о томъ лишь одномъ домѣ, который есть собственность каждаго, который создается добродѣтелями и воздвигается въ высоту; о немъ одномъ вы должны заботиться, чтобы такое жилище не было неустроено у васъ; а окружать себя земными стѣнами не приносить пользы ведущимъ жизнь добродѣтельную. О построеніи стѣнъ, какъ о дѣлѣ нужномъ, особенно заботятся, какъ и должно быть, люди, преданные пороку, потому что домъ часто скрываетъ тайныя ихъ беззаконія; но ведущіе жизнь добродѣтельную не имѣютъ ничего такого, что укрывать стѣнамъ.» Когда это онъ говорилъ къ своимъ спутникамъ, находившійся при этомъ одинъ знаменитый мужъ, по роду, богатству и всему прочему, чѣмъ обладалъ, считающійся въ числѣ первыхъ, (имя мужу сему Мусоній), видя, что у многихъ одно и тоже желаніе и забота, какъ бы принять сего мужа въ свои дома, предупредая прочихъ, предвосхищаетъ благодать, прося великаго мужа остановиться у него и почтить своимъ входомъ его домъ, чтобы быть ему почетнѣе и извѣстнѣе и по смерти, такъ какъ время передаетъ память о таковой чести и потомкамъ. Поелику же и многіе другіе собравшіеся просили Григорія о томъ же, то онъ, считая справедливымъ отдать честь начавшему просить прежде, поблагодаривъ прочихъ въ ласковыхъ и почти-

тельныхъ выраженіяхъ, идетъ къ первому. Если описаніе дѣлъ его есть одно только простое и безыскусственное повѣствованіе, такъ какъ слово наше съ намѣреніемъ оставляетъ искусственную изобрѣтательность въ преувеличеніи дѣяній: то пусть и оно для тѣхъ, кои правильно судятъ о сихъ дѣлахъ, будетъ не маловажнымъ свидѣтельствомъ того, что упоминая о дивныхъ дѣлахъ его не станемъ прибѣгать къ вымысламъ, а достаточно намъ будетъ для совершеннѣйшей похвалы одного воспоминанія о его дѣлахъ; такъ природная красота на лицѣ цвѣтетъ нисколько не нуждаясь въ содѣйствіи искусственныхъ прикрасъ.

Слушавшихъ слово его сперва было малое число; но прежде нежели окончился день и зашло солнце, столько присоединилось ихъ къ первому собранію, что множество увѣровавшихъ достаточно было, чтобы составить народъ. Утромъ опять появляется народъ у дверей, вмѣстѣ съ ними и жены, и дѣти, и преклонные лѣтами и страждущіе отъ демоновъ или другаго какого-нибудь недуга. И онъ, стоя въ срединѣ, удѣлялъ силою Святаго Духа каждому изъ собравшихся то, что соотвѣтствовало его нуждамъ: проповѣдывалъ, рассуждалъ, увѣщевалъ, училъ, исцѣлялъ. И тѣмъ особенно привлекалъ онъ многихъ къ своей проповѣди, что одинаково дѣйствовалъ и на зрѣніе и на слухъ, и чрезъ то и другое

являлъ въ себѣ ясныя признаки присутствія божественной силы: ибо слухъ поражало слово, а зрѣніе,—чудеса, совершаемыя надъ больными. Плачущій получалъ утѣшеніе; юноша вразумленіе; старикъ наставляемъ приличными рѣчами; рабы, — чтобы повиновались господамъ своимъ, владѣльцы, чтобы челоуѣколюбиво обращались съ подчиненными; бѣднаго училъ онъ, что единственное богатство есть добродѣтель, что это имущество можетъ пріобрѣсть каждый, кто ни захочетъ; напротивъ того обладающаго богатствомъ вразумлялъ и училъ, что онъ только распорядитель своего имѣнія, а не господинъ. Женамъ подавая пристойныя, дѣтямъ — соотвѣтственныя возрасту, отцамъ — приличныя правила и, будучи всѣмъ вся, онъ, при содѣйствіи Духа, столько вдругъ привлекъ къ себѣ народа, что тотчасъ приступилъ къ построенію храма, потому что всѣ деньгами и трудами содѣйствовали этому предпріятію. Эготъ храмъ есть тотъ самый, начало строенія коего онъ самъ положилъ, а достойно украсилъ его одинъ изъ его преемниковъ. Храмъ сей видимъ до нынѣ. Тотчасъ же приступивъ (къ построенію его), оный великій мужъ заложилъ его на самомъ видномъ мѣстѣ города, полагая какъ бы нѣкоторое основаніе своего святительства, и совершилъ это дѣло при помощи нѣкоторой божественной силы, какъ свидѣтельствуеъ послѣдую-

ище время. Ибо во время случившагося однажды въ наши времена въ городѣ сильнѣйшаго землетрясенія, когда почти всё до основанія погибло, когда всё зданія, какъ частныя, такъ и общественныя разрушились и обратились въ развалины,—одинъ сей храмъ остался цѣлымъ и невредимымъ, такъ что и изъ сего открывается, съ помощію какой силы великій оный мужъ приступалъ къ дѣламъ своимъ. Но этимъ божественная сила показала и засвидѣтельствовала вѣру сего великаго мужа для отдаленныхъ потомковъ. А въ то время, такъ какъ всё жители какъ города, такъ и окрестностей его поражены были его апостольскими чудесами и вѣрили, что все, что онъ ни говоритъ и дѣлаетъ, дѣлаетъ и говоритъ силою божественною: то и въ спорныхъ житейскихъ дѣлахъ никакого другаго судилища не знали выше его, но всякій споръ и всё неудоборазрѣшимыя и запутанныя дѣла рѣзрѣшались его совѣтами. Отсюда чрезъ его благодатное вліяніе водворились въ городѣ законная справедливость и миръ какъ для всѣхъ вообще, такъ и для каждаго въ частности; много прибыло добра, какъ въ частности, такъ и вообще, потому что никакое зло не нарушало взаимнаго согласія.

Здѣсь не излишне, можетъ-быть, упомянуть объ одномъ судѣ его, такъ какъ, по словицѣ, вся ткань узнается нами по обрацику.

И божественное Писаніе, хотя Соломонъ много чинилъ судовъ между своими подданными, сочло достаточнымъ, въ одномъ представить всю мудрость сего мужа. Будучи судьей между двумя матерями, онъ, такъ какъ преступленія невозможно было изобличить, потому что каждая одинаково отказывалась отъ мертваго младенца и удерживала съ собою оставшагося въ живыхъ, хитростію съумѣлъ выпытать сокровенную истину. Такъ какъ преступленіе совершено было безъ свидѣтелей и подозрѣніе какъ въ истинѣ, такъ и во лжи могло одинаково падать какъ на ту, такъ и на другую: то онъ призвалъ къ себѣ на помощь, для засвидѣтельствованія истины, природу, вымышленною угрозою скрывши цѣль своего намѣренія. Притворно приказавъ тѣло какъ мертваго, такъ и живаго младенца разсѣчь поровну мечемъ и раздать ровныя половины дѣтей матерямъ, предоставилъ природѣ рѣшить споръ объ истинѣ дѣла. Одна изъ нихъ охотно приняла это приказаніе и торопила палача, другая же, тронутая материнскою жалостію, рѣшилась уступить, прося пощадить дитя, (она считала милостію и то, если онъ хоть какъ-нибудь спасется): тогда царь, нашедши здѣсь средство для узнанія истины, даруетъ уступившей добровольно оправдательный приговоръ, разсудивъ, что не жалѣющая о смерти дитяти природою обличается

въ томъ, что она не мать того, коего смерти желаетъ. О какомъ же судѣ великаго Григорія рассказать и намъ? Два брата, юные по возрасту, недавно раздѣливъ между собою отцовское наслѣдство, присвоили себѣ каждый озеро, стараясь каждый завладѣть имъ всѣмъ и не допуская другъ друга пользоваться этимъ владѣніемъ вмѣстѣ. Судею въ рѣшеніи сего спора становится учитель. Пришедши въ назначенное мѣсто, онъ сперва употребилъ въ дѣло свои собственные законы посредничества, склоняя ихъ къ примиренію и убѣждая юношей сойтись между собою дружелюбно и пользу мира предпочесть выгодѣ отъ дохода; ибо миръ во вѣки пребываетъ и съ живыми и съ умершими, а пользованіе доходами временно, осужденіе же за обиду вѣчно; это и прочее, что находилъ приличнымъ, говорилъ онъ для укрощенія юношеской безпорядочности. Но когда увѣщаніе сіе оказалось недѣйствительнымъ, и юноши горячились, и возбуждаемые надеждою прибыли, воспламенялись болѣе и болѣе гнѣвомъ; когда уже готовилось съ обѣихъ сторонъ войско изъ подвластныхъ имъ, множество рукъ подъ предводительствомъ гнѣва и юности жаждало крови и назначено было время битвы: (тогда) наканунѣ имѣющаго произойти съ обѣихъ сторонъ боя, человекъ Божій, остававшійся на берегу сего озера и проведшій ночь въ

бодрствованіи, сдѣлавъ надъ водою нѣкоторымъ образомъ Моисево чудо, не ударомъ жезла раздѣливъ воду на двѣ части, но молитвою всю ее внезапно изсушивъ, къ утру сдѣлавъ озеро землею, сухою и безводною; такъ что и въ углубленіяхъ его нисколько не оставалось воды, тогда какъ до молитвы сего мужа оно было подобно морю. Рѣшивъ такъ этотъ споръ божественною силою, онъ опять удался къ себѣ, а рѣшеніе, высказанное самими дѣлами, прекратило препирательство между юношами; ибо съ уничтоженіемъ предмета, изъ-за котораго готовилась у нихъ между собою ссора, миръ заступилъ мѣсто гнѣва и природа опять дала себя знать въ братьяхъ. И нынѣ можно видѣть явные слѣды этого божественнаго рѣшенія; ибо вокругъ тогда бывшаго озера еще и до нынѣ сохраняются нѣкоторые слѣды разлива воды, но, что тогда было погружено въ водѣ и находилось въ самой глубинѣ, все это теперь обратилось въ лѣсъ, жилище, луга и пашни. Мнѣ кажется, что самъ знаменитый Соломонъ не будетъ оспаривать превосходства такого суда. Ибо что болѣе важно въ разсужденіи добродѣтели: спасили груднаго младенца, котораго присвоили себѣ двѣ матери и которому для здоровья было совершенно равно, родившая его, или другая женщина станетъ заботиться о его воспитаніи, — или даровать спасеніе двумъ

юношамъ, которые, только что вступивъ въ общественную жизнь, подстрекаемые гнѣвомъ ко взаимному убійству, спустя нѣсколько времени должны были поднимъ вооруженныя руки другъ на друга, представить зрѣлище, скорбное для современниковъ, — юношамъ, которымъ предстояла опасность, или обоимъ быть умерщвленными другъ другомъ, или одному совершенно опозорить себя братоубійствомъ? Не говорю о тѣхъ, кои были собраны для боя тѣмъ и другимъ, и возбуждены одинаковымъ гнѣвомъ, у которыхъ цѣль взаимнаго стремленія другъ противъ друга была смерть противниковъ. И такъ, кто молитвою отвратилъ опредѣленный по враждѣ лукаваго смертный приговоръ противъ нихъ и восстановилъ природныя чувства, стремленіе къ убійству измѣнивъ въ мирное расположеніе: тотъ, по справедливости, во сколько разъ больше достоинъ удивленія въ дѣлѣ суда, въ сравненіи съ тѣмъ, кто открылъ коварство блудницы? А о чудѣ надъ водою, — какъ вдругъ судоходное мѣсто измѣнилось въ твердую землю, озеро сдѣлалось углубленною равниною, и что прежде какъ бы замѣняло собою море, то теперь пригодно для принесенія плодовъ, — объ этомъ чудѣ, я думаю, лучше молчать, чѣмъ распространяться словомъ, потому что рассказъ не можетъ по достоинству сравняться съ величіемъ самаго предмета.

Ибо какое знаемъ мы изъ упоминаемыхъ въ писаніи чудесъ, которое могло бы быть, по сравненіи, равнымъ сему чуду? Иисусъ Навинъ остановилъ воды рѣки Іордана, но только до тѣхъ поръ пока стоялъ въ водѣ ковчегъ за-вѣта; когда же перешелъ народъ и перенесенъ былъ ковчегъ, онъ опять возвратилъ рѣкѣ обычное теченіе. Открывается дно водной глубины въ Черномъ морѣ, когда вѣтеръ разогналъ море на обѣ стороны; но время чуда сего продолжалось дотолѣ, пока совершился переходъ воинства по глубинѣ морской сухимъ путемъ. Послѣ же того является опять одна поверхность воды, и раздѣлившееся на малое время опять соединилось вмѣстѣ: а здѣсь случившееся однажды такъ и осталось, какъ было, такъ что время не лишаетъ достовѣрности сего чуда, о которомъ постоянно свидѣтельствуетъ видимость. Тако-го рода было чудо его надъ озеромъ, о которомъ рассказываютъ и слѣды котораго показываютъ.

Указываютъ также и сохраняютъ въ памяти чудо, совершенное имъ, послѣ сего, инаго рода. По странѣ Понтійской протекаетъ одна рѣка, самымъ именемъ указывающая на быстроту и неукротимость теченія, ибо, по вреду, причиняемому ею, жителями именуется *Λύκος* (волкъ). Съ такою силою несетъ она отъ истоковъ своихъ изъ Арменіи, потому

что высокія горы сей страны доставляютъ ей обильную воду. Но будучи глубока во всѣхъ мѣстахъ, протекая по подошвамъ горъ, особенно переполняется зимними потоками, принимая въ себя всѣ стекающія съ горъ воды. Въ низменностяхъ же той страны, чрезъ которую протекаетъ, стѣсняемая съ обѣихъ сторонъ берегами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ часто выходитъ изъ русла по обѣ стороны, затопляя водою все, что выше ея ложа, такъ что жители этихъ мѣстъ постоянно подвергаются неожиданнымъ опасностямъ, потому что рѣка часто въ ненастную ночь, а нерѣдко и днемъ наводняетъ поля. Посему не только растенія, посѣвы и животныя погибаютъ отъ такого стремленія воды; но даже и сами жители подвергаются опасности, неожиданно испытывая отъ сего наводненія какъ бы кораблекрушеніе въ домахъ своихъ.

И такъ когда слухъ о совершенныхъ онымъ великимъ мужемъ чудесахъ распространился повсемѣстно, то всѣ жившіе близъ этой части рѣки: мужи, жены, дѣти, всенародно поднявшись идуть къ нему съ прошеніемъ, умоляя его даровать имъ какое-нибудь облегченіе отъ неожиданно постигающихъ бѣдъ. Ибо онъ говорилъ, что чрезъ него Богъ можетъ сдѣлать все, что недоступно искусству и уму человѣческому; они же съ своей стороны не упустили ничего, что зависѣло отъ воли и

силъ человѣческихъ, бросали камни, устроили насыпи, дѣлали и все пречее, что, обыкновенно, придумывается для избѣжанія сихъ золь, но не могли остановить наносимыхъ водою бѣдъ. И чтобъ еще болѣе возбудить въ немъ состраданіе, просили чтобъ онъ самъ лично посмотрѣлъ на сіе несчастіе и убѣдился что имъ даже невозможно перенести своихъ жилищъ, и что во всякое время имъ грозитъ смерть отъ напора воды. И такъ онъ пришелъ на (означенное) мѣсто, потому что лѣность никогда не служила ему препятствіемъ въ заботахъ о добрѣ, и онъ не нуждался ни въ колесницѣ, ни въ коняхъ, ни въ другомъ чемъ-либо для своего проѣзда, но опираясь на одинъ жезлъ, совершилъ весь путь, любомудруствуя, съ своими спутниками о чаемой горней жизни, чѣмъ всегда по преимуществу занимаясь, прочія дѣла считалъ посторонними въ сравненіи съ симъ превосходнѣйшимъ занятіемъ. И когда путеводители показали ему уклоненіе рѣки, и самые слѣды бѣдствія были явны. потому что это мѣсто отъ разлива водъ было изрыто и представляло глубокія ямы, то онъ такъ сказалъ собравшимся: «не человѣческое дѣло, братія, измѣнять направленіе теченія воды; одна только божественная сила можетъ сдѣлать это и заключить стремленіе водъ въ извѣстные предѣлы; ибо такъ говорить пророкъ къ Богу: *предѣлы положила еси,*

его же не преидетъ (Пс. 103, 9); одному владыкѣ твари—Христу подвластна природа стихій, неизмѣнно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ поставлена. И такъ, поелику есть Богъ, законополагающій предѣлы водамъ, то Онъ одинъ своею силою и можетъ удержать беспорядочное теченіе этой рѣки.» Сказавъ,— и какъ бы вдохновенный божественною мыслию, великимъ гласомъ молитвенно призвавъ Христа придти къ нему на помощь въ предстоящемъ дѣлѣ, водружаетъ жезлъ, который имѣлъ въ рукѣ, въ испорченное водою мѣсто берега. Такъ какъ земля въ этомъ мѣстѣ была влажна и илиста, то удобно вдавливалась въ глубь, уступая тяжести жезла и рукѣ втыкающаго. Потомъ, помолвившись Богу, чтобы это было какъ бы въ некоторомъ запоромъ и преградою беспорядочному стремленію водъ, опять возвратился назадъ, показавъ самымъ дѣломъ, что все имъ производимое совершается божественною силою; ибо немного времени спустя, жезлъ сей, пустивъ корень въ берегъ рѣки возросъ въ дерево. Для рѣки это дерево послужило предѣломъ теченія, а для жителей того мѣста оно служитъ зрѣлищемъ и предметомъ историческаго разсказа; ибо когда оная рѣка, переполняясь отъ дождей и ручьевъ, несется съ быстрымъ стремленіемъ и страшнымъ шумомъ, то ударяясь поверхностью волнъ о стволъ сего дерева, опять под-

нимается въ верхъ и направляетъ стремленіе водъ къ срединѣ (русла), и какъ бы боясь коснуться сего дерева, косвеннымъ теченіемъ обходитъ сіе мѣсто. Такова сила великаго Григорія, лучше же,—совершающаго имъ чуда Бога! Ибо природа стихій, какъ бы какая-нибудь невольница, является измѣняющеюся какъ угодно, соотвѣтственно приказаніямъ, такъ что озеро перемѣняется въ сухую страну, и затопляемое водою мѣсто заселяется, потому что жезлъ сдѣлалъ его безопаснымъ для жителей. Имя этому дереву даже до нынѣ—*жезлъ*, и оно во все время сохраняется мѣстными жителями на память благодати и силы Григорія. Какое изъ пророческихъ чудесъ можно поставить въ сравненіе съ сими чудесами? Укажу ли на раздѣленіе Іордана, которое ударомъ милоти совершилъ Ілія предъ возшествіемъ на небо, а послѣ его Елисей, наслѣдникъ его милоти и духа? Но тогда поелику вода раздѣлялась на время, какое было потребно для однихъ пророковъ, то Іорданъ сдѣлался проходимымъ, оставивъ проходъ между своими волнами, только на то время пока ноги пророковъ прошли по суху чрезъ дно его; въ послѣдующее же время и для прочихъ людей онъ остался такимъ же, какимъ былъ и прежде. Рѣка же *Ликосъ*, послѣ того какъ однажды была удержана въ своемъ безпорядочномъ стремленіи, дѣлаетъ чудо

Григорія постояннымъ, во все послѣдующее время, оставаясь такою, какою сдѣлала ее вѣра великаго мужа во время чудотворенія. И цѣль того, что было совершено, было невозбужденіе удивленія зрителей, но спасеніе живущихъ около сей рѣки, такъ что хотя чудо и одинаково, (поелику естество воды одинаково повинуется какъ пророкамъ, такъ и подражателю пророковъ): но, если можно сказать съ дерзновеніемъ, чудо совершенное Григоріемъ по отношенію къ человѣколюбію, преимуществуетъ предъ тѣми (чудесами); потому что чрезъ оное сдѣлалась безопасною жизнь жителей; такъ какъ вода однажды направленная въ своемъ теченіи, осталась неизмѣнною и на послѣдующее время.

Когда слухъ о такихъ чудесахъ распространился по всей странѣ и всѣ увѣровали, что они производятся силою вѣры во Христа: тогда всѣ пожелали быть общниками сей вѣры, свидѣтельствуемой такими чудесами; повсюду распространяясь проповѣдь, было въ дѣйствіи таинство (крещенія и усиливалось стремленіе къ добродѣтели; повсюду учреждалось священство), дабы чрезъ то увеличивалась и возрастала вѣра. Посему посылается къ нему посольство изъ одного сосѣдняго города, чтобъ онъ пришелъ къ нимъ и находящуюся у нихъ церковь утвердилъ священствомъ. Имя сему городу Ко-

мана; всѣ жители этого города какъ милости просили, чтобы сей великій мужъ удостоилъ посѣтить ихъ. И такъ онъ пришелъ къ нимъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней своего пребыванія у нихъ словами своими и дѣлами воспаляетъ въ нихъ еще больше желаніе таинства. Когда же пришло время выполнить цѣль посольства и назначить кого-либо изъ нихъ въ епископы устроенной у нихъ церкви: тогда умы всѣхъ главныхъ лицъ въ городѣ обращены были на тѣхъ, которые, повидимому, превосходили прочихъ краснорѣчіемъ, знатностію рода и прочими внѣшними достоинствами. Они думали, что, такъ какъ и великій Григорій обладалъ всѣмъ этимъ, то и имѣющій получить оную благодать не долженъ быть лишень этихъ преимуществъ. Когда же мнѣнія ихъ сильно раздѣлялись и одни предпочитали того, другіе,—другаго, великій ожидалъ себѣ на предстоящее дѣло какого-либо указанія свыше. И какъ упоминается о Самуилѣ, что онъ, избирая на царство не увлекался красотою и величіемъ тѣла, но искалъ царской души, хотя бы она обрѣлась и въ презрѣнномъ тѣлѣ: такъ и сей не обращая вниманія на мнѣнія о каждомъ изъ избираемыхъ лицъ, на то одно смотрѣлъ, не проявлялъ ли кто и прежде сего избранія, строгостію жизни и добродѣтели, въ своей нравственности священства. Когда тѣ представляли избран-

ныхъ ими съ похвалами, превознося каждый своего, онъ приказалъ обратить вниманіе и на тѣхъ, которые по внѣшнему образу жизни бѣдиѣ другихъ: ибо и между таковыми можетъ найтись человѣкъ, который по богатству душевному выше обладающихъ внѣшними достоинствами жизни. Одинъ изъ принявшихъ главное участіе въ избраніи почелъ за оскорбленіе и обиду то мнѣніе великаго, что если никто изъ прочихъ, отличающихся краснорѣчіемъ, достоинствомъ и въ пользу которыхъ свидѣтельствуесть внѣшняя жизнь, не будетъ допущенъ къ святительству, то быть можетъ найдутся и изъ простаго народа нѣкоторые болѣе достойные для такой благодати; вмѣстѣ съ тѣмъ подошедши къ нему съ насмѣшкою сказалъ: «если ты велишь, чтобы такіе и столь извѣстные, изъ всего города избранные люди, были обойдены, а чтобы въ предстоятели священства былъ избранъ кто-либо изъ черни: то тебѣ остается призвать къ святительству угольщика Александра; если угодно, мы цѣлымъ городомъ перейдемъ на его сторону и единогласно изберемъ его.» Онъ говорилъ это въ укоръ сужденію Григорія, и чтобы симъ насмѣшливымъ выборомъ высказать порицаніе его строгости въ отношеніи къ лучшимъ людямъ. У великаго же отъ сихъ словъ является въ душѣ мысль, что не безъ воли Божіей Александръ принялъ на

память избирателямъ и о немъ заговорили. «Кто это такой Александръ, спросилъ онъ, о которомъ вы упомянули?» Потому когда одинъ изъ присутствующихъ со смѣхомъ вывелъ на средину упомянутаго, одѣтаго въ худое рубище и то не на всемъ тѣлѣ, и вмѣстѣ всею виѣшностію,—руками, лицомъ и всѣмъ тѣломъ, запачканнымъ отъ дѣланія углей, указывающаго на свое ремесло; то въ такомъ видѣ стоящій на срединѣ Александръ былъ предметомъ смѣха для прочихъ. Но для прозорливаго онаго ока настоящее зрѣлище было предметомъ великаго изумленія: мужъ въ крайней бѣдности и въ презрѣнномъ видѣ обращаетъ вниманіе только на себя и какъ бы радуется этой наружности, которая для неопытныхъ глазъ служила предметомъ смѣха. Дѣло было вотъ въ чемъ: не по нуждѣ и бѣдности сей мужъ избралъ такой образъ жизни, но былъ нѣкотораго рода философомъ, какъ показала послѣдующая его жизнь, и былъ выше прочихъ, такъ что сподобился даже мученичества, окончивъ жизнь свою огнемъ; но вознамѣрился, или лучше старался скрыть это, потому что низко цѣнилъ то благополучіе, о которомъ заботятся многіе и за ничто считалъ сію жизнь, стремясь къ высшей и истинной жизни. И чтобы лучше успѣть въ стремленіи къ добродѣтели, онъ старался искусно скрыть свои достоинства подъ самымъ

визкимъ родомъ занятій, прикрываясь имъ какъ бы какою безобразною личиною. Кроме того, находясь въ цвѣтущей юности, считалъ опаснымъ для достиженія цѣломудрія, обнаруживать красоту своего тѣла, и какъ бы гордиться счастливымъ даромъ природы; ибо звалъ что этотъ даръ бываетъ для многихъ поводомъ къ тяжкимъ паденіямъ. И такъ, для того, чтобы съ нимъ не случилось чего-либо имъ не желаемаго, ни самому не послужить для чужихъ очей предметомъ страсти, онъ какъ бы въ некоторую безобразную личину, добровольно беретъ на себя ремесло угольщика. При такомъ родѣ занятія тѣло упражнялось въ трудахъ для добродѣтели, красота покрывалась угольною нечистотою и вмѣстѣ съ тѣмъ добываемыя сими трудами деньги употреблялись въ пособіе къ исполненію заповѣдей. Григорій, послѣ того какъ, выведши его изъ собранія, тщательно спросилъ его обо всемъ до него касающемся, поручаетъ его прибывшимъ съ нимъ, приказавъ исполнить, что было нужно; а самъ возвратившись опять въ собраніе, изъ настоящаго случая беретъ предметъ для поученія народа, предлагая ему бесѣду о священствѣ и изображая въ ней добродѣтельную жизнь. Такого рода бесѣду продолжалъ онъ, удерживая собраніе до тѣхъ поръ, пока служащіе ему, исполнивъ его повелѣніе, возвратились съ Александромъ,

уже омытымъ отъ нечистоты сажи въ банѣ и одѣтымъ въ (собственныя) одежды великаго; ибо это имъ приказано было сдѣлать. Когда же всѣ обратили взоры на Александра и дивились такому явленію: «нѣтъ ничего необыкновеннаго», сказалъ имъ учитель, «въ томъ, что зрѣніе обмануло васъ, когда вы одному чувству дозволили судить о красотѣ; чувство, заграждая (намъ) входъ въ глубину разумѣнія, есть невѣрное средство для сужденія объ истинѣ вещей; да притомъ же и самому врагу благочестія, — демону, было вполнѣ пріятно, чтобъ избранный сосудъ пребывалъ въ бездѣйствіи, скрываясь въ неизвѣстности, и чтобы не выставлялся на видъ мужъ, имѣющій быть истребителемъ его владычества.» Сказавъ это, посвящаетъ Богу сего мужа, законнымъ образомъ низведши на него благодать священства. Когда всѣ обратились взорами къ новопоставленному святителю и просили сказать нѣкоторое слово къ церкви, то Александръ тотчасъ же, при самомъ вступленіи въ сей санъ доказалъ, что судъ объ немъ великаго Григорія не ложенъ: ибо слово его было исполнено ума, хотя и мало украшалось цвѣтами краснорѣчія. По этому поводу одинъ дерзкій юноша изъ Аттики, проживавшій у нихъ, посмѣялся надъ недостатками его рѣчи, (сказавъ) что она не украшена аттическимъ искусствомъ, но былъ, говорятъ, вразумленъ

божественнымъ видѣніемъ; онъ увидѣлъ стадо голубей, сіяющихъ нѣкоею неописанною красотою, и услышалъ какъ кто-то говоритъ, что это тѣ самыя голуби Александра, надъ которыми онъ посмѣялся. Какому изъ сихъ чудесъ болѣе удивляться? Тому ли, что сей мужъ не посмотрѣлъ, какъ судили о достоинствахъ другіе и не увлекся свидѣтельствомъ людей знатныхъ? Или болѣе удивляться сокровенному въ углѣхъ сокровищу, правильное сужденіе о которомъ (Григорія) тотчасъ засвидѣтельствовано Богомъ чрезъ послѣдовавшее риторю видѣніе? Мнѣ кажется, что то и друго чудо само по себѣ такого рода, что можетъ соперничествовать одно съ другимъ, а предъ всѣми преждеупомянутыми чудесами оба едва ли не преимуществуютъ. Ибо противорѣчить желанію сильныхъ было яснѣйшимъ признакомъ духа твердаго и возвышеннаго, который одинаково смотритъ на всѣ явленія въ мірѣ, къ величію ли и славѣ относятся они, или къ униженію и презрѣнію; но такъ какъ онъ отдавалъ предпочтеніе одной добродѣтели и одну порочную жизнь считалъ презрѣнною, то въ ничто вмѣнялъ все, что въ жизни считается достойнымъ какого-нибудь уваженія или презрѣнія. Такъ дѣйствительно онъ и поступилъ тогда; ибо, стараясь найти человѣка Богу угоднаго и достойнаго, онъ не думалъ почитать достовѣрнымъ дока-

зательствомъ сего ни богатства, ни достоинства, ни мірской знатности, такъ какъ ни того, ни другаго слово Божіе не включаетъ въ число благъ. И такъ не то одно достойно похвалы и удивленія, что онъ не согласился съ желаніями начальниковъ, но и то, что онъ превзошелъ самъ себя въ томъ, что послѣдовало далѣе: еслибъ онъ только отстранилъ недостойный выборъ, но не представилъ бы, что еще требовалось затѣмъ, то конечно воспрепятствовалъ бы злу, но добра еще не совершилъ. Но онъ, кромѣ того, что не далъ согласія на худое, нашелъ даже лучшее; такимъ образомъ тѣмъ и другимъ дѣйствіемъ совершилъ благое дѣло, — и не давъ доступа злу, и приведя въ дѣйствіе добро; такъ что въ томъ и другомъ отношеніи Григорій великій явился благодѣтелемъ городу, — предохранивъ ихъ отъ погрѣшности невѣденія и обнаруживъ сокровенное у нихъ благо.

Поелику же при содѣйствіи святаго Духа все совершилось успѣшно по желанію сего великаго мужа; то не будетъ не благовременно, всѣмъ рассказать здѣсь и объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся съ нимъ на пути, дабы во всемъ видна была соприсущая сему мужу благодать. Такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что мужъ сей преимущественно заботился о томъ, чтобы всегда подавать утѣшеніе нуждающимся: то два Еврея, имѣя ли

въ виду прибыль, или вознамѣрившись по-смѣяться надъ симъ мужемъ, что его легко можно обмануть, стерегутъ его на возвратномъ пути; одинъ изъ нихъ, притворившись мертвымъ, лежалъ на краю дороги, растянувшись навзничь, другой же, будто бы въ самомъ дѣлѣ, оплакивая умершаго, подражалъ воплю рыдающихъ и звалъ мимоидущаго великаго, говоря, что сей несчастный, пораженный внезапно смертію, лежитъ нагой и безъ приготовления къ погребенію. И такъ просилъ сего великаго мужа не пренебречь усопшаго, но сжалившись хоть сколько-нибудь надъ бѣдностію, подать сколько возможно на прикрытіе тѣла; сими и подобными словами упрашивалъ онъ. Сей ни мало не медля, бывшую на немъ верхнюю одежду возложивъ на умершаго, отправился въ дальнѣйшій путь. Когда, по удаленіи его, такъ дерзко наругавшіеся надъ нимъ остались одни, обманщикъ, перемѣнивъ притворный плачь на смѣхъ, заставлялъ лежащаго встать, хохоча и радуясь той прибыли, которую доставилъ имъ обманъ. Но тотъ оставался въ одинаковомъ положеніи, ни сколько не слушая его словъ. Когда онъ сталъ звать его болѣе громкимъ голосомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ толкать его ногою, лежащій тѣмъ не менѣе ни голоса не слышалъ, ни удара не чувствовалъ, но лежалъ протянувшись въ одинаковомъ положеніи; потому что тотчасъ же,

какъ была возложена на него одежда, въ самомъ дѣлѣ сдѣлался мертвъ за то, что притворился имъ, чтобъ обмануть онаго великаго, такъ что сей человѣкъ Божій не былъ обманутъ, но для какого употребленія далъ одежду, для того она и оказалась пригодною взявшимъ ее. Если такое дѣло вѣры и силы сего великаго мужа кажется жестокимъ, то никто не долженъ удивляться сему, имѣя въ виду великаго Петра. Ибо и онъ не одними только благодѣніями выказывалъ присущую ему силу, храмаго отъ рожденія являя народу бѣгающимъ и скачущимъ, или страданія больныхъ исцѣляя тѣнію своего тѣла, которую навело на нихъ солнце, отбрасывая оную, когда проходилъ Апостолъ, на противоположную (его тѣлу) сторону; но и Ананію, за то что онъ пренебрежительно относился къ обитающей въ Апостолѣ силѣ, наказываетъ смертію для того, думаю, чтобы страшная казнь его сдѣлала всѣхъ, кто пренебрегалъ имъ въ народѣ, благоразумнѣе, научивъ ихъ сямъ страшнымъ примѣромъ воздерживаться отъ подобныхъ поступковъ. И такъ справедливо подражатель Петра, показавъ величіе силы многими благодѣтельными чудесами, и покушавшагося употребить обманъ противъ Духа заставилъ высказать о себѣ истину. Ибо истребителю лжи, думаю я, должно было даже ложь обманщика перемѣнить на истину, дабы

всѣмъ было явно, что все, что ни говорилъ самъ оный великій, было истинно, и что отъ другихъ принималъ, какъ истину, то не было ложно. И такъ сн Іудеи, сказаннымъ образомъ посмѣявшіеся, какъ казалось имъ, надъ силою великаго, послужили въ наставленіе для прочихъ, чтобы не покушаться обманывать тѣхъ, за которыхъ самъ Богъ является обличителемъ дерзости.

Послѣ сего, когда было нѣкоторое собраніе подъ открытымъ небомъ въ одномъ изъ мѣстъ этой страны, и всѣ удивлялись его поученіямъ, одинъ мальчикъ взывалъ къ собравшимся, что учитель не отъ себя говоритъ это, но другой, стоящій близъ него произноситъ слова. Когда, по распущеніи собранія, привели къ нему мальчика, говорятъ, что великій сказалъ присутствующимъ, что отрокъ не свободенъ отъ (насилія) демона, и тотчасъ же снявши съ плечъ своихъ омофоръ и приложивъ къ дыханію своихъ устъ возлагаетъ такимъ образомъ на юношу. Когда это было сдѣлано, юноша началъ биться, кричать, бросаться на землю, метаться туда и сюда, словомъ,—испытывать все, чѣмъ страдаютъ одержимые демонами. Когда потомъ святой возложилъ руку и прекратилъ его припадки, демонъ оставилъ юношу и онъ пришедши въ прежнее состояніе, уже не говорилъ болѣе, что видитъ кого-то близъ святаго, говоряща-

го вмѣстѣ съ нимъ. И это также принадлежитъ къ великимъ чудесамъ Григорія, потому что совершаетъ чудеса исцѣлсній не какимъ либо изысканнымъ способомъ и искусствомъ, но для прогнанія бѣсовъ и исцѣленія тѣлесныхъ болѣзней достаточно было дыханія устъ его, прилагаемаго къ больному чрезъ облаченіе.

Впрочемъ излагать по порядку всѣ чудеса его, потребовало бы длиннаго описанія и слова, выходящаго за предѣлы настоящаго досуга; по сему упомянувъ еще объ одномъ или двухъ чудесахъ, которыя рассказываютъ о немъ, ими закончу свое слово. Когда божественная проповѣдь распространилась повсюду и всѣ жители какъ города, такъ и окрестностей его, были обращены къ благочестивому ученію вѣры, жертвенники, капища и кумиры въ нихъ были разрушены; когда жизнь человѣческая уже очистилась отъ идольскихъ сквернъ, и угасло нечистое куреніе жертвъ, жертвенная кровь и нечистоты отъ закланія животныхъ были смыты; когда всѣ на всякомъ мѣстѣ заботливо воздвигали молитвенные храмы во имя Христа: гнѣвъ и зависть пробуждаются въ представителѣ Римской власти въ здѣшнемъ мѣстѣ, за то, что ложные отеческіе обряды его презрѣны, а христіанское таинственное ученіе умножается и церковь повсюду во вселенной разпростирается,

возрастая и увеличиваясь постоянно присоединяющимися къ сему учению. И такъ, возмечтавъ, что можно божественной силѣ противопоставить свою жестокость, остановить проповѣдь таинства, разрушить устроенныя церкви и обратившихся къ сему учению возвратить къ служенію идоламъ,—посылаетъ къ начальникамъ народовъ указъ, угрожая страшными наказаніями, если они всякаго рода истязаніями не станутъ мучить поклоняющихся имени Христову и страхомъ и силою сихъ истязаній (не станутъ) опять приводить ихъ къ отеческому служенію демонамъ. Какъ скоро объявленъ былъ этотъ страшный и безбожный указъ начальникамъ, поставленные для этого самаго дѣла жестокими тираннами, повсюду въ государствѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Надъ жителями той провинціи правителемъ былъ поставленъ такой человѣкъ, который для исполненія злаго намѣренія нисколько не нуждался въ высочайшемъ повелѣніи, будучи самъ собою отъ природы кровожаденъ, жестокъ и ненавидя увѣровавшихъ Слово (Божію). И такъ, онъ объявляетъ всенародно строгое приказаніе, что должны или отречься отъ вѣры, или подвергнуться всякаго рода мученіямъ и смерти. И имѣющіе въ рукахъ своихъ дѣла общественныя никакого другаго дѣла ни общественнаго ни частнаго не производили и ни о чемъ не заботились,

какъ о томъ только, чтобъ преслѣдовать и мучить твердо держащихся вѣры. Страшили не однѣ голько угрозы на словахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наводили всякаго рода ужасъ различныя орудія мученій, поражая людей страхомъ еще прежде самой казни: мечи, огонь, звѣри, ямы, орудія для вывертыванія членовъ, раскаленные желѣзные сѣдалища, деревянные дыбы, на которыхъ тѣла стоящихъ, растянутыя, строгались страшными когтями, и другія безчисленныя орудія для многообразныхъ видовъ мученій были изобрѣтаемы и придумываемы ими; и одно было стремленіе у всѣхъ, получившихъ такую власть,—никому въ чрезмѣрной жестокости не оказаться снисходительнѣе другаго. И одни доносили, другіе доказывали, иные отыскивали укрывающихся, нѣкоторые преслѣдовали бѣгущихъ, а иные, обращая взоры на имѣнія вѣрныхъ, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ, подъ видомъ благочестія, изгоняли держащихся вѣры. Всеобщее было смятеніе въ народѣ и большое замѣшательство; потому что всѣ подозрительно смотрѣли другъ на друга; отцы не довѣряли расположенію дѣтей при опасностяхъ; дѣти не полагались на вѣрность отеческаго попеченія, залогомъ котораго служила природа; члены семейства, раздѣленнаго религіозными вѣрованіями, враждовали другъ противъ друга: сынъ язычникъ дѣлался предателемъ

вѣрныхъ родителей; отецъ, остающійся въ невѣрїи, былъ доносчикомъ на увѣровавшаго сына; братъ по той же причинѣ вооружался противъ природы, считая дѣломъ благочестивымъ предавать казни единокровнаго, если онъ держался благочестія. Отъ этого пустыни наполнились преслѣдуемыми; дома опустѣли, лишившись жителей; многія общественныя зданія были назначены для заключенія узниковъ, потому что темницы не могли вмѣстить въ себѣ множества мучимыхъ за вѣру; всѣ площади и собранія, какъ общественныя, такъ и частныя, вмѣсто обычнаго веселія раздѣляли таковыя же бѣдствія; потому что и здѣсь однихъ тащили, другихъ уводили; прочіе же при этомъ зрѣлищѣ или смѣялись, или плакали. Не было ни состраданія къ младенцамъ, ни почтенія къ сѣдинамъ, а уваженіе къ добродѣтели и въ умъ не приходило враждовавшимъ противъ нея, но какъ во время плѣненія всякій возрастъ былъ выдаваемъ врагамъ вѣры; не дѣлалось снисхожденія къ естественной слабости женскаго пола, чтобы изъять оный отъ такихъ мученій; одинъ былъ законъ жестокости для всѣхъ, подвергающій равному наказанію всякаго, чуждающагося идоловъ, не различая пола и возраста. Тогда оный великій мужъ, видя слабость человѣческой природы, что многіе не могутъ подвизаться за благочестіе до смерти, совѣтуетъ (сынамъ) церкви на

нѣкоторое время удалиться отъ сей страшной напасти, считая для нихъ за лучшее бѣгствомъ спасти свою душу, чѣмъ стоя въ ряду сраженія оказаться бѣглецами вѣры. И чтобы сильнѣе убѣдить людей, что нѣтъ никакой опасности для души, спасать вѣру бѣгствомъ, собственнымъ примѣромъ подаетъ совѣтъ къ удаленію, самъ прежде другихъ удалившись отъ грозящей опасности. Между тѣмъ у начальниковъ особенною цѣлю было и то, чтобы чрезъ него, какъ плѣнннаго вождя, разрушигь весь строй вѣры, и по этой причинѣ враги старались захватить его въ свои руки.

И такъ онъ занялъ одинъ уединенный холмъ, имѣя при себѣ того жреца, котораго онъ началъ обратить къ вѣрѣ и который былъ облеченъ уже благодатию діаконства. Когда же гонители послѣдовали по слѣдамъ ихъ въ великомъ множествѣ, и нѣкто указалъ имъ мѣсто, гдѣ они скрывались, то одни изъ нихъ, окруживъ со всѣхъ сторонъ подошву горы, стерегли, чтобы ему не удалось куда нибудь убѣжать, если бы рѣшился на это, а другіе, взошедши на гору, разыскивали его по всѣмъ мѣстамъ, и уже были въ виду у великаго, направляя свой путь прямо къ нему. Но онъ, приказавъ своему спутнику стоять съ твердымъ и непоколебимымъ упованіемъ на Бога и Ему ввѣрить свое спасеніе, воздѣвъ руки на молитву, и если бы даже гонители были вбли-

зи, не сокрушать своей вѣры страхомъ, самъ себя поставилъ діакону въ примѣръ (исполненія) сего увѣщанія, съ неподвижнымъ взоромъ, распростертыми руками и въ прямомъ положеніи взирая на небо. Въ такомъ положеніи они находились; прибѣжавшіе же къ нимъ, осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ мѣсто, обойдя всякій кустъ на дорогѣ, разслѣдовавъ со всею тщательностію всѣ возвышенія скалъ и всѣ углубленія ущелій, опять устремляются къ подошвѣ горы, полагая, что онъ, въ страхѣ предъ обыскивающими гору, обратившись въ бѣгство, попался въ руки тѣхъ, кои окружали подошву горы. И такъ у этихъ не оказалось его, ни у тѣхъ его не было; и хотя подсмотрѣвшій мѣсто пребыванія великаго описалъ оное ясными признаками, но искавшіе его утверждали, что никого тамъ не видали, кромѣ двухъ деревьевъ на недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Когда искавшіе его удалились, то оный доносчикъ, оставшись и найдя великаго со спутникомъ стоящими на молитвѣ и уразумѣвъ божественное охраненіе, по которому они гонителямъ показались древами, припадаетъ къ нему и вѣруетъ Слову (Божію); такимъ образомъ тотъ, кто за нѣсколько времени до сего былъ гонителемъ, дѣлается однимъ изъ гонимыхъ. Въ пустынь они пребывали долгое время; потому что брань противъ вѣры усиливалась; начальникъ сильно ожесто-

чался противъ приверженныхъ ученію благочестія, и всѣ обратились въ бѣгство. Поелику гонители потеряли надежду, чтобы великій когда нибудь попался имъ въ руки, то, обративъ неистовое звѣрство противъ остальныхъ, вездѣ во всѣхъ частяхъ провинціи отыскивали всѣхъ, для кого было досточтимо имя Христово,—мужей, женъ и дѣтей, влекли ихъ въ городъ и наполняли ими темницы, вмѣсто какого либо другаго преступленія, поставляя имъ въ вину благочестіе, такъ что судилища тогда не занимались никакими обыкновенными дѣлами, но только о томъ одномъ заботились власти, чтобы измышляя всякаго рода муки и пытки употреблять ихъ противъ стоявшихъ за вѣру. Тогда еще болѣе стало ясно для всѣхъ, что оный великій (мужъ) ничего не предпринимаетъ безъ воли Божіей; потому что бѣгствомъ сохранивъ себя для народа, онъ былъ общеою помощію для всѣхъ подвижающихся за вѣру. Ибо какъ мы слышимъ о Моисеѣ, что, находясь вдали отъ ратнаго строя Амаликитянъ, онъ своею молитвою подавалъ единоплеменникамъ силу на враговъ; такъ точно и онъ, какъ бы наблюдая духовнымъ окомъ совершающееся, призывалъ божественную помощь на подвижающихся за исповѣданіе вѣры. Такъ однажды, по обычаю молясь Богу вмѣстѣ съ бывшими при немъ, онъ внезапно исполнился томленія и страха; присутствующимъ

ясно было, что онъ какъ бы приходитъ въ ужась и трепетъ предъ (какимъ-то) видѣніемъ, прислушивается, какъ будто до него доносится какой-то шумъ; прошло не мало времени; онъ во все это время оставался неподвижнымъ и въ томъ же положеніи; потомъ, когда представлявшееся ему зрѣлище какъ будто кончилось благополучно, опять пришелъ въ обыкновенное состояніе и восхвалилъ Бога радостнымъ голосомъ, возгласивъ побѣдную и благодарственную пѣснь, которую мы многократцо встрѣчаемъ въ книгѣ псалмовъ Давида: *благословенъ Богъ, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ* (Псалм. 123, 6). Когда же окружавшіе его пришли въ изумленіе и пожелали узнать, какое видѣніе представлялось очамъ его, онъ, говорятъ, сказалъ, что видѣлъ въ это время великое паденіе, — (видѣлъ) пораженіе діавола нѣкоторымъ юношею, въ борьбѣ за благочестіе; и когда они еще не понимали, чтò бы значило сказанное имъ, онъ яснѣе рассказалъ, что въ этотъ часъ одинъ юноша изъ благородныхъ, приведенный палачами къ начальнику, при высшей помощи, крѣпко подвизался за вѣру; присовокупилъ онъ и имя его, назвавъ его Троадіемъ, а также и то, что послѣ многихъ мученій, доблестно перенесенныхъ имъ, онъ увѣичался вѣнцемъ мученическимъ. Діаконъ, изумленный слышаннымъ, но не смѣя не вѣрить сказанному, а

вмѣстѣ помысливъ и то, что превосходить чело-
вѣческую природу, находясь вдали отъ го-
рода и ни отъ кого не получая извѣстій от-
туда, говорить окружающимъ его о совер-
шающихся тамъ дѣлахъ, какъ бы присутствуя
при нихъ, умоляетъ учителя позволить ему
посмотрѣть своими глазами и узнать о произ-
шедшемъ и не запрещать ему побывать на
томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось это див-
ное дѣло. А когда Григорій говорилъ, что
опасно идти въ среду убійць и что онъ не
разъ можетъ подвергнуться тому, чего не же-
лаетъ, отъ насилія противника, діаконъ ска-
залъ, что смѣло рѣшается, надѣясь на помощь
его молитвъ, обратившись къ нему съ такими
словами: «ты поручи меня Богу и никакой
страхъ враговъ не коснется меня»; и когда
Григорій своею молитвою, виспослалъ ему,
какъ бы какого спутника, помощь Божию, онъ
съ увѣренностію совершилъ путь, не укры-
ваясь ни отъ кого изъ встрѣчавшихся. Вече-
ромъ пришедши въ городъ и утомленный пу-
тешествіемъ, онъ почелъ необходимымъ об-
легчить свое изнуреніе омовеніемъ въ банѣ.
Въ этомъ мѣстѣ властвовалъ какой-то умерщ-
влявшій людей демонъ, пагубная сила кото-
раго дѣйствовала на приближающихся сюда
во время (ночной) темноты, отчего въ эту
баню не ходили и не пользовались ею послѣ
захожденія солнца. Діаконъ остановившись

около бани просилъ приставника отворить ему дверь, позволить войти и не отказать ему пользоваться омовеніемъ въ банѣ. Приставникъ увѣрялъ его, что никто изъ осмѣлившихся мыться въ этотъ часъ не выходилъ на своихъ ногахъ, но что послѣ вечера здѣсь всѣми овладѣваетъ демонъ, и что многіе по незначію уже подверглись неисцѣльнымъ болѣзнямъ, что вмѣсто ожидаемаго облегченія они возвращались съ плачемъ и воплемъ. Когда приставникъ рассказывалъ это и подобное се-му, то діаконъ не только не оставилъ своего желанія, но еще болѣе настаивалъ, всѣми способами понуждая его позволить ему войти внутрь. Приставникъ, полагая, что ему выгоднѣе будетъ не подвергаться опасности вмѣстѣ съ незнающимъ чужестранцемъ, отдавши ему ключъ, отходить самъ на далекое разстояніе отъ бани. Когда же діаконъ раздѣвшись вошелъ въ баню, демонъ употреблялъ противъ него различныя страхи и ужасы: показывалъ ему всевозможные призраки, представлявшіе нѣчто изъ огня и дыма состоящее; они являлись его глазамъ въ образѣ звѣрей и людей, оглашали его слухъ, приближались дыханіемъ, охватывали со всѣхъ сторонъ его тѣло. Но діаконъ, защищая себя (крестнымъ) знаменіемъ и призывая имя Христова, безъ вреда для себя прошелъ первое отдѣленіе бани. Когда же вошелъ во внутреннюю часть, то

былъ окруженъ еще болѣе ужасными видѣніями, такъ какъ демонъ принялъ видъ еще болѣе страшный; ему вмѣстѣ представлялось, что отъ землетрясенія пошатнулась баня, сквозь треснувшій полъ видится подземное пламя, изъ воды выходятъ горящія искры; опять тѣмъ же оружіемъ, — знаменіемъ (креста), именемъ Христовымъ и помощью молитвъ своего наставника, онъ разсѣваетъ и кажущіеся и дѣйствительные страхи. Наконецъ уже въ то время, когда вышелъ изъ воды и спѣшилъ къ выходу, онъ былъ снова задержанъ демономъ, который ухватился за дверь; но и это препятствіе онъ опять устранилъ самъ собою помощью той-же силы, потому что знаменіемъ (креста) дверь была отворена. Послѣ же того, какъ все совершилось по его желанію, демонъ, говорятъ, закричалъ къ нему человѣческимъ голосомъ, чтобы онъ не считалъ своею ту силу, которою избавился отъ гибели; ибо сохранилъ его невредимымъ гласъ того, кто ввѣрилъ его охраненію (Божію). И такъ, спасшись сказаннымъ способомъ, онъ привелъ въ изумленіе приставниковъ той бани, такъ какъ ни разу не случалось, чтобы ктонибудь изъ осмѣлившихся входить въ такую пору въ воду, оставался въ живыхъ. Послѣ сего онъ разсказалъ имъ о всемъ, что съ нимъ случилось, узналъ, что доблестные подвиги мучениковъ, въ городѣ, совершились

точно такимъ образомъ, какъ предвозвѣстили о томъ живущій въ пустынѣ великій мужъ, и приложивъ къ повѣствованіямъ о немъ и чудесахъ его то, въ чемъ видѣлъ, слышалъ и собственнымъ опытомъ дозналъ силу вѣры великаго Григорія, о которой засвидѣтельствовалъ и демонъ, — опять возвращается къ наставнику, оставивъ для людей какъ своего времени, такъ и послѣдующаго, общее охранительное средство, состоящее въ томъ, чтобы каждый поручалъ себя при посредствѣ священниковъ Богу. И нынѣ, какъ во всей церкви, такъ преимущественно у нихъ, употребляемая эти слова служатъ памятникомъ поданной тогда Григоріемъ сему мужу помощи.

Когда же при помощи Божіей время тиранства прекратилось и снова водворился между людьми миръ, при которомъ невозбраннымъ и свободнымъ стадо для всѣхъ служеніе Богу, тогда, возвратившись опять въ городъ и обобравъ всю окрестную страну, Григорій повсюду учредилъ нѣкое прибавленіе въ богослуженіи, узаконивъ (совершагъ) торжественные праздники въ честь пострадавшихъ за вѣру. Останки мучениковъ были распределены по различнымъ мѣстамъ и народъ, собираясь ежегодно въ опредѣленные времена, веселился, празднуя въ честь мучениковъ. Ибо и то служить доказательствомъ его великой

мудрости, что онъ вдругъ переводя къ новой жизни современное себѣ поколѣніе и какъ бы нѣкій возница, приставленный къ (человѣческому) естеству, твердо держа ихъ уздою вѣры и богопознанія, послушнымъ попускалъ нѣсколько и поиграть веселіемъ подѣ игомъ вѣры. Замѣтивъ, что неразумное и невѣжественное большинство народа держится заблужденія идолопоклонства въ слѣдствіе (соединенныхъ съ нимъ) плотскихъ увеселеній, чтобы достигнуть по отношенію къ нимъ успѣха преимущественно въ главномъ, то есть чтобы они вмѣсто суетныхъ предметовъ своего благоговѣнія, обратили взоры къ Богу, онъ позволилъ имъ веселиться въ дни памяти святыхъ мучениковъ, предаваться радости и ликованію, дабы съ теченіемъ времени сами собою перешли они къ жизни болѣе святой и строгой подѣ руководствомъ вѣры, и это совершилось со многими уже; у нихъ всякое удовольствіе, утративъ (характеръ) тѣлеснаго увеселенія, приняло видъ духовной радости.

Совершая такимъ образомъ свое служеніе Церкви и заботливо желая видѣть прежде своего отшествія изъ сей жизни всѣхъ обращенными отъ идоловъ къ спасительной вѣрѣ и уже предузнавъ свою кончину, онъ тщательно разслѣдовалъ по всей окрестности, желая знать, не остался ли еще кто либо чуждымъ вѣры. И когда узналъ, что оставшихся въ

старомъ заблужденіи не болѣе семнадцати, возведши взоры къ Богу, сказали, что хотя и прискорбно то, что недостаетъ нѣчто для полноты спасаемыхъ, однако достойно великой благодарности и то, что онъ оставляетъ своему пресмнику по управленію Церковію столько же идолопоклонниковъ, сколько самъ принялъ христіанъ. Заповѣдавъ увѣровавшимъ уже преуспѣвать въ совершенствѣ, а не вѣровавшимъ обратиться, отходить такимъ образомъ отъ жизни человѣческой къ Богу, завѣщавъ приближеннымъ къ нему не покупать особеннаго мѣста для его погребенія. Ибо, если при жизни онъ не хотѣлъ называться господиномъ какого нибудь мѣста, но проводилъ жизнь въ чужихъ домахъ, то и по смерти конечно ему не будетъ стыдно лежать въ чужомъ владѣніи; но пусть, говоритъ, и въ послѣдующіе вѣка рассказываютъ, что Григорій, какъ при жизни не носилъ прозванія по какому либо мѣсту, такъ и послѣ смерти остался пришельцемъ среди чужихъ могилъ, потому что, отказавшись отъ всякаго пріобрѣтенія на землѣ, онъ не допустилъ даже и погребсти себя на собственной землѣ; ибо онъ считалъ для себя драгоцѣннымъ одно только стяжаніе, которое не допускаетъ до себя даже и слѣда любостяжанія.

Что же касается до быстраго обращенія цѣлаго народа отъ еллинской суетности къ по-

званію истины, то пусть подивится тому каждый изъ читателей разсказа объ этомъ, но никто да не усумнится въ этомъ, имѣя въ виду пути Промысла, которыми совершилась такая перемѣна въ обратившихся отъ лжи къ истинѣ. Для сего, возвращаясь назадъ, я разскажу теперь о происшествіи, случившемся въ первое время его епископства, о которомъ не упомянуло наше слово, спѣша къ описанію прочихъ его чудесъ. Былъ въ городѣ нѣкоторый всенародный праздникъ, совершавшійся по древнему обычаю въ честь одного мѣстнаго божества; на этотъ праздникъ стекался почти весь народъ, такъ какъ сельскіе жители праздновали вмѣстѣ съ городомъ. Театръ былъ переполненъ собравшимися; вновь прибывающіе отовсюду тѣснились за самыми сѣдалищами; такъ какъ всѣ стремились ближе къ сценѣ, желая лучше видѣть и слышать, то въ театрѣ поднялся сильный шумъ и представленіе для фокусниковъ стало невозможнымъ, потому что смятеніе по случаю давки не только препятствовало наслаждаться музыкою, но и фокусникамъ даже не давало возможности показать свое искусство. Въ это время у всего народа исторгается общій вопль, — всѣ взываютъ къ божеству, въ честь котораго праздновали и просятъ, чтобы оно дало имъ просторъ. Такъ какъ при общемъ воплѣ голоса ихъ разносились далеко, и казалось будто весь

городъ говорить какъ бы однимъ устами, вознося къ демону такую молитву: «Зевсъ, дай намъ мѣсто;» то великій Григорій, услышавъ голоса по имени призывающихъ демона, отъ котораго они требовали простора городу, сказалъ имъ, пославши одного изъ находившихся при немъ, что скоро будетъ данъ имъ просторъ даже болѣе того, о какомъ они молятся. Эти слова его оказались какъ бы печальнымъ приговоромъ; въ слѣдъ за этимъ все-народнымъ празднествомъ распространяется язва; тотчасъ съ веселыми пѣснями смѣшивается плачь, такъ что веселье для нихъ превратилось въ горе и несчастье, а вмѣсто звуковъ трубъ и рукоплесканій, городъ оглашается непрерывнымъ рядомъ плачевныхъ пѣсней. Болѣзнь, заразъ появившись между людьми, распространялась быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, опустошая дома подобно огню, такъ что храмы наполнились зараженными язвою, бѣжавшими туда въ надеждѣ исцѣленія; около источниковъ, ключей и колодезь толпились томимые жаждою въ безпомощной болѣзни; но и вода была бессильна угасить болѣзненный жаръ, потому что однажды пораженные болѣзнию оставались въ одинаковомъ положеніи, пили ли они воду, или нѣтъ. А многіе сами уходили на кладбища, такъ какъ оставшихся въ живыхъ недостаточно было для того, чтобы погребать умершихъ. И это бѣдствіе по-

ражало людей не неожиданно; но какъ будто какой призракъ приближался (сначала) къ дому, гдѣ имѣла появиться зараза; а затѣмъ слѣдовала гибель. Итакъ, послѣ того какъ для всѣхъ стала ясною причина болѣзни, (именно) — что призванный ими демонъ злобно исполнилъ просьбу сихъ неразумныхъ, доставивъ городу, посредствомъ болѣзни, этотъ злосчастный просторъ, всѣ они обратились съ мольбою къ великому (Григорію), умоляя его остановить распространеніе болѣзни силою признаваемаго и проповѣдуемаго имъ Бога, коего одного они исповѣдуютъ истиннымъ Богомъ, имѣющимъ власть надъ всѣмъ. Ибо какъ скоро являлся оный призракъ, предвѣщая появленіе язвы въ домѣ, и тотчасъ пораждалъ отчаяніе въ жизни, у подвергшихся такому бѣдствію оставалось одно средство спасенія, чтобы вошелъ въ оный домъ великій Григорій и молитвою отразилъ проникшую въ домъ болѣзнь. Когда же молва объ этомъ отъ тѣхъ, которые въ числѣ первыхъ спаслись отъ язвы такимъ образомъ, очень скоро распространилась между всѣми, то было оставлено все, къ чему прежде прибѣгали по своему неразумію: оракулы, очищенія, пребываніе въ капищахъ идольскихъ, такъ какъ всѣ обратили взоры свои къ великому святителю и каждый старался привлечь его къ себѣ для спасенія всего семейства. Наградю же для него отъ спас-

шихся было спасеніе душъ; ибо, когда благочестіе онаго іереса было засвѣдѣтельствовано такимъ опытомъ, то для дознавшихъ на самомъ дѣлѣ силу вѣры не было причины медлить принятіемъ таинства (крещенія). Такимъ образомъ болѣзнь для тѣхъ людей была могущественнѣе здоровья; потому что, въ какой мѣрѣ во время здоровья они недуговали своими помыслами относительно воспріятія таинства, въ такой мѣрѣ тѣлесною болѣзнію укрѣпились касательно вѣры. Когда такимъ образомъ обличено было заблужденіе идолопоклонства, всѣ обратились къ имени Христову, одни будучи приведены къ истинѣ приключившеюся имъ болѣзнію, другіе прибѣгши къ вѣрѣ во Христа какъ къ предохранительному врачевству противъ язвы.

Есть и инныя чудеса великаго Григорія сохранившіяся въ памяти даже до нынѣ, которыхъ мы не присовокупляемъ къ описаннымъ нами, щадя слухъ недовѣрчивыхъ и чтобы не повредить тѣмъ, которые, по великости разсказываемыхъ событій, готовы самую истину признать ложью. Христу же, совершающему чрезъ рабовъ своихъ таковыя чудеса, подobaетъ слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ ФЕОДОРУ (ТИРОНУ).

Вы, народъ Христовъ, святое стадо, царское священіе, отовсюду стекшіеся изъ городовъ и изъ сель,—кто подалъ вамъ условный знакъ къ пути, что вы собрались къ этому священному мѣсту? Кто принудилъ васъ такъ заботливо и къ опредѣленному сроку прибыть сюда, и притомъ во время зимы, когда война затихаетъ и ратникъ отлагаетъ свои доспѣхи и пловець кладетъ свое кормило подъ дымъ и земледѣлецъ покоится, поставивъ къ яслямъ рабочихъ воловъ? Не ясно ли, что вострубилъ изъ ратнаго строя святой мученикъ и, подвигнувъ множество народа изъ различныхъ мѣстностей, призвалъ ихъ къ мѣсту собственнаго упокоенія и своей обители, собравъ ихъ не для приготовленія къ военному дѣлу, но для сладостнаго и наиболѣе христіанамъ приличнаго мира? Ибо онъ, какъ вѣруемъ, и въ прошломъ году утишилъ бурю

варварскаго нашествія и предотвратилъ ужасную войну съ дикими Скиѳами, помавая предъ ними, уже бывшими на виду и вблизи, бѣдственнымъ и страшнымъ для нихъ оружіемъ,— не косматымъ шлемомъ, не мечемъ хорошо изощреннымъ и сверкающимъ на солнцѣ, но отъ бѣды избавляющимъ и всесильнымъ крестомъ Христовымъ, за который и самъ пострадавъ, стяжалъ сію славу. Теперь вы, служители сего чистаго благочестія и читатели мучениковъ, рассмотрите внимательнымъ умомъ, чего по справедливости онъ заслуживаетъ и какихъ достоинъ наградъ, (говорю о наградахъ въ мірѣ и у насъ, ибо о величій тѣхъ (наградъ), кои невидимы, никто не можетъ составить понятія), и точно узнавъ плодъ благочестія, поревнуйте расположенію тѣхъ, кои такъ предпочтены предъ другими; возжелайте и тѣхъ почестей, которыя Христось раздаетъ подвижникамъ по достоинству каждаго.

А мы, если угодно, оставивъ рѣчь о наслажденіи будущими благами, благая надежда которыхъ отложена праведнымъ до тѣхъ поръ, когда придетъ Судія нашей жизни, рассмотримъ настоящее состояніе святыхъ, какъ оно прекрасно и величественно. Ибо душа ихъ отшедшая горѣ пребываетъ въ собственномъ ей мѣстѣ и отрѣшившись отъ тѣла обитаетъ вмѣстѣ съ подобными ей; а тѣло,

честный и нескверный ея органъ, нисколько не повредившій своими страстями нетлѣннѣй обитавшей въ немъ души, погребается съ большою честію и благоговѣніемъ, честно полагается въ священномъ мѣстѣ, какъ бы какое многоцѣнное сокровище соблюдаемое до времени накибытія, во многомъ несравнимое ни съ какими другими тѣлами, разрушаемыми общею всѣмъ и обыкновенною смертію, — и притомъ въ одинаковомъ по природѣ веществѣ. Ибо всѣми другими останками большая часть людей гнушаются; никто съ удовольствіемъ не проходитъ мимо гроба, а когда нечаянно увидитъ открытый гробъ, то посмотрѣвъ на безобразіе того, что лежитъ тамъ, полный непріятнаго чувства и съ тяжелымъ вздохомъ объ участи челоуѣчества, скорѣе бѣжитъ прочь. Но кто взойдетъ въ какое-либо мѣсто подобное сему, гдѣ сегодня мы собрались, гдѣ (совершается) память праведнаго и гдѣ святые останки его, тотъ во-первыхъ утѣшитъ свою душу великолѣпіемъ того, что представляется его взорамъ, видя сей домъ, какъ храмъ Божій, свѣтло благоукрашеннымъ и величіемъ постройки и благолѣпіемъ украшеній, гдѣ и рѣзчикъ придалъ дереву видъ различныхъ животныхъ, и камнетесъ каменные плиты довелъ до гладкости серебра. И живописецъ украсилъ искусственными цвѣтами, изобразивъ на иконѣ доблестные

подвиги мученика, его твердое стояніе на судѣ, мученія, звѣрообразныя лица мучителей, ихъ насильственныя дѣйствія, пламенемъ горящую печь, блаженнѣйшую кончину подвижника, начертаніе человѣческаго образа подвигположника Христа; все это искусно начертавъ намъ красками, какъ бы въ какой объяснительной книгѣ, ясно рассказалъ подвиги мученика и свѣтло украсилъ храмъ, какъ бы цвѣтущій лугъ (ибо и живопись молча умѣетъ говорить на стѣнахъ и доставлять величайшую пользу). И слагатель разноцвѣтныхъ камней сдѣлалъ попираемый полъ достойнымъ описываемаго событія.

Утѣшивъ взоръ этими чувственными произведеніями искусства, (посѣтитель храма) желаетъ наконецъ приблизиться и къ ракъ, почитая освященіемъ и благословеніемъ самое прикосновеніе къ ней. Если кому позволено бываетъ взять земли лежащей на поверхности мѣста его упокоенія, тотъ прахъ пріемлетъ какъ даръ и землю собираетъ какъ сокровище. Если кому счастье доставитъ возможность прикоснуться къ самымъ останкамъ, то, какъ это вождено и какой возвышенной молитвы почитается даромъ, знаютъ тѣ, кои испытали это и которые сами одушевляемы были этимъ желаніемъ. Взвѣщающіе на нихъ лобызаютъ оныя, какъ самое живое и цвѣтущее жизнiю тѣло, приближая ихъ къ глазамъ,

устамъ, ушамъ, ко всѣмъ чувствамъ; за тѣмъ проливая слезы благоговѣнія и сердечнаго умиленія, приносятъ молитву о ходатайствѣ, какъ бы самому въ цѣлости видимому мученику, умоляя его какъ оруженосца Божія, взывая къ нему, какъ къ приемлющему дары (молитвы) когда ему угодно. Изъ всего сего познай, благочестивый народъ, что *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Пс. 115, 6.). Ибо одно и тоже тѣло у всѣхъ людей, будучи составлено изъ одного и того же вещества; но одно умираетъ простою смертію, повергается какъ случится; другое же, облагодатствованное страданіемъ мученическимъ, такъ достолюбезно и всѣмъ вождѣнно, какъ мы выше сказали. Посему, на основаніи видимаго будемъ вѣровать невидимому, на основаніи того, что опытомъ дознаемъ въ мірѣ,—тому, что обѣщано въ будущемъ. Ибо многіе, цѣня выше всего чрево, тщеславіе и здѣшній соръ, ни во что вмѣняютъ будущее, думая, что все ограничивается предѣломъ сей жизни. Но мыслящій такъ. отъ малаго научись великому, по тѣни уразумѣй первообразъ. Кто изъ царей почитается такою честію? Кто изъ людей, получившихъ преимущественную извѣстность, прославляется такою памятію? Кто изъ военачальниковъ, бравшихъ укрѣпленные города, порабощавшихъ множество народовъ, сталъ такъ знаменитъ, какъ

сей убогій воинъ, новобранецъ, котораго вооружилъ Павелъ, котораго приготавлили къ подвигу ангелы, котораго послѣ побѣды увѣнчалъ Христосъ? Но теперь, поелику мое слово приблизилось къ подвигамъ мученика, лучше, оставивъ общія похвалы, повести рѣчь преимущественно о семъ святомъ; ибо каждому любезно свое.

И такъ, отечество сего доблестнаго мужа,— страна лежащая на востокъ солнца, ибо и онъ, подобно Іову, былъ *благороднѣйшій суццхъ отъ востокъ солнца* (Іов. 1, 3.) и имѣя общее съ нимъ отечество, былъ подражателемъ и нравамъ его. Нынѣ же мученикъ сей есть общее достояніе всей вселенной, будучи гражданиномъ всей подсолнечной. Будучи зачисленъ тамъ въ воинскіе списки, онъ съ своимъ полкомъ приходитъ въ нашу страну, такъ какъ начальствующими былъ назначенъ здѣсь зимній отдыхъ для ратниковъ. Когда же внезапно вспыхнула война, не въ слѣдствіе нашествія варваровъ, но по повелѣнію сатанинскому и богоборному постановленію, (ибо по нечестивому указу, каждый христіанинъ повергался преслѣдованію и осужденъ былъ на смерть), тогда оный треблаженный, будучи извѣстенъ благочестіемъ и повсюду открыто являвшій свою вѣру во Христа, едва не на челъ начертавшій исповѣданіе сей вѣры, оказался уже не новобранцемъ по мужеству и не

неопытнымъ въ дѣлѣ войны и битвы, но доблестнымъ душею, твердо стоящимъ въ виду опасностей, не малодушнымъ, не боязливымъ, не робкимъ въ рѣчахъ. Ибо когда открылось засѣданіе этого злаго суда, правитель и воинскій начальникъ собравшись на сіе какъ нѣкогда Иродъ и Пилать (Дѣян. 4, 27) также поставляютъ предъ судомъ раба Распятаго, какъ тѣ его Владыку. «Скажи, говорятъ ему, откуда у тебя явилась дерзость и смѣлость, что ты оскорбляешь царскій законъ, не подчиняешься съ трепетомъ приказаніямъ Государя, не поклоняешься, какъ угодно твоимъ властителямъ?» (Ибо тогда царствомъ правили соправители Максиміана.) А онъ съ мужественнымъ лицомъ и неустрашимымъ духомъ далъ такой прямой отвѣтъ на ихъ слова: «боговъ я не знаю, да они и не существуютъ по истинѣ; вы же заблуждаетесь, почитая и называя именовъ Божіимъ лъстивыхъ демоновъ. Для меня Богъ, — Христось, едиnorodный Сынъ Божій. И такъ за благочестіе и исповѣданіе Его, и наносящій раны пусть разсѣкаетъ меня, и бичующій пусть бичуетъ, и жгущій пусть приближаетъ огонь, и кому несносны эти слова мои пусть вырываетъ языкъ; ибо въ каждомъ членѣ своемъ тѣло обязано терпѣніемъ Создавшему его.» Поражены были сими словами мучители и не выдержали перваго нападенія доблестнаго воина, видя юно-

шу стремящагося къ страданію и жаждущаго кончины, какъ какого пріятнаго питія. Когда же въ недоумѣніи остановились нѣсколько и стали совѣтоваться, что дѣлать, одинъ изъ должностныхъ воиновъ, почитая себя остроумнымъ и вмѣстѣ посмѣиваясь надъ отвѣтомъ мученика, сказалъ: «и такъ, Θεодоръ, у твоего Бога есть Сынъ? И онъ раждаетъ, страстнымъ образомъ какъ человѣкъ?» «Мой Богъ не родилъ страстнымъ образомъ, отвѣчаетъ мученикъ; но и Сына я исповѣдую и о рожденіи говорю богоприличномъ; а ты, малосмысленный и жалкій, не красѣешь и не закрываешь отъ стыда лице, признавая бога-женщину, и покланяясь, какъ матери двѣнадцати дѣтей. какому-то многоплодущему демонскому существу, которое подобно зайцамъ и свиньямъ легко и зачинаетъ и раждаетъ.» Когда такимъ образомъ святой отразилъ двойную насмѣшку идолопоклонника, мучители, привявъ на себя видъ человѣколюбія, говорятъ: «пусть будетъ даво этому сумасшедшему немного времени для размышленія; можетъ быть одумавшись на свободѣ, измѣнится къ лучшему.» Сіи безумцы здравомысліе называли сумасшествіемъ, а благочестіе изступленіемъ и поврежденіемъ ума, подобно тому какъ пьяные уоряютъ въ собственной страсти трезвыхъ. Но благочестивый мужъ и воинъ Христовъ воспользовался даннымъ ему временемъ для

мужественнаго дѣла. Для какого же? Объ этомъ время вамъ съ радостію выслушать разсказъ. Въ главномъ областномъ городѣ Амасіи былъ храмъ баснословной матери боговъ, который заблуждавшіе тогда люди, по суемудрію соорудили гдѣ-то на берегу рѣки. Этотъ храмъ, доблестный мужъ, во время дарованной ему свободы, улучивъ удобный часъ и благопріятный вѣтеръ, поджегши предалъ пламени, самымъ дѣломъ давъ злодѣямъ отвѣтъ, котораго они конечно ожидали послѣ размышленія. Когда же его дѣло скоро стало явно для всѣхъ (ибо яркій огонь запылалъ посреди города), то онъ не таилъ своего поступка и не старался скрыть его, но явно выдавалъ себя, весьма торжествуя успѣхомъ дѣла и радуясь смятенію безбожниковъ и тому смущенію, съ какимъ оплакивали они гибель храма и истукана. И вотъ доносятъ на него начальникамъ, какъ на виновника поджога; опять судъ страшнѣе прежняго, чему и слѣдовало быть, когда случай такой важности раздражилъ судей. Они всходятъ на судейское мѣсто, а благодержновенный Феодоръ предстоить посреди, смѣло отвѣчая на вопросы судящаго его начальника и скоростію признанія пресѣкая самый допросъ. Поелику же онъ былъ неустрашимъ и не уступалъ предъ угрозами тяжкихъ мукъ, то судьи со-

вершенно перемѣнили свое обращеніе съ нимъ, и челоуѣколюбиво разговаривая, пытались увлечь праведника обѣщаніями.» Знай, говорили они, что если захочешь покорно принять нашъ совѣтъ, то мы тотчасъ изъ незнатнаго сдѣлаемъ тебя знатнымъ, изъ безславнаго почтеннымъ; общаемъ тебѣ достоинство главнаго жреца.» Когда же троблаженный услышалъ о достоинствѣ главнаго жреца, то много посмѣявшись сказалъ: «Я и жрецовъ идольскихъ считаю жалкими и сожалею о нихъ, какъ служащихъ суетному дѣлу; а о начальникахъ жрецовъ сожалею еще болѣе и гнушаюсь ими; ибо старшій надъ худыми и занимающій первое мѣсто еще болѣе жалокъ, точно также какъ между неправедными болѣе неправедный, между убійцами болѣе свирѣпый, между распутными болѣе развратный; посему оставьте теперъ же ваши гибельныя обѣщанія, ибо вы забыли, что ваши обѣщанія для меня верхъ золь; тому же, кто избралъ жизнь благочестивую и правую, хорошо *приметатися въ долу Бога паче, но же жити въ селеніихъ грѣшничихъ* (Пс. 83. 11.). Я и о царяхъ сихъ, беззаконный законъ которыхъ постоянно читаете намъ, сожалею, потому что имѣя достаточно великое между людьми достоинство, — власть царскую, присвоили себѣ еще и званіе первосвященника; они надѣвають эту плачевную и темную пор-

фиру, подражая первосвященникамъ злыхъ демоновъ, и унижаютъ свѣтлое достоинство мрачною одеждою; а бываетъ и то, что приближаясь къ скверному жертвеннику, вмѣсто царей становятся поварами, закалая птицъ и изслѣдуя внутренности несчастныхъ животныхъ и какъ бы какіе мясники марая одежду нечистотами крови.»

Послѣ этихъ рѣчей праведнаго, начальники уже не стали выказывать ложнаго и притворнаго челоуѣколюбія; но объявивъ его нечестивѣйшимъ по отношенію къ богамъ и кромѣ того оскорбителемъ и хульникомъ царей, вопервыхъ повѣсивъ его на деревѣ устроенномъ для пытокъ, терзали его тѣло. А онъ въ то время, когда палачи сильно дѣлали свое дѣло, оставался твердымъ и непоколебимымъ, припѣвая среди мукъ стихъ псалмопѣнія: *благословлю Господа на всякое время, выну хвала ею во устьехъ моихъ* (Пс. 33, 1.) Они терзали его плоть, а онъ пѣлъ, какъ будто не онъ, а другой кто терпѣлъ казнь. Это наказаніе смѣняетъ темница; и здѣсь опять надъ святымъ свершилось чудо; ночью слышались голоса множества поющихъ, и находящимся внѣ (темницы) видѣлся блескъ свѣтящихся лампадъ, какъ бы на всеобщномъ бдѣніи, такъ что и тюремный сторожъ, смущенный необычайностію того что видѣлъ и слышалъ, приближалъ въ темницу, но никого не нашель

въ ней, кромѣ покоящагося мученика и другихъ спящихъ узниковъ. Когда же послѣ многихъ страданій (мученикъ) явился мужемъ вполнѣ созрѣвшимъ въ исповѣданіи и благочестіи, провозносится надъ нимъ судебный приговоръ и выходитъ повелѣніе предать его огню; такъ онъ прекраснымъ и блаженнымъ путемъ отошелъ къ Богу, а намъ оставилъ назидательную память о своемъ подвигѣ, собирая народы, наставляя церковь, прогоняя демоновъ, низводя мирныхъ ангеловъ, испрашивая намъ у Бога полезное, содѣлавъ сіе мѣсто врачевницею различныхъ болѣзней, пристанью обуреваемыхъ скорбями, изобильною сокровищницею бѣдныхъ, удобною страннопріимницею для путешественниковъ, постояннымъ мѣстомъ праздника для празднующихъ. Ибо, хотя мы и чтимъ этотъ день ежегодными празднествами, но никогда не прекращается усердіе множества стремящихся сюда, но ведущая сюда дорога похожа на путь, усѣянный муравьями; одни идутъ впередъ, другіе уступаютъ мѣсто вновь приходящимъ.

Мы, о блаженный, челоѣколюбіемъ Создателя свершивши годовой кругъ, собрали для празднованія тебѣ священное собраніе мучениколюбцевъ, поклоняясь общему Владыкѣ и совершая побѣдное воспоминаніе твоихъ подвиговъ. Ты же, предстоятель праздника, (ибо

къ тебѣ созвавшему насъ взываемъ), приближися къ намъ, гдѣ бы ты ни былъ, обитаешь ли въ эфирной высотѣ или обходишь какой небесный сводъ, предстоишь ли Владыкѣ вмѣстѣ съ ликами ангельскими, или какъ вѣрный рабъ покланяешься Ему вмѣстѣ съ Силами и Властями,—оставивъ на малое время горнее, приди какъ невидимый другъ къ чтущимъ тебя; посмотри на совершающееся здѣсь, чтобъ удвоить свою благодарность къ Богу, за одно страданіе и за одно благочестивое исповѣданіе воздавшему тебѣ такія награды, и возрадоваться за (пролитую тобою) кровь и огненное мученіе; ибо сколько было тогда у тебя зрителей твоей казни, столько теперь у тебя служителей твоей чести. Во многихъ благодѣяніяхъ имѣемъ нужду; молися за отечество предъ общимъ всѣхъ Царемъ; ибо отечество мученика — страна, гдѣ онъ пострадалъ, а сограждане и сродники—тѣ, кои его погребли, у которыхъ его тѣло, кои чтутъ его. Предусматриваемъ скорби; ожидаемъ опасностей; не далеко ужасныя Скиѣы, замышляющіе войну противъ насъ; какъ воинъ поборай по насъ, какъ мученикъ яви (молитвенное) дерзновеніе (къ Богу) за служащихъ Ему вмѣстѣ съ тобою. Хотя ты и прешелъ отъ сей жизни, но знаешь страданія и нужды человѣчества; испроси намъ миръ, чтобы не прекратились сіи праздне-

ства, чтобы не сталъ ликовать надъ храмами и жертвенниками неистовый и необузданный варваръ, чтобы не попраля святая сквернитель. Ибо мы и то, что до сихъ поръ сохранились невредимы, — твоимъ считаемъ благодѣяніемъ; просимъ у тебя и на будущее время безопасности. А еслибъ оказалась нужда въ большемъ молитвенномъ предствѣствѣ, собери ликъ своихъ братьевъ мучениковъ и молись со всѣми ими; молитвы многихъ праведниковъ да разрѣшаютъ грѣхи народовъ и племенъ. Напомни о насъ Петру, возбуди Павла, равно какъ и Іоанна Богда слова и возлюбленнаго ученика, да позаботятся о церквахъ, которыя они устроили. за которыя носили узы, за которыя подверглись опасностямъ и смерти, чтобъ идолослуженіе опять не подъяло главы надъ нами, чтобъ ереси, какъ тернія не произрасли въ виноградникѣ, чтобы вновь ожившія плевелы не заглушили пшеницы, чтобы не было среди насъ каменистой почвы (Матѣ. 13, 20), лишенной тука, истинной росы и препятствующей укорениться силѣ слова для принесенія благихъ плодовъ; но силою твоей и сущихъ съ тобою молитвы, о дивный и пресвѣтлый среди мучениковъ, да содѣлается гражданство христіанское до конца временъ мѣстомъ жатвы на тучной и плодосной пажити вѣры во Христа, всегда плодоносящимъ жизнь

вѣчную, жизнь во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, съ Коимъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

СВЯТЫМЪ СОРОКА МУЧЕНИКАМЪ.

Чѣмъ, предполагаю, многіе тяготятся, тому я мысленно радуюсь. Многимъ, вѣроятно, непріятно толпиться между собою въ тѣснотѣ, а для меня это веркъ радости. Ибо радуется око пастыря, видя, какъ его стадо тѣснится отъ множества и переполняетъ ограду; хотя и не мала эта ограда овчая, но просторное мѣсто дѣлается тѣснымъ для стада многочисленнаго. Видя нѣчто таковое и около Господа, Петръ сказалъ ему въ отвѣтъ: *наставниче, народи одержатъ Тя и инпутъ* (Лук. 8, 45.). Подлинно, это значить, какъ говоритъ нѣгдѣ божественный Апостолъ, быть утѣсняему, но не стѣснену; ибо мы отовсюду, говорить, притѣсняемы, но не стѣснены (2 Кор. 4, 8.). Но мнѣ какаго рода держать рѣчь предъ столь многочисленнымъ собраніемъ? Кто дастъ

мнѣ голосъ, звучнѣйшій трубы, чтобы по-
крыть шумъ множества и сдѣлать слова до-
ступными слуху собравшихся? Къ чему изъ
прочитаннаго обративъ свою мысль, найду
приличное для присутствующихъ слово? Оби-
лень Ювъ, своимъ примѣромъ научающій му-
жеству въ жизни; обилень загадками приточ-
никъ. Что сказать и о священномъ апостолѣ,
который въ своемъ ученіи къ Ефесянамъ мо-
жетъ быть открылъ бы и намъ нѣчто изъ
тѣхъ неизреченныхъ глаголовъ, которые на-
зываетъ превышающими человѣческое раз-
умнѣе (2 Кор. 12, 4), въ загадочныхъ рѣче-
ніяхъ открывая неизреченную тайну креста
(Ефес. 3, 18. 19)? Такого же рода и другія,
въ псалмопѣніяхъ заключающіяся, тайны: *вос-
поминаніе* (Пс. 69, 1), *столпотисаніе* (Пс. 15, 1).
точило (Пс. 80, 1). Ибо, обративъ вниманіе
на эти надписанія прочитанныхъ намъ псал-
мовъ, видимъ, что сіи загадочныя рѣченія
могли бы дать не малый предметъ для слова,
Но мнѣ кажется благовременнымъ, изслѣдо-
ваніе о сказанномъ прибержь до другаго
времени; я желаю найти какое либо изреченіе
(писанія) приличное и соотвѣтствующее ра-
дости настоящаго праздника. Какое же? Я
знаю одинъ, свойственный природѣ, на са-
мыхъ божественныхъ скрижаляхъ Законодате-
лемъ природы начертанный, законъ, который
повелѣваетъ воздавать своимъ родителямъ вся-

кимъ благимъ воздаяніемъ, какое только возможно. Ибо, *что*, говоритъ, *отца твоего и мать твою, яже есть заповѣдь первая во обѣтованіи, да благо ти будетъ* (Исх. 20, 12, Ефес. 6, 2). Если же сей законъ есть первый съ обѣтованіемъ и исполненіе его приноситъ пользу самому исполняющему, ибо лчитаніе родителей обращается на исполнившаго законъ; то хорошо бы всякому размысляющему имѣть въ виду эту заповѣдь, которой конецъ — благодѣяніе и благодать исполняющему оную. Но плотскіе наши отцы, послужившіе своему роду въ продолженіе назначеннаго имъ отъ начала времени, какъ давно уже умершіе, не имѣютъ нужды въ нашемъ почтеніи, такъ что невозможно исполнить сей законъ, за несуществованіемъ тѣхъ, кои могли бы принять отъ насъ благое воздаяніе. Законъ же повелѣваетъ намъ исполнять на дѣлѣ заповѣдь, чтобы получить обѣтованное; ибо невозможно недѣлающимъ получить награду дѣлающихъ. И такъ что же нужно дѣлать, когда нѣтъ родителей, тому, кто и обѣтованнаго ищетъ и не имѣетъ возможности, какъ достигнуть того, къ чему стремится? Подлинно, сіе затрудненіе совершенно разрѣшаетъ для насъ то, что мы видимъ. Ибо, видя васъ, я не имѣю нужды слишкомъ заботиться объ иныхъ отцахъ. Вы — мои отцы, отцы и самыхъ отцевъ для меня, потому что отчество родив-

шихся заключаетъ въ себѣ и достоинство родителей. Итакъ—какимъ же дѣломъ исполнимъ въ отношеніи къ вамъ законъ почтенія? Признательный, вѣжно любящій сынъ, своимъ служеніемъ подкрѣпляя старческой возрастъ отца, служить опорой хилой немощи, самъ будучи всѣмъ для отца. Посему отецъ представляется молодѣющимъ въ сынѣ, и дрожащая старческая рука, покоясь на юношеской крѣпости, пользуется силою юноши; и движеніе ногъ, сгибающихся уже отъ искривленія членовъ, дѣлается крѣпкимъ, при заботливости сына, поддержка со стороны котораго какъ бы опять возвращаетъ прямизну ногамъ старца. Если отъ времени помрачилось и зрѣніе, опять при помощи сына старецъ дѣлается зоркимъ, водимый за руку въ движеніяхъ, необходимыхъ для жизни. Вы же, мои отцы, не таковы чтобы нуждаться въ чемъ-нибудь подобномъ.

И такъ за какое же дѣло мы можемъ получить плодъ, — благословеніе заповѣди? Что пріятнаго принесемъ вамъ въ даръ, когда вы не имѣете недостатка ни въ какомъ благѣ? Или и самое повѣствованіе о тѣхъ прекрасныхъ вещахъ, какія у васъ есть, можетъ замѣнить честь, которою мы обязаны вамъ? И такъ не время ли сказать и о томъ, какія и сколь многочисленныя блага служатъ украшеніемъ вашей жизни, — лучше же намъ слѣду-

еть не сказать только, но и указать на сіи блага. Можетъ-быть вы думаете, что я стану говорить объ ѣтихъ обыкновенныхъ и всѣмъ извѣстныхъ благахъ, — о плодородіи земли, изобиліи плодовъ, о рѣкѣ, раздѣляющей ваше мѣстообитаніе? Я говорю объ этой рѣкѣ, замыкающей своё теченіе въ кругу равнины и образующей озеро, которая и выше озера и по выходѣ вновь изъ него, будучи раздѣлена (на каналы), соответственно потребностямъ каждаго изъ жителей, искусственно орошаетъ рощи и луга и доставляетъ живущимъ безчисленныя выгоды, позволяя раздѣлять себя сообразно со всякимъ желаніемъ жителей города. Пусть говорятъ объ этомъ другіе, тѣ, для которыхъ слово служить .и средствомъ тщеславія и доставляетъ опытнымъ (въ этого рода краснорѣчіи) нѣкоторую честь, — умножать чрезъ то хвалу отечества. А кто-нибудь, мірской человѣкъ, умѣющій судить о благахъ сей жизни, къ этимъ похваламъ пусть присоединить, если хочетъ, похвалу и другой рѣкѣ; я говорю о сосѣдней, причисляемой, по величинѣ, къ знаменитымъ рѣкамъ во вселенной, которая, начинаясь унасъ, протекаетъ вблизи города, принося собою не мало хорошаго для увеличенія красоты страны и содѣйствія удобствамъ жизни. Если нужно перечислять основателей города, или прославлять роды населившихъ колоніи его,

или повѣствовать сверхъ того объ успѣхахъ совершенныхъ у насъ силою оружія, о трофеяхъ, сраженіяхъ, удивительныхъ дѣлахъ храбрости, которыя бытописатели собрали въ книгахъ, то все это чуждо нашему собранію. Ибо христіанское слово стыдится вмѣнять христіанамъ въ похвалу то, что чуждо вѣрѣ; это значило бы прославлять тѣнь храбраго, вмѣсто его трофеевъ. И такъ слово наше пусть возвратится къ настоящему и представить нашимъ взорамъ вашъ собственный плодъ. Да умолкнетъ же рѣчь о мірскихъ красотахъ, хотя и этотъ предметъ могъ бы дать обильное содержаніе для похвальнаго слова. Ибо ни цѣлое небо, которое есть самое прекрасное и величайшее во всемъ сотворенномъ, ни сіяніе свѣтилъ, ни широту земли, ни иное что, по стихійному составу своему входящее въ составъ вселенной, боговдохновенное слово не признаетъ чѣмъ либо великимъ и достойнымъ удивленія. Божественное повелѣніе научило меня не относиться съ удивленіемъ ни къ чему преходящему. И такъ, если все небо и земля перейдетъ и весь образъ міра *преходитъ*, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 7, 31); то найдетъ ли кто приличнымъ, если мы сдѣлаемъ предметомъ похвалъ плодородіе земли и (обиліе) воды? Ибо хотя въ вашей мѣстности таковыхъ земныхъ удобствъ и болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но въ сравненіи

еть не сказать только, но и указать на сіи блага. Можетъ-быть вы думаете, что я стану говорить объ этихъ обыкновенныхъ и всѣмъ извѣстныхъ благахъ, — о плодородіи земли, изобиліи плодовъ, о рѣкѣ, раздѣляющей ваше мѣстообитаніе? Я говорю объ этой рѣкѣ, замыкающей свое теченіе въ кругу равнины и образующей озеро, которая и выше озера и по выходѣ вновь изъ него, будучи раздѣлена (на каналы), соответственно потребностямъ каждаго изъ жителей, искусственно орошаетъ рощи и луга и доставляетъ живущимъ безчисленныя выгоды, позволяя раздѣлять себя сообразно со всякимъ желаніемъ жителей города. Пусть говорятъ объ этомъ другіе, тѣ, для которыхъ слово служить и средствомъ тщеславія и доставляетъ опытнымъ (въ этого рода краснорѣчіи) нѣкоторую честь, — умножать чрезъ то хвалу отечества. А кто-нибудь, мірской человѣкъ, умѣющій судить о благахъ сей жизни, къ этимъ похваламъ пусть присоединить, если хочетъ, похвалу и другой рѣкѣ; я говорю о сосѣдней, причисляемой, по величинѣ, къ знаменитымъ рѣкамъ во вселенной, которая, начинаясь у насъ, протекаетъ вблизи города, принося собою не мало хорошаго для увеличенія красоты страны и содѣйствія удобствамъ жизни. Если нужно перечислять основателей города, или прославлять роды населившихъ колоніи его,

или повѣствовать сверхъ того объ успѣхахъ совершенныхъ у насъ силою оружія, о трофеяхъ, сраженіяхъ, удивительныхъ дѣлахъ храбрости, которыя бытописатели собрали въ книгахъ, то все это чуждо нашему собранію. Ибо христіанское слово стыдится вмѣнять христіанамъ въ похвалу то, что чуждо вѣрѣ; это значило бы прославлять тѣнь храбраго, вмѣсто его трофеевъ. И такъ слово наше пусть возвратится къ настоящему и представить нашимъ взорамъ вашъ собственный плодъ. Да умолкнетъ же рѣчь о мірскихъ красотахъ, хотя и этотъ предметъ могъ бы дать обильное содержаніе для похвальнаго слова. Ибо ни цѣлое небо, которое есть самое прекрасное и величайшее во всемъ сотворенномъ, ни сіяніе свѣтилъ, ни широту земли, ни иное что, по стихійному составу своему входящее въ составъ вселенной, боговдохновенное слово не признаетъ чѣмъ либо великимъ и достойнымъ удивленія. Божественное повелѣніе научило меня не относиться съ удивленіемъ ни къ чему преходящему. И такъ, если все небо и земля преидетъ и весь образъ міра *преходитъ*, какъ говоритъ Апостоль (1 Кор. 7, 31); то найдетъ ли кто приличнымъ, если мы сдѣлаемъ предметомъ похвалъ плодородіе земли и (обиліе) воды? Ибо хотя въ вашей мѣстности таковыхъ земныхъ удобствъ и болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но въ сравненіи

съ вашими благами, слово (Божіе), какъ извѣстно, вмѣняетъ ихъ ни во что. И такъ, обратимъ наши хвалы къ тому, что предпочтительнѣе по природѣ. На это укажутъ вамъ уже не слова наши, но и сами вы можете видѣть главное изъ вашихъ благъ. Ибо кто не знаетъ вашъ плодъ, — что вы произрастили сей многоплодный колосъ мучениковъ, числомъ плодовъ превысившій число тридцать? Посмотрите на сію священную ниву; здѣсь (собраны) снопы мучениковъ. Если хочешь узнать, о какой говорю нивѣ, посмотри вокругъ не далѣе настоящаго мѣста. Какое это мѣсто, въ которомъ находится сіе собраніе? Что говорить тебѣ это ежегодное обхожденіе круга (временъ)? Какія повѣствованія приносятъ тебѣ воспоминаніе сего дня? не тѣ ли это *рчи и словеса, иже только*, какъ говоритъ Пророкъ, *не слышатся гласи ихъ* (Псалм. 18, 4), повѣствующіе о чудесахъ благозвучнѣе всякаго слова? Если ты помотришь на сіе мѣсто, оно скажетъ о себѣ, какъ о поприщѣ мучениковъ; если помыслишь о днѣ, онъ какъ бы нѣкоторый велегласный вѣстникъ возглашаетъ о вѣнцѣ мучениковъ. Кажется мнѣ, я слышу, какъ провозглашаетъ сей день: одинъ (день) гордится сотвореніемъ свѣтилъ, другой — неба, а иной величается устроеніемъ земли; мнѣ же для украшенія моего довольно чудесъ муче-

никовъ; довольно величаться красотою вѣнцевъ; довольно хвалиться знаками побѣды надъ діаволомъ. Какія въ часы мои произошли событія, достойныя повѣствованія! Какое я произвелъ приращеніе къ лику Ангеловъ! Какой плодъ дала Богу земля! Какой садъ насадилъ въ мое время Господь! Отсюда вся почти вселенная насадилась отпрысками здѣшнихъ отраслей, подобно тому, какъ полная силы виноградная лоза производитъ изъ себя и другія виноградныя лозы и сама остается безъ убыли. Сіе и другое сему подобное, мнѣ кажется, благовѣствуетъ благодать сего дня и мѣсто сего собранія. Но что дѣлать мнѣ при такомъ множествѣ народа, мнѣ тихогласному и медленному въ словѣ, рѣчь котораго едва слышна предстоящимъ, при шумѣ, заглушающемъ слова? Ибо иначе, я занялъ бы ваше вниманіе добрыми повѣствованіями о томъ, какимъ образомъ прекрасное сообщество сорока (мучениковъ) вмѣстѣ подвизалось и вмѣстѣ повсюду нашло себѣ жилище; какъ они и повсюду раздѣляются и другъ у друга гостятъ по мѣстамъ. Каждый, получившій какъ благодатный даръ, часть ихъ останковъ, пріялъ все цѣлое явленіе мучениковъ; ибо всѣ они, содѣлавшіеся едино о Господѣ, чрезъ одного вселяются и всѣ, въ полномъ своемъ числѣ. Но не заслужить ли порицанія наше слово за то, что

умолчало о началѣ повѣствованія о нихъ? Какое же начало? Добрая и досточтимая юность, превосходная вѣра, которая содѣлала всѣхъ ихъ избранными, сіяющими красотою, величіемъ подобными молодымъ деревьямъ въ лѣтнемъ цвѣтѣ.... Видите ли какъ рѣчь заглушается смятеніемъ и слово прерывается шумомъ, такъ что мы, обуреваемые возгласами народа, какъ бы въ некоторымъ волнующимся моремъ, по необходимости должны прибѣгнуть въ тихую пристань молчанія? Если же по благодати Божіей у насъ будетъ для второй (части) слова удобство при спокойствіи слушающихъ, то нынѣ оставленное восполнится Богу содѣйствующу. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

~~~~~

II.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

СВЯТЫМЪ СОРОКА МУЧЕНИКАМЪ.

Вчера мученики призывали къ себѣ народъ; нынѣ сами пришедши, приемлются какъ гости, въ гостинницѣ Церкви. Но есть нѣкоторый законъ для пиршествъ, чтобы круговыя эти угощенія давались пирующими взаимно поочереди. И такъ необходимо и намъ воздать мученикамъ за ихъ угощеніе подобнымъ же пиршествомъ. Но поелику у насъ недостаточны средства слова, то хорошо намъ угостить ихъ остатками ихъ же (трапезы), — ихъ, вчерашнихъ хозяевъ, нынѣшнихъ же гостей. Ибо достаточно и малой нѣкоторой части отъ богатой трапезы для приготовления великаго пира, какъ скоро таковъ остатокъ. Какой же это остатокъ? Помните конечно, на чемъ остановились мы въ словѣ, когда сей

вождедѣнный и пріятный для насъ отъ множества собравшихся шумъ помѣшалъ слушать, что говорилось; когда одушевленное сіе церковное море, переполняясь множествомъ притекающихъ, волновалось отъ напора постоянно тѣснящихся, подобясь дѣйствительному морю и по шуму, поражавшему нашъ слухъ подобно шуму волнъ. И такъ на чемъ остановили мы слово, обуреваемое шумомъ, конечно помните вы, заботящіеся имѣть мучениковъ въ памяти. Мы, какъ кажется, остановились на томъ, что избранные на сей подвигъ были не кто либо изъ обыкновенныхъ людей, и не какая нибудь простая и безвѣстная толпа отъ низкихъ занятій возвысилась до такого достоинства; но впервыхъ, превосходя прочихъ стройностію тѣла, красотою, крѣпостію и избыткомъ силы, они зачислены были въ воинскіе списки; затѣмъ отличившись добродѣтельною жизнію и цѣломудреннымъ житіемъ, они при кончинѣ своей получили благодать мученичества, какъ бы нѣкоторую почесть и награду за мужество. И, чтобы слово наше было пріятнѣе, если угодно, мы опять по порядку припомнимъ все о мученикахъ, какъ бы на зрѣлищѣ представляя взорамъ настоящаго собранія ихъ подвиги.

Быль древле въ сосѣднемъ городѣ воинскій отрядъ, защищавшій весь народъ отъ нападеній варваровъ. Сін войны, по нѣкоторому

прежде бывшему божественному явленію, ревновали болѣе о вѣрѣ, чѣмъ о воинскихъ дѣлахъ. И можетъ-быть не безвременно рассказать мимоходомъ объ одномъ дѣлѣ вѣры сихъ мужей. Однажды, когда у нихъ происходила война съ варварами и воѣ удобныя мѣста были прежде заняты войскомъ противниковъ, такъ что вода находилась во власти враговъ, они пришли въ крайнюю опасность, или по неопытности нашихъ вождей или же по нѣкому лучшему и болѣе божественному домостроительству, чтобы сильнѣе всего чрезъ это проявилось различіе христіанъ отъ чуждыхъ вѣрѣ. Когда они не знали что дѣлать въ этихъ обстоятельствахъ и было большое затрудненіе, потому что не было у нихъ въ виду въ этомъ мѣстѣ никакого источника или потока воды, такъ что была опасность поднасть власти противниковъ вынужденнымъ (къ тому) жаждою; тогда сіи доблестные (воины), оставивъ надежду на оружіе, рѣшились въ этихъ страшныхъ обстоятельствахъ призвать непобѣдимую и непреборимую помощь. Оставивъ въ лагерьѣ еще не принявшихъ вѣры и сами отдѣлившись отъ нихъ, они подражаютъ чудотворенію, бывшему при Іліи пророкѣ, общимъ и совокупнымъ гласомъ прося избавленія (ихъ) отъ неотвратимаго бѣдствія. Они молились; молитва же немедленно исполнилась. Когда они еще

оставались колѣнопреклоненными, сильнымъ вѣтромъ откуда-то взятое облако стало въ воздухѣ надъ непріятельскимъ лагеремъ; потомъ разразившись необычайнымъ громомъ и ударивъ на находившихся подъ нимъ пламенною молніею, оно низвергло воду, обильнѣйшую рѣкъ, такъ что для непріятелей оно было причиною совершенной гибели какъ отъ непрерывнаго вихря съ молніею, такъ и отъ множества дождя, а для тѣхъ, кои сражались молитвами, это облако было достаточно для того и другаго, — и для побѣды надъ противниками, и для утоленія жажды, поелику потоки дождя доставили имъ обильное питье. Къ сему сонму воиновъ былъ причисленъ и нашъ воинскій ликъ; укрѣпившись и сами въ вѣрѣ повѣствованіями о семъ событіи, и воспитавъ себя подобнаго ради упражненіями, они возвысились до такого величія, что превосходствомъ добродѣтели возбудили противъ себя зависть. Ибо, какъ мы научились изъ прочитаннаго намъ нынѣ изъ исторіи Іова, врагъ рода человѣческаго считалъ обидою себѣ прославленіе Іова и потому домогался ему несчастій, что печалилъ его Іовъ, будучи истиненъ, справедливъ и непороченъ; такимъ же точно образомъ и на сихъ великихъ подвижниковъ смотрѣлъ лукавымъ окомъ возстающій на добрыхъ и не сносилъ, видя нравственную доблесть въ юношескомъ возрастѣ.

Видѣлъ онъ цвѣтущее состояніе тѣла, украшаемаго цѣломудріемъ; видѣлъ нѣкій вооруженный строй, воински ликующій предъ Богомъ; узрѣлъ мужей прекрасныхъ на взглядъ, грозныхъ на видъ, бодрыхъ духомъ, увидѣлъ быстроту ихъ ногъ, обиліе силы, соразмѣрность членовъ тѣла, и при всѣхъ преимуществахъ, какими они обладали, душевную добродѣтель затмѣвающую своимъ сіяніемъ тѣлесныя совершенства. Ходитъ и между ними съ завистію обходящій вселенную (Іов. 1, 7); онъ видитъ не одного истиннаго человѣка, но цѣлый божественный сонмъ людей, которые всѣ истинны, праведны, благочестивы, — видить, выпрашиваетъ и ихъ въ свою волю.

И сперва внушаетъ идолопоклонствующему военачальнику совѣтъ, что онъ не иначе одержитъ побѣду надъ варварами, какъ только принесши въ жертву поклоняющихся имени Христову. Когдаже они весьма скоро заявили себя добрымъ своимъ исповѣданіемъ и сами устремились къ кончинѣ чрезъ страданія; тотчасъ врагъ устроилъ, что имъ назначаютъ, какъ нѣчто челоуѣколюбивое, смерть отъ меча; ихъ сковали желѣзными узами, и это было началомъ ихъ мученія. Но для нихъ и узы были украшеніемъ; то было прекрасное и пріятное очамъ Христіанъ зрѣлище: избранные юноши въ такомъ числѣ цвѣтущіе красотою, превосходные возрастомъ, всѣ свя-

что до самой смерти пребудутъ въ исповѣданіи. Грозилъ имъ при этомъ огонь, мечемъ, низверженіемъ въ пропасть и иными видами казней. На все это слышался одинъ гласъ: Христосъ, исповѣдуемый устами святыхъ. Это было ударомъ для противниковъ; такого рода копіе выставили они противъ непріятеля; этимъ гласомъ противникъ былъ пораженъ въ самое сердце. Это былъ камень, брошенный изъ пращи рукою Давида, попавшій подъ шлемъ противника (1 Цар. 17, 49); ибо исповѣданіе Христа есть праща добраго воина. Врагъ падаетъ обезглавленный. Но дерзновенное слово наше несется далѣе, переходитъ предѣлы, осмѣливается коснуться неизреченнаго, побуждается говорить о невидимомъ, какъ бы само было очевидцемъ: при семъ гласъ дерзновеннаго исповѣданія Христа были одобренія горѣ, похвала отъ святыхъ Ангеловъ, привѣтствіе отъ гражданъ небснаго града рукоплескавшихъ подвигу, радость всего собранія небснаго. Ибо какое тогда представилось для Ангеловъ зрѣлище въ человѣческомъ мірѣ! Какую борьбу діавола и людей видѣли зрители нашей жизни! Какъ противоположенъ былъ исходъ этой борьбы въ сравненіи съ первою, когда змій побѣдилъ Адама! Не вынесъ тогда человекъ даже одного нападѣнія отъ врага; (обольщенный) красивымъ видомъ предложеннаго ему лаком-

ства, лишь только подвергся нападенію, какъ ниспровергнуть былъ и палъ. Противъ нихъ же тщетно и не дѣйственно было все воинское искусство врага. Подавалъ онъ надежды,—они попирали; грозилъ ужасами,—они посмѣвались. Одно только страшно было для нихъ,—отрѣшиться отъ Христа; одно благо,—быть съ однимъ Христомъ; всеже прочее,—смѣхъ и тѣнь, пустословіе и сонныя мечтанія. Посему-то дерзнуло наше слово коснуться невидимаго и сказать, что всѣ премірныя силы радовались при подвигѣ сихъ борцовъ. Но и еще наше слово рѣшается на то, что не доступно дерзновенію; еще осмѣливается повѣдать о премірномъ, о томъ что когда сіе совершалось здѣсь, въ сей борьбѣ съ противниками праведный Подвигположникъ возлагалъ побѣдные вѣнцы, Началовождь божественныхъ силъ готовилъ побѣдителямъ награды, а Свягый Духъ дарилъ ихъ многоразличными благодатными дарами; такъ какъ они исповѣдали вѣру въ Троицу, то и благодать воздана имъ отъ Троицы. Какая же благодать? То самое, что они явили себя высшими первыхъ ратаборцевъ Адама и Евы. Тѣ грѣхомъ ниспровергли человѣческую природу, еще стоящую; сіи — ее, низложенную падевіемъ прародителей, опять возставили терпѣніемъ. Тѣ изъ рая изринуты на землю; сіи отсюда преселились въ рай. Тѣ дали на себя самихъ

оружіе смерти; ибо какъ сказано: оружіе смерти,—*аръхъ* (1 Кор. 15, 56); сін своимъ мужествомъ обезсилили вооруженную грѣхомъ смерть, терпѣніемъ страданій притупивши остріе жала, такъ что умѣстно сказать: *идь ти, смерти, жало, идь ти, аде, побѣда?* (1 Кор. 15, 55.). Что ничтожнѣе древеснаго плода? Что маловажнѣе дерева? Но плодъ, прикрашенный красивымъ видомъ и пріятнымъ вкусомъ, сдѣлалъ то, что пренебрежена была пріятность рая Сімъ же великимъ подвижникамъ и самое солнце не показалось пріятнымъ; и сего они добровольно лишили себя, чтобы не отпасть отъ свѣта истиннаго. Что говорить писаніе объ Евѣ? (Продолжаю сверхъ должнаго повѣствованіе о прародителяхъ). *И видь*, сказано, *яко добро древо въ слѣдъ, и яко уодно очима видѣти* (Быт. 3, 6); такимъ образомъ на пріятность этихъ плодовъ они промѣняли рай. А симъ для наслажденія и удовольствія предлежало все видимое: небо, солнце, земля, люди, отечество, матери, братья, друзья, сродники, сверстники. Что видѣть пріятнѣе сего? Что лучше наслажденія симъ? Дѣти, вы знаете любовь къ родителямъ; отцы,—знаете привязанность къ дѣтямъ; ты, видящій, знаешь пріятность свѣта солнечнаго; тебѣ братолюбцу не безъизвѣстна естественная привязанность къ братьямъ; ты, юноша, знаешь пріятность товарищества, какъ оно

услаждаетъ твою жизнь. Но имъ все было враждебно, все чуждо. Одно благо для нихъ было,—Христось; отъ всего они отреклись, чтобы пріобрѣсти Его. Время заключенія въ узахъ было не мало; но у святыхъ вмѣстѣ съ протяженіемъ наказанія возрастало желаніе совершенства. И какъ заботящіяся о тѣлесной крѣпости, послѣ того какъ пріобрѣтутъ достаточную силу въ школѣ гимнастики, за тѣмъ смѣло идутъ на состязаніе; подобнымъ образомъ и сіи, узами и темницею достаточно усовершенствовавшись въ благочестіи, стремятся къ вѣнцу подвиговъ.

Наше слово послѣдовательно пришло къ окончанію или, лучше, къ самому верху всего подвига. Это самое тогда было время, эти самыя дни подвиговъ: сіе преддверіе пасхи,—таинство святой четыредесятницы. Сорокъ дней (назначено) намъ для умиловленія и столькоже вѣнцевъ для святыхъ. Не говорилъ ли я лишняго и не кажусь ли вамъ слишкомъ болтливымъ, повѣствуя у васъ о вашихъ чудесахъ, и тѣша вашъ слухъ вашимъ же? Но чтобы слово не осталось недоконченнымъ, и мы вмѣстѣ съ святыми потечемъ до конца ихъ подвиговъ. Въ этотъ день былъ морозъ. Конечно нѣтъ нужды говорить вамъ, каковъ былъ морозъ; вы можете судить о томъ по настоящему дню, когда морозъ проникаетъ даже самыя волосы. И пришельцы въ сихъ

мѣстахъ и туземцы знаете чрезмѣрную суровость стужи, и нѣтъ никакой нужды говорить о томъ. Да и можетъ ли посторонній разсказать объ удивительныхъ вашихъ зимахъ,—какъ постоянно текущія рѣки остаются, задержанныя въ теченіи морозомъ, окаменяющимъ волны. А сосѣднее озеро имѣетъ нужду въ какихъ либо знакахъ, чтобы разпознать, что это озеро; оно такъ отвердѣваетъ отъ мороза, что желающіе, обыкновенно, ѣздятъ по нему верхомъ на лошадяхъ, поверхъ волнъ его. Извѣстно мнѣ и то, что туземцы часто прибѣгали къ добыванію воды посредствомъ огня, когда, отколовъ кусокъ льда, растопляли его какъ-бы какую мѣдь или желѣзо и дѣлали изъ камня воду. Такова была погода во время ихъ подвига, и это бѣдствіе еще усиливалось отъ необычайныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, какъ слышали мы то отъ повѣствователей о ихъ чудесахъ.

И такъ, когда открыто предъ всѣмъ народомъ возвѣстивъ имя Господа и, явивъ уже себя вѣнчанными побѣдителями за такое исповѣданіе, они текли къ завершенію (страданій) смертію, измышленъ былъ для нихъ такой образъ подвига: отъ тиранна выходитъ повелѣніе,—лишить жизни подвижниковъ морозомъ. О какъ безсильны и слова мои и мысли! Насколько слово ниже достоинства (предмета)! Приказъ о смерти, — морозъ, мученіе,

ожиданіе такой казни, — и блаженная юность со смѣхомъ и дѣтскою веселостію устремилась на мѣсто казни; бѣгомъ устремились подвижники на страданіе; то былъ священный и стройный бѣгъ; то было соревнованіе предвосхитить вѣнецъ исповѣданія; одинаково у всѣхъ ихъ было рвеніе побѣдить; никто не оказался послѣднимъ въ готовности, напротивъ всѣ единодушно, достигши сего самаго мѣста, какъ будто не было тогда общенародныхъ бань, и какъ бы сами имѣя намѣреніе освѣжить свои тѣла омовеніемъ, не медля сняли одежду, всѣ повторяя слова Іова: наги вошли мы въ міръ, наги и отойдемъ ко Введшему насъ въ міръ (Іов. 1, 21); ничего не принесли мы въ міръ, ничего не должны и выносить; лучше-же, — вошедши нагими, мы выйдемъ исполненными сокровищъ добраго исповѣданія. Говоря сіе и такого рода словами ободряя себя, они предали тѣло на замороженіе; природа видимая страдала отъ холода, а естество мучениковъ какъ будто не было подвластно ему; или лучше сказать, естество тѣла терпѣло, что ему свойственно, и принимало страданія, а великій духъ подвижниковъ сражался съ самымъ естествомъ. Ибо тогда какъ сила тѣла истощаемая и уничтожаемая замерзаніемъ мало помалу исчезала; сила духа становилась больше и больше. Прекрасный видъ тѣла помрачался, краса его

увядала; пальцы отпадали, морозомъ мало по малу обсѣкаемые; всѣ члены и органы чувствъ замирали отъ суровости стужи. Тѣло мало по малу покрывалось смертною блѣдностію и, вспухая и растрескиваясь на членахъ, отставало отъ костей; чувствуемы были предсмертныя страданія, — и такимъ образомъ смерть, по немногу приближаясь, продлилась на три дня. Во все это время ощущеніе ихъ не оставляло и они оставались въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ стали сначала, будучи во всемъ побѣдителями надъ противникомъ. Но кто достойнымъ образомъ расскажетъ мнѣ о томъ, что за симъ послѣдовало? Какое слово опишетъ оное божественное торжественное шествіе, когда сіи святыя тѣла на повозкахъ были везены на сожженіе? Какъ вмѣсто отторгнутаго діаволомъ введенъ благодатію въ число мучениковъ темничной сторожъ? Кто расскажетъ мнѣ объ оной матери, — достойномъ корнѣ мученика, которая, когда рожденный ею, какъ еще дышавшій, былъ оставленъ палачемъ, а не положенъ съ другими на колесницу, увидѣвъ челоуѣколюбіе палача къ подвижнику, не снесла такой обиды, но бранила его за то, что онъ разлучилъ подвижника отъ сподвижниковъ? Самаже она стояла около мученика, уже окоченѣвшаго, неподвижнаго отъ холода, видѣла холодное и слабое его дыханіе, видѣла какъ

онъ на столько еще живой, чтобы чувствовать страданія, слабымъ и гаснущимъ взоромъ смотреть на мать свою, мертвѣющею и безсильною рукою ободряетъ и утѣшаетъ ее, увѣщая мужественно переносить (несчастіе). Видя все это, мать позволила ли себѣ что-либо материнское? Содрогнулась ли ея утроба? Растерзала ли одежду? Или, обнявъ сына, теплыми руками согрѣвала ли коченѣваго? Довольно! И говорить что нибудь подобное не умѣстно. Подлинно узнаемъ дерево по плоду; не можетъ гнилое дерево принести хорошіе плоды.

И такъ поелику плодъ мученія хоѣшь, возхвали доблестную родительницу, — мать, по слову Апостола, спасающуюся *чадородія ради* (1 Тим. 2, 15); ибо представивъ Богу такой плодъ, она явилась защитницею правъ всего женскаго пола. Не мое дитя, говорила она, не моей утробы порожденіе ты; Бога воспріявшій, отъ Бога ты рожденъ; ты получилъ власть быть чадомъ Божиимъ (Іоан. 1, 12.). Спѣши къ своему Отцу, не отставая отъ сверстниковъ, чтобы не придти къ вѣнцу вторымъ; не сдѣлай напрасною материнскую молитву; ты не огорчишь мать, ставши увѣнчаннымъ, побѣдителемъ, украшеннымъ побѣдными знаками. Говоря такъ и укрѣпившись сверхъ-естественнымъ мужествомъ, или лучше сказать, укрѣпленная Духомъ, сама относить рожденнаго ею къ прочимъ на колесни-

цу, со свѣтлымъ лицомъ проводяя подвижника. Что же было послѣ сего? Подвизались святые въ воздухѣ; освятили они и огонь, коснувшійся ихъ, когда стали пищею пламени; принесли благословеніе и на воду. Во всемъ исполнялись Божественныя рѣченія. Три отрока включаютъ въ общее пѣснопѣніе стужу и зной (Дан. 3, 66, 67): стужу отъ мороза, зной, — отъ жженія; такимъ образомъ они прошли сквозь огонь и воду.

Но слово наше хочетъ миновать это, какъ извѣстное, а теперь кстати сказать нѣчто относительно того, о чемъ прежде былъ у насъ вопросъ. Когда человекъ былъ изгнанъ изъ рая, было *проставлено пламенное оружіе обращаемое* (Быт. 3, 24), чтобъ охранять входъ въ рай; причиною таковой воли божественнаго промысла было то, чтобы человекъ не пришелъ къ древу жизни, не коснулся его и не сталъ бы бессмертнымъ. Помните, конечно, то, о чемъ мы говорили; вспомните же какъ слѣдуетъ и рѣшеніе, которое мы нашли для даннаго вопроса. Но еслибы мы захотѣли опять вести изслѣдованіе сначала и повторять сказанное нами, то наше слово продолжилось бы болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ настоящее время. Вопросъ же состоялъ въ томъ: ужели и для святыхъ недоступенъ рай отъ обращаемаго оружія? Неужели и для подвижниковъ заключенъ рай? Гдѣ же наконецъ обѣ-

тованіе, ради котораго они предпринимають подвиги благочестія? И не получать ли они меньше, чѣмъ разбойникъ, которому Господь сказалъ: *днесь со Мною будешь въ рай* (Лук. 23, 43)? такъ какъ разбойникъ возшелъ на крестъ не добровольно: но поелику находился близъ спасенія, то усмотрѣлъ этотъ проника- тельный и добродородный хищникъ сокровище и, улучивъ время похитилъ жизнь, прекрасно и догадливо употребивъ въ дѣло свое искусство похищать, когда сказалъ: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ*. И такъ онъ удостоивается рая; а святымъ ужели пламенный мечъ заграждаетъ входъ? Но здѣсь же вопросъ на- ходитъ и разрѣшеніе; потому-то Писаніе и называетъ мечъ не стоящимъ постоянно про- тивъ входящихъ, но представляетъ обращаю- щимся, чтобы для недостойныхъ онъ могъ являться направленнымъ остриемъ впередъ, а для достойныхъ обращеннымъ назадъ, от- крывая имъ свободный входъ въ жизнь. Въ сію жизнь уже вошли святые мученики дерз- новеніемъ подвиговъ безболѣзненно прешедши огонь, который и мы безболѣзненно прешедши, достигнемъ рая, укрѣпляемые молитвою ихъ къ доброму исповѣданію Господа нашего Ис- суса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

СВЯТЫМЪ СОРОКА МУЧЕНИКАМЪ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВО
ХРАМЪ ИХЪ.

Римскіе воины въ силу отечественнаго закона и древняго обычая, который приняли потомки отъ предковъ и сохраняютъ даже до настоящаго времени, въ началѣ настоящаго мѣсяца, облекшись во всеоружіе и выступивъ въ поле, достаточно открытое и ровное, гдѣ можно и раскинуть конскій бѣгъ и устроить военныя упражненія и обучаться съ оружіемъ во всякаго рода борьбѣ, совершаютъ вмѣстѣ и начало новаго года и проводятъ этотъ день какъ знаменательный. Я же, совершая память мучениковъ, о чемъ возвѣстилъ вамъ въ предыдущій день, сегодня, на удивленіе всѣмъ способнымъ видѣть, посредствомъ воспоминанія, представляю сорокъ

вооруженныхъ христовыхъ воиновъ, превосходящихъ въ подвигахъ всякую доблесть, украшеніе церкви, радость народовъ и славу даровавшаго имъ крѣпость Бога. Вполнѣ прекрасно и весьма полезно повѣствованіями о добродѣтели питать юношей и укрѣплять мужей. Слухъ есть видъ чувства самый полезный и не менѣ зрѣнія способный служить къ наученію; ибо посредствомъ ушей ясно вводитъ ученіе въ душу, и не маловажно то, хорошія или дурныя слышать повѣствованія. Говорятъ, каковы они, таковы необходимо отъ нихъ бываютъ и представленія въ мысляхъ, а размышленіе и постоянное созерцаніе умомъ приводитъ человѣка къ желанію дѣлать то, о чемъ онъ мыслить: посему приготовьте для меня спокойный и внимательный слухъ, дабы и блаженные мученики почтены были достойно и вы чрезъ воспоминаніе о нихъ научились тому, что благочестиво и боголюбезно.

Мнѣ предстоитъ двойной трудъ и страхъ, какъ бы не унизить предметъ моего слова слабостию изложенія. Размыслить ли кто о величій самага предмета настоящей бесѣды,—онъ превышаетъ всякое краснорѣчіе. Обратится ли мыслию къ тому, кто еще прежде насъ увѣнчалъ посредствомъ своей мудрости сихъ святыхъ,—(найдетъ), что это мужъ, которому удивляется вся вселенная, точное пра-

вило просвѣщенія какъ христіанскаго, такъ и вѣшняго, краса любомудрія, образецъ епископовъ опасный для сравненія, учитель согласно поучающій дѣломъ и словомъ; мужъ, который имѣетъ непререкаемую добрую славу между всѣми людьми, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, у которыхъ не избѣгаеть хулы даже и Христось. Какъ никто не противорѣчитъ тому, что солнце свѣтитъ и согрѣваетъ, такъ никто не отрицаетъ и того, чтобы Великій Василій не былъ украшенъ всѣмъ благолѣпіемъ добродѣтели. И такъ, высокій хвалитель высокихъ, святойъ служительъ святыхъ, присущею ему силою исполнилъ долгъ хвалы симъ доблестнымъ мужамъ. Но и мнѣ не должно молчать оттого, что предварившій меня величественно возвѣстилъ дивныя дѣла ихъ; ибо у меня нынѣ цѣль,—не соперничество съ говорившимъ, но попеченіе о пользѣ вашей, слушатели; каждый же конечно пользуется сколько можетъ тѣмъ лучшимъ, что доставляютъ ему болѣе богатые.

И такъ сорокъ воиновъ, по роду жизни служили въ рядахъ войска римскаго царя, но по вѣрѣ были Христіанами и благочестивыми цо богопочтенію. Когда же тогдашній властитель, будучи однимъ изъ многобожниковъ, послѣ того какъ демоны внушили ему этотъ жестокойъ совѣтъ, издалъ новый законъ и предписаніе гнать Христіанъ и повелѣлъ

всѣмъ своимъ подданнымъ совершить жертвенное куреніе ѳиміама демонамъ, а тѣхъ, которые этого не дѣлали, — осуждать на смерть, прежде кончины подвергая всякаго рода тѣлеснымъ истязаніямъ: тогда блаженные, жестокость тирана и богоненавистный законъ обращая въ поводъ къ обнаруженію своей доблести, отдѣлившись отъ прочихъ воиновъ и составивши избранное и христілюбивое ополченіе, предводимое силою Духа, явно противостали этимъ гнуснымъ предписаніямъ и всѣ согласно, какъ бы едиными устами, исповѣдали нашу вѣру, говоря, что они мало заботятся о сей временной жизни и представляютъ и выдаютъ тѣла свои на разнообразныя виды мученій. Еще болѣе жестокой исполнитель жестокаго закона, узнавъ твердость святыхъ, посипѣшилъ измыслить равносильное ихъ готовности (пострадать) наказаніе, придумавъ для неустрашимыхъ душъ новую и необыкновенную угрозу. Если я стану грозить имъ мечемъ, говорилъ онъ, то этотъ страхъ малъ для того, чтобъ ужаснуть ихъ, и они никакимъ образомъ не преклонятся; ибо это мужи съ дѣтства знакомые съ оружіемъ и привыкшіе носить мечъ; если присоединю другія мученія, то они доблестно вынесутъ ихъ, извѣдавъ на опытѣ раны и удары; и огонь не страшенъ людямъ столь стойкимъ, какъ эти. Посему нужно изобре-

сти такое наказаніе, которое бы имѣло силу производить мучительную боль и было долго-временно и продолжительно. Что же такъ тщательно придумалъ противъ святыхъ этотъ лукавый изобрѣтатель зла? Послѣ долгихъ заботъ онъ нашелъ мученіе на открытомъ воздухѣ, которое съ удобствомъ представили ему и время и страна; время, — была зима, а мѣсто, — Арменія, — страна, какъ знаете, смежная намъ и весьма холодная, не доставляющая своимъ обитателямъ теплоты даже во время лѣта, но едва лишь на столько согрѣваемая, сколько нужно для вызрѣванія хлѣбныхъ растений; виноградная же лоза имъ даже неизвѣстна, и кто хотя не далеко путешествовалъ, не видалъ (у нихъ) виноградной ягоды; не спрашивайте у нихъ винограднаго грозда, какъ у насъ того, что произрастаетъ въ Индіи; сѣятель бороздитъ землю еще во время зимы и снѣгъ захватываетъ жатву; вѣтры срываютъ съ жнеца одежды, если онъ не станетъ бороться съ ихъ силою, иотно обвернувши себя одеждою; у нихъ почти нѣтъ весны и осени, которыя увлекаются худымъ сосѣдомъ своимъ — зимою, подъ его власть.

И такъ въ сей-то странѣ и въ настоящемъ мѣсяцѣ (мучитель), совлеки со святыхъ одежду, совершенно обнаженныхъ поставилъ на открытомъ воздухѣ, измысливъ для учениковъ благочестія казнь противоположную вавилон-

ской печи царя Ассирійскаго. Но нѣтъ ничего сходнаго, по отношенію къ жестокости боли, между жгущимъ огнемъ и приводящимъ въ оцѣпененіе и замораживающимъ холодомъ: первый по его дѣйствию подобенъ мечу, нанося скорую смерть; послѣдній же, нанося равносильную боль, при этомъ надолго замедляетъ кончину. Вообще самыя продолжительныя страданія суть тѣ, которыя происходятъ отъ холода; таковыя напримѣръ чрезъ четыре дня перемежающаяся лихорадка, ракъ, карбункулъ и другія болѣзни, которыя по разсужденію врачей производятся въ тѣлахъ холодною матеріей; такъ люди болѣе холодные и тучные отличаются большею вяlostію и имѣютъ тѣло не столь способное къ дѣятельности. Тоже и относительно безсловесныхъ животныхъ: болѣе горячія изъ нихъ быстры и легко подвижны, когда настѣитъ нужда; противоположнаго же свойства, — медлительны и какъ бы связаны неповоротливостію; такъ лошадь быстра и возбуждается свистомъ прежде удара бича; осель напротивъ лѣнивъ, едва налкою принуждается къ продолженію пути. Леопардъ — живъ и быстро летитъ по лѣсамъ съ своимъ темнымъ и сухимъ тѣломъ; медвѣдь напротивъ медленъ, обладая болѣе плотными членами тѣла.

Я изложилъ предъ вами эти свѣдѣнія изъ природы не безъ цѣли, но чтобъ вы поняли

терпѣніе сихъ мужей, обративъ вниманіе на образъ ихъ мученія. Зима дѣлаеть сухоходныя рѣки пѣшеходными и претворяеть текущую воду въ твердый камень; холодъ разрываетъ скалы, когда проникаеть въ глубину; и въ тѣлахъ противоположнаго свойства производитъ равно вредное дѣйствіе, превращая въ камень жидкія и разрѣшая твердыя. Такъ вино, когда замерзаетъ, принимаетъ видъ содержащей его бочки и жидкое масло твердѣеть, получая форму своего сосуда; стекло и черепица, подвергаясь дѣйствію влажности, разрушаются. Животныя, ведущія жизнь въ горахъ и подъ открытымъ небомъ, одни (отъ холода) погибають; другія же отъ чрезмерной стужи забываютъ свою дикость: олени и дикія козы ищуть пріюта въ укрытыхъ мѣстахъ; въ это время они не боятся даже собакъ, не бѣгутъ отъ подходящихъ къ нимъ, потому что большее зло всегда изгоняеть боязнь меньшихъ опасностей; птицы ищуть тогда жилища вблизи людей и остаются подъ одною съ ними кровлею. Люди копають море и орудіями каменосѣчцевъ рѣжутъ воду: живущіе вблизи не сообщаются между собою. Такое время и сдѣлалось для тирана оружіемъ противъ мучениковъ. Ибо должно было, какъ кажется, великому и согласному строю блаженныхъ подвергнуться новому роду мученія для того, чтобъ предъ множествомъ дру-

гихъ мучениковъ могли они получить несравненную славу благочестія. И такъ они стояли, дрожа отъ холода; члены ихъ замерзали, но образъ мыслей ихъ былъ непреклоненъ; они стояли представляя зрѣлище подвига для ангеловъ, людей и демоновъ. Ангелы ожидали отрѣшенія (отъ тѣла) душъ, чтобъ, пріять ихъ, возвести въ назначенное имъ мѣсто; люди съ напряженнымъ вниманіемъ ждали окончанія (ихъ подвига), испытывая силу общей всеѣ природы, — въ силахъ ли мы превозмочь столь великія мученія изъ страха и надежды будущаго? Демоны же съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за происходящимъ, сильно желая видѣть паденіе борцовъ и малодушное уклоненіе отъ опасностей; но надежда ихъ была посрамлена укрѣпляющимъ Богомъ... Видѣли (мученики) изувѣченіе членовъ, каждый своихъ собственныхъ и все другъ у друга: одинъ лежалъ съ разрушающеюся отъ холода ногою или пальцами; у другаго лежащаго природная теплота тѣла уже готова была до конца охладиться. Какъ сильные вѣтры, пронесшись надъ покрытою деревьями мѣстностію и потрясши вершины деревъ, низвергаютъ ихъ съ корнемъ на землю: такъ повергнуть былъ зимнею стужею строй блаженныхъ, — благородныя произрастенія рая, украшеніе человѣческаго рода, корни нашего произрастенія, воины Павловы, копьеносцы

Христовы, разрушители жертвенниковъ, строители церквей, предназначенные ратовать противъ варваровъ и окончившіе подвигъ противъ общаго врага челоѳчества. Смерть же для нихъ не была неизбѣжною или неотвратимою необходимостію, сохраненіе жизни для нихъ было очень удобно и въ ихъ власти, если бы они только захотѣли малодушно воспользоваться тѣмъ, что было у нихъ въ виду. Неподалеку находилась баня, которая съ особенною мыслію устроена была въ сосѣдствѣ съ мѣстомъ мученія. Дверь ея отворена и стоящіе около нея приглашали (войдти); ибо тираннъ и коварный изобрѣтатель гоненія и всякаго рода козней, предложилъ замерзающимъ близкую приманку къ преступленію и совѣтывалъ самимъ стремиться къ врачевству, подобно тому какъ и отецъ его совѣтовалъ перевозаннымъ вкушеніе отъ древа. Они же тогда еще болѣе явили свое мужество, зная, что терпѣніе тогда только выдерживаетъ искушеніе, когда воздерживается отъ наслажденія предоставленнаго нашей свободѣ. Это въ древнее время на самомъ дѣлѣ и показалъ дивный Даніилъ; ибо когда его убѣждали принять обильную и пріятную пищу и питіе, онъ по презрѣнію и отвращенію отъ идолжертвеннаго предпочелъ употребленіе злаковъ; при скудной пищѣ, постясь, онъ процвѣталъ и былъ тѣломъ здоровѣе питав-

шихся обильно: ибо въ томъ особенный даръ Божій, что Онъ вѣрнымъ рабамъ, въ ихъ лишеніи, даруетъ болѣе, чѣмъ можно надѣяться.

Впрочемъ, поелику къ высокимъ дѣламъ примѣшивается зависть, то блаженное ополченіе находилось въ опасности потерпѣть поражение, и полнота его четвертей десятирницы едва не погибла; ибо одинъ изъ нихъ, измученный холодомъ, увы, при самомъ концѣ побѣды оставилъ соратниковъ и по коварству тиранна удалился къ банѣ; жизнелюбець пожалѣлъ о плоти уже истощенной, отпалъ отъ надежды, но не получилъ и самой временной жизни, тотчасъ скончавшись послѣ преступленія. Несчастный Іуда между мучениками, ни ученикъ, ни обогатившійся, самъ налагающій на себя петлю И да не удивляется тому никто; ибо діаволу обычны такого рода козни надъ подпадающими его власти. Онъ обольщаетъ и разными способами ласкательствуетъ чтобы ниспровергнуть; а ниспровергнувши тотчасъ попираетъ и смѣется надъ лежащимъ, присоединяетъ къ несчастію посрамленіе и радуется посрамленію обольщеннаго. Посему и псалмопѣвецъ называлъ его *врагомъ* и *лестникомъ* (Пс. 8, 3.), противоположностію именъ означая измѣнчивость его нрава; онъ никогда не бываетъ союзникомъ и другомъ людей, но только при-

творяется другомъ, когда пожелаетъ надѣть на себя личину обольщенія. Но Помощникъ въ немощи нашей, Сѣятель благихъ и словъ и дѣлъ, подобно Аврааму, нашелъ себѣ овцу для жертвы изъ числа враждебныхъ: изъ хулителей—исповѣдника, изъ сборища гонителей—мученика; ибо одинъ изъ служителей казни при тираніи, удостоившись видѣнія ангеловъ, нисшедшихъ къ мученикамъ и осіянный явленіемъ святыхъ духовъ, какъ иѣкогда Павелъ, когда путешествовалъ въ Дамаскъ, славою Христа, тотчасъ измѣнилъ свой образъ мыслей и, снявши съ себя одежду, соединился къ замерзающимъ и, въ короткій промежутокъ времени соединивъ все, сталъ новообращеннымъ, исповѣдникомъ, мученикомъ, омывшись банею пакибытія, въ собственной крови, но крови замерзшей, а не текущей. Мужъ увѣнчанный, мужъ достойный всякой похвалы! Черезъ него въ церкви Божіей я имѣю сорокъ вѣщносцевъ; черезъ сего доблестнаго мужа соблюлась цѣлость мучениковъ: ради сего новообращеннаго совершаемъ мы совершенное торжество при совершенномъ числѣ (святыхъ): діаволъ же испыталъ забавное и достойное смѣха дѣло; ибо похитивъ воина, онъ потерялъ гонителя и исполнителя казни.

Что же послѣ сего? Трехблаженные достигли, куда стремились. Тогда распорядитель

казни, не вынесши терпѣливо побѣды мучениковъ, вступилъ въ войну съ мертвыми ихъ тѣлами, приказавъ предать огню жилища святыхъ душъ и въ одномъ дѣлѣ явился раздражателемъ дикихъ звѣрей и жестокихъ людей; ибо первые терзаютъ одежду, брошенную бѣгущими отъ нихъ людьми, которыхъ они преслѣдуютъ, а послѣдніе предають пламени и разрушаютъ жилища ушедшихъ непріятелей. И кто изъ мучениковъ съ полнымъ правомъ не могъ сказать ему: Я уже не боюсь твоей жестокости, неразумный: пока души были соединены съ замерзающими тѣлами, я боялся, какъ бы чрезмѣрность мученія не побѣдила мужества благочестивыхъ; но когда эта опасность прошла, пользуйся, какъ хочешь оставшеюся перстію: мнѣ нѣтъ заботы, что ты воспользуешься нашими тѣлами; и чѣмъ больше обнаружишь свою неистовую жестокость, тѣмъ болѣе увѣнчаешь побѣду отшедшихъ; ибо сильныя нападенія противниковъ служатъ прямымъ доказательствомъ мужества тѣхъ, которые ихъ одолѣли.

Но зачѣмъ долгія разсужденія? Тѣла мучениковъ были сожжены и огонь принялъ ихъ; но пепелъ ихъ и все оставшееся отъ огня раздѣлилъ между собою міръ, и почти вся земля получаетъ благословеніе отъ сихъ святыхъ. И я имѣю частицу этого дара, и тѣла моихъ родителей я положилъ рядомъ съ остан-

ками сихъ воиновъ, чтобъ въ день воскресенія возстали они вмѣстѣ съ дерзновенными помощниками. Ибо я знаю, какую силу они имѣютъ; я видѣлъ ясныя доказательства ихъ дерзвенія предъ Богомъ и хочу сказать объ одномъ изъ чудесъ совершенныхъ силою ихъ. Въ сосѣдствѣ съ принадлежащимъ мнѣ селеніемъ, въ которомъ покоятся останки сихъ трѣбленныхъ, есть небольшой городокъ называемый Ивора. По закону обычному у Римлянъ въ немъ производился наборъ воиновъ. Одинъ изъ воиновъ прибылъ въ сказанное селеніе, будучи назначенъ воинскимъ начальникомъ для того, чтобъ удерживать своихъ товарищей отъ насилій и обидъ, которыя люди воинскаго званія по ихъ дерзости обыкновенно наносятъ поселянамъ. У этого воина болѣла нога, и онъ хромялъ: болѣзнь была продолжительная и трудно излѣчимая. И вотъ, когда онъ находился въ храмѣ мучениковъ на мѣстѣ упокоенія святыхъ и молившсь Богу, просилъ ходатайства святыхъ: является ему ночью нѣкоторый величественнаго вида мужъ, который, между прочимъ, ему сказалъ: «ты хромаешь, воинъ? и тебя нужно полечить? Дай мнѣ ощупать твою ногу», и взявши,—это было во снѣ,—сильно потянулъ ее. Когда это совершалось въ ночномъ видѣніи, на самомъ дѣлѣ слышался такой звукъ, какой бываетъ, когда кость вы-

водится изъ своей естественной связи и затѣмъ насильственно вправляется, такъ что и спавшіе вмѣстѣ съ нимъ пробудились и самъ воинъ тотчасъ проснулся и началъ ходить, какъ обыкновенно ходятъ здоровые по природѣ. Я самъ видѣлъ это чудотвореніе, встрѣтившись съ самымъ этимъ человѣкомъ, который объявлялъ предъ всѣми и разглашалъ о благодѣяніи мучениковъ и восхвалялъ чело-вѣколюбіе (святыхъ) воиновъ.

Если еще что-нибудь слѣдуетъ присоеди-нить къ сказанному, то скажу о томъ, что по преимуществу касается меня. Когда мы вознамѣрились совершить первое торжество при мощахъ и помѣстить ковчегъ во святилищѣ храма, мать моя (она ради Бога собирала и учреждала и этотъ праздникъ) приказала мнѣ прибыть для участія въ происходившемъ; но я находился далеко былъ еще молодъ, принадлежалъ къ числу мірянъ, и какъ обыкновенно бываетъ въ дѣлахъ не терпящихъ отлагатель-ства, будучи занятъ, по неразумію принялъ съ неудовольствіемъ этотъ зовъ и даже въ душѣ упрекалъ мать свою за то, что она неотложила этого праздника до другаго времени. Однако зовъ этотъ отвлекши меня отъ моихъ занятій, привлекъ сюда, и я прибылъ въ селеніе за день до собранія. И вотъ, въ то время, когда совершалось всенощное бдѣ-

ніе въ саду, гдѣ находились и мощи святыхъ, въ честь которыхъ совершали исалмопѣнія, мнѣ, спавшему по близости въ одной комнатѣ, представилось во снѣ такое видѣніе. Мнѣ казалось, будто я хочу войти въ садъ, гдѣ совершалось всеобщее бдѣніе; въ то время, когда я находился близь дверей, показалось множество воиновъ, сидѣвшихъ у входа; всѣ они вдругъ встали и, поднявши жезлы, устремились на меня съ угрозою и недопускали до входа. Я получилъ бы и удары, если бы не упрямилъ ихъ одинъ, какъ казалось, болѣе человеколюбивый. Когда сонъ оставилъ меня и мнѣ пришло на мысль мое прегрѣшеніе противъ зова, я понялъ, къ чему относилось это страшное видѣніе воиновъ, многими слезами оплакавъ свое неразуміе и пролилъ горькія слезы надъ самою ракою мощей, чтобы Богъ явился милостивымъ ко мнѣ, а святыя воины даровали прощеніе.

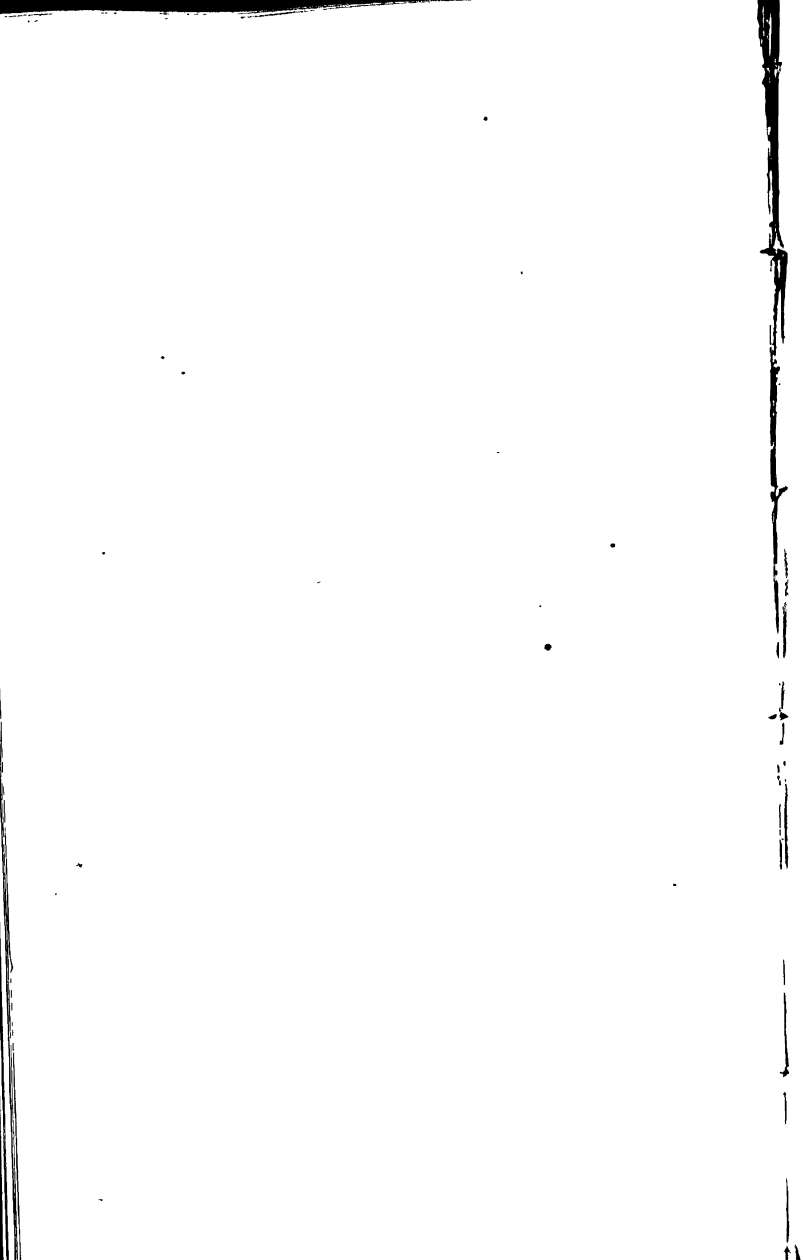
Я сказалъ это, дабы убѣдиться намъ, что мученики сегодня такъ послужившіе нашей Церкви и содѣлавшіеся ся украшеніемъ, живы предъ Богомъ, суть его копьеносцы и приближенные. Эта четьырдесятница, отъ памяти сорока мучениковъ, становится блистательнѣе и значительнѣе; мѣсяць этотъ славнѣе другихъ мѣсяцевъ, и лютая зима уже не кажется мнѣ тяжелою. Я не жалуясь на су-

ровость настоящаго времени; ибо оно, сдѣлавшись оружіемъ для гонителя, произвело для меня это священное ополченіе. И какъ мать семи Маккавеевъ, оттого что имѣла болѣе боголюбивую, чѣмъ плотолубивую душу, не жаловалась на жестокость Антиоха Сирійскаго тирана, не огорчалась мученіями и злополучіемъ своихъ сыновей, но приняла одиночество какъ благодѣяніе и лишеніе дѣтей какъ помощь; какъ Стефанъ, побиваемый камнями, не считалъ себя поражаемымъ, но скорѣе оживотворяемымъ: такъ и мы обязаны благодарностію богоборцамъ за доброе послѣдствіе, — за то, что они сдѣлались для насъ виновниками столь многихъ благъ, хотя и поступили такъ не съ цѣлюю благодѣлствовать, но какъ враги. Ибо благодѣлствуютъ, не желая того, и враги, иногда не менѣе самыхъ искреннихъ друзей; діаволь принесъ Іову больше пользы, чѣмъ вреда; царь Ассирійскій сталъ благодѣтелемъ Давиіа. Три отрока да исповѣдаютъ благодарность печи вавилонской; претранный Исаія да хвалитъ Евреевъ; Захарія, закланный между храмомъ и жертвенникомъ, да воздастъ честь своимъ убійцамъ; Іоаннъ, которому отсѣкли голову, да назоветъ Ирода своимъ благодѣтелемъ, а Апостолы тѣхъ, которые ихъ вязали и бичевали, и всѣ мученики да возлюбятъ

своихъ гонителей; потому что если бы они не открыли поприще, то борцы не могли бы проявить своего мужества. И такъ, чему же намъ болѣе удивляться въ подлежащихъ нашему прославленію мужахъ, множеству ихъ, мужеству или неллицемѣрному единодушію? Но не пройдемъ прежде всего безчувственно и неблагодарно числа ихъ; ибо имѣющій столько заступниковъ никогда не отойдетъ безъ исполненія своихъ молитвъ и прошеній, хотя бы обремененъ былъ множествомъ грѣховъ. Въ пользу этой мысли и надежды свидѣтель,—самъ Богъ въ бесѣдѣ съ Авраамомъ. Когда Онъ принималъ ходатайство за Содомлянъ, то искалъ не сорока, но только десяти праведниковъ для того, чтобы пощадить городъ, готовый къ гибели. Мы же, по Апостолу, имѣя *толикъ облезащій насъ облакъ свидѣтелей* (Евр. 12, 1.), признаемъ себя блаженными, радуясь въ надеждѣ, терпя въ молитвѣ и пріобщаясь памяти мучениковъ; ибо сорокъ мучениковъ суть крѣпкіе защитники отъ враговъ и надежные ходатаи въ молитвѣ предъ Господомъ. Въ надеждѣ на нихъ да дерзаетъ Христіанинъ, хотя бы діаволъ измышлялъ на тебя искушенія, и лукавые люди возставали, и тираны пылали яростію, и море бушевало, и земля не приносила того, что ей назначено производить для людей, и небо угро-

жало бѣдствіями. Ибо при всякой нуждѣ, при всякомъ обстоятельствѣ, ему достаточно ихъ силы, и онъ можетъ получить обильную благодать отъ Христа, Которому подобаешь всякая слава во вѣки. Аминь.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ЕФРЕМУ.

Къ настоящей бесѣдѣ побуждасть меня таинственная притча божественнаго Евангелія о свѣтильникѣ (Матѣ. 5, 14—17): она освобождаетъ языкъ отъ узъ молчанія, уравниваетъ пути мыслей, дѣлая ихъ удобными какъ гладкія стези, для торжественнаго шествія приготавлиетъ величественную колесницу слова, громогласно провозглашая слѣдующія слова: *не вѣсимаютъ свѣтильника и не поставляютъ его подъ судолъ, но на свѣщницю: и свѣтитъ вселѣ, иже въ храмишъ суть* (Матѣ. 5, 15), и затѣмъ указываетъ сокровенный смыслъ сего, говоря: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла* (16). Итакъ не будетъ ли грѣхомъ скрываться и боязливо молчать тамъ, гдѣ самъ Господь повелѣлъ быть дерзновеннымъ.

Онъ возжегъ какъ бы ясный и свѣтлѣйшій солнца свѣтильникъ, — жизнь сего божественнаго Отца нашего, для того, чтобы мы повѣствовали о ней; Онъ хочетъ, чтобы жизнь сія не была сокрываема подъ слудомъ молчанія, но чтобы поставлена была на самой выси церковной, такъ чтобы видна была всѣмъ живущимъ въ домѣ вселенной; и чтобы люди, смотря на нее, прославляли Отца, *иже на небесахъ.*

Поэтому не до такой степени мы должны уважать отеческое запрещеніе почившаго. чтобы уничтожать Владычнее повелѣніе: напротивъ, отсюда-то и нужно начать похвалу, хотя то, о чемъ теперь упоминаемъ, по правиламъ похвальныхъ словъ, должно бы имѣть мѣсто на концѣ слова. Ибо кто способенъ хорошо обсудить дѣло, тому это запрещеніе никакъ не можетъ помѣшать увѣнчать похвалами человѣка чуждающагося человѣческой славы; эти узы запрещенія — не узы; это удержаніе, — не удерженіе; но побужденіе для любящихъ его къ противоположному. Ибо въ томъ самомъ, что онъ хотѣлъ избѣгать нашихъ похвалъ, своимъ запрещеніемъ положивъ преграду нашему намѣренію, мы находимъ поводъ къ похвальному слову (въ честь его). Если каждое его совершенство подастъ поводъ къ совершенной похвалѣ, то всего болѣе — то, что его не радуешь по-

хвала; ибо онъ хотѣлъ не казаться, а быть добродѣтельнымъ. Посему за одно только это, хотя бы онъ не совершилъ ничего другаго достойнаго похвалы, его по справедливости можно восхвалить; онъ сказалъ, что радуется похваламъ столько, что узами запрещенія налагаетъ на нихъ печать осужденія. Но намъ это запрещеніе отвергаетъ первое поприще слова и даетъ полную возможность идти, имѣя въ виду цѣль и не стремиться на удачу, но шествовать царскимъ путемъ, вѣрно умозаключая, что еслибъ оный дивный Божій человѣкъ не чувствовалъ себя достойнымъ похвалъ, то не возбранялъ бы желающимъ хвалить его. Ибо никакой человѣкъ, не славящійся самыми великими добродѣтелями, не завѣщаваетъ остающимся по немъ предать забвенію память о немъ. Къ этому нужно сказать и слѣдующее. Какъ Павелъ, витія благодати, невѣстоводитель церкви, уста Христовы, не лишилъ себя названія Апостола тѣмъ, что сказалъ о себѣ: *мысль достоинъ нарецися Апостолъ* (1 Кор. 15, 9); напротивъ чрезъ это самое смиреніе приобрѣлъ еще большую славу: такъ и великій нашъ отецъ, по смиренію почитавшій себя недостойнымъ похвалъ, впоследствии окажется вполне достойнымъ оныхъ.

Итакъ если нашъ церковный законъ обыкновенно увѣнчиваетъ ревнителей добродѣтели

за совершение ся въ различныхъ видахъ, и изъ нихъ особенно тѣхъ, кои духовно возвысились своимъ смиренномудріемъ, по слову Господа, въ Евангеліи: *смирняяй себе вознесет-ся* (Лук. 18, 14.); то вовсе не заслуживаютъ порицанія, насмѣшки и даже осужденія тѣ, кои описываютъ добродѣтели сего богоноснаго отца и возстановляютъ предъ нами жизнь его какъ бы нѣкій живой и одушевленный памятникъ. И сказанное нами мудрый слушатель признаетъ за неложное, собравъ въ заключеніе слова разные роды его добродѣтелей, изъ коихъ мы, сплетая какъ бы нѣкій позлащенный вѣнецъ, украшенный драгоценными и разнообразными камнями, приносимъ оный какъ возжеланный даръ невѣстѣ Христовой, — Церкви: ибо она съ радостію принимаетъ такіе дары, когда приходитъ ежегодная память праведныхъ. Круговращеніе времени привело насъ нынѣ къ прославленію Ефрема, и можно ли безъ великой радости встрѣтить день его памяти?

Я буду говорить о томъ Ефремѣ, имя котораго повторяется устами всѣхъ христіанъ — Ефремъ изъ Сиріи: ибо я не стыжусь рода того, чьими нравственными дѣяніями хваляюсь. Я буду прославлять того Ефрема, свѣтъ жизни и ученія котораго возсіялъ для всего міра: ибо онъ знаеиъ почти всей подсолнечной и только тѣмъ неизвѣстенъ, кои не знаютъ ве-

ликаго свѣтила церкви, — Василія; Ефрема, — по истинѣ мысленный Евфратъ Церкви, которымъ орошаемое множество христіанъ, стократно возвращаетъ сѣмя вѣры; Ефрема, — плодоносную виноградную лозу Божию, какъ бы сладкими гроздами изобилующаго плодами ученія и услаждающаго питомцевъ церкви полнотою божественной любви; Ефрема добраго и вѣрнаго приставника благодати, соразмѣрно расpredѣляющаго ученіе добродѣтелей работающимъ вмѣстѣ съ нимъ (Господу) и самымъ наилучшимъ образомъ устрояющаго домъ Владычній. О родѣ его и знаменитости, какъ собственной, тѣжъ и его предковъ, о доброй славѣ его родителей, о рожденіи и воспитаніи, о постепенномъ возрастаніи и тѣлесныхъ качествахъ, о счастливыхъ дарованіяхъ, образованіи и прочихъ отличіяхъ, которыя исчисляются и превозносятся похвалами у внѣшнихъ писателей, — все это выставяеть на видъ считаемъ излишнимъ здѣсь; поелику нами не принято восхвалять святыхъ мужей такимъ образомъ. И хотя и въ этомъ отношеніи мы могли бы найти обильный предметъ для достойной похвалы ему; но мы соплетемъ ему вѣнецъ слова изъ того только, чѣмъ онъ самъ прославилъ себя по жизни и ученію; ибо похвалы намъ слѣдуютъ за то, что въ насъ самихъ, и награды за то, что зависѣло отъ нашей воли. Относительно же того, что пере-

числено, какъ порицанія неосновательны, такъ и похвалы неумѣстны.

Ибо какимъ образомъ позволилъ бы хвалить свое происхожденіе тотъ, кто презрѣлъ всякое мірское благородство и кто возжелалъ содѣлаться чадомъ Божиимъ чрезъ усыновленіе благими дѣлами? Или, какимъ образомъ позволилъ бы себя превозносить похвалами со стороны его отечества тотъ, кто считалъ чуждою себѣ всю землю, и кто отвращался отъ вещественнаго творенія, какъ отъ чего-то враждебнаго, ради уготованнаго на небесахъ вѣчнаго блаженства? Какъ, опять, сталъ бы услаждаться славою предковъ или родителей тотъ, кто совершенно отрѣшился отъ плотскихъ влеченій и тяготился самымъ покровомъ души, то-есть тѣломъ, находя его какъ бы препятствіемъ къ быстрѣйшему теченію по пути добродѣтели? Какимъ образомъ наконецъ возжелалъ бы похвалъ за тѣлесное возрастаніе и воспитаніе, за ловкость или искусство, или за другое какое достойное презрѣнія занятіе, относящееся до сей жизни, тотъ, кто съ ранняго возраста воспитался и возрасъ въ упражненіи божественнымъ писаніемъ, кто наконецъ былъ приснотекущими потоками благодати, и по слову Апостола, достигъ въ мѣру возраста Христова? Итакъ, когда мы узнали, что великій Отецъ нашъ не любитъ величаться такими

смѣшными похвалами, какими величаются люди плотскіе; то попытаемся, хотя и скромно, почтить его отъ его собственныхъ трудовъ: ибо слову не свойственно простираться свыше силы. Посему, дабы ни безмолвіемъ не стѣснить нашего желанія, ни вступивъ на путь чуждый отцамъ, не заблудиться отъ пути царскаго, постараемся избѣгая той и другой крайности, украсить наше слово умѣренностію.

Что же это такое, изъ чѣго мы предположили составить похвалу? Дѣятельность и созерцаніе, за которыми слѣдуетъ собраніе частныхъ добродѣтелей, вѣра, надежда, любовь, благочестіе въ отношеніи къ Богу, упражненіе въ божественномъ Писаніи, чистота души и тѣла, постоянныя слезы, пустынное житіе, прехожденіе изъ мѣста въ мѣсто, удаленіе отъ пагубнаго, непрерывное ученіе, непрестанная молитва, пощеніе и бдѣніе не знающія мѣры, возлежаніе на землѣ и строгій образъ жизни превосходящія описаніе, нестяжательность и уничиженіе доводимыя до высшей степени, милосеріе поставляющее его выше естества человѣческаго, вдохновенная ревность противъ неистово возстающихъ на благочестіе, проще сказать, все то, что составляетъ отличительныя черты человѣка по Богу. Такимъ-то похвалами украшается Отецъ нашъ, и признаетъ повѣствуе-

мое о немъ, и преимущества сіи считаетъ своими собственными и не отвергаетъ словъ (нашихъ), какъ направленныхъ не къ его пользѣ, но къ нашей; поелику и скудное повѣствованіе о немъ становится для учащихся побужденіемъ къ добродѣтели. И мы не отыскаемъ узнали сіе, какъ изъ того, что онъ самъ разсѣялъ въ своихъ писаніяхъ, изъ которыхъ мы, подобно трудолюбивой пчелѣ, изъ многихъ цвѣтовъ собравъ полезное, составили этотъ духовный сотъ. И конечно онъ не гнѣвается на насъ за это предпріятіе, поелику уже не страшится лукаваго демона, по дѣйствію котораго претыкаются многіе даже при самомъ концѣ подвиговъ ¹⁾, но однажды достигши мирнаго пристанища существъ безплотныхъ, пребываетъ внѣ бури и волненія. Итакъ по немногу останавливаясь въ нашемъ словѣ на каждомъ изъ перечисленныхъ нами совершенствъ постараемся показать сему собранію, каковъ былъ чудный (сей мужъ) и какой онъ достигъ мѣры духовнаго восхожденія.

Вѣры правой онъ строго держался, никуда не уклоняясь отъ благочестія, въ чемъ мы удостоверились какъ изъ писаній его, такъ и изъ сужденія о немъ церкви, ибо онъ равно

---

¹⁾ Святый Григорій вѣроятно разумѣетъ здѣсь духъ самоопіянія и гордости, разлагавшейся отъ похоти.

отвращался и отъ нелѣпаго Савелліева сліянія и отъ безумнаго Аріева раздѣленія. Стоялъ же въ предѣлахъ благочестія, единую и несліянную и Пресвятую Троицу раздѣляя по числу и соединяя по существу, дабы и не оскорбить божество мнѣніемъ о его скудости по-іудейски, и не допустить дерзкой мысли о множествѣ боговъ, по-язычески,—заблужденія, въ которыхъ можно уличить безумствующихъ о непостижимой Троицѣ. Отрицающаго же Слово ученія Аполлинарія онъ до того отвращался, что прилагалъ всевозможное стараніе исторгнуть его изъ всякой христіанской души.

И необузданныя уста Аномеевъ также заграждалъ многими доводами и свидѣтельствами изъ Писанія, оставивъ намъ величайшее утвержденіе, — свои богосвѣщенныя писанія. Если бы кто пожелалъ увидѣть пораженіе крайне дерзкаго Новата, въ словесной борьбѣ съ нимъ Ефрема, пусть посмотритъ на паденіе противника; здѣсь найдетъ, что пашъ учитель, въ изложеніи ученія, настолько превосходитъ силою (своего противника), насколько искусный въ ратоборствѣ мужъ отрока слабоспльнаго по малому возрасту. И не только ему современные и прежде возникшіе изъ худаго сѣмени плевелы ересей исторгалъ онъ правымъ словомъ вѣры, но низлагалъ и имѣвшія принести вредъ въ бу-

душемъ, предвидя ихъ пророческимъ взоромъ. Доказательствами сего наполнены его стихотворенія и прочія писанія. Такъ, никогда сей сынъ истины не измѣнялъ истинѣ; надежда же у него была одна,—на Бога, отъ котораго достойнымъ чаемыхъ благъ воздаются награды. Посему во всю жизнь, словомъ и дѣломъ онъ любилъ повторять псаломское изреченіе: *на него упова сердце мое, и положю ми* (Пс. 27, 7.). *Уповающая же на Господа милость сею обидетъ* (Пс. 31, 10.). Упованіе на Господа не только уподобляетъ его горѣ Сіону (Пс. 124, 1), но и возводитъ стязавшаго оное до высочайшаго блаженства, какъ можно научиться отъ самыхъ пророковъ. Ибо Давидъ говоритъ: *блаженъ мужъ, елику жесть имя Господне упованіе ево* (Пс. 39, 5); Иеремія: *блаженъ человекъ, иже надѣется на Господа и будетъ Господь упованіе ево: и будетъ яко древо насажденное при водахъ, и во влагъ пуститъ кореніе свое, и не убоится, егда придетъ зной* (Иер. 17, 7—8); Исаія: *Господь царь нашъ, Господь Спасъ нашъ, Силъ спасетъ насъ. Се Богъ мой, Спасъ мой. Господь, уповая буду на него и не убоюся* (Пс. 35, 22. Пс. 12, 2); блаженный Павелъ увѣщаетъ и говоритъ: *да держимъ исповданіе упованія: вѣрнъ бо естъ обѣщавый намъ.* (Евр. 10, 23).

Питаемый сею божественною и непреложною надеждою онъ презрѣлъ все мірское и

возжелалъ единой вѣчной славы. Любовь же къ Богу и ближнему онъ соблюдалъ такъ тщательно, что отходя отъ жизни такъ говорилъ (прилично привести здѣсь самыя рѣченія богоноснаго отца, какъ превосходнѣйшія всякаго доказательства): «никакимъ образомъ, во всю жизнь свою, я не ропталъ на Господа и слово безумное не исходило изъ устъ моихъ; во всю жизнь свою я не клялъ никого и никогда ни съ однимъ вѣрнымъ не бранился.» О, блаженный языкъ, дерзновенно изрекшій такія слова, которыя болѣе приличны Ангеламъ, по невестественности и невозмутимости ихъ житія, а для насъ, служащихъ плоти, — чужды, выше естества, и трудно выполнимы.

И хотя много будешь трудиться, наследуя жизнеописанія мужей, знаменитыхъ по своимъ добродѣтелямъ: но нигдѣ не найдешь для повѣствованія такого знаменія любви чистой и неспорочной, какъ въ этомъ отцѣ. И если любовь выше всѣхъ добродѣтелей, то блаженный Ефремъ исполнилъ ее такъ, какъ никто другой изъ отцевъ. Поелику же каждый получить по дѣламъ своимъ; то выводить о томъ заключеніе предоставимъ другимъ, дабы не показалось, что мы сравниваемъ отцевъ съ отцами. Ибо не ради сравненія мы предложили сказанное; но ради того только, чтобы многимъ представить на видъ, какимъ об-

разомъ нашъ, или лучше, вселенскій учитель Ефремъ, возшелъ на самый верхъ духовной лѣстницы добродѣтелей.

Благочестіе же полагалъ онъ въ стяжаніи подлинной мудрости, по сказанному у Іова: *се благочестіе есть прелюдность* (Іов. 28, 28.). Черезъ это благочестіе, какъ мы нѣсколько выше показали, описывая чистоту вѣры его, онъ подобно Павлу возшелъ до третьяго неба и стяжалъ себѣ въ церкви безсмертную память и вѣчную славу.

Поученіе въ божественномъ Писаніи возжглось въ немъ отъ свѣтильника Давидова, какъ сказано: *въ поученіи моемъ разгорится ошь* (Пс. 38, 4.). Ибо обитавшая въ немъ любовь къ духовному созерцанію, возвела желаніе его въ пламень горѣ стремящейся. Изучивъ всѣ писанія какъ ветхаго, такъ и новаго завета и болѣе другихъ занявшись изслѣдованіемъ оныхъ, онъ изъяснилъ все Писаніе строго буквально, начавъ съ сотворенія міра до послѣдней книги благодати, уясняя глубины сокровенныхъ истинъ при свѣтѣ Духа.

И онъ не только исчерпалъ весь духовный кладязь сей нашей богодухновенной мудрости и сообщилъ ее другимъ; но и будучи весьма знакомъ съ мудростію внѣшнею мірскою, какъ занимающеюся изяществомъ и правильностію слова, такъ и изслѣдующею глубину мыслей,

полезное изъ нея онъ избиралъ, бесполезное же отвергалъ на вѣсахъ правды, опредѣляя пріобрѣтенное и для дѣятельности и для созерцанія.

Чистоту душевную и тѣлесную онъ соблюдалъ, сколько позволяла природа, или лучше сказать, выше природы; ибо она,—даръ благодати. Онъ не допускалъ души своей уклоняться отъ навыка правильной жизни, но по истинѣ былъ царемъ въ душѣ и свѣтло просіявалъ тѣломъ. О томъ, что мы говорили, свидѣтельствуешь перемѣна, послѣдовавшая съ извѣстною блудницею, которою челоуѣкоубійца Веліаръ, воспользовавшись какъ орудіемъ злобы для оболъщенія просвѣщеннаго мужа, столько обманулся въ своей надеждѣ, что сама блудница противустала сему сильному оболъстителю, и при помощи увѣщаній и наставленій, и наптіемъ божественныхъ словесъ, измѣнившись и обратившись на лучшее,— вмѣсто безстыдной стала цѣломудренною, вмѣсто безчестной, — честною, вмѣсто скверной,—чистою.

Желающему изобразить постоянно текуція слезы его по истинѣ приходится плакать, такъ какъ безъ сего, кто переплыветъ словомъ море слезъ его? Ибо какъ всѣмъ людемъ по природѣ свойственно дышать, что они постоянно и дѣлають, такъ Ефрему свойственно было постоянно плакать; поелику не

было ни одного дня, ни ночи, ни полночи, ни часа, ни малѣйшей части времени, когда бы не дремлющіе глаза его видимы были сухими: то общія, то свои, какъ говорилъ, оплакивалъ онъ прегрѣшенія. Впрочемъ, источники слезъ своихъ очей онъ мудро отводилъ воздыханіями, или, лучше изліяніями глазъ вызывалъ воздыханія. И была удивительная смѣна того и другаго, потому что одно казалось причиною другаго. Слезы у него пораждали воздыханія, а воздыханія опять слезы, и причина была для многихъ неизвѣстна; онѣ не раздѣлялись промежуткомъ времени, но постоянно воздыханія смѣнялись слезами и слезы воздыханіями, и когда происходилъ (такимъ образомъ) нѣкоторый кругъ, то начало и причина того и другаго скрывалась. Въ этомъ убѣдится всякій, кто займется его писаніями. Ибо онъ найдетъ его плачущимъ не только тамъ, гдѣ онъ говоритъ о покаяніи, о нравственности и правилахъ доброй жизни; но и въ самыхъ торжественныхъ его словахъ, гдѣ почти всѣ привыкли видѣть радостный тонъ изложенія. Таковъ онъ былъ вездѣ и постоянно избоблювалъ даромъ сокрушенія сердечнаго. А потому и нынѣ воззываетъ къ истинной жизни почти всѣхъ, слушающихъ его поученія: таковую силу стяжало его боговдохновенное слово, растворенное слезами! Въ самомъ дѣлѣ кто будетъ такъ жестокъ и

окаменеть сердцемъ, чтобы, послушавъ его рѣчей, не смягчился, и отвергнуши жестокость права не сокрушился печалію о своихъ порокахъ? Кто до такой степени дикъ и звѣроправенъ, чтобы склонивъ слухъ къ его душеполезному ученію, тотчасъ не сдѣлался кроткимъ, скромнымъ и благонравнымъ? Кто предаваясь только удовольствіямъ и радостямъ жизни и не любя плакать, послушавъ его и не многихъ словъ, не восплачетъ и не возрыдаетъ и не приведетъ себѣ на память будущаго воздаянія за все сдѣланное въ своей жизни?

«Варишь камень», говоритъ языческаго поговорка, когда хотятъ сдѣлать что-нибудь невозможное; намъ же возможность сего ясно показалъ опытъ. Ибо сей божественный старецъ души ожесточенныя и непреклонныя убѣждалъ и къ бодрствованію надъ собою и къ послушанію. Въ самомъ дѣлѣ, кто, прочитавши его слово о смиреніи, тотчасъ не возненавидитъ самомиѣнія и не признаетъ себя ничтожвѣйшимъ всѣхъ? Кто прочитавъ его слова о любви, не будетъ готовъ, ради любви, подвергнуть себя опасности всякаго рода? Кто изучивъ написанное имъ о дѣвствѣ, не постарается представить себя чистымъ предъ Богомъ и душевно и тѣлесно? Кто остановившись на поученіяхъ его о судѣ, или о второмъ пришествіи Христовомъ, не вообразитъ себѣ, что онъ какъ бы предстоитъ предъ

онимъ судилищемъ, и утрашившись не представитъ себѣ, что противъ него уже произносится послѣдній приговоръ? Ибо такъ этотъ славный и прозорливѣйшій мужъ изобразилъ будущее судилище Божіе, что для пріобрѣтенія большаго познанія о немъ не осталось ничего другаго, какъ только опытно извѣдать и испытать его на самомъ дѣлѣ.

Таковыя-то представленія суда (Божія), имѣя всегда въ умѣ, блаженный избѣгалъ міра и того, что въ мірѣ, онъ удался *бывая*, какъ сказано въ Писаніи, и водворился *въ пустыни* (Ис. 54, 8), внимая только себѣ и Богу и чрезъ то возрастая въ добродѣтеляхъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ, что жизнь пустынная освобождаетъ избравшаго оную отъ мірскихъ тревоженій и чрезъ молчаніе содѣлываетъ его собесѣдникомъ Ангеловъ, и насколько возможно, возвышаетъ умъ до созерцаній божественныхъ. Когда же Духъ Святый, назначая его къ пазидацію многихъ, возбуждалъ его къ перемѣнѣ одного мѣста на другое, онъ не колебался и не противился; ибо какъ не всякій другой, онъ былъ послушенъ велѣніямъ божественнымъ. Посему, подобно дивному Аврааму, получивъ повелѣніе оставить отечество, онъ поселился въ городѣ Едессянъ, ибо справедливость требовала, чтобы солнце долѣе не скрывалось подъ землею. По двумъ причинамъ онъ переселился въ Едес-

су: чтобы посѣтить тамошнія святыя мѣста, а затѣмъ и главнымъ образомъ, чтобы найти ученаго мужа, отъ котораго могъ бы получить или которому могъ бы сообщить плодъ вѣдѣній.

Итакъ приблизившись къ городу, онъ, при самомъ входѣ въ оный, какъ говорятъ, вмѣсто мужа любомудраго, котораго желалъ встрѣтить, встрѣтился съ одною блудницею. И такъ какъ ему представилось иное зрѣлище, чѣмъ то, какого онъ ожидалъ: то встрѣча эта его тяжело поразила; посему онъ пристально посмотрѣвъ на блудницу, какъ обманувшійся въ своей надеждѣ, хотѣлъ отойти; она же замѣтивъ, что онъ пристально взглянулъ на нее, и сама начала внимательно смотрѣть на него. Тогда мудрый (Ефремъ) спросилъ ее: «скажи мнѣ, женщина, что ты такъ пристально смотришь на меня?» Она отвѣчала: «Я смотрю какъ мнѣ слѣдуетъ и прилично, потому что я взята отъ тебя, мужа, а ты, такъ какъ взять отъ земли, лучше смотри не на меня, а въ землю.» Выслушавъ такой неожиданный отвѣтъ, мудрый мужъ призналъ его для себя весьма полезнымъ, и посему прославилъ непостижимое могущество Бога, который даруетъ намъ то, чего надѣялись и чрезъ то, чего не надѣялись (Римл. 4, 18.).

Когда же изъ Ефессы, путеволимый Духомъ Святымъ, пришелъ Ефремъ въ Кесарію Кап-
Гр. Нисск. Ч. VIII.

падокійскую, то тамъ онъ увидѣлъ великаго Василя — уста церкви, златаго пѣвца догматовъ. Узрѣвъ его, старецъ началъ ублажать многими похвалами; ибо прзорливымъ окомъ онъ усмотрѣлъ, что на правомъ плечѣ Василя сидѣлъ блестящій голубь, который впускалъ ему слова ученія, а онъ передавалъ ихъ народу. По внушенію сего же учителя наго досточтимаго голубя и Василій извѣстился о прибытіи его и узналъ, что это Ефремъ Сирійнинъ. Такъ оба они взаимно насладились благовременнымъ духовнымъ сближеніемъ, и тяжелый трудъ пути доставилъ пользу Ефрему.

Природная непорочность жизни Ефрема располагала его избѣгать всего вреднаго. Она побуждала его предусмотрительно избирать лучшее и остерегаться худшаго, — изъ помысловъ допускать только одни отборныя, чистыя, наиболѣе пригодныя при выборѣ добра и въ особенности тѣ, кои не препятствовали бы дѣлу ученія. Ибо этому божественному старцу Христосъ преизобильно даровалъ талантъ слова, который предлагать на трапезѣ торжниковъ въ душевную пользу народнаго множества, прежде всѣхъ другихъ приносило пользу ему самому. Говорятъ, самъ о себѣ онъ сказывалъ, что какъ только вышелъ изъ вѣснаго дѣтскаго возраста, то имѣлъ таинственное видѣніе, будто на языкѣ его произрасла весьма многоплодная виноградная лоза.

которая до того разраслась, что наполнила всю землю, и всё небесныя птицы слетались питаться плодами ея; сама же лоза, чѣмъ больше птицъ прилетало и клевало съ нея, тѣмъ болѣе изобиловала ягодами. Кромѣ сего, вотъ еще что одинъ прозорливый мужъ засвидѣтельствовалъ о Ефремѣ: видѣлъ я, говорить онъ, что множество Ангеловъ сходятъ съ небеси: и несутъ въ рукахъ книгу, исписанную внутри; и снаружи; и будто этотъ явившійся священный, лжкъ такъ между собою разговаривалъ: кому должно вручить эту книгу? Въ отвѣтъ на это, одни изъ нихъ присуждали ее тому, другіе—другому, иные—иному, кто только въ то время пользовался извѣстностію; потомъ перебравъ и оцѣнивъ всѣхъ, сказали: что хотя сіи люди по истинѣ святыя и рабы Божіи, но они не могутъ взять въ свои руки оную книгу. И сколько многихъ изъ тогдашнихъ святыхъ ни перечисляли, ни на одномъ изъ нихъ неостановились: наконецъ, съ общаго согласія изрекли, что книгу сію никто въ руки свои принять не можетъ, кромѣ Ефрема. Сказываютъ, что прозорливецъ тотъ видѣлъ и то, что божественныя Ангелы передали оную книгу Ефрему. Послѣ сего таинственнаго видѣнія, онъ вставши ночью пошелъ въ церковь и, когда услышалъ самого Ефрема, поучающаго словомъ обильнымъ и благодати исполненнымъ, понялъ, что значить это видѣніе. прославилъ

Бога и подивился о такомъ богатомъ дарѣ слова, сообщенномъ сему Святому. Ибо такое даровано было ему обиліе мудрости, что хотя потоки рѣчи его непрерывались, но они не были достаточны для выраженія его мыслей, что зависѣло не столько отъ его медленно-язычности, сколько отъ обилія его мыслей, такъ что языкъ его, хотя скоро выражалъ мысли другихъ, былъ однако же гораздо медлительнѣе для выраженія его собственныхъ умозерцаній. Поэтому, говорятъ, сей великій старецъ сдерживая въ себѣ неудержимый даръ высокихъ словъ, въ молитвѣ о себѣ самомъ къ Богу такъ говорилъ: « удержи, Господи, волны твоей благодати!» Ибо волнуемая подъ языкомъ его пучина ученія не позволяла ему выносить набѣгающія одна на другую волны мыслей, когда органы слова отказывались служить изящному ихъ выраженію. Поученія же Ефрема не прерывались ничѣмъ инымъ, какъ только одною молитвою; за нею слова, за словами слезы, за слезами — опять молитва. И было въ его словъ другое слово; а лучше и соответственнѣе всего сказать, онъ и во время самаго слова постоянно былъ занятъ созерцаніями божественными.

Самую плоть свою умертвилъ для наслажденій и чрезъ воздержаніе подчинивъ владычеству ума, онъ, по укрощеніи ея постомъ, со-

дѣлалъ непреклонною ко всему запрещенному, а упорною въ стремленіи ко всему полезному и содѣйствующему спасенію души. Даже ночи, обольщавшія его сонными мечтаніями, не поставляли ему преграды на пути добродѣтели; ибо, при наступленіи своемъ, находя его трезвеннымъ, при исчезновеніи оставляли бодрственнымъ, такъ какъ онъ много заботился о томъ, дабы рука онаго начальника гмы не уловила его спящаго. На сонъ же онъ употреблялъ столько времени, сколько необходимо было для поддержанія жизни, дабы совершенное извращеніе естественнаго порядка не подвергло тѣлесную природу насильственному разрушенію. Чтобы удалить сонъ и отогнать его отъ очей, онъ употреблялъ много разныхъ средствъ, преимущественно возлежаніе на голой землѣ, суровую жизнь и всевозможное изможденіе своей плоти; этими преимущественно средствами обыкновенно подавляется склонность ко сну.

Нестяжательности достигъ такой, которая была развѣ только у божественныхъ Апостоловъ. Поэтому если кто назоветъ его образцемъ нестяжательныхъ, не погрѣшитъ противъ истины. Ибо мы имѣемъ его собственныя сладчайшія и блаженныя слова, которыя онъ предъ отшествіемъ въ небесныя обители, оставилъ намъ какъ наставленіе въ нестяжательности. Слова сіи таковы: «у Ефрема никогда

не было ни кошелька, ни посоха, ни сумы (Матѣ. 10,10.); я не приобрѣлъ ни золота, ни серебра, ни другой какой собственности на землѣ, ибо я слышалъ слова благаго царя, сказавшаго въ Евангеліи своимъ ученикамъ, чтобы они ничего не приобрѣтали на землѣ; поэтому меня ничто и не привлекало къ вещамъ подобнаго рода». Такимъ образомъ поелику онъ пренебрегалъ славою и богатствомъ, и болѣе возлюбилъ совершеннѣйшее, то и здѣсь онъ является соперникомъ Апостоловъ въ стремленіи къ равному съ ними совершенству.

Нужно ли говорить что-нибудь объ его смиренномудріи, когда каждое его слово и писаніе явно гласятъ намъ объ этой добродѣтели, къ которой онъ и стремился преимущественно предъ другими? Да и какимъ образомъ тотъ, кто вызывалъ слезы слезами, кто по своему суровому и чуждому удовольствіи образу жизни, какъ говорить писаніе, *пепелъ яко хлѣбъ ѣлъ и питіе съ плачемъ* растворялъ (Пс. 101, 10.) могъ преткнуться душевною стопою о камень гордости или сомнѣнія? . Могъ ли страдать гордостью тотъ, кто пренебрегалъ всякою человѣческою славою, и если во время земной жизни кто нибудь хвалилъ его, то со скорбію переносилъ это, часто мѣнялся въ лицѣ и опускалъ голову къ землѣ, покрывался легкимъ потомъ, упорно

безмолствовалъ, какъ будто стыдъ связывалъ языкъ его?

Отходя же въ блаженную и вѣчную жизнь, онъ опять съ сильнымъ прещеніемъ воображалъ подобныя похвалы себѣ, говоря: «не слагайте пѣсней о Ефремѣ, не говорите ему похвальныхъ рѣчей, не погребайте меня въ драгоценной одеждѣ, не воздвигайте особаго памятника надъ тѣломъ моимъ; ибо мною давнѣе объятъ Богу быть странникомъ среди чужеземцевъ: *пресельникъ азъ и крещенецъ, яко же вси отцы мои*» (Пс. 38, 13.). Такимъ образомъ ты имѣешь въ общаи ясныя свидѣтельства и объ этой добродѣтели, точно также какъ и о прочихъ.

Что же касается милосердія и состраданія; то истина требуетъ и повелѣваетъ признать его не только исполнителемъ, но и учителемъ сихъ добродѣтелей. Потому что при совершенной нестяжательности, не имѣя возможности подавать что-либо нуждающимся, онъ исполнялъ дѣло милосердія тѣмъ, что своими частыми увѣщаніями возбуждалъ къ милосердію другихъ. Ибо его слово, и приличность отсутствія его, было богоустроеннымъ ключемъ, отиравшимъ сокровищницы богатыхъ и раздававшимъ нуждающимся необходимое. А одного взгляда на ангелоподобный видъ его, въ которомъ отражалась простота, кротость и великая доброта, достаточно было,

чтобы расположить къ состраданію и милосердію человѣка самаго неумолимаго. И кто до такой степени былъ лишенъ всякаго стыда, чтобы при взглядѣ на него не покраснѣть и не сдѣлаться, такъ сказать, лучшимъ самого себя?

Можетъ быть, кто нибудь слыша о такомъ множествѣ совершенствъ въ этомъ божественномъ мужѣ, подумаетъ, что ему недоступна была глубина (разумѣнія) церковныхъ догматовъ. Имѣлъ ли онъ, скажетъ, на это время, отвлекаемый отъ сего исполненіемъ столь многихъ добродѣтелей? Но у него не поверхностно было знаніе божественныхъ догматовъ, потому что онъ владѣлъ имъ не въ такой только мѣрѣ, чтобы поговорить съ другими и предложить увѣщаніе; но ему хорошо было извѣстно и то и другое: и самые догматы церкви и то, что осмѣливается имъ противорѣчить; первые на столько, насколько нужно было для успѣха изучившему, послѣдніе, чтобы обличать еретиковъ; ибо онъ пылалъ ревностію противъ этихъ звѣрей церкви. Поэтому-то и до насъ дошло одно написанное сказаніе, которое ясно показываетъ его ревность по истинѣ, такого рода. Легкомысленный или лучше сказать безумный и бессмысленный Аполлинарій, измыслившій и отпрыгнувшій изъ своего чрева много новизны, составилъ противное благочестію сочи-

неніе, въ двухъ книгахъ. Эти книги для храненія онъ вручилъ какой-то женщинѣ, бывшей, какъ шла молва, съ нимъ въ связи. Когда великому Ефрему стало извѣстно объ этомъ сочиненіи, то сей мудрый, принявъ на себя видъ его единомысленика, приходитъ къ женщинѣ; хранившей эти нечестивыя книги, знакомится съ нею, приноситъ ей подарки, какъ бы на благословеніе отъ пустыни, выдумываетъ, быть можетъ, нѣчто и другое. За тѣмъ проситъ дать ему сочиненія учителя, для полезнаго, какъ говорилъ, употребленія, чтобы онъ могъ успѣшнѣе бороться съ еретиками (это насъ онъ такъ называлъ). Она же по недогадливости, обманувшись сочла его однимъ изъ послѣдователей Аполлинарія и отдала эти книги Ефрему, прося его поскорѣе возвратить ихъ. Этотъ же (новый) великій Іаковъ запнувшій сквернаго Исава (Быт. 27, 36.) и похитившій лукаваго первенца его мыслей, мудро поступилъ; ибо онъ склеилъ всѣ листы, вымазавъ ихъ рыбьимъ клеемъ, и изъ всей книги сдѣлалъ одну массу, такъ какъ сильная клейка не позволяла отдѣлать одну страницу отъ другой. Отдѣлавши такъ эти двѣ книги, онъ возвратилъ той женщинѣ, которая дала ему ихъ. Она какъ женщина, и притомъ незнавшая о хитроумномъ умыслѣ, видя по наружности книги цѣлыми, не стала внимательно разсматривать того, что было

внутри. По прошествіи же нѣсколькихъ, не многихъ дней, божественный старецъ предлагаетъ нѣкоторымъ изъ православныхъ вызвать нечестиваго Аноминарія на состязаніе. Тотъ принялъ это приглашеніе и сильно надеясь на нечестивыя книги, явился въ назначенный день. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вести преніе на словахъ онъ отказался, а просилъ привести къ нему книги, чтобы по нимъ можно было давать отвѣты и возражать. Какъ скоро соучастники его принесли книги, сильно гордясь ими, то тотъ не на добро состарѣвшійся въ многолѣтней неправдѣ судія, начинаетъ раскрывать одну изъ книгъ. Когда же намазанные клеємъ листы не дозволяютъ этого, онъ старается сдѣлать это по срединѣ книги, но и тамъ она оказывается склеенною. Оставивъ въ покоѣ первую, принялся за другую; но увидавъ, что и въ той тоже нельзя раздѣлить листовъ и развернуть ее, отъ стыда измѣнился въ лицѣ, и отъ неудачи такъ упалъ духомъ, что удалившись изъ собранія, впалъ въ совершенное уныніе и болѣзнь, и наконецъ чуть было не умеръ, будучи не въ силахъ вынести такого униженія. Таковъ былъ въ своей ревности о благочестіи великій отецъ нашъ и учитель Ефремъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда не было нужды въ борьбѣ, онъ показывалъ кротость и миролюбіе, а въ другихъ,

особенно когда представлялась какая нибудь опасность для вѣры, являлся твердымъ и суровымъ, дѣйствовавшимъ мудро всѣми средствами, какихъ требовало время: Такимъ образомъ и въ своей ревности о славѣ Божіей онъ былъ не махшимъ, чѣмъ въ своихъ великихъ постахъ, слезахъ и непрестанныхъ молитвахъ, а лучше сказать; гораздо большимъ, потому что все то служило на пользу одному подвижнику, а это вело къ общему благу: Истинная слава хорошаго охотника выказывается въ борьбѣ съ дикими звѣрями, отличнаго кормчаго, — во время противныхъ кораблю вѣтровъ, мудраго врача, — при трудноизлечимыхъ болѣзняхъ, храбраго воина, въ минуту жестокой битвы со врагомъ; и слава подвижника и ревнителя благочестія; — въ минуту опасностей и нестроений, когда требуется спасать себя и другихъ отъ наветовъ. Итакъ, не было такого рода добродѣтели у кого либо изъ древнихъ подвижниковъ, въ которой и онъ не преуспѣлъ бы. Душу его можно сравнить съ источникомъ, струящимся разнообразными потоками, гдѣ прекрасно соединены польза, сладость, пріятность; или съ лугомъ, украшеннымъ различными душистыми цвѣтами; или съ небеснымъ сводомъ, блистающимъ различными свѣтилами; или съ раемъ во Едемѣ, какъ извѣстно, свѣтло украшеннымъ безчисленными плодовитыми деревьями (за ис-

ключеніемъ впрочемъ того, что сей рай былъ недоступенъ для лукавѣйшаго змія,—винновника нашего изгнанія); или вообще со всѣми тѣми прекрасными и пріятными предметами, которые природа украсила многими и различными совершенствами. Таковою разумѣй блаженную душу великаго Ефрема, отовсюду украшенную многими видами добродѣтелей, потому что въ теченіе всей своей жизни сей дивный мужъ полагалъ свою заботу въ томъ, чтобы стяжать всецѣлую добродѣтель, одинъ старался приобрѣсть всѣ совершенства.

Подражая богопріятному жертвоприношенію перваго въ числѣ праведныхъ, Авеля, онъ подобно священнику принесъ Господу не приношеніе отъ агнцевъ и не тукъ, но жертву безкровную, разумное служеніе, все-сожигаемое чистотою жизни; во всемъ будучи равенъ ему, за исключеніемъ того, что не погибъ отъ лукаваго убійцы, но преставился отъ сей жизни подобно ему, избѣжавъ сѣтей челоуѣконенавистника демона, и ставъ выше его коварныхъ замысловъ. Соревнуя Еноху въ его упованіи, онъ не только призывалъ самъ имя Господа Бога, но научилъ вмѣстѣ съ нимъ призывать оное и другихъ. Онъ заботился не о томъ, чтобы подобно Еноху странно предложаться отъ земли въ рай, но чтобы перейти отъ вещественныхъ пристрастій въ область духа. Ною онъ уподобился

не тѣмъ, что въ деревянномъ ковчегѣ спасъ небольшую часть человѣческаго рода; но тѣмъ, что оградивъ отовсюду свою душу не вредимо прешель тревоженіе жизни, ничего не утративъ изъ груза добродѣтели. Подражая во многомъ, другомъ Аврааму, какъ на примѣръ: въ вѣрѣ и кротости, въ любви къ Богу, особенно же въ удаленіи отъ міра, какъ тотъ изъ отечественной земли и родства, онъ подражалъ ему и въ жертвоприношеніи единороднаго тѣмъ, что какъ добровольное приношеніе принесъ Богу собственное тѣло, *умертвѣвъ оуды, яже на земли* (Кол. 3, 5.). Исааку онъ подражалъ въ добровольной готовности умереть, но не отъ отца, какъ тотъ. Ибо онъ на всякъ день принося себя, подобно Апостолу, въ жертву, тѣломъ, сколько то зависѣло отъ произволенія, предавалъ себя въ жертву, духомъ же жилъ и жилъ Богу чрезъ чистое приношеніе своего тѣла, какъ бы овна. Иакову въ томъ, что запнулъ сквернаго Исава, то есть родоначальника ересей и восхитилъ первородство,—правые догматы церкви, и въ томъ еще, что видѣлъ не лѣствицу, простирающуюся отъ земли до неба, но огненный, до неба достигающій столпъ, какъ бы озарившій большимъ свѣтомъ глубину таинства. Кромѣ того, приближаясь къ отрѣшенію отъ тѣла, подобно Иакову, онъ изрекаетъ благословенія ученикамъ своимъ, какъ

тотъ своимъ сынамъ, и если кто тщательно вникнетъ въ сіи благословенія, подумаетъ, что это рѣчи самаго великаго Іакова. Іосифу особенно уподобился цѣломудріемъ, тѣсною непорочною и чистотою, а гораздо болѣе раздаваніемъ слова, подобнымъ Іосифову раздаванію хлѣба.

Въ весьма многомъ, если только не во всемъ, онъ уподобился также Моисею; ибо и онъ убѣжалъ отъ волхвователя Фараона, и водворился въ пустыни, и видѣлъ Бога насколько-то возможно для созерцанія, и совершалъ чудеса, и руководилъ народъ въ качествѣ учителя, и прехитрилъ Египтянъ, похитивъ ихъ богатства, то есть плѣнивъ еретическія книги и восторжествовавъ надъ ними, и раздѣлилъ море,—соленыя и негодныя для питія воды невѣрія, и перевелъ народъ,—общество православныхъ; потопилъ онъ также слугъ Фараона,—безбожныя порожденія еретиковъ, и обратилъ въ бѣгство Амалика. если желаешь назвать этимъ именемъ кого-либо изъ еретиковъ. (Онъ) принялъ отъ Бога законъ православія и передалъ его всѣмъ намъ; видѣлъ на горѣ и образецъ скинія, не Моисеевой, но будущаго страшнаго суда и устроенія; законоположивъ правила священства, гѣмъ содѣлалъ совершенными священниковъ; извелъ воду изъ камня, заставивъ каменные сердца источить слезы; какъ и тотъ, онъ напиталъ насъ небеснымъ хлѣбомъ, пред-

ложилъ всѣмъ слова любви, чѣмъ преимущественно укрѣпляется всякая душа, она съ дерзновеніемъ приступаетъ къ тому божественному и таинственному хлѣбу, который изшелъ для нашего спасенія изъ лона Отчого. Далъ онъ и крастелъ, научивъ насъ вѣрныхъ памятованіемъ о Богѣ возноситься отъ земли къ небу и мысленно зрѣть тамошнія кресты. Слово же, — если захочешь сравнить достославныя дѣянія бѣго отца съ подвигами древнихъ, то совершенно не найдешь ничего, въ чемъ бы онъ уступалъ имъ. Подобно Иисусу Навину онъ раздѣлилъ Иорданъ, — то есть заключенныя для подаенія руки богачей расторгнулъ для благотворительности: и народу раздѣлилъ землю, но не земнаго обѣтованія, а небснаго царства. Какъ Самуилъ, онъ еще въ отрочествѣ посвященъ былъ Богу и слышалъ божественный гласъ. Какъ великій Иія, онъ посрамилъ стѣднихъ жрецовъ, и не разъ, но часто низводилъ мысленный огонь на словесную жертву, и возсѣдая на огненной колѣсницѣ добродѣтели, вознесся не въ эфирный, но въ небсныя высоты. Какъ Елисей, онъ стяжалъ сугубую благодать Духа, и какъ пророки, часто удостоивался богоявленія. Наше слово дерзаетъ даже вѣпоставить его съ тѣмъ, выше котораго не было въ рожденных женами, съ посредникомъ между закономъ и благодатию. Какъ Предтеча онъ вселился въ пустынь, и къ нему было слово Божіе, и онъ

трудился какъ проповѣдникъ покаянія и училъ приходящихъ исповѣдывать грѣхи. Какъ Павелъ, сосудъ избранія, подвергся всяческому искушеніямъ и неутомимо разсѣивалъ сѣмена покаянія, какъ тотъ сѣмена вѣры. Но зачѣмъ сравнивать его порознь съ каждымъ изъ сихъ (святыхъ мужей), когда вся вселенная еще полна его добродѣтелями? Когда дѣла на лицѣ, измишия длинная рѣчь. Продолжительность слова обращается даже къ умаленію славы добродѣтелей, какъ будто бы давая разумѣть, что дѣлъ самихъ по себѣ не достаточно для славы, но что онѣ нуждаются еще въ помощи слова. Но какъ самую пріятную приправу нашего слова, мы должны присокупить здѣсь и разсказъ о его славной и чудесной кончинѣ.

Приближаясь къ отшествію на небеса, этотъ богоносный мужъ завѣщалъ присутствовавшимъ и повелѣлъ имъ не погребать тѣла его въ драгоценной одеждѣ; если же какой-нибудь почитатель святаго отца задумалъ бы что подобное, или приготовилъ, то ни въ какомъ случаѣ не приводить въ исполненіе сего намѣренія, но то самое, что назначено было бы на его погребеніе, отдать нищимъ. И вотъ одинъ изъ предстоящихъ, человѣкъ знатный, приготовившій драгоценную одежду съ намѣреніемъ погребсти въ ней тѣло божественнаго старца, услышавъ это завѣ-

щаніе, опечалился и не захотѣлъ отдавать бѣднымъ заготовленное платье, почитая гораздо лучшимъ въ своемъ умѣ, раздать неимущимъ деньги, которыхъ стоило платье. Пораженный лукавымъ демономъ, онъ тотчасъ же за непослушаніе потерпѣлъ страшное наказаніе, будучи повергнутъ имъ предъ одромъ преподобнаго старца въ бѣшенство съ иѣною на устахъ. Тогда исполненный состраданія, человекъ Божій спросилъ мучившагося: какое ты сдѣлалъ беззаконіе, за которое подвергся такому бѣдствію? Тотъ, вставъ по его приказанію, хотя у него и былъ еще ослѣпленъ демономъ умъ, рассказалъ о своемъ тайномъ размышленіи и открылъ свое непослушаніе. Сострадая раскаявающемуся, старецъ возложилъ на него святыя руки и, молитвою освободивъ его отъ страданій, возвратилъ ему здоровье, сказавъ ему притомъ; «исполни свой обѣтъ, который ты прежде далъ»!

Совершивъ это чудо предъ концемъ жизни и возбудивъ присутствовавшихъ многими увѣщаніями къ ревности о добродѣтели, какъ показываетъ то послѣднее его слово, онъ отплылъ къ безмятежной пристани вѣчнаго царства, гдѣ съ радостию и былъ принятъ. Ибо гдѣ должны мы представлять себѣ мѣсто упокоенія души его? Очевидно въ обителяхъ небесныхъ, гдѣ чины Ангеловъ, гдѣ лики Пророковъ, гдѣ престолы Апостоловъ, гдѣ

радость мучениковъ, веселіе преподобныхъ, гдѣ сіяніе учителей, гдѣ торжество перво-родныхъ и чистые лики тамъ празднующихъ. Въ эти блаженные обители, куда и Ангелы желаютъ проникнуть, въ эту священную страну вселилась многоблаженная и святая душа блаженнаго и достославнаго отца нашего Ефрема. Я думаю, во время восхожденія души его на небо, ее сопровождали всѣ добродѣтели его жизни, и каждая изъ нихъ показывала ей оныя неизреченныя и невидимыя красоты; и быть можетъ высшая изъ всѣхъ добродѣтелей любовь, приступивъ къ ней, такъ сказала: «посмотри, возлюбленная душа, какъ прекрасно то, что я для тебя приготовила, — и съ этими словами показала на предметы наслажденій; затѣмъ смиренномудріе, притекши къ ней, сказало: «воззри, возлюбленная Богомъ душа, какое мѣсто упокоенія мною приготовлено тебѣ,» такъ и всѣ другія (добродѣтели) поочередно говорили ей и показывали тѣ награды, которыя за любовь и труды понесенныя для нихъ на землѣ, исходатайствованы были ими наконецъ. О достохвальное и возбуждающее ревность подражанія преставленіе! О смерть ненуждающаяся въ слезахъ! О разлученіе, сподобляющее желаннаго союза! О преселеніе, незаставляющее раскаяваться преселяющагося! О погребеніе, чуждое сожалѣнія! Ибо мы почерпаемъ утѣше-

ніе изъ того самого, въ чемъ удивляемся его дѣламъ. Тогда какъ смерть другихъ людей бываетъ причиною слезъ для оставшихся; причина праведныхъ доставляетъ радость и торжество, потому что это не смерть, а скорѣе преставленіе и переселеніе въ лучшую жизнь.

Вотъ надгробныя похвалы, лучший изъ отцевъ и учитель вселенной, которыя приносятъ тебѣ нашъ дерзновенный языкъ, какъ даръ однакоже тебя недостойный,—приноситъ не потому, чтобы ты нуждался въ нихъ, (ибо какую славу доставить слово, далеко уступающее достоинству прославляемаго?) но скорѣе для того, чтобы принести пользу живущимъ, потому что прославленіе святыхъ мужей, для большей части служить самымъ сильнымъ возбужденіемъ и поощреніемъ къ совершенству. Впрочемъ побудили насъ къ сему слову и содѣлали дерзновенными и многія другія причины. Я не говорю о разнообразныхъ достоинствахъ, о жизни и ученіи, о которыхъ говоритъ вся вселенная; самая главная причина,—это дивное заступленіе и освобожденіе, оказанное тобою твоему соименнику, который и побудилъ насъ предпріять сей трудъ. Взятый и уведенный въ плѣнъ варварами, потомками Измаила, немалое время жившій вдали отъ отечества, онъ задумалъ возвратиться на родину, но не зная надежныхъ путей, онъ удостоился твоего дивнаго заступничества;

тобою былъ указанъ ему путь, наиболѣе удобный для спасенія и онъ безошибочно достигъ той цѣли, къ которой стремился. Ибо онъ, находясь въ величайшей опасности и ожидая смерти (такъ какъ путь былъ усѣянъ варварами), какъ только вспомнилъ твое имя и воззвалъ: «Святый Ефремъ помоги мнѣ», невредимо избѣжалъ опасности заблудиться и освободился отъ страха, неожиданно спасся, и ограждаемый твоимъ попеченіемъ сверхъ ожиданія возвратился въ отечество. Посему то я дерзнулъ пространно изложить то, что сказано мною, и нечистыми устами осмѣлился произнести хвалу ему. Если въ этомъ словѣ и достигли мы чего-либо достойнаго тебя, то виновникомъ этого успѣха признаемъ твое содѣйствіе и благодаримъ тебя; а если наши хвалы ниже твоего достоинства, то и въ этомъ несоотвѣтствіи тебя же признаемъ виновникомъ, хотя эти слова и нѣсколько дерзки. Потому что ты, желая избѣжать похвалъ, какъ это дѣлалъ во время жизни, такъ и по смерти, по любви къ смиренномудрію воспрепятствовалъ желающимъ прославлять тебя. Но какъ бы то ни было, то ли, или другое, сколько было возможно, мы исполнили нашъ святой долгъ и вѣримъ, что и ты неотвратишься отъ насъ, пламенныхъ читателей нашего отца, но примешь наши похвалы, какъ любезный для отца дѣтскій лепетъ. Ты же, предстоя предъ

божественнымъ жертвенникомъ и вмѣстѣ съ Ангелами служа живоначальной и пресвятой Троицѣ, помяни всѣхъ насъ, прося объ отпущеніи нашихъ грѣховъ и о полученіи вѣчнаго царства, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, которому Слава со безначальнымъ Отцемъ и божественнымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

НА ДЕНЬ ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, РОДНАГО БРАТА.

Благой установилъ Господь порядокъ для сихъ нашихъ ежегодныхъ празднествъ, которыя по вѣконой учрежденной послѣдовательности мы уже совершили въ сіи дни и теперь совершаемъ. А порядокъ духовныхъ празднествъ для насъ тотъ же, которому научилъ и великій Павелъ, свыше имѣвшій познаніе о такихъ предметахъ. Онъ говоритъ, что во первыхъ поставлены Апостолы и Пророки, а за ними пастыри и учителя (1 Кор. 12, 28; Еф. 4, 11.) Съ сею указанною Апостоломъ послѣдовательностію согласуется порядокъ ежегодныхъ празднествъ. Но первое празднество я не считаю наряду съ прочими. Ибо благодать богоявленія Единороднаго Сына, открывшагося міру чрезъ рожденіе отъ Дѣвы, не просто есть святое празднество, но святое святыхъ и празднество празднествъ. И такъ

перечтемъ слѣдующія послѣ него. Первое начало духовному лѣкостоянію положили Апостолы и Пророки; ибо однимъ и тѣмъ же лицамъ вполне принадлежатъ оба рода дарованій, — Духъ апостольскій и Духъ пророчества. Они суть: Стефанъ, Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, Павелъ. Потомъ послѣ нихъ сохраняя свою череду, начинаетъ намъ настоящее празднество пастырь и учитель. Кто это? сказать ли имя или и не именуя, достаточно благодати, чтобы указать (сего) мужа? Ибо слыша объ учителѣ и пастырѣ послѣ Апостоловъ, ты конечно представилъ уже въ умѣ пастыря и учителя вполне послѣдовавшаго Апостоламъ. Я говорю о немъ, о сосудѣ избранія, высококомъ по жизни и слову Василіѣ, который угоденъ Богови (Дѣян. 7, 20) отъ рожденія, старецъ нравами отъ юности, научень, подобно Моисею, всякой премудрости виѣшнихъ ученій и вмѣстѣ съ тѣмъ священными писаніями отъ младенчества и до конца жизни напцтанъ, возвращень и укрѣпленъ. Посему, научая всякаго человѣка во всей премудрости Божественной и мірской какъ бы какой ободесноручный воитель вооружившись на противниковъ тѣмъ и другимъ ученіемъ, преодолеваетъ обоими вступающихъ съ нимъ въ борьбу, превосходя въ каждомъ тѣхъ, которые думали, что они имѣютъ въ какомъ либо изъ сихъ ученій силу противъ истины, —

еретиковъ, ссылающихся на писаніе, опровергая писаніями, а Еллиновъ, запутывая ихъ собственнымъ ученіемъ. Побѣда же надъ противниками имѣла слѣдствіемъ не паденіе побѣжденныхъ. но возстаніе; ибо побѣжденные истинною получали вѣнцы, дѣлаясь побѣдителями надъ заблужденіемъ и ложью.

Таковъ у насъ тотъ, который предлагаетъ намъ нынѣ настоящее празднество, подлинный провозвѣстникъ Духа, мужественный воинъ Христовъ, громогласный проповѣдникъ спасительнаго ученія, подвижникъ и предводитель въ дерзновеніи за Христа, которому только время дастъ второе мѣсто послѣ Апостоловъ. Ибо еслибы Василій получилъ жизнь въ одно время съ Павломъ; то безъ сомнѣнія о немъ писано было бы вмѣстѣ съ Павломъ, какъ о Силуанѣ и Тимоѳеѣ. А что предположеніе мое не чуждо истины, можно доказать слѣдующимъ образомъ. Забудемъ то, что святые предшествуютъ другъ другу по времени; ибо время какъ прошедшее, такъ и настоящее, одинаково не имѣетъ отношенія ни къ добродѣтели, ни къ пороку, не будучи по природѣ своей ни тѣмъ ни другимъ, такъ какъ добро въ произволеніи, а не во времени. Сопоставимъ вмѣсто сего вѣру съ вѣрою и слово съ словомъ, и тогда правильно сличающій сопоставленныя дивныя дѣла, найдетъ въ обоихъ одинаковую благодать, сообщенную однимъ

и тѣмъ же Духомъ. каждому изъ нихъ соотвѣтственно ихъ вѣрѣ. Если Павелъ предшествовалъ по времени, а Василій явился много поколѣній спустя; то почитай это дѣломъ божественнаго домостроительства о людяхъ, а недоказательствомъ умаленія по добродѣтели; поелику и Моисей родился спустя много времени послѣ Авраама, а послѣ Моисея — Самуиль, за нимъ Илія, послѣ него великій Іоаннь, за Іоанномъ Павелъ, и послѣ него Василій. Какъ относительно предыдущихъ святыхъ позднѣйшее явленіе по времени не сдѣлало ихъ меньшими славою по Бозѣ, такъ и нынѣ при словѣ о добродѣтели да будетъ умолчано о старшинствѣ по времени. Потому что послѣдовательность во времени ихъ явленія, какъ мы сказали, есть доказательство промышленія Божія о человѣкахъ. Ибо Богъ *свѣдѣй вся прежде бытія ихъ*, какъ говоритъ пророкъ (Дан. 13, 42), предвидя, что злоба діавола будетъ распространяться съ каждымъ поколѣніемъ людей, приготовляетъ приличнаго и соотвѣтствующаго болѣзни каждаго поколѣнія врача, чтобы не осталась безъ врачеванія болѣзнь людей отъ недостатка врачующихъ и не овладѣла родомъ человѣческимъ. Посему когда превозмогала философія Халдеевъ, полагавшихъ причину сущаго въ извѣстномъ движеніи звѣздъ, и непризнававшихъ высшей видимаго Силы все создав-

шей, тогда Богъ воздвигаетъ Авраама, который пользуясь симъ ученіемъ какъ руководствомъ, чрезъ видимое обрѣлъ Умопостигаемаго, и для потомковъ сдѣлался путемъ вѣры въ сущаго Бога, самъ достигнувъ ея чрезъ оставленіе отеческаго заблужденія и сродства чувствъ съ видимою тварію. Потомъ, когда Египтяне изобрѣли демонскую нѣкоторую и чародѣйственную мудрость по наущенію, думая, омрачающаго разнообразною лестию, Богъ воздвигъ Моисея, болѣе превосходною мудростію. уничтожившаго Египетскую лесь. Знакомый съ писаніемъ знаетъ конечно какъ въ то время, когда обманщики противопоставляли божественнымъ знаменіямъ свои ложныя чудеса, Моисей содѣйствіемъ силы высшей превозмогъ всякую Египетскую силу, обративъ ее въ ничто; разумѣешь, что я дѣлаю намекъ на жезлы и другія чудеса. По прошествіи же времени, когда Израильтяне, по причинѣ безначалія, при смутномъ народномъ правленіи пришли въ дурное положеніе, является Самуиль, самъ держа народъ въ повиновеніи, и недопуская его до смѣшенія съ иноплеменниками; за тѣмъ подготовивъ замѣну безначалія учрежденіемъ царства, собралъ разложившіеся между собою колѣна, сдѣлавшись законодателемъ царской власти.

Потомъ много поколѣній спустя, когда Ахаавъ, этотъ женоугодникъ, и самъ отпалъ

отъ священныхъ законовъ отцевъ, слѣлавшихся рабомъ развратной жены, и чрезъ нее увлекшись заблужденіемъ идолопоклонства, увлекъ съ собою Израильскій народъ; тогда Богъ воздвигаетъ Илію, имѣвшаго врачующую силу соотвѣтственную великости болѣзни этихъ людей,—мужа отъ презрѣнія заботы о тѣлѣ измозженнаго лицомъ и покрытаго густотою собственныхъ волосъ, отшельника по жизни, строгаго на видъ, съ печальнымъ лицомъ, съ потупленнымъ въ землю взоромъ, покрывавшаго тѣло козьею кожею на столько, на сколько требуетъ приличіе, остальное оставлявшаго открытымъ погодѣ, и нисколько незаботящагося о смѣнахъ жара и холода. Онъ, явившись народу, бичемъ голода вразумляетъ Израиля, какъ бы какимъ жезломъ этою казнію поражая беспорядочную жизнь народа. Послѣ сего божественнымъ при священнодѣйствіи огнемъ, врачуетъ болѣзнь идолопоклонства. Спустя много времени послѣ Иліи, является другой, въ духѣ и силѣ Иліи, рожденный отъ Захаріи и Елисаветы и весь народъ собиравшій въ пустыню своею проповѣдію; онъ и обагреніе кровію пророковъ и всякаго рода нечистоты, и разнообразныя узы грѣха, которыми какъ бы оковами въ то время былъ обложенъ весь народъ, — онъ все это разрѣшалъ проповѣдію покаянія и омывалъ чрезъ погруженіе въ водѣ

Иордана, являясь въ дѣлахъ по Бозѣ ничѣмъ не меньшимъ подвизавшихся прежде него въ добродѣтели. Воспрепятствовало ли также Павлу позднѣйшее послѣ Іоанна появленіе достигнуть высшей степени преслѣбанія по Бозѣ? Не тотчасъ ли онъ сдѣлался любителемъ Божественной красоты, какъ скоро она возсіяла его очамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отпала чешуя съ глазъ его, образно означавшая покрывало сердечное, которое облекая душевный взоръ Іудеевъ дѣлало ихъ слѣпыми для истины? И послѣ того какъ въ таинственной банѣ сложили нечистоту невѣдѣнія и заблужденія, неизмѣнилъ ли тотчасъ свое естество на болѣе божественное состояніе, и какъ бы скинувъ эту грубую и плотскую оболочку, вселился въ самое небесное святилище? Не отягчаемый нисколько оболочкою тѣлесною, не былъ ли онъ внутри богонасѣжденнаго рая, и посвященный тамъ истинною въ неизреченныя таинства, не получилъ ли оттуда силу слова для приведенія всѣхъ языковъ въ послушаніе вѣры? Посему содѣлался онъ отцемъ почти всей вселенной, посредствомъ духовныхъ болѣзней дѣторожденія изводя на свѣтъ тѣхъ, которые чрезъ него получили образъ Христовъ, въ благочестіи. И такъ если относительно прочихъ святыхъ, преемство по времени нисколько не умалило ихъ преуслѣбанія по Бозѣ, такъ какъ благодать каждому

одинаково содѣйствовала къ совершенству; то справедливо дерзаемъ причислить къ онимъ именитымъ святымъ и человека Божія, бывшаго въ наше время, великій сосудъ истины,—Василія: поелику позднѣйшее по порядку времени явленіе его не послужило препятствіемъ ни для высокаго его стремленія къ Богу, ни для божественной благодати въ возведеніи души его къ совершенству; время ни намѣренію божественнаго домостроительства ни въ чемъ неповредило, ни умалило значеніе зого участія, которое онъ принималъ въ борьбѣ на защиту таинства (вѣры). Но безъ сомнѣнія всякому извѣстна цѣль явленія въ сіе время учителя нашего.

Послѣ того какъ безумное почитаніе идоловъ уничтожено было проповѣдью о Христѣ и всѣ ложныя святилища обратились уже въ развалины и ничтожество, чрезъ распространеніе проповѣди благочестія по всей почти вселенной, такъ что влѣститель человѣческаго заблужденія отвсюду долженъ былъ удалиться, гонимый изъ вселенной именемъ Христовымъ; изобрѣтатель зла, будучи мудръ на злое, не оставилъ лукаваго умышенія, какъ бы опять чрезъ оболъщеніе сдѣлать себѣ покорнымъ родъ человѣческій. Подъ видомъ христіанства онъ тайно ввелъ опять идолослуженіе, убѣдивъ своими лжеумствованіями склонившихся къ нему, не отпадать отъ твари,

но поклоняться ей, чтить ее и почитать Богомъ тварь, называемую именемъ Сына; если же (скажутъ), что тварь эта создана изъ ничего и по своему естеству чужда божеской сущности, то не обращать на это никакого вниманія, но усвоить имя Христа сей твари, поклоняться ей, служить ей, въ ней полагать надежду спасенія, отъ нея ожидать суда. Весь вселившись въ людей способныхъ вмѣстить всю его злобу, разумѣю Арія и Азтія, Евномія, Евдоксія и многихъ другихъ съ ними, отступникъ чрезъ нихъ прекратившееся было идолослуженіе опять, какъ сказано, ввелъ въ христіанство; и восторжествовала болѣзнь людей, служащихъ твари вмѣсто Творца, такъ что и содѣйствіемъ тогдашнихъ царей заблужденіе поддерживалось и всѣ предержавшія власти поборали по сей болѣзни. Въ это время, когда безъ малаго почти всѣ люди готовы были подчиниться превозмогающей силѣ, Богъ воздвигаетъ великаго Василія, какъ при Ахаавѣ Илію. Пріять священство, нѣкоторымъ образомъ пришедшее уже въ упадокъ, онъ силою обитающей въ немъ благодати снова воспламенилъ какъ бы нѣкій угасающій свѣтильникъ—ученіе вѣры. Онъ явился церкви какъ бы маякомъ для блуждающихъ ночью по морю, всѣхъ направилъ на настоящій путь, споря съ префектами, вступая въ борьбу съ воеводами, смѣло говоря съ царями, вопія въ

церквахъ, далеко отсутствующихъ привлекая посланіями подобно Павлу, недавая поводовъ уловить себя врагамъ, такъ что ни въ чемъ не могли одолѣть его противники. Онъ не боялся отобранія имѣнія, самъ себя лишивъ его ради надежды царствія (небеснаго). Онъ чуждъ былъ страха ссылки, единымъ отечествомъ людей называя рай, а на всю вселенную смотря какъ на мѣсто изгнанія для нашей природы. А умирающій ежедневно и всегда добровольно истощающій себя умерщвленіемъ, могъ ли когда бояться смерти, которою угрожали враги? Могъ ли бояться ея тотъ, для кого было несчастіемъ, что онъ не можетъ часто подражать подвигамъ мучениковъ за истину, такъ какъ наша (тѣлесная) природа однажды только умираетъ; тотъ, который одному изъ префектовъ сурово грозившему вырвать у него изъ внутренностей печень, шуткою отвѣчая на грубую угрозу, сказалъ: «буду благодаренъ за твое намѣреніе, ибо печень лежатъ во внутренностяхъ не мало у меня страдаетъ; выбросивъ ее, какъ ты грозилъ, освободишь тѣло отъ причины болѣзни.»

И такъ появленіе въ міръ Василія послѣ прочихъ святыхъ, чѣмъ же уменьшаетъ славу его у Бога, чтобы поэтому торжество въ честь ему, казалось менѣе праздниковъ другимъ святымъ? Разсмотри, если угодно, его жизнь, со-

поставивъ ее съ жизнію (одного) какого либо изъ прежде его бывшихъ святыхъ. Возлюбилъ Бога Павелъ: я говорю о любви, ибо она глава добродѣтелей; отъ нея всякая вѣра и всякая надежда; отъ нея терпѣніе въ ожиданіи, и во всемъ благомъ непоколебимость, и приумноженіе всякаго духовнаго дарованія. Но изслѣдуемъ, какая мѣра любви къ Богу была въ Павлѣ? Конечно скажешь, что онъ возлюбилъ Бога отъ всего сердца и отъ всей души и отъ всего помышленія; ибо таковъ высшій предѣлъ данный закономъ для любви къ Богу (Второз. 6, 5). Посему предавшій все свое сердце и душу и помышленіе Богу, и ни къ чему иному, что составляетъ предметъ попеченій въ сей жизни, не привязанный, находится на высшей степени любви. Итакъ если кто можетъ показать, что дѣятельность нашего учителя была направлена къ какимъ либо предметамъ мірскихъ попеченій, какъ-то: богатству или власти, или желанію суетной славы (о болѣе низкихъ удовольствіяхъ по отношенію къ нему считаю неприличнымъ и говорить), если найдется, что онъ заботился о чемъ либо такомъ, то должно признать въ немъ меньшую мѣру любви къ Богу; такъ какъ свойство его желаній отвлекало его отъ Бога къ чувственному. А если онъ былъ врагъ и недругъ всего такого и подобнаго, прежде изъ своей жизни изгоняя сочувственное рас-

положеніе къ сему, а за тѣмъ и жизнь всѣхъ очищая, какъ учительнымъ словомъ, такъ и своимъ примѣромъ: то ясно будетъ, что имѣлъ въ себѣ такую мѣру любви къ Богу, болѣе которой не вмѣщаетъ естество человѣка. Ибо возлюбившій Бога отъ всего сердца и души и помышленія, какъ можетъ перейти къ высшей степени любви, которая не имѣетъ мѣста? И такъ если мы знаемъ одинъ предѣлъ совершенной любви, состоящей въ любви Бога отъ всего сердца, а Павелъ и Василиій любилъ всѣмъ сердцемъ предавшись Богу; то если кто дерзнетъ сказать, что одна была у обоихъ мѣра любви, не погрѣшитъ противъ истины. Но Апостоль называетъ любовь вышею изъ всѣхъ добродѣтелей (1 Кор. 13, 13); это же подтверждаетъ святое Евангеліе. Апостоль говоритъ, что она превосходитъ пророчествъ и знанія, тверже вѣры, непоколебимѣе надежды и всегда неизмѣнна, и что безъ нея всякій подвигъ добродѣтели безплоденъ (1 Кор. 13, 1—4). А Господь поставляя въ зависимость отъ сего дарованія весь законъ и всѣ пророческія тайны (Мѡ. 22, 40), самъ называетъ любовь первою изъ всѣхъ (добродѣтелей). И такъ если въ высшей и объемлющей всѣ прочія добродѣтели Василиій не ниже великаго Павла; то во всѣхъ другихъ, которыми эта добродѣтель предводитъ и которыя отъ нея происходятъ, безъ сомнѣнія

онъ долженъ оказаться не меньшимъ. Ибо какъ имѣющій человѣческое естество владѣеть всѣми свойствами естества; такъ и достигшій совершенства любви съ первообразомъ совершенства имѣеть и всё соединенныя съ нимъ виды добродѣтелей. Спасаетъ ли вѣра, спасаемся ли надеждою, ожидаемъ ли благодати отъ терпѣнія, — *любовь всему вѣру е.летѣ, вся уюваетѣ, вся терпитѣ* (1 Кор. 13, 7), какъ говоритъ Апостоль. И всё прочія (совершенства), которыя заключаются въ понятіи добродѣтели, (не изчисляемъ ихъ порознь, чтобы не замедлить рѣчи), произрастають отъ корня любви; такъ что имѣющій ее и въ прочихъ (добродѣтеляхъ) не имѣеть недостатка.

Имѣя эту любовь, великій Василій чрезъ нее не имѣлъ недостатка ни въ какой изъ добродѣтелей. А если онъ имѣлъ все; то ни какъ ни въ чемъ не былъ меньшимъ. Но конечно кто нибудь скажетъ, что Павелъ видѣлъ третіе небо, и восхищенъ былъ въ рай и слышалъ неизреченныя глаголы, которыхъ *не лѣтъ есть глаголати человеку* (2 Кор. 12, 2—6). Но и онъ такую благодать получилъ очевидно не въ этомъ тѣлѣ, ибо не скрываетъ сомнѣнія, говоря: *аще съ тѣлѣ, не сълѣ, аще ли кро.лѣ тѣла, не сълѣ: Богъ въстѣ* (2 Кор. 12, 2). И о Василіѣ, если бы кто дерзнулъ, могъ бы сказать, что хотя въ тѣлѣ онъ ничего такого

не видѣлъ, но для безтѣлеснаго и умственнаго созерцанія его ничто изъ таковаго не оставалось невиданнымъ. Свидѣтельствуеть о семъ слово его, которое онъ возвѣщалъ при жизни и то, которое оставилъ въ числѣ своихъ писаній. Павелъ обходя страны отъ *Иерусалима и окрестъ даже до Иллирика* (Рим. 15, 19) проповѣдывалъ всѣмъ живущимъ въ нихъ слово Евангелія; слово и проповѣдь *Василія* также объяло почти всю вселенную и подобно словамъ Павла всѣмъ было съ уваженіемъ принимаемо. Но не станемъ говорить о прочемъ, чѣмъ жизнь *Василія* сходствуетъ съ жизнію Павла, какъ на примѣръ: сей распялся міру и тому міръ; сей умертвилъ тѣло, и онъ въ немощи совершилъ силу. Для обоихъ же было *еже жити Христосъ*, и для того и другаго одинокое смерть *пріобрѣтеніе* и разрѣшеніе къ Господу (Фил. 1, 21. 23) дороже полной блужданій жизни.

- Не угодно ли сравнить нашего учителя съ Іоанномъ (Крестителемъ)? Но когда божественный гласъ свидѣтельствуеть, что онъ болѣе всѣхъ рожденныхъ женами и *лише* пророка (Матѣ. 11, 9. 11); то казалось бы безуміемъ и вмѣстѣ нечестіемъ сопоставлять другаго для сравненія съ его жизнію. Но и по слѣдамъ такого и столь великаго мужа идти, означаетъ высшую степень блаженства. Размыслимъ же вотъ о чемъ: *Іоаннъ* не носилъ

мягкихъ одеждъ, не былъ и тростию вѣтромъ колеблемою; вмѣсто населенныхъ мѣстъ, любилъ онъ пустыню, и опять, часто посѣщала населенныя мѣста. Станетъ ли кто противорѣчить нашимъ словамъ, если истина засвидѣтельствуетъ и о нашемъ учителѣ, что онъ въ семь былъ не ниже Юанна? Кто не знаетъ, какъ не терпѣлъ онъ изнѣженнаго и изысканнаго образа жизни, во всемъ вмѣсто удовольствій охотно избирая суровое и трудное, солнцемъ опаляемый, холодомъ объемлемый, въ постахъ и воздержаніи упражняя тѣло, живя въ городахъ какъ въ пустыняхъ, нисколько не вредя своей добродѣтели сообществомъ съ людьми, и пустыни дѣлая городами? Ни жизнь среди многолюдства не измѣнила нисколько тщательнаго и неуклоннаго образа его жизни; ни удаленіе къ себѣ въ пустыню ищущихъ пользы не лишило возможности собираться къ нему; такъ что и при немъ, подобно тому какъ и при Крестителѣ. пустыня сдѣлалась городомъ, тѣснымъ отъ стекавшихъ въ нее. А что онъ не былъ тростию, легко склоняемою къ мнѣніямъ противниковъ, это доказываетъ непоколебимость его во всѣхъ рѣшеніяхъ жизни. Полюбила ему сначала нестяжательность; рѣшеніе осталось камнемъ непоколебимымъ. Возжелалъ чистотою приблизиться къ Богу; желаніе его было горою, а не тростию; ибо никогда не склонялся предъ

вѣтрами искушеній. А твердость любви Васи-
лія къ Богу можетъ быть выражена только
собственными словами Апостола, что *ни смерть,
ни животъ, ни настоящая, ни вѣдающая, ни
ина тварь кая* не могла разлучить сердце его
отъ любви Божія (Рим. 8, 38. 39). Такъ и во
всѣхъ рѣшеніяхъ относительно добродѣтели,
никогда не былъ онъ подобенъ трости и не
твердъ мыслию, но всегда жизнь его въ доб-
ромъ была непоколебима. Дерзалъ предъ Иро-
домъ Іоаннъ, и сей предъ Валентомъ. Срав-
нимъ между собою могущество этихъ двухъ
людей. Иродъ по опредѣленію Римлянъ полу-
чилъ въ удѣлъ нѣкоторую часть Палестины,
а предѣломъ власти Валента было почти все
что обтекаетъ солнце, отъ границъ Персіи до
Британіи, и до предѣловъ океана. Цѣль дер-
зновенія противъ Ирода была, чтобы онъ не
нарушалъ закона относительно нѣкоей жены,
но обуздывалъ въ себѣ похоть, какъ запре-
щенную закономъ. А въ чемъ состояло дер-
зновеніе нашего учителя предъ Валентомъ?
Чтобы онъ оставилъ неприкосновенною и не-
поврежденною вѣру, съ которою преступное
обращеніе было оскверненіемъ для всей вселен-
ной. Справедливый изслѣдователь дѣлъ пусть
сопоставитъ одно могущество съ другимъ и
цѣль дерзновенія сего съ дерзновеніемъ онымъ.
Тамъ оскверненіе ограничивалось тѣломъ Иро-
да; здѣсь же была несправедливость противъ

всей человѣческой природы, оскорбленіе вѣры. Іоаннъ до смерти не оставилъ дерзновеніе; и для Василя предѣломъ дерзновенія была ссылка, которую назначилъ царь вмѣсто смертнаго приговора. Но относительно Іоанна вѣрили, что онъ живъ и послѣ смерти (Марк. 6, 16); и Василю приговоръ ссылки отмѣняется самими врагами, такъ какъ угроза нисколько не сдѣлала его уступчивѣе въ настойчивости.

Осмѣлимся ли востечь словомъ къ великому Иліи, и показать, что нашъ учитель своею жизнію унодоблялся его благодати? Но ни кто да не требуетъ отъ человѣческаго естества шествія на огненной колесницѣ, управленія огненными конями и переселенія на высоту горняго наслѣдія; ибо и Илія не въ предѣлахъ уже пребывая природы, остался нередимымъ въ огнѣ, премѣнивъ божественною силою тяжелое и земное на небесное и легкое. Не будемъ касаться и того, что его слова дѣлались вѣчнымъ ключемъ даровъ небесныхъ, отверзая (небо), когда захочетъ, и закрывая по произволенію. когда это сдѣлать почтеть лучшимъ, равно и того, что онъ оставался долгое время безъ пищи, однимъ снѣденіемъ онаго ячменнаго хлѣба сохраняя одинаковыми свои силы на сорокъ дней.—оставимъ и это какъ высшее человѣческихъ силъ: ибо для человѣческой природы невозможно

подражаніе тому, что выше природы. Да будетъ умолчано вмѣстѣ съ симъ и о маломъ ономъ водоносѣ и о чванцѣ елей, изъ коихъ тотъ и другой достаточно подавали нужное для пищи и во все время голода бывшаго три года и шесть мѣсяцевъ продолжали источать дары; ибо чудеса горняго дѣйствования имѣютъ особую имъ свойственную силу для дѣлъ, и неправильно было бы приписывать таковыя чудодѣйствія человѣческой природѣ.

Итакъ что же у нашего учителя усматривается общее съ пророкомъ? Ревность по вѣрѣ, негодованіе противъ отвергшихся ея, любовь къ Богу, стремленіе къ истинно существующему, не уклоняющемся ни къ чему земному, жизнь во всемъ испытанная, образъ жизни суровый, взоръ соотвѣтствующій настроенію души, важность безыскусственная, молчаніе болѣе дѣйственное, чѣмъ слово, забота о будущемъ, пренебреженіе видимаго, одинаковое отношеніе ко всему внѣшнему, поставленъ ли кто случайно въ высокомъ достоинствѣ или находится въ смиренномъ и униженномъ состояніи. Таковымъ и подобнымъ чудесамъ Илиіа подражаетъ учитель нашъ въ своей жизни. Если же кто укажетъ на сорокодневное неядѣніе Илиіа, — и мы выставимъ малоядѣніе нашего учителя въ теченіе всей жизни: ибо малоядѣніе близко сходится съ неядѣніемъ, особенно когда послѣднее бываетъ

малое время, а то продолжается во всю жизнь. Кромѣ того, тогда ячменный оный, на золѣ печеный хлѣбъ поддерживалъ крѣпость пророка, конечно потому, что имѣлъ въ себѣ нѣчто такое, въ чемъ сохранялась сила принесшаго такую пищу (3 Цар. 19, 5. 6). Доказательствомъ этого служить то, что не изъ единоплеменцевъ кто либо приготовилъ сей хлѣбъ и предложилъ его пророку, но онъ былъ насыщенъ пищею ангельскаго приготовления; посему оставалась цѣлою и неистощенною сила приданная тѣлу сею пищею. А здѣсь поелику не происходило никакого уклоненія отъ того, что обыкновенно; мѣрою пищи было разсужденіе доставлявшее тѣлу не столько, сколько желало естество, но сколько повелѣвалъ законъ воздержанія. Священническое же служеніе учителя имѣетъ сходство съ таинственнымъ священнослуженіемъ пророка, когда онъ, чрезъ утроеніе, словомъ вѣры привлекъ небесный огонь на жертву. Мы знаемъ изъ писанія, что огнемъ часто называется сила Святаго Духа. Засуху земли учитель нашъ не разрѣшалъ и не наводилъ. Тамъ великій пророкъ, поразивъ казнію бездождія землю, самъ дѣлается и врачомъ раны, даруя равное страданію изцѣленіе врачевствомъ. Нельзя ли сказать о какомъ либо чудѣ и нашего Иліи, подобномъ сему? Когда однажды по Божіему изволенію грозило подобное несчастіе и все

зимнее время прошло безъ дождя, и не было никакой надежды на произрастаніе плодовъ: тогда учитель припадая къ Богу, не далъ страху простереться далѣ угрозы, умилившись Бога моленіями, и молитвами отклонилъ бѣдствіе бездождія. Жизнь нашего учителя представляетъ такъ же нѣчто подобное и тому попеченію во время голода, которое великій Ілія оказалъ только одной вдовицѣ. Нѣкогда сильный голодъ отяготѣлъ какъ надъ самымъ городомъ, въ которомъ суждено ему жить, такъ и надъ всей подчиненной городу областію. Онъ продалъ свое имущество и употребивъ—деньги на пищу, въ то время когда рѣдко было, чтобы и очень зижиточные могли готовить себѣ трапезу, въ теченіе всего времени голода продолжалъ питать отъсюду стекавшихся и дѣтей всего городского населенія; такъ что и на дѣтей Іудеевъ одинаково простиралось дѣйствіе его человѣколюбія. Но конечно нѣтъ никакого различія, исполняется ли божественная заповѣдь чрезъ посредство чванца или инымъ какимъ способомъ. Нуждающіеся, получая утѣшеніе не спрашиваютъ: откуда, но смотрятъ на то, что сдѣлано. Если Ілія вознесенъ былъ на небо, то это конечно дивно и неизрѣченно чудно; но нельзя отвергать и другаго вида вознесенія на небо, когда кто либо высокою жизнію отъ земли переселяется на небо, силою духа со-

дѣлавъ добродѣтели колесницею. А что учителемъ достигнуто сіе, согласится всякій безпристрастный изслѣдователь сего дѣлъ.

Дерзнетъ ли слово наше коснуться и Самуила? Уступая во всемъ иномъ первенство пророку, укажемъ съ двумя обстоятельствами повѣствуемыми о немъ сходное обстоятельство изъ жизни нашего учителя. Обоихъ рожденіе было даромъ Божиимъ. Какъ Самуила мать, такъ и Василія отецъ родилъ по молитвѣ къ Богу. И когда въ юномъ еще возрастѣ постигнуть былъ онъ смертною болѣзнію, отецъ увидѣлъ явившагося ему въ сонномъ видѣніи Господа, даровавшаго въ Евангеліи царедворцу отрока, и говорящаго къ нему тоже, что и тому сказалъ Господь: *иди, отрокъ твой живъ есть* (Іоан. 4, 50). И онъ подражая вѣрѣ того, получилъ тотъ же плодъ вѣры, пріявъ отъ челоуѣколюбія Господня спасеніе сына. Это первое, что мы сопоставляемъ съ чудесами Самуила; другое же то, что образъ священнодѣйствія обоими совершаемаго былъ тотъ же. Оба приносили Богу жертвы мира, совершая священнослуженіе о истребленіи враговъ, одинъ уничтоженіемъ ересей, другой иноплемениковъ.

Великій Моисей есть общій примѣръ для всѣхъ стремящихся къ добродѣтели, и не погрѣшитъ тотъ, кто цѣлю своей жизни сдѣлалъ бы подражаніе добродѣтелямъ законодателя.

Итакъ ни чѣмъ не возбудимъ зависти, если покажемъ, что учитель нашъ, въ чемъ только возможно, подражалъ въ своей жизни законодателю. Въ чемъ же было это подражаніе? Нѣкая Египетская княжна, усыновивъ Моисея, обучаетъ его туземному ученію, не отлучая его отъ сосцевъ матери, доколѣ юный возрастъ нуждался въ этой нищѣ. Тоже по истинѣ можно засвидѣтельствовать и о нашемъ учителѣ; ибо знакомый во время воспитанія съ вѣшною премудростію, онъ всегда держался сосцевъ церкви, возрашая и укрѣпляя душу свою ея ученіями. Послѣ сего, Моисей отказался отъ вымышленнаго родства съ лѣйменною матерію. И Василій не долго продолжалъ хвалиться тѣмъ, чего устыдился; ибо отказавшись отъ всей славы вѣшней учености, какъ Моисей отъ жизни при дворѣ, перешелъ къ смиренной жизни, и какъ Моисей предпочелъ Евреевъ Египетскимъ сокровищамъ. Поелику же природа въ каждомъ совершаетъ свои дѣйствія, ибо *плоть* каждого *похотствуетъ на духъ* (Гал. 5, 17); то и Моисей не избѣгъ борьбы съ Египетскимъ помысломъ, которую тотъ воздвигалъ противъ помысла чистаго; но помогая лучшему, сдѣлалъ мертвымъ злобно возставшаго противъ Евреевъ. Еврейскій помыслъ есть очищенный и не оскверненный; посему содѣйствующій душѣ умерщвленіемъ удовъ земныхъ подра-

жаетъ мужеству Моисея, которое выказалъ онъ противъ Египтянина. Но нужно опустить большую часть (священной) исторіи, чтобы желая тщательно изложить все, что сказано о Моисеѣ, и въ чемъ было сходство учителя съ законодателемъ, не обременить слуха. Послѣ умерщвленія Египтянина Моисей оставилъ Египеть, и много времени провелъ самъ съ собою, живъ частнымъ образомъ. Оставляя и Василиіи городской шумъ и всѣ земныя волненія, и былъ въ пустынѣ, любомудрствуя съ Богомъ. Моисею свѣтъ возсіялъ въ купинѣ. Можемъ и мы сказать о нѣкоторомъ сходномъ съ симъ видѣніи Василия. Въ одну ночь когда онъ молился, было ему сіяніе свѣта въ домѣ; невещестный былъ этотъ свѣтъ, божественною силою освѣтившій жилище, не возженный никакимъ вещественнымъ предметомъ. Моисей спасаетъ народъ освободивъ его отъ тиранна: свидѣтельствуешь тоже о нашемъ законодателѣ народъ сей, который своимъ священствомъ привелъ онъ къ обѣтованію Божию. И нужно ли перечислять подробно, сколько провелъ онъ чрезъ воду? Сколькимъ словомъ своимъ возжегъ столпъ огненный? Сколькихъ спасъ облакомъ Духа? Сколькихъ напиталъ небесною пищею? Какъ походилъ онъ на камень, въ которомъ дровомъ отверзлось устье для воды, то есть, когда образъ креста коснулся усть его? Какъ поилъ жаж-

душихъ оною водою, изливая ее столь обильно, что какъ бы шла она изъ бездны? Какую скинію свидѣнія и вещественно уготовалъ онъ въ предградіи для нищихъ тѣломъ, дѣлая ихъ чрезъ благое ученіе нищими духомъ, такъ что нищета сдѣлалась для нихъ блаженствомъ, доставляя благодать истиннаго царствія? А скинію истинную для вселенія Бога онъ устраивалъ въ каждой душѣ своимъ словомъ, утверждая въ ней и нѣкіе столы (столпами я называю помыслы, поддерживающіе насъ въ трудномъ дѣлѣ добродѣтели), равно и умывальницы для омовенія нечистотъ души, омывающія скверну водою изъ очей. Сколько свѣтильниковъ поставлялъ въ душѣ каждаго, освѣщая словомъ сокровенное? Сколько кадиль молитвы и жертвенниковъ приготавливалъ изъ чистаго и неподдѣльнаго золота, то есть, изъ истиннаго и чистаго расположенія, въ которомъ тяжелый свинецъ тщеславія не потемнилъ блеска дѣла? Что сказать о таинственномъ кивотѣ, который устраивалъ онъ въ кивотѣ, влагая въ душу скрижали завета, писанныя перстомъ Божиимъ? Говорю сіе, имѣя въ виду то, что онъ сердце каждаго дѣлалъ кивотомъ способнымъ вмѣщать духовныя тайны, имѣющимъ законъ писанный дѣлами, начертанный дѣйствіемъ Духа, (ибо сіе означаетъ персть Божій (Лук. 11, 8. Матѳ. 12. 28)). Въ семь кивотъ и жезлъ священства всегда

приносилъ свой плодъ, прозябля чрезъ причастіе святынь: и ставша не лишена была манны; ибо тогда сосудъ души бываетъ лишень небесной пищи, когда виѣдрившійся въ нее грѣхъ воспрепятствуетъ притоку манны, а манна есть хлѣбъ небесный. Нужно ли говорить о томъ, съ какимъ вниманіемъ облакался и самъ онъ въ священническую одежду, и украшалъ ею другихъ по своему примѣру, всегда нося на груди украшеніе, которому имя: слово судное (Исход. 28, 15) и изъясненіе и истина (2 Ездр. 5, 40)? Но я представлю болѣе усерднымъ иносказательно приложить все это къ учителю, какъ онъ и самъ, соотвѣтствуя сему украшенію, сообщалъ оное и другимъ. Часто мы видѣли его и находящимся внутри мрака, гдѣ былъ Богъ; ибо незримое для другихъ, ему постижимымъ дѣлало тайноводство Духа, такъ что казалось онъ находится въ области того мрака, которымъ покрывается слово о Богѣ. Часто противостоялъ онъ Амаликитянамъ, употребляя молитву вмѣсто оружія, и въ то время какъ онъ поднималъ руки, истинный Иисусъ побѣждалъ враговъ. Онъ разрушилъ чародѣйства многихъ волхователей, подобныхъ оному Вааламу, не слушающимъ истиннаго слова, но вѣрящихъ ослепному ученію демоновъ; послѣ того какъ учитель молитвою измѣнилъ клятву на благословеніе, ихъ уста не могли уже оказывать дѣйствіе злое.

Но мы бѣгло и кратко говоримъ о семъ: пусть знакомый съ жизнію святаго раздѣльно представитъ сообразно съ дѣйствительностію, сколько уготовлявшихъ ковы противъ другихъ обольщеніями и волхвованіями не привели въ дѣйствіе своего лукавства, потому что вѣра учителя не допустила привести зло въ исполненіе. Оставляя все продолженіе жизни, напомнимъ о кончинѣ обоихъ. Тотъ и другой оставилъ временную жизнь; памятникъ же своего пребыванія въ тѣлѣ не оставилъ міру ни тотъ, ни другой; ибо какъ гробъ Моисея неизвѣстенъ, такъ и у Василія нѣтъ надгробнаго памятника, сооруженнаго вещественнымъ избыткомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отошелъ изъ жизни, съ нимъ прошло все, что служить къ поддержанію человѣческой жизни; такъ что для сего мужа нѣтъ никакого вещественнаго памятника, которымъ бы при помощи оставленнаго богатства лучше сохранялась посмертная память о немъ. Такъ и о Моисеѣ исторія говоритъ, что не найдено гроба его даже до сегодняшняго дня (Втор. 34, 6).

Итакъ если слово наше доказало, что таковъ былъ великій Василій, что сравниваемый по жизни съ каждымъ изъ великихъ святыхъ не далеко былъ отъ нихъ; то справедливо послѣдовательность праздниковъ приводитъ насъ нынѣ къ настоящему празднованію въ честь

его. Но день его памяти прилично было бы проводить такъ, какъ пріятно ему. Посему должно разсмотрѣть, какъ мы должны проводить праздникъ, чтобы праздновать _угодно_ святому. Можетъ быть кто нибудь потребуетъ пышнаго и льстиваго похвальнаго слова ему, гдѣ бы сказано было объ его отечествѣ и родѣ, о воспитаніи родителями и ежедневныхъ занятіяхъ, среди которыхъ возросталъ онъ и укрѣплялся, и чрезъ когорыя сдѣлался славнымъ и знаменитымъ среди людей; но величіе усматриваемыхъ въ немъ достоинствъ дѣлаетъ излишнимъ всякое такого рода тщеславное прославленіе его,—даже заботящагося о семъ приводить къ противоположному: такъ какъ слово не имѣетъ такой силы, чтобы достойно изобразить величіе его дивныхъ дѣяній. Посему, чтобы слабостію рѣчи не нанесено было ущерба удивленію, и чтобы взявшись хвалить, не умалить сколько нибудь того высокаго мнѣнія, которое нынѣ каждый имѣетъ о немъ, лучше будетъ молчаніемъ умножать въ себѣ удивленіе, нежели словомъ умалить похвалу. Ибо можно ли сказать о немъ что либо такое, что сдѣлало бы его болѣе досточтимымъ? Укажетъ ли кто на такъ называемое благородное происхожденіе его по плоти и крови? Но кто не знаетъ, какъ великому Василію было противно заниматься относящимся до тѣла? Какъ бы бѣглаго какого раба онъ всегда скovy-

валъ его узами разсужденія; крайнимъ изнуреніемъ и воздержаніемъ наказывалъ онъ и мучилъ онаго достойнаго наказанія раба,— тѣло, подобно неумолимому господину, не давая никакой пощады узнику. Обращавшагося такъ съ плотію прославлять за благосостояніе по плоти, было бы самымъ безумнымъ дѣломъ. Ибо какъ послужить теперь къ чести его то, чего онъ стыдился въ жизни? Точно также вмѣстѣ съ рѣчью о родителяхъ, должно быть оставлено и воспоминаніе объ отечествѣ. Ибо тотъ, кто возносился выше всего міра и какъ бы стѣснялся всею чувственною природою стихій, такъ что не сносилъ и неба надъ нимъ простертаго, но душею стремился по ту сторону; тотъ, кто съ созерцаніемъ переходя предѣлъ чувственнаго міра, всегда обиталъ въ мірѣ умосозерцаемомъ, носился горѣ вмѣстѣ съ божественными силами ни сколько не стѣсняемый тѣлесною оболочкою въ полетѣ ума,—какъ принялъ бы, когда бы его именовали по названію нѣкоторой части земли, и слагали бы ему похвалы, указывая на плодоносіе мѣста (его родины)? Было бы обидно и умаленіемъ истинныхъ похвалъ, если бы при созерцаніи подлежащей добродѣтели, стали мы дивиться водѣ, растеніямъ, полямъ и подобному; такъ какъ все что не есть пріобрѣтеніе свободной воли, хотя бы и было вполне прекрасно, не приноситъ ника-

кой славы тому, кому досталось въ удѣлъ. И такъ не будемъ говорить объ отечествѣ и родѣ и о всемъ подобномъ, что имѣющимъ даетъ не отъ насъ зависящее стеченіе обстоятельствъ. Но слѣдуетъ каждому вспомнить о томъ его отечествѣ и благородствѣ, которыя ревнующими о семъ достигаются при помощи свободнаго произволенія.

Въ чемъ же состояло благородство Василія? Какое его отечество? Родъ у него, — сродство съ Божествомъ, а отечество — добродѣтель. Пріившій въ себя Бога, какъ говоритъ Евангеліе, имѣетъ власть *быти чадомъ Божиимъ* (Іоан. 1, 12). Кто станетъ искать чего либо благороднѣе сродства съ Богомъ? А пребывающій въ добродѣтели, и воздѣлывающій ее и отъ нея пріобрѣтающій благосостояніе, отечествомъ дѣлаетъ для себя то, среди чего обитаетъ. Цѣломудріе было домомъ его; премудрость имуществомъ; правда же и истина и чистота, свѣтлыми и блистательными украшеніями жилища, которымъ обитающій въ немъ утѣшался болѣе, чѣмъ сколько тѣсняются своимъ живущіе въ мраморныхъ и позлащенныхъ домахъ. Если кто похвалитъ его за такое отечество и почтетъ со стороны такого родства, тотъ и истину скажетъ, и составитъ похвалу изъ угоднаго ему. А землю и кровь и плоть и богатство и начальствованіе и знатность во всемъ этомъ, пусть для друзей міра

прославляютъ желающіе. Если же недоступна для нашего слова соотвѣтствующая ему похвала, то оставимъ такое занятіе, и откажемся отъ искусства похвальныхъ словъ.

Какъ же проводить намъ память его, скажетъ, можетъ быть, кто нибудь, если мы не съ похвалами совершаемъ ее? Какъ исполнится законъ писанія, который говоритъ, что *память праведныхъ* должна быть *съ похвалами* (Притч. 10, 7), если наполнить слово истинными похвалами неудобноисподнимо, а обыкновенными оскорбительно? Но можетъ быть есть какой нибудь способъ, чтобы не оставить его совсѣмъ безъ почетныхъ похвалъ съ нашей стороны? Какой же это способъ? Кто не знаетъ, что всякое слово, не сопровождаемое дѣлами, суето само по себѣ и несостоятельно? Но свойство дѣлъ, въ существѣ и истинѣ выражаетъ сказанное словомъ. Итакъ похвала, дополненная дѣлами, была бы предпочтительнѣе слова. А это что значить? Чтобы чрезъ память о немъ, жизнь наша дѣлалась лучше обыкновенной. Воскъ, приложенный къ печати на камнѣ перстня, на которомъ рѣзбою изображенъ какой либо прекрасный образъ, принимаетъ на себя всю красоту находящуюся въ рѣзномъ изображеніи, весь очеркъ его воспроизводя собственными чертами; такъ что словомъ никто не опишетъ изящную красоту рѣзбы такъ, какъ представляетъ ее отпеча-

тѣнная на воскѣ красота; такимъ же образомъ если одинъ словами только прославляетъ добродѣтель учителя, а другой украшаетъ свою жизнь чрезъ подражаніе ему, то похвала исполняемая жизнію будетъ дѣйствительнѣе высокоаго слова. Такъ, братія, и мы, если станемъ подражать цѣломудренному цѣломудрѣемъ, тѣмъ, что дѣлаемъ, достойно прославимъ добродѣтель. Точно также и во всемъ прочемъ: удивленіе къ мудрости станетъ полнымъ, чрезъ наше участіе въ мудрости,—похвала нестяжательности, если и мы будемъ нестяжательны относительно вещественнаго богатства: презрѣніе міра сего пусть не на словахъ только будетъ дѣломъ похвальнымъ и славнымъ, но самая жизнь да будетъ свидѣтелемъ презрѣнія попеченій мірскихъ. Не говори только, что онъ посвященъ Богу; но предай и ты себя Богу; не говори, что для него только пріобрѣтеніемъ было уповаемое успокоеніе, но и ты собирай себѣ въ сокровище тоже богатство, какъ онъ. Это возможно. Перенесъ онъ жительство свое отъ земли на небо, перенеси и ты. Въ недоступныхъ хищенію небесныхъ сокровищахъ сложилъ онъ свое богатство; и ты подражай въ семъ учителю. *Совершенъ да будетъ ученикъ, яко же учитель его* (Лук. 6, 40). Ибо и въ другихъ наукахъ, учившійся у врача или геометра, или ритора былъ бы недостойнымъ вѣры

хвалителемъ искусства учителя, если бы словами только прославлялъ знаніе своего руководителя, а въ себѣ не обнаружилъ бы ничего достойнаго одобренія. Ибо каждый могъ бы сказать ему: какъ ты называешь учителя врачомъ, оставаясь самъ неуврачеваннымъ? Какъ ты называешь себя ученикомъ геометра, будучи самъ неопытнымъ въ геометріи? Но если кто самъ показываетъ знаніе искусства, которое онъ изучалъ, то своимъ знаніемъ доставляетъ честь наставнику искусства. Такъ и мы, хвалящіеся учителемъ Василиемъ, покажемъ ученіе жизнию, стремясь къ тому, что содѣлало его славнымъ и великимъ предъ Богомъ и людьми о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ЖИЗНИ

ПРЕПОДОБНОЙ МАКРИНЫ, СЕСТРЫ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКАГО (КЪ ОЛИМПИЮ МОНАХУ).

Это имѣющее видъ книги сочиненіе, по формѣ надписанія, представляется письмомъ; обширность же его превышаетъ предѣлы письма и превращаетъ его въ длинное письменное повѣствованіе. Но насъ оправдываетъ предметъ, о которомъ ты приказалъ писать, — болѣе обширный, чѣмъ дозволяетъ мѣра письма. Конечно ты не забылъ о свиданіи, когда я, намѣреваясь по обѣту посѣтить Іерусалимъ, чтобы видѣть въ образахъ памятники пребыванія Господа во плоти, сошелся съ тою близъ города Антиохова и о всѣхъ разворахъ, которые въ то время мы вели между собою: ибо свиданію нашему невозможно было пройти въ молчаніи, когда разумность твоя представляла много предметовъ для разговора.

Какъ обыкновенно часто бываетъ при подобнаго рода свиданіяхъ, теченіе рѣчи при-

вело насъ къ воспоминанію о нѣкоей знаменитой жизни. Поводомъ къ нашему разказу была жена, если только можно назвать ее женою. Ибо не знаю, прилично ли называть такимъ, заимствованнымъ отъ природы ея, именемъ ту, которая стала выше (своей) природы. И достовѣрность нашего разказа основывалась не на слухахъ и чужихъ разказахъ; но, что извѣстно было изъ опыта, то тщательно передавало наше слово, не ссылаясь, для засвидѣтельствованія истины, на слышанное отъ другихъ; ибо воспоминаемая дѣвица была не чужда нашему роду, такъ чтобы нужно было отъ другихъ узнавать чудныя дѣла ея: она произошла отъ нашихъ родителей какъ нѣкій начатокъ плодовъ, первая произраши изъ матерней утробы. И такъ поелику ты разсудилъ, что описаніе жизни благочестивыхъ людей приноситъ нѣкоторую пользу: то дабы таковая жизнь не была безъизвѣстна для послѣдующаго времени, и чтобы возвысившаяся любомудріемъ до высшей степеничеловѣческой добродѣтели не прошла безъ пользы, бывъ сокрыта молчаніемъ,—мнѣ кажется, я хорошо поступилъ, что послушалъ тебя и, сколько могъ, кратко, простымъ и безъ искусственнымъ словомъ описалъ жизнь ея.

Имя дѣвицы было Макрина. Симъ именемъ назвали отроковицу родители, потому что была нѣкая Макрина, издревле знаменитая вѣ

нашемъ родѣ, мать нашего отца, за исповѣданіе Христа пострадавшая во время гоненій. Но это имя было явное, которымъ называли ее знакомые; другое же дано было ей сокровенное, которымъ она по нѣкому видѣнію названа прежде, нежели вышла въ свѣтъ чрезъ болѣзни рожденія. Ибо и мать ея была такова же по добродѣтели; во всемъ она руководилась волею Божіею; особенно же любила чистый и непорочный образъ жизни, такъ что и въ бракъ вступила не по волѣ; но потому что лишилась обоихъ родителей, цвѣла красотою тѣсною, и слухъ о такой красосѣ ея многихъ побуждалъ искать съ нею супружества; посему угрожала опасность, что если она не вступитъ съ кѣмъ-либо въ супружество добровольно, — можетъ потерпѣть нѣчто не желаемое насильно, такъ какъ увлеченные красотою ея, готовы были къ похищенію. Потому избравъ себѣ мужа, извѣстнаго честностію жизни и всѣми одобряемаго, чтобъ имѣть въ немъ хранителя своей жизни, вскорѣ, — въ первые же роды сдѣлалась матерью оной. Но когда пришло время, въ которое болѣзнь чревоношенія должна была разрѣшиться рожденіемъ, она, погрузившись въ сонъ, видитъ, будто плодъ, находящійся еще въ утробѣ, держитъ на рукахъ, и нѣкто въ видѣ и образѣ болѣе благолѣпномъ, чѣмъ человѣческій, явившись называетъ носимую

на рукахъ именемъ Оеклы,—той самой Оеклы, которая такъ знаменита между дѣвами. Сказавъ сіе и подтвердивъ до трехъ разъ, скрылся съ глазъ, и сдѣлавъ легкою муку рожденія такъ, что она пробудившись отъ сна, тотчасъ увидѣла и то, что явилось ей во снѣ. Итакъ вотъ какое было ся сокровенное имя!

Но мнѣ кажется, что явившійся въ сновидѣніи произнесъ это не для того только, чтобы указать имя, которымъ должно назвать родившуюся, но для того, чтобы предсказать жизнь новорожденной и сходствомъ имени показать сходство нравовъ. Итакъ дитя воспитывается; и хотя имѣло свою кормилицу, но большею частію воспитывалось на собственныхъ рукахъ матери. Переступивъ младенческой возрастъ, она показала въ себѣ большую способность къ изученію дѣтскихъ наукъ, и что по мнѣнію родителей надлежало изучить, въ томъ отроковица и оказывала блестящіе успѣхи. Мать же старалась обучить дочь свою, но не тѣмъ мірскимъ и общепринятымъ наукамъ, которыми большею частію напитаваются первые возрасты чрезъ чтеніе стихотвореній; она почитала постыднымъ и совершенно непристойнымъ, чтобы нѣжная и удобообразуемая впечатлительная природа, изучала или тѣ трагическія страсти, которыя происходятъ отъ женщинъ, дали поводъ и предметъ для сочиненія поэтамъ, или безстыдныя

комическія сцены, и нѣкоторымъ образомъ оскверняла себя безстыдными сказаніями о женщинахъ. Но что изъ Богодухновеннаго Писанія казалось болѣе легкимъ для перваго возраста, то составляло предметъ ученія для отроковицы, особенно же премудрыя реченія Соломоновы, и изъ нихъ больше то, что относится къ нашей нравственной жизни. Но и въ писаніяхъ Псалмовъ не была несвѣдуща, въ опредѣленное время проходя извѣстную часть Псалмопѣнія; ибо вставала ли съ постели, принималась ли за работу и прекращала оную, приступала ли къ пищѣ и выходила ли изъ-за стола, отходила ли къ сну и становилась ли на молитву, всегда имѣла псаломскую пѣснь, какъ нѣкую благу ю спутницу, ни въ какое время ее неоставляющую.

Въ сихъ и подобныхъ симъ занятіяхъ возраста и руки тщательно упражняя въ работѣ, она достигла двѣнадцатилѣтняго возраста, когда особенно начинаетъ зацвѣтать цвѣтъ юности. И достойно удивленія здѣсь то, что какъ ни была сокровенна красота отроковицы, не могла однакожь утаться; во всемъ ея отечествѣ казалось не было ничего столь удивительнаго, что могло бы сравниться съ ея красотою и благообразіемъ, такъ что даже руки живописцевъ не могли передать оной красоты: но и искусство, котораго изобразительности все доступно и которое смѣло при-

ступаетъ къ изображенію величайшихъ предметовъ, такъ что подражательно начертываетъ образы самыхъ стихій, не могло точно передать счастливой красоты ея вида. Посему великое множество желающихъ вступить съ нею въ бракъ приступало къ ея родителямъ. Отецъ же ея, будучи мудръ и опытенъ въ распознаваніи добрыхъ качествъ, устранивъ прочихъ, избралъ одного, знатнаго по роду, извѣстнаго добронравіемъ и только что вышедшаго изъ училища, юношу, и за него рѣшился выдать свою дочь, когда она придетъ въ совершенный возрастъ. Между тѣмъ какъ сей юноша подавалъ о себѣ болѣе и болѣе благія надежды и, какъ нѣкій обручальный даръ, приносилъ отцу отроковицы добрую славу, являя силу своего краснорѣчія въ защищеніи на судѣ обиженныхъ: судьба вдругъ разрушила сіи прекрасныя надежды, восхитивъ его изъ сей жизни въ достойной сожалѣнія юности.

Дѣвицѣ не было неизвѣстно намѣреніе своего отца; но когда смертію юноши присужденное ей было разрушено, то признавши бракомъ самое рѣшеніе своего отца, какъ будто то, что суждено было, уже исполнилось, она рѣшилась остальное время жизни проводить одна сама съ собою. И рѣшимость ея была крѣпче ея возраста; ибо когда родители часто заводили съ нею рѣчь о бракѣ,

потому что многие, по слухамъ о красотѣ ея, желали вступить съ нею въ супружество,— говорила: что неприлично и незаконно не уважать однажды опредѣленнаго ей отцемъ брака и принуждать себя обращаться къ другому, когда бракъ по естеству есть одинъ, какъ одно есть рожденіе и одна смерть; она утверждала, что соединенный съ нею по опредѣленію родителей, не умеръ, но живъ у Бога, по надеждѣ воскресенія, что онъ, по мнѣнію ея, не мертвъ, а только удалился на время: безразсудно же не соблюсти вѣрности къ отсутствующему жениху. Такими рѣчами отстраняя тѣхъ, которые старались убѣдить ее (къ замужеству), она единственное средство для охраненія такого своего добраго намѣренія находила въ томъ, чтобы никогда, ни на одну минуту не удаляться отъ своей матери; такъ что мать часто говорила ей, что она прочихъ дѣтей опредѣленное время носила во чревѣ, ее же всегда во всякое время какъ бы носить въ своей утробѣ. Впрочемъ сожителство дочери не было ни тягостно, ни бесполезно для матери; ибо услуги дочери замѣняли ей многихъ служанокъ; и была между ними нѣкая добрая мѣна взаимной помощи, такъ что онѣ восполняли нужды другъ друга: ибо мать служила душѣ дѣвицы, а сія тѣлу матери, исполняя во всемъ прочемъ требуемая служебныя обязанности, такъ что ча-

сто своими руками приготовляла хлѣбъ для матери. Впрочемъ симъ дѣломъ занималась она непреносительно; но послѣ того какъ руки свои посвятила для служенія таинству, считая это занятіе приличнымъ своему образу жизни, изъ остатковъ приготовляла матери отъ своихъ трудовъ пищу. И не одно только это, но и всѣ лежащія на матери заботы, раздѣляла съ ней; ибо мать ея имѣла еще четырехъ сыновъ и пять дочерей; кромѣ сего тремъ начальникамъ платила подати; потому что владѣнія ея были разсѣяны въ трехъ областяхъ.

Итакъ когда мать по этой причинѣ развлечена была разными заботами, (ибо отецъ уже оставилъ жизнь), она во всемъ этомъ была соудницею матери, раздѣляя вмѣстѣ съ нею заботы и облегчая тяжесть скорбей. Подъ руководствомъ матери она сохранила жизнь непорочною, въ материнскихъ взорахъ постоянно находя и направленіе и одобреніе, и въ то же время примѣромъ своей жизни представляла матери великое руководство къ той же цѣли (я говорю о томъ, что касается любомудрія), мало-по-малу привлекая ее къ невещественной и болѣе совершенной жизни. Когда же мать съ должнымъ для каждой приличіемъ устроила прочихъ сестеръ, возвращается изъ школъ образованія, долгое время тамъ занимавшійся наукамъ великій Василій,

братъ вышесказанной. Найдя его чрезвычай-
но высоко думающимъ о красворѣчїи, пре-
зирающимъ всѣ достоинства, и превознося-
щимся своимъ значеніемъ выше вельможъ
пменитыхъ, она съ такою скоростію увлекла
и его къ той же цѣли любомудрія, что онъ
отложилъ мірское тщеславіе и презрѣвъ сла-
ву своего образованія, обратился къ этой
дѣятельной и трудолюбивой жизни, совер-
шенною нестяжательностію приготовляя себѣ
безпрепятственный путь къ добродѣтельной
жизни. Но его жизнь и дальнѣйшіе труды,
которымъ онъ, сдѣлавшись извѣстенъ всему
міру, помрачилъ славою всѣхъ просіявшихъ
добродѣтелию, требовала бы длиннаго расска-
за и многаго времени. А мое слово да обра-
тится опять къ предполагаемой цѣли. Поели-
ку сама она уже пресѣкла всѣ стремленія къ
суетной жизни, то убѣждаетъ мать свою.
оставивъ обычную жизнь, и пышную обста-
новку и служеніе рабовъ, которымъ до сего
времени пользовалась, сравняться съ многи-
ми смиренномудріемъ и соединить жизнь свою
съ жизнью дѣвственницъ, содѣлавши равны-
ми себѣ и сестрами всѣхъ, кого имѣла у се-
бя въ служеніи и рабствѣ. Но здѣсь я хочу
прїостановить нѣсколько сей рассказъ, дабы
не опустить неразказаннымъ одного такого
случая, изъ котораго особенно открывается
высокое достоинство дѣвицы.

Изъ четырехъ братьевъ, вторымъ послѣ Василія великаго былъ по имени Навкратій, счастливыми природными дарованіями, красотою тѣлесною, силою, ловкостію и способностію ко всему превосходившій братьевъ. Достигнувъ двадцатидвухлѣтняго возраста и доказавъ всенародно успѣхи своихъ занятій, такъ что все собраніе слушающихъ приходило въ удивленіе,—онъ по нѣкоему божественному промысленію, презрѣвъ все что имѣлъ въ рукахъ, увлекаемый великимъ нѣкіимъ порывомъ мысли, удалился къ уединенной и нестяжательной жизни, ничего не взявъ съ собою, кромѣ себя самого. За нимъ послѣдовалъ одинъ изъ слугъ, по имени Хрисафій, потому что былъ привязанъ къ нему и держался одинаковаго намѣренія относительно жизни. Итакъ, отыскивая какую-либо пустыню, онъ пришелъ къ рѣкѣ Ирису. (Рѣка же Ирисъ протекаетъ посрединѣ области Понтійской, получая начало изъ самой Арменіи и протекая чрезъ наши мѣста, она впадаетъ въ Евксинскій Понтъ). Близъ этой-то рѣки нашедши одно мѣсто, заросшее густымъ лѣсомъ, и холмъ, сокрытый возвышающеюся надъ нимъ утесистою горою, юноша сей здѣсь поселился, удалившись отъ городского шума и отъ дѣлъ военныхъ и отъ ораторскихъ занятій въ судилищахъ. Освободивъ такимъ образомъ себя отъ всѣхъ житейскихъ

заботъ, шумно волнующихъ жизнь человѣческую, онъ своими руками служилъ нѣкоторымъ старцамъ, жившимъ вмѣстѣ съ нимъ, въ бѣдности и болѣзни, почитая такое занятіе и попеченіе приличнымъ усвоенному имъ образу жизни. Для сего сей доблестный мужъ ходилъ ловить рыбу. И поелику онъ былъ весьма искусенъ во всякомъ охотничьемъ дѣлѣ, то этимъ промысломъ доставлялъ пищу нуждающимся и вмѣстѣ съ тѣмъ такими трудами укрощалъ пылкость юности. Но и волю матери, если когда она что-нибудь приказывала, исполнялъ охотно. Такимъ образомъ тѣмъ и другимъ совершенствовалъ жизнь свою: трудами укрощалъ жаръ молодости, а повиновеніемъ матери, исполняя заповѣди Божіи, и стремился прямо къ Богу.

Пятый годъ проводилъ онъ любомудрствуя такимъ образомъ и доставляя утѣшеніе своею жизнію матери, и тѣмъ что цѣломудріемъ украшалъ жизнь свою, и тѣмъ, что подчинялъ всю свою волю родившей: какъ вдругъ одно тяжелое и плачевное горе, случившееся, думаю, по навѣту противника, поразило мать, и причинило несчастіе и сѣтованіе всему семейству. Юноша нечаянно восхищается изъ сей жизни въ такое время, когда ни болѣзнь не предрасполагала къ ожиданію сего горя, ни другой какой-либо изъ обыкновенныхъ и извѣстныхъ случаевъ не былъ

причиною смерти юноши: но отпавившись на охоту, посредствомъ которой онъ доставлялъ необходимое пропитаніе старцамъ, приносится домой мертвымъ какъ самъ, такъ и сообщникъ его въ жизни, Хрисафій. Мать была далеко отъ мѣста случившагося происшествія, — на разстояніи трехъ дней пути. Нѣкто впрочемъ отправился къ ней извѣстить ее о такомъ несчастіи; какъ ни совершенна она была во всякой добродѣтели, но природа, по своему праву, взяла верхъ и надъ нею; упавши духомъ, она тотчасъ же сдѣлалась бездыханною и безгласною, потому что разумъ подавленъ былъ печалью, и лежала пораженная недобрымъ извѣстіемъ, какъ нѣкій мужественный боецъ нечаяннымъ ударомъ.

Здѣсь открылось мужество великой Макрины; противопоставивъ печали размышленіе, она и себя сохранила и ставъ опорою для материнской немощи, опять возставила ее изъ глубины печали, своею твердостью и непоколебимостью руководя къ мужеству и душу матери. Мать наконецъ перестаетъ терзаться печалью и не обнаруживаетъ недостойной женской слабости, — чтобы, напримѣръ, испускать вопли о своемъ несчастіи, или раздирать одежду, или падать отъ горя, или изливать свою печаль въ жалобныхъ причитаніяхъ: она въ молчаніи выносила горе, разсужденіями отражая напоръ естественнаго чувства,

разсужденіями, какъ своими, такъ и предлагаемыми ей дочерью, какъ врачество противъ сего зла. Въ это время особенно обнаружилась возвышенная и превосходная душа дѣвицы; потому что хотя и въ ней природа брала свое,—такъ какъ восхищенный такого рода смертію былъ ей братъ и любезнѣйшій изъ братьевъ: но она, поставивъ себя выше природы возвысила вмѣстѣ съ собою своими убѣжденіями мать и поставила ее выше печали, научивъ своимъ примѣромъ мужеству и терпѣнію. Впрочемъ и жизнь ея, постоянно возвышающаяся въ добродѣтели, не столько давала матери времени для печали объ утраченномъ сокровищѣ, сколько для радости о томъ, которое было у ней на глазахъ.

Итакъ, когда забота о воспитаніи дѣтей и попеченіе объ ихъ образованіи и устройствѣ сложились съ матери, и большая часть дѣлъ домашней вещественной жизни перешла въ руки дѣтей: тогда, какъ было сказано, сія дѣва своею жизнію склоняетъ мать къ одному любомудріемъ украшенному невещественному образу жизни; и, отклонивъ ее отъ всего обычнаго, доводитъ ее до мѣры своего смиренномудрія, расположивъ ее стать на ряду со всѣми дѣвственницами, такъ чтобы, уничтоживъ въ жизни своей всякое различіе достоинства, всѣмъ имѣть общими трапезу, и ложе, и все относящееся къ жизни. И такой

у нихъ былъ порядокъ въ жизни, такая высота любомудрія и столь строгій образъ прерожденія времени какъ днемъ, такъ и ночью, что превосходитъ всякое описаніе. Ибо какъ души, отрѣшившись смертію отъ тѣмъ, слагають вмѣстѣ съ тѣмъ и заботы жизни: такъ и ихъ жизнь была отрѣшена и удалена отъ всякой житейской суеты и настроена къ подражанію жизни ангельской. Не видно было между ними ни гнѣва, ни зависти, ни ненависти, ни высокомерія, ни другаго чего-либо подобнаго. Желаніе суетныхъ предметовъ, какъ-то: чести, славы, возвышенія и превосходства надъ другими и всего прочаго сему подобнаго, было изгнано изъ ихъ общества: удовольствіемъ же для нихъ было воздержаніе, славою, — быть въ неизвѣстности, богатствомъ, — нищета и отрѣшеніе отъ всякаго вещественнаго богатства, какъ отъ какого-то праха земнаго. Изъ дѣлъ же, о которыхъ заботятся въ сей жизни, не было никакого, котораго бы они не считали дѣломъ для себя постороннимъ: единственною заботою у нихъ были дѣла божественныя, непрестанная молитва, постоянное псалмопѣніе, поровну продолжающееся всякую ночь и день, такъ что это дѣло было для нихъ дѣломъ и вмѣстѣ отдыхомъ. Какое человѣческое слово наглядно можетъ представить такой образъ жизни? Жизнь у нихъ соприкасалась и

природѣ человѣческой и природѣ безтѣлесной: ибо тѣмъ, что отрѣшались свое естество отъ страстей человѣческихъ, они становились выше чловѣка; а тѣмъ, что являлись въ тѣлѣ, были облечены внѣшнимъ видомъ и жили при помощи чувственныхъ органовъ, становились ниже ангельскаго и безплотнаго естества. Впрочемъ, можно осмѣлиться сказать, что это отличіе нисколько и не дѣлало ихъ ниже (ангеловъ): потому что живя во плоти, они, по подобію безплотныхъ силъ, не были отягчаемы бременемъ тѣла, но жизнь ихъ была горячая и возвышенная, парящая горѣ вмѣстѣ съ небесными силами. И такая жизнь продолжалась не малое время, а съ продолженіемъ времени умножались и успѣхи ея; потому что съ приложеніемъ новыхъ подвиговъ добродѣтели, любомудріе постоянно возводитъ душу къ большей чистотѣ.

Преимуществомъ сотрудникомъ въ достиженіи сей великой цѣли, былъ для нея единоутробный братъ, по имени Петръ, который заключился болѣзни дѣторожденія нашей матери; онъ былъ послѣднею отраслю матерней утробы и могъ быть названъ вмѣстѣ и сыномъ и сиротою; ибо въ то самое время какъ онъ произошелъ на свѣтъ, отецъ оставилъ жизнь. Но старшая между братьями и сестрами, о которой идетъ рѣчь, вскорѣ беретъ его отъ кормилицы, послѣ недолгаго

кормленія грудью, по рожденіи, сама воспитываетъ и даетъ ему самое возвышенное образование, съ младенчества упражняя его въ священномъ ученіи, чтобы не дать душѣ досуга для какихъ-либо суетныхъ наклонностей. Будучи такимъ образомъ для юноши всѣмъ: отцемъ, учителемъ, воспитателемъ, матерью, совѣтницею во всякомъ добромъ дѣлѣ, она такимъ сдѣлала его, что прежде чѣмъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста, еще въ отрочествѣ, въ нѣжномъ цвѣтущемъ возрастѣ, онъ вознесся (душею) къ высокой цѣли любомудрія, и по нѣкоторому счастливому жребію природы, имѣлъ способность къ изученію всякаго рода искусствъ, совершаемыхъ руками, такъ что безъ всякаго руководства со всею точностію достигалъ искусства въ томъ, чему многіе долго и съ трудомъ научаются. Итакъ онъ, презирая занятія мірскими науками, но имѣя въ своей природѣ достаточнаго наставника всякаго добраго ученія, постоянно взирая на сестру свою и поставляя ее примѣромъ всякаго добра, достигъ до такой высоты добродѣтели, что въ послѣдующей жизни кажется, не меньше былъ Василія великаго по превосходству добродѣтели. Въ то время замѣнялъ всѣхъ для сестры и матери, будучи сотрудникомъ ихъ въ сей ангельской жизни. Онъ однажды во время сильнаго неурожая, когда многіе, по слуху о его благотворитель-

ности, отсюда собирались въ то уединеніе, гдѣ онъ жилъ, своими искусными мѣрами столько доставлялъ пищи бѣднымъ, что пустыня его отъ множества приходящихъ казалась городомъ. Въ это время мать, достигнувъ глубокой старости, переселилась къ Богу, окончивъ жизнь свою на рукахъ обоихъ своихъ дѣтей.

Слѣдуетъ рассказать о словахъ благословенія, которыя она изрекла дѣтямъ своимъ. Вспомнивъ съ любовію о каждомъ изъ отсутствующихъ, чтобы ни одинъ не былъ лишешъ благословенія, преимущественно вручила Богу молитвою присутствующихъ при ней. Ибо когда они оба сидѣли около нея по обоимъ сторонамъ кровати, она, коснувшись руками каждаго изъ нихъ, произнесла къ Богу слѣдующія послѣднія слова: «Тебѣ, Господи, посвящаю начатокъ и десятину отъ плода мукъ дѣторожденія: начатокъ мой,—сія перворожденная дочь, десятина же, сей послѣдній сынъ мой. Тебѣ по закону посвящаются оба, и тебѣ приношу ихъ въ даръ. Итакъ, да приидетъ освященіе на начатокъ мой сей, и на десятину сію,» указавъ сими знаменательными словами на дочь и сына. Окончивъ благословеніе, окончила вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь, завѣщавъ дѣтямъ, въ отцовскомъ гробѣ похоронить и ея тѣло. Они исполнивъ завѣщаніе, устремились къ большей

высотѣ любомудрія, постоянно не удовлетворяясь собственною жизнію и прошедшіе подвиги добродѣтели превышая послѣдующими. Въ это время великій во святыхъ Василиій назначенъ предстоятелемъ великой церкви Кесарійской. Онъ вводитъ своего брата въ священный клиръ, своими таинственными священнодѣйствіями, посвятивъ его въ санъ пресвитера. Здѣсь опять жизнь ихъ идетъ къ большей и большей степени благочестія и святости; потому что къ священству присоединялось и любомудріе. По прошествіи восьми лѣтъ послѣ сего, на девятомъ году, по всей вселенной именитый Василиій, отъ люлей переселяется къ Богу, сдѣлавшись общимъ предметомъ плача какъ для отечества, такъ и для вселенной. Услышавъ издалека о семъ несчастіи, Макрина скорбѣла, душою о столь великой потери. Да могла ли не поразить ее та скообъ, которую раздѣляли и самые враги истины? Но какъ, говорятъ, очищеніе золота производится въ различныхъ плавильныхъ печахъ, для того, чтобы, если пройдетъ при первомъ плавленіи что-нибудь (нечистое), отдѣлилось во второй; наконецъ въ послѣдней всякая нечистая примѣсь къ этому веществу совершенно исчезнетъ, — и самый вѣрный признакъ отличнаго золота тотъ, когда оно прошедши всѣ плавильныя печи, не будетъ отлагать никакой нечистоты: такъ нѣчто по-

добное сему случилось и съ нею, чтобы послѣ искушенія высокаго разума ея различными ударами несчастій, со всѣхъ сторонъ открылась непримѣсная чистота и возвышенность ея души. Такими испытаніями были: вопервыхъ смерть одного брата, потомъ разлука съ матерію, наконецъ то, что общее украшеніе нашего рода,—Василій Великій переселился изъ сей жизни. Но она осталась твердою, какъ какой-нибудь непобѣдимый боець, не падая ни подъ какими ударами несчастій.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ послѣ сей потери, или нѣсколько больше, собрался въ городѣ Антиохіи соборъ епископовъ, на которомъ и мы присутствовали. Но когда всѣ опять разошлись по домамъ своимъ, прежде истеченія года, у меня, — Григорія, явилось желаніе посѣтить сестру; ибо много протекло времени, въ теченіе котораго препятствовали свиданію тяжелыя обстоятельства, которыя я терпѣлъ, отовсюду гонимый изъ отечества вождями ереси,—такъ что когда я исчислялъ время, въ продолженіи котораго сіи испытанія препятствовали нашему личному свиданію, то оказалось, что времени прошло не мало,—почти восемь лѣтъ. Итакъ совершивъ большую часть путешествія, когда находился уже на разстояніи одного дня пути, нѣкое видѣніе, представившееся мнѣ во снѣ, возбудило

во мнѣ страшныя ожиданія въ будущемъ. Мнѣ казалось, что я несу на рукахъ мощи мучениковъ, отъ которыхъ былъ такой свѣтъ, какой бываетъ отъ чистаго зеркала, когда оно обращено прямо къ солнцу, такъ что глаза мои сжимались отъ такого блеска сіянія. Это видѣніе было мнѣ трижды въ одну и ту же ночь. Я не могъ ясно разумѣть, что знаменуетъ это сновидѣніе, но провидя душею нѣкоторую скорбь ожидалъ исхода (событій), чтобы судить о значеніи сего видѣнія.

Когда былъ близъ того мѣста уединенія, гдѣ жила сестра, провождая ангельское и небесное житіе, спросилъ я у одного изъ слугъ сперва о братѣ, здѣсь ли онъ. Когда же тотъ отвѣчалъ, что онъ уже четвертый день отправился отсюда: зная, что это значило то, что онъ другою дорогою пошелъ къ намъ (на встрѣчу), я наконецъ спросилъ и объ оной великой. Когда же онъ сказалъ, что она страдаетъ нѣкоторою болѣзнію, во мнѣ возникло безпокойство и остальной путь я совершалъ съ поспѣшностію: потому что печаль и страхъ, — предвѣстники будущаго, овладевая мною, возмущали меня. Когда же я пришелъ къ самому мѣсту и слухъ о моемъ пришествіи дошелъ до братства, тогда все собраніе мужей изъ мужескаго отдѣленія вышло къ намъ: ибо они имѣютъ обычай чтить

дорогихъ гостей встрѣчу; а въ женскомъ отдѣленіи сонмъ дѣвиць скромно ожидалъ нашего прибытія около церкви. Когда окончилась молитва и благословеніе и онѣ послѣ преклоненія главы для благословенія, благо-чинно расходясь, удалились по домамъ своимъ и ни одной изъ нихъ не осталось при насъ: то легко можно было догадаться, что значило, что въ числѣ ихъ не было настоятельницы. Когда нѣкто привелъ меня въ домъ, гдѣ жила великая и отворилъ дверь, я вошелъ внутрь ея священной келліи. Она страдала уже сильною болѣзнію и лежала не на какой-либо кровати или постелѣ, но на землѣ,—на доскѣ, покрытой вретischemъ; другая оная доска служила опорой для головы и была такъ устроена, что замѣняла для нея изголовье, будучи подложена въ наклонномъ положеніи подъ шею и удобно поддерживая собою затылокъ.

Итакъ, какъ скоро увидала меня близъ двери, приподнявшись на локоть, (подойти ко мнѣ не могла, потому что силы отъ горячки уже ослабѣли), опершись руками объ полъ и, сколь было возможно, привставши съ своей низменной постели, оказала мнѣ почестъ встрѣчи. Тутъ я подошедши къ ней и взявши своими руками преклоняющсея долу лице ея, поднялъ ее и положилъ такъ, какъ она обыкновенно лежала. Она же воздѣвши руки

къ Богу сказала: «и сію радость даровалъ Ты мнѣ, Боже, и не лишилъ меня того, чего я желала, но послалъ служителя твоего для посѣщенія рабы твоей.» Чтобы ненавести на душу мою никакого унынія, она удерживала сгоны и всячески усиливалась скрыть стѣсненность дыханія, но во всемъ старалась принять видъ веселый, и сама заводя пріятныя бесѣды, и намъ подавая поводы къ нимъ посредствомъ вопросовъ. Когда же по связи рѣчи довелось вспомнить о Василиѣ великомъ, у меня возмутилась душа и лице омрачилось печалію; она же такъ была далека отъ того, чтобы снизойти до нашей скорби, что воспоминаніе о святомъ приняла за поводъ къ высшему любомудрію. Обращая вниманіе на природу человѣка и разъясня словомъ своимъ Божественное домостроительство, сокровенное въ несчастіяхъ, и, какъ бы вдохновляемая Духомъ Святымъ, излагая и то, что относится къ будущей жизни, она въ такихъ словахъ вела разговоръ, что душа моя, восхищенная ея рѣчами, и вознесенная, при руководствѣ ея словъ, внутрь небесныхъ святилищъ, находилась, казалось мнѣ, почти внѣ природы человѣческой.

Какъ въ повѣствованіи объ Іовѣ мы слышимъ, что истаеая отъ повсемѣстныхъ на всемъ тѣлѣ гнилыхъ и гнойныхъ ранъ, сей мужъ не къ ощущенію болѣзни склонялъ свои

помыслы; но хотя въ тѣлѣ и была болѣзнь, она не притупляла его самодѣятельности и не прерывала рѣчи, направленной къ высокимъ предметамъ: такъ нѣчто подобное видѣлъ я и въ оной великой. Ибо хотя жаръ изсушалъ всю ея силу и быстро велъ къ смерти, она, какъ бы нѣкоторою рососою прохладя свое тѣло, сохраняла свой умъ безпрепятственнымъ въ созерцаніи высокихъ предметовъ и невредимымъ столь великою болѣзнію. И если бы наше сочиненіе не растянулось на безпредѣльную длину, я по порядку рассказалъ бы все, какъ она возвышенна была въ рѣчи, любомудрствуя съ нами о душѣ и излагая причину жизни во плоти, и для чего человекъ, и какъ онъ смертенъ, и откуда смерть, и каковъ переходъ отъ нея опять къ жизни. Обо всемъ этомъ, какъ вдохновенная силою Святаго Духа, все излагала ясно и послѣдовательно, и рѣчь ея текла съ совершенною легкостію, какъ вода изъ какого-дибудь источника, безпрепятственно несущаяся по покатости.

По окончаніи бесѣды, она говоритъ мнѣ: «время тебѣ, братъ, послѣ трудовъ тяжелаго путешествія, нѣсколько успокоить тѣло.» И хотя для меня великимъ и истиннымъ отдыхомъ было смотрѣть на нее и выслушивать великія слова ея: но поелику для нея это было пріятно и любезно, то, чтобы мнѣ ока-

заться во всемъ послушнымъ учительницѣ, я, найдя въ одномъ изъ близъ лежащихъ садовъ нѣкоторое пріятное приготовленное мѣсто отдохновенія, подъ тѣнію виноградныхъ вѣтвей, успокоился. Но невозможно было имѣть веселыхъ чувствъ, когда душа была одержима ожиданіемъ горя. Казалось, что видѣнное мною раскрываетъ нѣ загадку представлявагося во снѣ: ибо по истинѣ то, что я видѣлъ предъ собою, были — мощи святой мученицы, которая была мертва для грѣха, но сіяла обитающею въ нихъ благодатию Духа. Такъ я толковалъ свой сонъ одному изъ слышавшихъ о немъ прежде; когда же мы съ сокрушеннымъ духомъ, съ вѣроятностію ожидали печальнаго событія, она, не знаю какимъ образомъ, догадавшись о нашихъ мысляхъ, посылаетъ къ намъ извѣстіе болѣе радостное, повелѣвая быть благодушными и ожидать лучшаго въ ея положеніи, потому что она ощущаетъ, что ея болѣзнь клонится къ лучшему. И это она говорила не для обольщенія нашего, но по чистой правдѣ, хотя въ то время мы этого не поняли. Ибо подлинно, какъ скороходъ, обогнавъ противника, достигая уже почти конца своего бѣга, приближаясь къ наградѣ и видя побѣдный вѣнецъ, радуется самъ въ себѣ, какъ бы уже получившій то, что предлежитъ ему, и болѣе расположеннымъ къ нему зрителямъ воз-

вѣщаетъ о побѣдѣ: въ такомъ же расположеніи и она давала знать намъ, чтобы надѣялись относительно ея на самое лучшее, ибо она уже видѣла награду высшаго званія, и только что не произносила о себѣ сихъ словъ апостола: *прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми праведный судія: потому что подвигомъ добрымъ подвизался, и течение скончалъ и вѣру соблюдохъ* (2 Тим. 4, 7. 8.)

Итакъ, ободрившись сею доброю вѣстію, мы встали и пошли, чтобы вкусить предложенныхъ намъ (снѣдей); онѣ были разнообразны и все было приготовлено съ полнымъ радушіемъ: такъ даже до сего простиралась заботливость великой. Но когда мы опять явились на глаза къ ней (ибо она не дозволила часъ отдохновенія провести самимъ съ собою), то припоминая все случившееся съ нею въ жизни, отъ отрочества, рассказывала обо всемъ по порядку какъ бы по написанному, и о томъ, что помнила о жизни нашихъ родителей, и что было прежде рожденія, и послѣдующую затѣмъ жизнь. Цѣлю такого разсказа было у ней благодареніе Богу: ибо она самую жизнь родителей представляла славною въ то время и знаменитою не столько богатствами, сколько обиліемъ божественнаго челоуѣколюбія, поелику родители отца за исповѣданіе вѣры во Христа подверглись ссылкѣ; а дѣдъ по матери, вслѣдствіе царскаго

гнѣва, былъ лишенъ имущества и все, что было у него, перешло къ другимъ владѣльцамъ; впрочемъ несмотря на то, ради ихъ вѣры, житейскія блага ихъ такъ умножались, что въ то время никого не было именитѣе ихъ. Опять же, хотя имѣніе ихъ и раздѣлено было на девять частей,—по числу дѣтей, но у каждаго наслѣдственная доля по благословенію (Божию) увеличилась до того, что состояніе каждаго изъ дѣтей превосходило счастливую долю родителей; себѣ же изъ наслѣдственной части, принадлежащей ей наравнѣ съ братьями, она ничего не оставила, но все передала священнику, чтобъ онъ распорядился по божественной заповѣди. Сама же, при помощи Божіей, такую вела жизнь, что никогда не переставала работать своими руками, по заповѣди; никогда не обращалась за пособіемъ къ людямъ и ни къ чьей благотворительности не прибѣгала для благоприличнаго образа жизни, но ни просящихъ не отвергала, ни дающихъ не искала: потому что Богъ сокровеннымъ образомъ малыя средства отъ трудовъ ея, какъ нѣкоторыя сѣмена, по своему благословенію, возвращалъ во многообразный плодъ. Когда же я рассказалъ о собственныхъ страданіяхъ, которыя испыталъ, сперва во время изгнанія меня царемъ Валентомъ за вѣру въ ссылку, потомъ когда смуты, происшедшія въ церквахъ, вызвали

насъ на подвиги и труды,—великая сказала: «ужели ты не перестаешь быть непризнательнымъ къ благодѣяніямъ Божиимъ? Ужели не уврачуешь душу свою отъ неблагодарности? Ужели не сравнишь своего положенія съ положеніемъ родителей? И въ семъ мірѣ, мы особенно величаемся тѣмъ, что произошли отъ знатнаго рода, родились отъ благородныхъ родителей. Отецъ, говоритъ, въ тогдашнее время славился образованностію, но слава его ограничивалась только мѣстными судилищами: потомъ, хотя въ искусствѣ словопренія онъ и превосходилъ прочихъ, но молва о немъ не простиралась далѣе Понта: но для него было пріятно быть славнымъ въ своемъ отечествѣ. Ты же, говоритъ, извѣстенъ и городамъ, и народнымъ собраніямъ, и цѣлымъ областямъ; тебя на помощь и исправленіе посылаютъ и зовутъ церкви. Итакъ ужели ты не видишь благодати Божіей? Ужели не знаешь причины столь великихъ благодѣяній,—что тебя молитвы родителей возводятъ на такую высоту, — тебя нисколько или мало приготовленнаго къ сему дѣлу дома.»

Когда она такъ разсуждала, я желалъ продлить дневной срокъ долѣе, чтобъ она не переставала услаждать слухъ нашъ: но голосъ поющихъ звалъ къ совершенію вечерней благодарственной молитвы. Почѣму отпустивъ

меня въ церковь, великая опять обратилась съ молитвою къ Богу. Такимъ образомъ прошла ночь. Когда же наступилъ день, для меня, изъ того, что я увидѣлъ, стало ясно, что настоящій день есть для нея послѣдній предѣлъ земной жизни; потому что горячка истощила всѣ силы ея природы. Она же, видя, что мы упали духомъ, искусно старалась отвлечь насъ отъ скорбнаго ожиданія, снова разсѣвая печаль нашей души оными прекрасными рѣчами, впрочемъ уже съ тяжелымъ и прерывающимся дыханіемъ. При видѣ сего зрѣлища, духъ мой испытывалъ весьма различнымъ состоянію; природа, естественно, побуждала къ печали, потому что уже не ожидала снова услышать этотъ голосъ; но еще немного,—и общая слава нашего рода имѣла переселиться изъ человѣческой жизни; а душа, при видѣ сего явленія, какъ бы вдохновлялась и приходила къ мысли, что она по истинѣ вышла изъ предѣловъ человѣческаго естества. Ибо находясь при послѣднемъ издыханіи, не чувствовать ничего необычайнаго при ожидаемомъ переселеніи и нисколько не страшиться разлученія съ жизнью, но съ возвышеннымъ разумомъ любомудрствовать относительно сей жизни, сохраняя до конца тотъ же взглядъ на нее, какъ и въ началѣ,—мнѣ казалось дѣломъ свойственнымъ не столько чело-
 ловѣку, сколько какому-нибудь ангелу. по бо-

жественному смотрѣнію воспринявшему на себя образъ человѣческій, ангелу, у котораго такъ какъ нѣтъ никакого средства или связи съ плотскою жизнію, разумъ естественно пребываетъ въ безстрастіи; потому что плоть не увлекаетъ его умъ къ своимъ страстямъ. Посему мнѣ казалось, что оная божественная и чистая любовь къ невидимому жениху, которую она сокровенно питала въ глубинѣ души, теперь объявляетъ и ясно обнаруживаетъ предъ присутствующими свое сердечное желаніе поспѣшить къ Возлюбленному, чтобъ отрѣшившись отъ узъ тѣлесныхъ скорѣе съ нимъ соединиться; ибо подлинно теченіе, ея было направлено къ добродѣтели, и ничто другое изъ удовольствій жизни не обращало на себя ея взора.

Уже большая часть дня прошла, и солнце склонялось къ закату; но радостное настроеніе духа не оставляло ея: напротивъ чѣмъ ближе приближалась она къ исходу, чѣмъ больше созерцала красоту Жениха; тѣмъ съ большею поспѣшностію стремилась она къ Возлюбленному, обращая рѣчь уже болѣе не къ намъ,—присутствующимъ, но къ Тому самому, на котораго напряженно устремляла свои взоры, ибо постель ея обращена была на востокъ. Итакъ оставивъ разговоръ съ нами, бесѣдуетъ остальное время съ Богомъ въ молитвѣ, воздѣвая руки и произнося слова сла-

бымъ голосомъ, такъ что мы едва могли слышать ихъ. Но молитва сія была такова, что нѣтъ никакого сомнѣнія, что изливалась къ Богу и имъ быма услышана. «Ты, говоришь, Господи разрушилъ для насъ страхъ смерти; Ты конецъ здѣшней жизни содѣлалъ для насъ началомъ истинной жизни; Ты на время упокоиваешь тѣла наши сномъ (смертію) и опять возбуждаешь оныя при послѣдней трубѣ. Ты, бранный составъ нашъ, созданный твоими руками, какъ залогъ, ввѣряешь землѣ,—и опять взыщешь, что далъ, преобразивъ наше смертное и безобразное въ бессмертіе и благолѣпіе. Ты избавилъ насъ отъ клятвы и грѣха, содѣлавшись тѣмъ и другимъ за насъ Ты стеръ главы змія зіяніемъ схватившаго челоуѣка въ пасть преслушанія. Ты открылъ намъ путь къ воскресенію, сокрушивъ врата адовы и поправъ имѣющаго державу смерти—діавола. Ты далъ знаменіе боящимся Тебя,—образъ святаго креста твоего для побѣды надъ противникомъ и безопасности нашей жизни. Боже вѣчный, Которому я привержена отъ чрева матери моей, Котораго всею силою возлюбила душа моя, Которому душу и тѣло свое посвятила отъ юности и даже донинѣ! приставь ко мнѣ ангела свѣтлаго. да руководить онъ меня на мѣсто прохлады, гдѣ вода упокоенія, на лоно святыхъ отцевъ. Сокрушившій пламенный мечъ и воз-

вратившій въ рай человека распятаго вмѣстѣ съ Тобою и прибѣгнувшаго къ Твоему милосердію, и меня помяни въ царствіи Твоемъ, потому что и я сраспинаюсь Тебѣ, пригвоздивъ страхомъ твоимъ плоть мою и боюсь суда Твоего. Да не отлучить меня страшная оная пропасть отъ избранныхъ Твоихъ; да не преградить пути моего завистникъ, да необрящутся предъ лицомъ Твоимъ грѣхи мои, если я въ чемъ-либо преткнувшись, по немощи плоти, согрѣшила словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ; Имѣющій власть на землѣ прощать грѣхи, проси мнѣ, дабы я обрѣла прохладу и обрѣлась предъ Тобою, по совлечени плоти моей, не имѣющею скверны на образъ души, но чгобы духъ мой чистымъ и непорочнымъ, какъ кадило предъ Тобою, воспринять былъ въ Твоя руки.» И говоря это, въ то же время возлагала крестное знаменіе на глаза, уста и сердце. Спустя немного послѣ сего языкъ, изсушенный отъ жара, не могъ уже произносить болѣе словъ и голосъ ослабѣлъ; по одному только сжатію и расширенію устъ и движенію рукъ, мы понимали, что она продолжаетъ молитву.

Когда между тѣмъ наступилъ вечеръ и внесень былъ свѣтильникъ, она вдругъ широко раскрывши глаза и обратившись къ свѣту, показывала, что готовится произнести вечернюю благодарственную молитву. Но поелику

голосъ уже ослабѣлъ, то она исполняла сіе намѣреніе сердцемъ и движеніемъ рукъ, и уста ея двигались сообразно внутреннему стремленію. Когда же совершила сіе благодарственное моленіе, и когда рука возведенная къ лицу, для огражденія крестнымъ знаменіемъ, показало окончаніе молитвы, то спустивъ сильный и глубокой вздохъ вмѣстѣ съ молитвою она окончила и жизнь.

Когда она стала наконецъ бездыханна и недвижима, я вспомнивъ завѣщаніе, которое она сдѣлала мнѣ при самомъ первомъ свиданіи, сказавъ, что хочетъ, чтобы мои руки закрыли глаза ея, и, чтобы я воздалъ обычное служеніе ея тѣлу, приложилъ ослабѣвшую отъ печали руку къ святому лицу, для того только, чтобы не показать, что пренебрегаю завѣщаніемъ ея, потому что глаза ея не нуждались въ совершеніи сего дѣла; они благолѣпно были сокрыты вѣками, какъ бываетъ во снѣ, уста прилично сомкнутые, руки благообразно сложены на груди, и наконецъ все расположеніе тѣла, само собою благовидно лежащаго, не имѣло никакой нужды въ рукѣ направляющаго.

У меня же душа вдвойнѣ терзалась печалію: отъ того, что я видѣлъ предъ своими взорами, и отъ плачевныхъ воплей дѣвъ, которые оглушали мой слухъ. До сего времени онѣ были мужественны, молчали и скрывая въ душѣ скорбь,

удерживали порывы къ плачу изъ страха къ ней, какъ бы боясь получить отъ нея за это выговоръ, хотя уста ея уже безмолствовали, чтобы не опечалить учительницу, если вырвется у нихъ какой-нибудь звукъ голоса, вопреки ея приказанію. Теперь же скорбь уже не могла сдерживаться болѣе молчаніемъ; печаль, какъ какой-нибудь внутренней огонь, сожигавшій ихъ души, вдругъ разрѣшилась такимъ горькимъ и неудержимымъ воплемъ, что разсудокъ мой не устоялъ въ своей твердости, и моя скорбь, какъ какой-нибудь переполнившійся потокъ, вдругъ проторглась наружу, и я не обращаю вниманія на то, что было у меня въ рукахъ, весь предался рыданію. И мнѣ казалась какъ бы справедливою и законною причина плача дѣвъ, ибо онѣ оплакивали въ ней не лишеніе какого-либо обыкновеннаго плотскаго попеченія о себѣ, или другое что-нибудь подобное, что въ несчастіяхъ съ трудомъ переносятъ люди: но что они лишились какъ бы самой надежды на Бога и спасенія душъ,—вотъ о чемъ они вопіяли, и что оплакивали своими рыданіями, говоря: «угасъ свѣтильникъ нашихъ очей; отнять свѣтъ, руководившій души наши; уничтожилась опора жизни нашей, отнята печать нетлѣнія; расторгнуть союзъ цѣломудрія; сокрушилась твердыня слабыхъ; взято отъ насъ врачеваніе немощныхъ! Съ тобою у насъ и

ночь, освѣщаемая чистотою твоей жизни. была днемъ; теперь же и день обратится въ тму!» Но болѣе тяжкія сравнительно съ прочими испускали рыданія тѣ, которые называли ее матерью своею и кормилицею; ибо были и такія, которыхъ, во время голода, брошенныхъ на пути, взявши къ себѣ, она вскормила и воспитала и привела къ чистой и негнѣнной жизни.

Послѣ того я устремивъ взоръ на святую опую главу, и какъ бы укоренный ею за безпорядокъ, производимый громкимъ плачемъ присутствующихъ, какъ бы изъ какой-нибудь глубины воззвалъ душу свою и воскликнувъ громкимъ голосомъ сказалъ двѣмъ: «посмотрите на нее и вспомните ея правила, которыми она учила васъ во всемъ соблюдать порядокъ и благочиніе. Божественная она душа одно время назначила намъ для слезъ, повелѣвая намъ это дѣлать во время молитвы: это и можно исполнить теперь, измѣнивъ слезныя рыданія въ соотвѣтственное имъ псалмопѣніе.» Это я сказалъ громкимъ голосомъ, чтобы заглушить крикъ плачущихъ. Потомъ приказалъ, чтобъ онѣ на нѣсколько времени ушли въ ближайшій домъ, оставивъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, услугами коихъ она пользовалась въ жизни.

Въ числѣ ихъ была одна изъ благородныхъ женщинъ, которая славилась въ юности бо-

гатствомъ, происхожденіемъ, красотою тѣлесною и прочими достоинствами. Она, вышедши замужъ за одного достойнаго человѣка, жила съ нимъ вмѣстѣ короткое время, освободившись отъ супружества еще въ молодыхъ лѣтахъ, и избравши стражемъ и руководителемъ своего вдовства великую Макрину, долго жила вмѣстѣ съ дѣвами учась у нихъ добродѣтельной жизни. Имя этой женщины Ветіана; отецъ ея былъ одинъ изъ числа членовъ верховнаго совѣта. Ей я сказалъ: теперь не будетъ предосудительно возложить на это тѣло болѣе свѣтлыя украшенія, облечь сію чистую и непорочную плоть въ свѣтлыя одежды. Но она отвѣчала, что нужно напередъ узнать, что святая въ этомъ случаѣ одобряла; ибо совершенно неприлично съ нашей стороны дѣлать что-нибудь противъ ея желанія; но конечно все, что приятно и угодно Богу, и ей такъ же будетъ пріятно.

Была одна начальница надъ хоромъ дѣвиць, имѣющая степень діакоисы, именемъ Лампадія. Она сказала, что вѣрно знаетъ ея распоряженіе относительно погребенія. Когда же я спросилъ ее объ этомъ, (потому что она присутствовала при совѣщаніи), сказала со слезами: «украшеніе о которомъ заботилась святая была чистая жизнь; это было убранство ея и во время жизни и есть одѣяніе ея по смерти. Что же касается до тѣлесныхъ

украшеній, то она ни во время жизни не употребляла ихъ, ни для настоящей нужды не заготовила; посему хотя бы мы и желали, ничего сдѣлать не можемъ, потому что нѣтъ ничего заготовленнаго для этой цѣли.» Но нельзя ли найти чего-нибудь въ кладовыхъ, сказалъ я, что могло бы послужить для украшенія ея тѣла при выносѣ? «О какихъ кладовыхъ, сказала она, говоришь ты? Все сбереженное ею ты имѣешь въ рукахъ. Вотъ одежда, вотъ головной покровъ, вотъ истертая сандалин: это ея богатство, это ея имущество; кромѣ того, что здѣсь видимъ, нигдѣ нѣтъ ничего въ сокровенныхъ мѣстахъ, ничего запертаго въ какихъ-либо сундукахъ или кладовыхъ; одно знала она мѣсто для храненія своего богатства,—сокровищницу небесную: туда все она полагала, на землѣ же не оставляла ничего.» А что, сказалъ я ей, если я принесу что-либо изъ приготовленнаго мною на погребеніе; ужели и это будетъ ей непріятно? «Не думаю, чтобъ это было противно ея желанію, сказала она; ибо и при жизни своей она не отвергала такой чести отъ тебя, по двумъ причинамъ: по чтимому ею всегда священству и по естественному родству; принадлежащее брату она не почитала чужимъ для себя, потому и заповѣдала тебѣ убрать тѣло ея своими руками.»

Когда же это было одобрено и оное свя-

щевное тѣло должно было покрыть одеждою, мы раздѣляя между собою сіе занятіе придумывали одинъ то, другой другое. Я приказалъ одному изъ своихъ привести одежду, а упомянутая Ветіана, убирая своими руками оную святую главу, когда коснулась рукою шеи, взглянувъ на меня сказала: «вотъ какое украшеніе висѣло на шеѣ святой», и съ этими словами развязавъ сзади узелъ, протягиваетъ руку и показываетъ намъ желѣзный крестъ и нѣкоторый перстень изъ того же вещества; оба привѣшенные на тонкомъ, волосяномъ шнуркѣ, всегда находились у ея сердца. «Раздѣлимъ это пріобрѣтеніе между собою, сказалъ я, ты возьми себѣ спасительный крестъ, а для меня достаточно въ наследство сего перстня, потому что и на печати его изображенъ такъ же крестъ.» Внимательно посмотрѣвъ на перстень сія жена говоритъ ко мнѣ опять: «ты не ошибся въ выборѣ оставшагося имѣнія, ибо перстень подъ камнемъ имѣетъ углубленіе, въ которомъ сокрыта часть животворящаго древа и такимъ образомъ сверху лежащая печать своимъ изображеніемъ указываетъ на то, что лежитъ подъ нею.»

Когда пришло время облекать чистое тѣло одеждою, а завѣщаніе сей великой вмѣнило въ обязанность исполнить сіе служеніе мнѣ, то присутствовавшая при этомъ дѣлѣ и помо-

гавшая,—та, которая раздѣлила вмѣстѣ съ нами оное великое наслѣдство, говорить: «не пропусти безъ вниманія величія дивныхъ дѣлъ, совершенныхъ святою». Что такое?—сказалъ я. Она обнаживши нѣкоторую часть груди, сказала: «видишь этотъ малый и едва замѣтный подъ кожицею знакъ: онъ подобенъ уколу. сдѣланному тонкою иглою»,—и вмѣстѣ съ симъ придвинула свѣтильникъ къ указываемому мѣсту. «Что же, сказалъ я, удивительнаго, если на этой части тѣла остался незамѣтный знакъ отъ какого нибудь укола?»—«Это, сказала она, осталось на тѣлѣ въ память великой помощи Божіей, ибо однажды когда появилась на этой части тѣла болѣзненная опухоль и угрожала опасностью разрѣзать эту опухоль, иначе болѣзнь сія вполне и совершенно обратилась бы въ неисцѣльную, если бы дошла до близкихъ сердцу мѣстъ, то мать, говорить, долго просила и умоляла ее воспользоваться пособіемъ врача, такъ какъ и это искусство, говорить она, дано Богомъ на пользу людямъ. Но она, считая обнаженіе какой нибудь части тѣла предъ чужими глазами болѣзненнѣе самой болѣзни, по наступленіи вечера, когда исполнила обычное служеніе своими руками матери, удалившись въ святой храмъ, всю ночь принадлежитъ съ молитвою къ Богу цѣлителью и текущую изъ глазъ воу, смѣшавъ съ землею. — сію

слезную грязь употребляетъ вмѣсто лѣкарства противъ своей болѣзни, когда же мать скорбѣла духомъ и снова просила ее прибѣгнуть къ врачу, она сказала, что достаточно для ней будетъ того лѣкарства противъ болѣзни, если мать своею рукою оградитъ мѣсто больное святымъ знаменіемъ. Какъ скоро мать вложила свою руку въ нѣдра ея, чтобъ оградить эту часть крестнымъ знаменіемъ, болѣзнь, по совершеніи сего знаменія, исчезла. Но сей малый знакъ тогда же явился на мѣстѣ страшной опухоли, и до конца жизни оставался, для того, какъ я думаю, чтобъ онъ былъ памятнымъ знакомъ божественнаго посѣщенія, служа поводомъ и побужденіемъ къ непрестанному благодаренію Бога.»

Когда же мы окончили свои попеченія, и чѣмъ было можно, украсили тѣло. оная діаконисса сказала: «не прилично ей, украшенной на подобіе невѣсты лежать открыто предъ глазами дѣвицъ: но, говорить, хранится у меня темнаго цвѣта одежда вашей матери; ею, я думаю, хорошо покрыть тѣло сверху, дабы священная сія красота не блистала чуждыми ей украшениями одежды.» Мнѣніе сіе было принято,—и покровъ былъ возложенъ; но она сіяла и подъ темнымъ покровомъ, поелку божественная, какъ думаю. сила даровала и эту благодать ея тѣлу, такъ что согласна съ мончъ видѣніемъ во свѣ. нѣкто-

рые свѣтлыя лучи, казалось, исходили отъ ея красоты.

Между тѣмъ какъ мы занимались этимъ, и соединенныя съ плачемъ псалмопѣнія дѣвъ оглашали мѣсто: не знаю какимъ образомъ, слухъ о семъ вдругъ распространился по всѣмъ окрестностямъ и всѣ ближніе жители собрались въ это мѣсто, такъ что дворъ не могъ помѣстить всѣхъ сбѣжавшихся. Вся ночь, какъ въ праздники мучениковъ, проведена была около нея въ псалмопѣніяхъ; съ наступленіемъ же утра, множество мужей и женъ, собравшихся со всей окрестности, своими воплями заглушали псалмопѣніе. Но я какъ ни былъ разстроены духомъ отъ сего несчастія, однакожь сколько могъ позаботился, чтобы сіе погребене совершилось по возможности вполнѣ благоприлично. Итакъ разставивъ собравшійся народъ по поламъ, и помѣстивъ женщинъ, при хорѣ дѣвъ, а мужчинъ при сонмѣ монаховъ, я изъ тѣхъ и другихъ устроилъ одинъ согласный и стройный, какъ бываетъ въ собраніи пѣвцевъ, хоръ для псалмопѣнія, которое состояло въ общемъ благоприличномъ пѣвѣи всѣхъ. Поелику же день постепенно подвигался впередъ, и все мѣсто пустыни становилось тѣснымъ отъ множества прибывшихъ; то начальствующій въ тѣхъ мѣстахъ Епископъ, именовъ Араксій (ибо и онъ прибылъ со всѣмъ своимъ священнымъ клиромъ) прика-

залъ нести погребальныи одръ медленно, поелику и разстояніе, которое нужно было пройти, велико и народъ будетъ препятствовать болѣе поспѣшному движенію; и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ всѣхъ своихъ священно-служителей, чтобъ они несли тѣло. Когда это было принято съ любовію, я поднявши одръ съ одной стороны, другую предложилъ поддерживать ему, остальные задніе края одра подняли на себя два другіе почтенные въ клирѣ мужа. Такимъ образомъ двинулось впередъ погребальное шествіе, какъ слѣдовало; но мы подвигались медленно, потому что народъ во множествѣ тѣснился около гроба; и такъ какъ всѣ какъ бы не могли достаточно насытиться этимъ священнымъ зрѣлищемъ, то ускорять шествіе намъ было неудобно. Съ той и другой стороны сопровождало гробъ не малое число діаконовъ и служителей, которые шли въ порядкѣ около одра всѣ съ зажженными восковыми свѣчами. Все это представляло нѣкое таинственное шествіе: потому что всѣми, отъ первыхъ до послѣднихъ, единогласно совершалось псалмопѣніе, какъ въ пѣснопѣніи трехъ отроковъ. Такъ какъ разстояніе отъ пустыни до храма святыхъ мучениковъ, гдѣ почивали тѣла ея родителей, было около семи или осьми стадій; то почти весь день проведенъ былъ въ семь шествій; потому что народъ сошедшійся и постоянно

вновь прибывающій не дозволилъ намъ совершить предстоящій путь, какъ мы думали. Когда мы наконецъ пришли въ храмъ, то сложивъ одръ, прежде всего обратились къ молитвѣ; но молитва сія послужила народу поводомъ къ плачу. Ибо по прекращеніи псалмопѣнія, когда дѣвы взглянули на священное оное лицо и открытъ былъ гробъ родителей, гдѣ рѣшено было положить ее, когда одна изъ нихъ въ смятеніи возопила, что послѣ сего часа мы уже болѣе не будемъ зрѣть ея божественное лицо, а вмѣстѣ съ нею возопили такъ же и прочія дѣвы: тогда за стройнымъ и священнодѣпнымъ псалмопѣніемъ послѣдовало беспорядочное смятеніе, потому что къ рыданіямъ дѣвъ всѣ присоединили свой плачь. Когда же мы съ трудомъ склонили ихъ къ молчанію, діаконъ началъ молитву и громко произнесъ обычныя церковныя прошенія, тогда только возстановилось молитвенное благочиніе народа.

Послѣ того какъ молитва была должнымъ образомъ окончена, на меня нападаетъ нѣкоторый страхъ, (какъ бы не нарушигь) божественной заповѣди, воспреещающей открывать срамоту отца или матери (Левит. 18, 7.). Какъ, говорю я, избѣгну сего осужденія, увидя въ тѣлахъ родителей общее человѣческой природѣ безобразіе, поелику онѣ, какъ вѣроятно, распались, разрушились и измѣни-

лись въ отвратительное и непріятное безобразіе. Но когда я такъ разсуждалъ и негодованіе Ноя на своего сына еще болѣе наводило страха (Быт. 9, 25); та же исторія Ноя и дала мнѣ совѣтъ, что нужно дѣлать.

Итакъ прежде нежели тѣла явились очамъ нашимъ, онѣ были покрыты чистымъ полотномъ, которое было подложено подъ приподнятую крышку съ той и другой стороны. Такимъ образомъ послѣ того, какъ тѣла были покрыты полотномъ я и упомянутый мѣстный епископъ, взявши съ одра оное священное тѣло, положили подлѣ матери, исполняя общее желаніе обѣихъ; ибо обѣ онѣ единодушно во всю жизнь просили Бога о томъ, чтобы тѣла ихъ по смерти были соединены между собою, и чтобы то общеніе по жизни, которое существовало между ними въ жизни, не было расторгнуто и по смерти.

Когда же все обычное при погребеніи было исполнено, и намъ должно было отираться въ обратный путь, я припавъ къ гробу и поцѣловавъ прахъ, пошелъ опять въ путь съ скорбію и слезами размышляя, сколь великаго блага лишился въ жизни. На возвратномъ пути одинъ мужъ, извѣстный между военными, имѣющій воинское начальство въ одномъ Понтійскомъ городкѣ, которому имя Севастополь, жившій тамъ вмѣстѣ съ своими подчиненными, любезно вышелъ на

встрѣчу, когда я находился вблизи сего городка. Услышавъ о семъ несчастіи и будучи пораженъ имъ (ибо былъ близокъ къ намъ, по связи родства и дружбы) онъ передалъ мнѣ рассказъ о чудѣ совершеннымъ ею, который одинъ только записать въ сію исторію, затѣмъ окончу свое повѣствованіе. Когда мы перестали плакать и вступили въ бесѣду: «послушай, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, какое и сколь великое благо переселилось изъ сей жизни.» Сказавъ сіе, онъ такимъ образомъ начинаетъ свой рассказъ.

«Появилось у насъ, то-есть у меня и моей жены, однажды сильное желаніе посѣтить училище добродѣтели; ибо такъ говоритъ, я думаю, должно называть то мѣсто, гдѣ жила оная блаженная душа. Съ нами вмѣстѣ была и маленькая дочь, у которой отъ заразительной болѣзни случилось несчастіе съ глазомъ, такъ что весьма непріятно и жалко было смотрѣть на нее; потому что около самаго зрачка выросла оболочка и отъ болѣзни образовалось бѣльмо. Когда мы вошли внутрь онаго божественнаго жилища, то я и супруга моя, при посѣщеніи занимающихся любомудріемъ въ семь мѣстѣ, были раздѣлены соотвѣственно полу; я былъ въ мужскомъ отдѣленіи, гдѣ былъ настоятелемъ братъ твой Петръ, а она, находясь въ женскомъ отдѣленіи, была вмѣстѣ со святою. Когда между тѣмъ прошло

достаточно времени, мы разсудили, что пора уже отправиться назадъ изъ пустыни. Наконецъ когда уже мы собрались въ путь, дѣлается намъ любезное приглашеніе съ той и другой стороны. Братъ твой приказываетъ мнѣ остаться и раздѣлить трапезу любомудрія, а блаженная не отпускаетъ жену, но держа въ объятіяхъ дочь, говоритъ, что не отдастъ ее прежде, пока не предложитъ имъ трапезы и не угоститъ ихъ богатствомъ любомудрія. Потомъ, когда цѣлуя дочь и прикасаясь устами къ глазамъ ея, увидала бѣльмо на зрачкѣ, говоритъ: «если вы окажете мнѣ сію милость, раздѣлите съ нами трапезу, то я воздамъ вамъ за это награду, не недостойную такой чести. Когда же мать дитяти спросила: «какую же это награду?—говоритъ великая: «у меня есть лѣкарство, которое можетъ исцѣлить сію глазную болѣзнь. Когда сверхъ того извѣстіе объ этомъ изъ женскихъ покоевъ дошло до меня, и я узналъ о такомъ обѣщаніи, мы съ радостію остались, не заботясь уже о настоятельной необходимости отправиться въ обратный путь.

Когда угощеніе окончилось, и желаніе наше исполнилось, — меня угощалъ самъ великій Петръ своими руками и услаждалъ своими бесѣдами, а святая Макрина со всѣмъ благоприличнымъ радушіемъ отпустила мою жену: мы съ радостію и веселіемъ отправились въ об-

ратный путь; рассказывали дорогою другъ другу, какъ каждый провелъ время. Я рассказывалъ, что видѣлъ и что слышалъ въ мужскомъ отдѣленіи, а она рассказывая обо всемъ порознь, какъ бы въ исторіи, считала долгомъ не пропустить ничего,—даже самой мелочи. Когда передавая обо всемъ по порядку, какъ по-связно написанному сочиненію, дошла до того времени, когда было обѣщано врачество противъ глаза,—вдругъ прервала рассказъ. «Что же это мы сдѣлали? Какъ оставили безъ вниманія ея обѣщаніе и не позаботились объ обѣщанномъ намъ лѣкарствѣ,—глазной мази? Когда и я такъ же негодовалъ на такое нерадѣніе и приказалъ одному бѣжать скорѣе за лѣкарствомъ, дитя, находившееся въ то время на рукахъ кормилицы случайно смотритъ на мать; мать, такъ же посмотрѣвши пристально на глаза ея, говоритъ: «перестань досадовать на нерадѣніе», произнося это отъ радости и удивленія громкимъ голосомъ. «Ибо вотъ все, что она обѣщала намъ, исполнено; истинное ея лѣкарство, цѣлебное противъ болѣзней, которое состоитъ во врачеваніи молитвами, она дала намъ, и оно оказалось уже дѣйствительнымъ, такъ что не осталось ни малѣйшаго признака болѣзни на глазѣ, ставшемъ свѣтлымъ отъ онаго божественнаго врачевства.» Сказавъ это, она вмѣстѣ съ тѣмъ обняла дочь и передала въ

мои руки. Тогда я, обратившись мыслию къ отвергаемымъ невѣриемъ чудесамъ Евангельскимъ, сказалъ: «что удивительнаго, если рукою Божію подавалось зрѣніе слѣпымъ, когда въ наше время раба его, совершая оныя изцѣленія вѣрою въ Него, содѣлала дѣло, немного меньшее оныхъ чудесъ?»

Между тѣмъ какъ онъ это говорилъ, голосъ его прерывали рыданія, и слезы струились при семъ разсказѣ изъ глазъ его. Вотъ что передалъ мнѣ военачальникъ. Другія же симъ подобныя чудеса, о которыхъ мы слышали отъ жившихъ вмѣстѣ съ нею и вѣрно знающихъ всю жизнь ея, я не считаю безопаснымъ присовокуплять къ сему повѣствованію; ибо многіе люди опредѣляютъ достовѣрность того, о чемъ имъ говорятъ, мѣрою своихъ силъ, а что превышаетъ силы слушающаго, того не считаютъ за истину и оскорбляютъ подозрѣніемъ во лжи. Посему, я опускаю оное невѣроятное явленіе въ земледѣліи во время неурожая, — какъ хлѣбъ, выдаваемыйъ бѣднымъ, не терпѣлъ никакого чувствительнаго уменьшенія, но оставался въ томъ же количествѣ, въ какомъ былъ до раздачи его на потребу просящимъ. Оупущу за симъ и другія, еще болѣе сего необычайныя дѣла, какъ-то: изцѣленія болѣзней, изгнанія бѣсовъ и вѣрныя предсказанія будущаго. Все это для тѣхъ, которымъ точно сіе извѣстно, есть несомнѣн-

ная истина, хотя и кажется невѣроятнымъ; для людей же болѣе плотяныхъ представляется невозможнымъ; потому что они не знаютъ, что по мѣрѣ вѣры бываетъ и раздаяніе дарованій: малое,—маловѣрнымъ; великое,—имѣющимъ въ себѣ великую пріемлемость вѣры. Итакъ, чтобы невѣрующіе не потерпѣли вреда, не вѣря въ дарованія Божіи, я по этой причинѣ отказываюсь описывать по порядку еще большія чудеса ея, почитая достаточнымъ ограничить исторію объ ней сказаннымъ.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

МЕЛЕТНУ ВЕЛИКОМУ, ЕПИСКОПУ АНТИОХІЙСКОМУ.

Къ числу апостоловъ присоединился у насъ новый апостолъ, сопричтенный апостоламъ, ибо святыя привлекли къ себѣ подобнаго имъ по нравамъ, подвижники—подвижника, вѣнчаные—вѣнчаннаго, чистые сердцемъ—непорочнаго по душѣ, служители слова—провозвѣстника слова. Достоублажаемъ нашъ отецъ, пребывающій теперь вмѣстѣ съ Апостолами и востекши ко Христу, но мы достойны сожалѣнія; ибо преждевременность сиротства нашего не позволяетъ намъ говорить о блаженной долѣ отца. Для него было несравненно лучше разрѣшиться и со Христомъ быть (Филип. 1, 23); но для насъ тяжело лишиться отеческаго руководства. Ибо въ настоящее время необходимо совѣтъ, а совѣтникъ молчитъ. Брань вокругъ насъ, брань съ еретиками, а военачальника нѣтъ. Всѣ тѣло церкви страдаетъ отъ болѣзней, а врача не находимъ. Видите, въ

какомъ положеніи наши дѣла! Какъ бы я желалъ, преодолевши, если бы то было возможно, свою немощь, вмѣстѣ съ тѣмъ возвыситься надъ тяжелымъ несчастіемъ и изречь слово, вполне достойное такой утраты, подобно тому, какъ содѣлали сіе эти доблестные мужи, вслеглибно оплакавшіе несчастіе потери отца ¹⁾. Но я что сдѣлаю? Какъ могу принудить на служеніе слову свой языкъ, скованный несчастіемъ, какъ бы какими тяжелыми узами? какъ отверзу уста, пораженныя безмолвіемъ? Какъ подамъ голосъ, обыкновенно ослабѣвающій отъ скорби и слезъ? Могу ли зрѣть очами душевными, покрытый мракомъ несчастія? Кто разсѣветъ это густое и темное облако печали и съ небесъ явитъ мнѣ опять свѣтлый лучъ мира? Да и откуда возсіяетъ этотъ лучъ, когда свѣтло сокрылось отъ насъ? О, несчастная темная ночь, не подающая надежды на восхожденіе свѣтила? Какая противоположность у насъ въ настоящемъ мѣстѣ между рѣчами прежними и нынѣшними! Тогда мы торжествовали какъ бы на брачномъ пирѣ; теперь же жалостно стенаемъ отъ горести; тогда пѣли брачную пѣснь, теперь поемъ надгробную. Ибо вы помните тотъ день, когда мы праздновали съ вами духовный бракъ,

¹⁾ Св. Григорій вѣроятно разумѣетъ здѣсь предыдущихъ проповѣдниковъ, также произносившихъ надгробныя слова св. Мелетію.

вводя въ домъ къ прескрасному жениху дѣву, и предлагали словесные дары по мѣрѣ силъ нашихъ, взаимно увеселяя и увеселяясь, а нынѣ въ плачь превратилась наша радость и одежда веселія стала вретисцмъ. Не лучше ли было бы умолчать о несчастіи и молчаніемъ скрыть въ сердцѣ страданіе, дабы, не имѣя свѣтлаго брачнаго одѣянія, не произнося мрачныя слова печали, не поразить скорбію сыновъ чертога брачнаго? Послѣ того какъ взять отъ насъ прекрасный женихъ, мы всѣ неожиданно омрачились скорбію и неприлично вести свѣтлую рѣчь, когда зависть (лукаваго) лишила насъ нашего прекраснаго украшенія. Къ вамъ мы пришли исполненные благъ, отъ васъ уходимъ нагими и нищими. Мы имѣли свѣтильникъ высокопоставленный надъ нами, сіявшій обильнымъ свѣтомъ: теперь уносимъ его погасшимъ, блескъ его превратился въ дымъ и пепель. Мы имѣли сіе великое сокровище въ скудельномъ сосудѣ; но сокровище сіе сокровилось отъ нашихъ взоровъ; а скудельный сосудъ, лишенный богатства, сохраняется для тѣхъ, которые дали его. Что скажемъ мы, отпустившіе это сокровище? Какой отвѣтъ дадутъ тѣ, у кого потребуютъ его? О, несчастное кораблекрушеніе! Какимъ образомъ, находясь среди пристани, потеряли мы крушеніе нашей надежды? Какъ корабль, нагруженный безчисленными богат-

ствами, потонувшій отъ самаго своего груза, насъ, нѣкогда бывшихъ богатыми, оставилъ нами? Гдѣ то свѣтлое вѣтрило, которымъ управлялъ всегда Духъ Святой? Гдѣ то надежное кормило душъ нашихъ, благодаря которому мы безбѣдно плыли среди тревожной еретическихъ? Гдѣ тотъ неподвижный якорь нашихъ мыслей, держась за который мы съ совершенной безопасностью отдыхали послѣ трудовъ? Гдѣ превосходный кормчій, направлявшій корабль къ высокой цѣли? Уже ли незначительно все случившееся и я напрасно предаюсь печали? Или, скорѣе, я не въ состояннн въполнѣ изобразить скорбь, какъ бы ни возвышалъ своего голоса, говоря объ этомъ? Плачьте вмѣстѣ съ нами, братіе, плачьте слезами состраданія. Ибо когда вы радовались, и мы раздѣляли вашу радость, теперь и вы окажите намъ эту взаимно-печальную услугу. *Радоватися съ радующимися*: это сдѣлали мы; *плакати съ плачущими* (Рим. 12, 15): это воздайте намъ вы. Нѣкогда чуждый народъ плакалъ по патріархѣ Іаковѣ и чужое горе привялъ къ сердцу, какъ свое, когда дѣти его, вынося отца своего изъ Египта, всенародно оплакивали смерть его на чужбинѣ и продолжали свой плачь по немъ тридцать дней и столько же ночей (Быт. 50, 3. 10. 11). Братья и соплеменники, подражайте иноплеменникамъ. Плакали тогда вмѣстѣ и пришель-

цы и туземцы; пусть будетъ общій плачь и нынѣ, такъ какъ и несчастье у насъ общее. Посмотрите на этихъ патріарховъ: все это сыновья нашего Іакова: всѣ они произошли *отъ свободныхъ* (Гал 4, 22—24); нѣтъ ни одного изъ нихъ незаконнорожденнаго и подметнаго: ибо не позволительно было ему вводить въ благородство вѣры поколѣніе рабыни. Но онъ былъ вмѣстѣ и нашъ отецъ, потому что былъ отцемъ нашего отца.

Вы слышали недавно, какъ Ефремъ и Манассія рассказывали о подвигахъ отца нашего столь великихъ и многочисленныхъ, что не доставало словъ для изображенія его дивныхъ дѣлъ. Позвольте и мнѣ сказать о нихъ слово: потому что теперь нѣтъ опасности прославлять его; теперь я не боюсь зависти; ибо какой еще вредъ она сдѣлаетъ мнѣ. Итакъ узнайте теперь, что это былъ за мужъ. Благородный *отъ востока солнца, непороченъ, праведенъ, истиненъ, богочестивъ, удаляйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. 1, 1); ибо не возревнуетъ великій Іовъ, если къ подражателю его отнесемъ тѣ прекрасныя свойства, которыя приписываются ему свидѣтельствомъ слова Божія. Но завистникъ, злобно смотрящій на все прекрасное, съ недоброжелательствомъ взглянулъ и на наше благо и, обошедши вселенную, пришелъ и къ намъ и внесъ скорбь въ среду нашего благополучія. Не стада воловъ

и овецъ погубилъ онъ, если только, по таинственному смыслу. мы не станемъ разумѣть подъ именемъ стада церковь; не въ этомъ повредилъ намъ завистникъ, и не въ ослахъ и верблюдахъ мы потерпѣли ущербъ; даже и не раною тѣла онъ огорчилъ наши чувства, но лишилъ насъ главы; а съ главою лишились мы благороднѣйшихъ органовъ нашихъ чувствъ. Нѣтъ болѣе очей, созерцающихъ небесное: нѣтъ болѣе слуха, внимающаго Божественному гласу и этого языка, посвященнаго чистой истинѣ! Гдѣ то привлекательное спокойствіе взора? Гдѣ та свѣтлая улыбка устъ? Гдѣ та привѣтливая десница, которая съ благословеніемъ на устахъ приводила въ движеніе и слагала персты.

Но я вынуждаюсь предъ всѣми торжественно провозгласить о нашемъ несчастіи. Мнѣ жаль тебя, церковь; къ тебѣ обращаюсь, городъ Антіоха. Соболезную съ тобою о такой внезапной переменѣ. Какъ лишился ты красоты? Какъ отвято у тебя украшеніе? Какъ неожиданно исчезъ твой цвѣтъ? Подлинно *изшиѣ трава, и цветъ отпаде* (Исаія, 40, 7). Какой недобрый глазъ, какая злая зависть устремилась на эту церковь? Что было и что стало? Изякъ источникъ; высохла рѣка; опять въ кровь превратилась вода. О, ужасная вѣсть, возвѣстившая церкви страданіе! Кто скажетъ дѣтямъ, что они осиротѣли? Кто воз-

вѣстить невѣстѣ, что она содѣлалась вдовою? О несчастіе! Что препослали они и что получаютъ? Препослали ковчегъ и получаютъ гробъ. Братіе! ковчегомъ былъ этотъ Божій человѣкъ,—ковчегомъ, вмѣщающимъ въ себѣ божественныя тайны. Здѣсь была стамна золотая, полная божественной манны, полная небесной пищи; въ немъ скрижали Завета, написанныя на скрижаляхъ сердца Духомъ живаго Бога, а не чернилами; ибо въ чистомъ сердцѣ его не было напечатлѣно ни одного темнаго и мрачнаго помышленія; въ немъ были столпы, основанія, верхнія украшенія, кадильница, свѣщникъ, очистилище, умывальники, завѣсы входовъ; въ немъ жезлъ священства, прозябшій въ рукахъ его. И если, какъ знаемъ мы, въ ковчегѣ заключалось и нѣчто другое, то и это все сокрывалось въ душѣ сего мужа.

Но вмѣсто всего этого, что у насъ теперь? Да умолкнетъ наше слово. Чистыя плащаницы и шелковые покровы, изобиліе муръ и ароматовъ—щедрый даръ жены почтенной и знаменитой. Да будетъ позволено выразить желаніе, чтобы и ей было во свидѣтельство то, что она сдѣлала для святителя, изливши изобильно алавастръ муръ на главу святительскую. Но что сохраняется въ сихъ плащаницахъ? Мертвыя кости, которыя и прежде смерти приучены были къ мертвенно-

сти, печальный памятникъ нашихъ несчастій. О, какой вопль опять услышится въ Рамѣ. Рахиль плачетъ не о дѣтяхъ своихъ, а о мужѣ и не хочетъ утѣшиться. Оставьте меня, утѣшающіе, оставьте! Не старайтесь утѣшить меня. Пусть горько рыдаетъ вдова. Пусть чувствуетъ она ту потерю, которую испытала, хотя она и не была неприготовлена къ разлукѣ, еще прежде привыкши переносить уединеніе во время подвиговъ сего подвижника. Вы конечно помните, какъ слово, прежде нашего сказанное, раскрывало вамъ подвиги сего мужа; какъ онъ, воздавая всякаго рода честь святой Троицѣ, почтилъ ее и числомъ подвиговъ, выдержавши три прираженія искушеній. Вы слышали послѣдовательный разсказъ о трудахъ его, какимъ онъ былъ при началѣ ихъ, какимъ въ продолженіи и какимъ при окончаніи. Повтореніе столь хорошо сказаннаго признаю излишнимъ. Но вотъ о чемъ сказать можетъ быть безвременно. Когда она честная церковь въ первый разъ увидѣла сего мужа, то видѣла въ немъ лице, по истинѣ созданное по образу Божію: видѣла любовь текущую, подобно источнику; видѣла благодать исходящую изъ усть; самую высокую степень смиренія, выше которой ничего и представить нельзя; видѣла кротость Давида, разумъ Соломона, благость Моисея, справедливость Самуила, цѣломудріе Юсифа, мудрость Даніила,

ревность по вѣрѣ великаго Или, чистоту тѣла великаго Иоанна, непобѣдимую любовь Павла, увидѣла собраніе такихъ добродѣтелей въ одной душѣ. Блаженною любовію къ нему была уязвлена церковь его, возлюбившая жениха своего любовію чистою и благою. Но прежде чѣмъ исполнилось желаніе, прежде нежели успокоилось влеченіе, она, еще пылавшая любовію, оставляется одна, потому что искушенія призывали борца на подвиги. И онъ подвизался за благочестіе до пога; она же, сохраняя бракъ, пребывала въ цѣломудріи. Много прошло времени, и нѣкто прелюбодѣйно коснулся чистаго ложа. Но невѣста пребывала чистою, и опять слѣдовало возвращеніе и снова изгнаніе. Тоже случилось и въ третій разъ, пока Господь, разсѣявъ еретическій мракъ и пославъ лучъ мира, не далъ надежды на нѣкоторый отдыхъ отъ великихъ трудовъ. Но послѣ того какъ они увидѣли другъ друга и возобновилась ихъ цѣломудренная любовь и духовныя радости и опять воспламенилась страсть, сія послѣдняя разлука внезапно пресѣкаетъ эту утѣху.

Онъ пришелъ, чтобы украсить васъ какъ невѣсту и не напрасны были его труды. На прекрасную чету онъ возложилъ вѣнцы благословенія. Онъ подражалъ Владыкѣ. Какъ Господь творить въ Канѣ Галилейской, такъ и здѣсь, подражатель Христовъ; ибо іудейскіе

сосуды, исполненные еретической воды, онъ наполнилъ цѣльнымъ виномъ, силою вѣры претворивъ естество; часто предлагалъ онъ вамъ трезвенную чашу, сладкимъ своимъ голосомъ обильно изливая вамъ благодать; часто предлагалъ вамъ словесное пиршество. Благословляя онъ шелъ впереди всѣхъ, а сіи вѣрные ученики служили народу, изъясняя его слова. И мы радовались, почитая славу вашего рода своею собственною. Какъ прекрасно то, о чемъ повѣствовали мы доселѣ, какъ хорошо было бы заключить этимъ наше слово! Но что слѣдуетъ за симъ? *Призовите плачевницу* (Иер. 9, 17), говоритъ Іеремія; ибо иначе невозможно успокоить пылающее сердце, переполненное страданіемъ, если не облегчишь его стenanіями и слезами. Тогда разлуку улаждала надежда на возвращеніе; теперь же разлучился онъ съ нами послѣднею разлукою: пропасть великая утвердилась между имъ и церковью; онъ покоится въ нѣдрахъ Авраама, а человекъ, который принесъ бы каплю воды, чтобы устудить языкъ скорбящихъ, нѣтъ! Погибла красота сія, смолкъ голосъ, сомкнулись уста, отлетѣла благодать; счастье сдѣлалось разсказомъ (о прошломъ). Причинилъ нѣкогда скорбь и народу Израильскому Ілія, возлетѣвъ отъ земли къ Богу; но тогда вознаградилъ за разлуку Елиссей, украшенный милотію учителя; нынѣ же рана

не поддается уврачеванію; потому что и Илія взять и Елиссея не осталось. Обратите вниманіе на нѣкоторыя печальныя и плачевныя возгласенія Іереміи, которыми онъ оплакиваетъ опустошенный городъ Іерусалимъ; среди многаго другаго, чѣмъ выражаетъ свою скорбь, онъ говоритъ слѣдующее: *пути Сіона рыдаютъ* (Плач. 1, 4). Что сказано было тогда, то исполнилось и нынѣ. Ибо когда распространится молва о несчастіи, тогда наполнятся пути плачущими и потекутъ по нимъ насомые имъ, подражая воплю Ниневитянъ въ несчастіи. Но у нихъ скорбь болѣзненнѣе, чѣмъ у сихъ послѣднихъ. Ибо рыданія однихъ избавили отъ страха, слезы же другихъ не даютъ никакой надежды избавиться отъ несчастія. Знаю еще и другія слова Іереміи, изъ его пѣснопѣнія, включеннаго въ книгу Псалмовъ и составленнаго по поводу плѣненія Израиля; вотъ сін слова: *на вербѣхъ обьсизохъ органы наши* (Пс. 136, 2.), осудивши на молчаніе и себя и свои орудія музыкальныя. Эту пѣснь я считаю своей собственной. Ибо когда вижу еретическое смѣшеніе (Вавилонъ значитъ смѣшеніе), и когда вижу искушенія, проистекающія отъ этого смѣшенія; то я называю это самое рѣками Вавилонскими, сидя близь которыхъ мы плачемъ, потому что не имѣемъ того, ктобъ перевелъ насъ чрезъ нихъ. Если скажешь объ ивахъ и висящихъ

на нихъ музыкальныхъ орудіяхъ, то и эта притча относится къ намъ; ибо по истинѣ ивами изображается наша жизнь; ива есть дерево безплодное, а у насъ исчезъ сладкій плодъ жизни. И такъ мы сдѣлались безплодными ивами, повѣсивъ на древахъ праздными и недвижимыми органы любви. *Аще забуду, говоритъ, тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя* (ст. 6.). Позвольте мнѣ нѣсколько измѣнить написанное, потому что не мы десницу, но десница забыла насъ. И языкъ, прильпнувъ къ его собственной гортани, преградилъ исходъ его рѣчи, дабы мы не услышали опять онаго сладкаго голоса. •

Но осушите мнѣ мои слезы; ибо чувствую, что, подобно женщинѣ, оплакиваю несчастье болѣе, нежели слѣдуетъ. Не отнять отъ насъ женихъ; онъ стоитъ посреди насъ, хотя мы и не видимъ его. Священникъ во святилищѣ, во внутреннѣйшемъ завѣсы, *идъ же предтеча вниде о насъ Христосъ* (Евр. 6, 20); онъ оставилъ завѣсу плоти; онъ не служитъ уже болѣе подобно и тѣни небеснаго, но взираетъ на самый образъ вещей; не чрезъ зеркало и гаданіе, но самолично ходатайствуетъ предъ Богомъ, ходатайствуетъ же за насъ и за грѣхъ невѣденія народа (Евр. 9, 7). Онъ сложилъ съ себя одежду кожаную (Быт. 3, 21); ибо тѣмъ, которые живутъ въ раю, нѣтъ нужды въ такого рода одеждахъ; но онъ укра-

силъ себя одеждами, которыя соткалъ чисто-тою жизни своей. *Честна предъ Господомъ смерть* его; лучше же сказать, — не смерть, но расторженіе узъ: ибо *растерзалъ еси*, говоритъ писаніе, *узы мол* (Пс. 105, 7). Отпущенъ Симеонъ, освободился отъ узъ тѣла; сѣтъ расторгнута, птица улетѣла. Онъ оставилъ Египеть, — эту вещественную жизнь; онъ перешелъ, но не то Черное море, а сіе мрачное и темное море жизни; онъ вошелъ въ землю обѣтованія; на горѣ любомудрствуетъ съ Богомъ; снялъ обувь души, дабы чистою стопою разумѣнія вступить на святую землю, гдѣ зрится Богъ. Братіе! имѣя такое утѣшеніе, вы, переносящіе кости Іосифа въ страну благословенія, выслушайте наставленіе Павла: *не скорбите якоже и прочіи, немилуяци утованія* (1 Солун. 4, 13). Скажите народу тому, повѣдайте добрыя вѣсти, возвѣстите необычайное чудо: какъ подобно морю отовсюду нахлынувшій безчисленный народъ составлялъ одну сплошную массу, подобно водѣ, обтекая торжественно несомы¹⁾ гробъ; какъ прекрасный Давидъ, раздѣливъ себя на многія части и виды, въ многочисленномъ строѣ, ликовалъ около скииніи среди людей, говорящихъ и иными, и однимъ съ нимъ языкомъ¹⁾;

¹⁾ Св. Григорій разумѣетъ здѣсь сонми священнослужителей, окружавшихъ гробъ св. Метегя

какъ огненныя рѣки съ той и съ другой стороны, текуція непрерывнымъ рядомъ свѣтильниковъ, разливались на необъятное для глаза пространство. Разскажите объ усердіи всего народа, о томъ какъ онъ раздѣлялъ честь съ Апостолами; какъ утиральники лица его раздѣлялись на части вѣрными, въ охраненіе себѣ. Пусть присовокупятъ къ разсказу и то, какъ царь сѣтуетъ о несчастіи и возстаетъ съ престола; какъ весь городъ стекается къ торжественному сопровожденію святаго. Утѣшайте другъ друга такими (рѣчами). Соломонъ хорошо врачуетъ печаль, ибо приказываетъ давать вино скорбящимъ (Прит. 31, 6), говоря это намъ, дѣлателямъ винограда. Итакъ дайте ваше вино скорбящимъ, не то, которое производитъ опьяненіе и помрачаетъ мысли и вредно дѣйствуетъ на тѣло, но то, которое веселитъ сердце и которое указалъ намъ пророкъ говоря: *вино веселитъ сердце человека* (Ис. 103, 15). Растворите его въ большемъ изобиліи и почерпайте наиболѣе вмѣстительными чашами духовнаго слова, такъ чтобы ваша скорбь опять обратилась въ радость и веселіе, благодатию Единороднаго Сына Божія, чрезъ Котораго слава Богу и Отцу во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конечно знали вы юную голубицу, воспитывавшуюся въ царскомъ гнѣздѣ, только что оперявшуюся блестящими перьями, но превзошедшую свой возрастъ прекрасными качествами,—какъ, покинувъ гнѣздо, удалилась, какъ улетѣла изъ глазъ нашихъ, какъ завистливая судьба внезапно похитила ее изъ рукъ нашихъ. Голубицею ли надлежитъ назвать ее, или только что распускавшимся цвѣткомъ, который еще не весь развернулся изъ своей почки, но отчасти уже зацвѣталъ, отчасти подавалъ надежду на блестящій цвѣтъ, и однакоже въ маломъ и несовершенномъ видѣ блисталъ превосходною красотою. Но этотъ цвѣтокъ внезапно увялъ не распустившись, и прежде чѣмъ достигъ зрѣлости, прежде чѣмъ распространилъ все благоуханіе, никѣмъ не сорванный и не употребленный на вѣнокъ—самъ опалъ около себя и сталъ прахомъ. На, прасно трудилась природа; была надежда на нѣчто совершенное, но завистливая коварная судьба, какъ бы какой мечъ, пресѣкла надежду. Подлинно, братіе, нѣкотораго рода землетрясеніемъ было случившееся, — землетрясеніемъ, жестокимъ не менѣе самыхъ тяжкихъ бѣдствій. Ибо не бездушную красоту зданій оно ниспровергло, и не блестящія картины или прекрасныя каменные зданія повергло на землю: но зданіе самой природы, блистающее красотою. удивительно сіяющее прелестями, разрушило это внезапное землетрясеніе.

Видѣлъ я и высокое древо, широко-вѣтвистую пальму (разумѣю царскую державу), царскими доблестями какъ бы нѣкоторыми вѣтвями возвышающуюся надъ всею вселенною и всеобъемлющую; видѣлъ какъ она владычествуя надъ прочимъ, но покорствуя природѣ склонялась къ утраченному цвѣтку. Видѣлъ и благородную вѣтвь, привитую къ пальмѣ, родившую намъ сей цвѣтокъ, — какія муки она перенесла въ другой разъ не въ тѣлѣ, а въ душѣ, когда отторгнуть былъ отъ нея сей отирыйскъ? Кто могъ безъ слезъ смотрѣть на это страданіе? Кто не оплакивалъ утрату жизни? Кто не прослезился при видѣ бѣдствія? Кто къ общимъ рыданіямъ не примѣшалъ и своихъ собственныхъ плачевныхъ воплей? Видѣлъ я зрѣлище, достовѣрности котораго не повѣрилъ бы тотъ, кто узналъ бы о семъ необыкновенномъ явленіи лишь по слуху. Я видѣлъ море людей; множество собравшихся, какъ бы какая вода, отовсюду представлялось взорамъ. Полонъ былъ храмъ, полно преддверіе храма, прилежащая площадь, улицы, боковыя, среднія, пошеречныя, пространныя поверхности кровель, — все, что можно окинуть взоромъ, было наполнено людьми, какъ будто вся вселенная стекалась вмѣстѣ по поводу онаго бѣдствія. А зрѣлищемъ, лежащимъ взорамъ всѣхъ, былъ священный оный цвѣтокъ, несомый на золотомъ одрѣ.

Какъ унылы были лица всѣхъ смотрящихъ! Какъ глаза наполнены слезами! Руки сжаты одна съ другою! Къ тому же стenanія показывающія сердечную муку! Не замѣчалъ я въ то время (можетъ быть также и другіе изъ присутствовавшихъ тогда), ни естественнаго блеска золота, ни сверканія драгоценныхъ камней и золотыхъ тканей, ни сіянія серебра, ни свѣта огня, много и въ изобиліи отовсюду разливаемаго множествомъ восковыхъ свѣтильниковъ, — все потемнѣло отъ печали, все принимало участіе въ общей скорби. Въ то время и великій Давидъ приспособлялъ свои пѣснопѣнія къ плачу, и, радостные лики замѣнивъ печальными и скорбными, вызывалъ слезы. Въ это время далеки были отъ души всякаго рода удовольствія; однѣ слезы доставляли людямъ удовольствіе.

И такъ, когда разумъ столько пораженъ печалію, благовременно было бы утомленную душу, сколько возможно, подкрѣпить совѣтами и размышленіями. Ибо не малая опасность, если мы не послушасмъ въ семъ случаѣ апостольскаго слова, подвергнуться осужденію вмѣстѣ съ *неимущими упованія* (1 Солун. 4, 13.). Апостоль, какъ мы то слышали недавно отъ читавшаго, учитъ, что не должно печалиться объ усопшихъ, поелику скорбь сія свойственна однимъ неимущимъ упованія. Но скажетъ, думаю; кто-нибудь изъ малодушныхъ, что

божественный Апостоль требует невозможнаго и предписаніями своими превышаетъ природу. Ибо возможно ли по природѣ преодолѣть страданія и не предаться скорби при такомъ зрѣлищѣ, когда не въ свое время, въ старости, приключилась смерть, но въ первомъ возрастѣ красота разрушена смертію, вѣками закрыть блескъ очей, въ блѣдность превратился румянецъ ланитъ, молчаніемъ скованы уста, потемнѣлъ цвѣтъ на губахъ, когда тяжело видѣть сіе не только родителямъ, но и всякому взирающему на несчастіе? Что же мы скажемъ имъ? Не наше, братіе, скажемъ слово, но прочтенное намъ изъ Евангелія предложимъ. Ибо мы слышали слово Господа: *оставите дѣтей и не возбраняйте имъ прийти ко мнѣ: таковыя бо есть царство небесное* (Матѣ. 19, 14.). По сему хотя и отошло отъ тебя дптя, но къ Владыкѣ отошло; закрыло для тебя очи, но открыло для свѣта вѣчнаго; оставило твою трапезу, но приступило къ ангельской; исторгнуто растеніе отсюда, но посажено въ рай; перемѣщено изъ царскихъ чертоговъ въ царскій чертогъ; покинуло блескъ порфиры, но облеклось въ одежду горняго царства. Сказать ли тебѣ о веществѣ божественной одежды? Это не лень, не волна, не шелковыя нити. Послушай Давида, изъ чего соткана, по словамъ его, одежда у Бога: *во исповданіе и во вельпоту облекся еси, одѣйся свѣтомъ яко ри-*

зою (Пс. 103, 1.). Видишь ли, что чѣмъ замѣнено? Печалить тебя, что исчезла уже красота тѣла, потому что не видишь ея истинной красоты, — души, которая теперь ликуеть въ сонмѣ небожителей. Какъ прекрасенъ оный глазъ, созерцающій Бога! Какъ сладостны уста, украшаемыя божественными ипѣснопѣніями! Ибо *изъ устъ младенцевъ*, говоритъ пророкъ, *и сущиихъ совершилъ еси хвалу* (Псал. 8, 13.). Какъ хороши руки, никогда не дѣлавшія зла! Какъ прекрасны ноги, не приближавшіяся къ злу и на пути грѣшниковъ не оставившія своего слѣда! Какъ прекрасенъ весь образъ оной души, не блескомъ камней драгоценныхъ украшенный, но простотою и невинностію сіяющій! — Но, можетъ быть, тебя огорчаетъ то, что не достигла она преклонныхъ лѣтъ? Что же, скажи мнѣ, усматриваешь ты хорошаго въ старости? Хорошо ли, — болящія глаза, сморщенные ланиты, выпаденіе зубовъ и появляющееся разслабленіе въ языкѣ, трясеніе въ рукахъ, склоненіе къ землѣ, потребность опираться на водящихъ, неразуміе въ мысли, обмолвка въ рѣчи, и прочіе недуги, которые необходимо сопровождаютъ сей возрастъ? И тѣмъ ли огорчаешься, что не успѣла она испытать сего? Напротивъ радоваться должно о тѣхъ, кои не испытали горестей жизни, и ни здѣсь не чувствовали ея скорбей, ни тамъ не узнаютъ тамошнихъ страданій. Ибо такая душа, не

имѣющая за собою вины, за которую должно бы предстать на судъ, не страшится геены, не боится суда; она пребываетъ безъ страха и трепета, потому что чистая ея совѣсть не возбуждаетъ въ ней страха. — Но надлежало, говорить, ей придти въ мѣру возраста и насладиться супружескимъ счастьемъ? Но на сіе скажетъ тебѣ истинный Женихъ, что лучше небесный чертогъ, оный превосходный бракъ, въ которомъ нѣтъ страха вдовства. И такъ чего же хорошаго, скажи мнѣ, лишилась она, оставивъ сію плотскую жизнь? Перечислю тебѣ блага жизни: печали и удовольствія, раздраженія и опасенія, надежды и желанія; это и подобное сему—вотъ изъ чего слагается настоящая жизнь. Что же хуже потерпѣла она, избавившись отъ столькихъ тирановъ? Ибо каждое душевное волненіе, какъ скоро получаетъ преобладаніе, поработая разумъ, становится тираномъ нашей души. Или печалитъ насъ то, что не была она изнуряема болѣзнями чадорожденія, что не была сокрушаема заботами воспитанія дѣтей, что не испытала страданій, подобныхъ тѣмъ, какія родители перевесли изъ-за нея? Но это счастье, которому должно радоваться, а не поводъ къ слезамъ. Ибо не испытать никакого страданія—лучшее, чего только можетъ достигнуть человѣческая природа. Такъ и мудрый Соломонъ въ своемъ писаніи почитаетъ умершаго

болѣе блаженнымъ, нежели оставшагося въ живыхъ (Еккл. 4, 2), и великій Давидъ говорить, что жизнь во плоти достойна плача и рыданія. Они, обладая блескомъ царскаго могущества, имѣя въ своей власти и испытавъ все, что только есть пріятнаго въ жизни, насколько не на сторонѣ наслажденій настоящей жизни; но пламенѣя желаніемъ неизреченныхъ благъ, подлежащихъ въ жизни безтѣлесной, несчастіемъ почитали жизнь во плоти. Слышу я, какъ Давидъ во многихъ мѣстахъ священныхъ псалмонѣній выражаетъ сильное желаніе освободиться отъ тяготы жизни, то говоря: *желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни* (Псал. 83, 3), то взывая: *изведи изъ тѣлницы души мою* (Псал. 141, 8.). И Іеремія такъ же почитаетъ достойнымъ проклятія тотъ день, которымъ началась для него эта жизнь (Іерем. 20, 14.). И много можно найти содержащихся въ божественномъ Писаніи изреченій древнихъ святыхъ, которые, вожделѣвая истинной жизни, тяготились жизнью во плоти. Такъ и великій Авраамъ иѣкогда охотно приносилъ въ жертву Богу возлюбленнаго сына, зная, что для отрока смерть будетъ переходомъ къ лучшей и болѣе божественной жизни. Всѣмъ, которые изъ васъ знакомы съ исторіею, не неизвѣстно, что повѣствуется о немъ. Что же говоритъ Писаніе? что когда Авраамъ былъ еще

молодъ, дается ему обѣтованіе отъ Бога о сынѣ: когда же достигъ преклонныхъ лѣтъ, когда естественная способность къ дѣторожденію прекратилась, такъ какъ старость не повнуется пожеланіямъ (плоти), тогда, сверхъ человѣческихъ ожиданій, обѣтованіе приводится въ исполненіе и рождается сынъ Исаакъ. По истеченіи же надлежащаго времени, когда онъ какъ бы нѣкоторая лѣторосль, достигшая красоты и величія, пріятенъ сталъ для взоровъ родителей, сіяя красотой юности, — предлагается Аврааму мучительное испытаніе души, — правильно ли распознаеть, что въ природѣ сущаго самое лучшее, не сосредоточиваетъ ли вниманія на настоящей жизни. И говоритъ къ нему Богъ: вознеси сына твоего въ жертву *во всесожженіе* (Быт. 22, 2.). Вы, родители, имѣющіе дѣтей и любви къ дѣтямъ наученные самою природою, конечно знаете, что долженъ бы чувствовать Авраамъ, еслибъ имѣлъ въ виду одну настоящую жизнь, еслибы былъ рабомъ природы, еслибы въ настоящей жизни полагалъ сладость житія. Но что же говорю я о немъ, забывъ о жень — болѣе немощной сторонѣ человѣческой природы? Еслибъ и она не была научена отъ мужа божественному: еслибы не знала, что сокровенная жизнь лучше являющейся, не допустила бы она мужа совершить подобное надъ сыномъ. Вполнѣ потрясенная въ своихъ

материнскихъ чувствахъ, она оградилъ бы сына, и заключивъ его въ объятіяхъ, вмѣсто него приняла бы смертоносный ударъ. Не обратилась ли бы она къ Аврааму съ такими словами: пощади сына, мужъ, чтобы не быть намъ предметомъ злыхъ разсказовъ въ жизни, чтобы не сдѣлаться притчею для послѣдующаго времени, не завидуй жизни сына; не лишай его сладкаго свѣта; брачное ложе, не могила, готовится отцами дѣтямъ; брачный вѣнецъ, а не смертельный ножъ, свадебный свѣтильникъ, а не огонь погребальный. Разбойники и непріатели, а не руки отцевъ, дѣлаютъ то надъ дѣтьми. Но ежели непременно должно совершиться зло, то да не видятъ очи Сарры умерщвляемаго Исаака; вотъ обоихъ вмѣстѣ пронзи ножемъ, начавъ съ меня, несчастной; одного обонимъ довольно будетъ удара. Общая надъ обоими возвысится могильная насыпь; одинъ надгробный памятникъ будетъ повѣствовать о постигшемъ обоихъ несчастіи. Это и подобное говорила бы конечно Сарра, еслибы не видѣла очами того, что для насъ невидимо. Ибо знала она, что конецъ жизни во плоти, для представившихся служить началомъ болѣе божественной жизни: почившій оставляетъ тѣни, воспринимаетъ истину; покидаетъ обольщенія, заблужденія и смятенія, и находитъ блага, которыя превышаютъ все, что доступно взору, слуху и по-

мышлению. Ни любовь не будет томить его, ни нечистая похоть не развратить; не овладѣтъ имъ гордость, не возмутитъ другая какая-либо страсть, томящая душу, но всѣмъ будетъ для него Богъ. Посему охотно отдаетъ Богу сына.

А что великій Ювъ? Когда онъ лишившись вдругъ всего богатства, прежде чѣмъ пришелъ въ себя отъ предыдущихъ ударовъ, получилъ извѣстiе о послѣднемъ ударѣ, — какъ принялъ несчастiе, случившееся съ дѣтьми? Три были у него дочери и семь сыновъ; онъ былъ счастливѣйшимъ отцемъ, ибо при такомъ числѣ дѣтей всѣ они были одно по взаимной любви; нераздѣльно жили они каждый самъ по себѣ, но всѣ часто посѣщали другъ друга, какъ бы круговымъ дружелюбнымъ гостепрiимствомъ попеременно увеселяя другъ друга и сами увеселяясь. Такъ и тогда поочереды у старшаго изъ братьевъ было пиршество: полныя чаши, полная яствъ трапеза; въ рукахъ кубки; при этомъ обыкновенныя увеселенiя для зрѣнiя и слуха и всѣ путешественныя наслажденiя; одинъ обычай: веселье, игры, шутки, — всѣ принятыя въ домашнемъ собранiи молодыхъ людей удовольствiя. И что же за симъ? Въ самый разгаръ наслажденiя всѣмъ, что есть прiятнаго въ жизни, обрушивается на нихъ кровля—и мѣсто пиршества дѣлается могилою десяти

дѣтей: кровью юныхъ растворяется чаша и яства оскверняются окровавленной землею. Что же Іовъ, когда возвѣщено было ему о такомъ несчастіи? Обрати вниманіе, прошу тебя, на сего борца, не съ тѣмъ только чтобы подивиться сему побѣдителю, — ибо мало пользы отъ удивленія; но чтобы поревновать въ подобномъ сему мужу, чтобы борець сдѣлался для тебя учителемъ, собственнымъ примѣромъ возбуждающимъ душу къ терпѣнію и мужеству во время умноженія испытаній. Что сдѣлалъ сей мужъ? сдѣлалъ ли что низкое и малодушное, высказалъ ли то словомъ или выразилъ тѣлодвиженіемъ, терзалъ ли ланиты ногтями, рвалъ ли волосы на головѣ, посыпалъ ли себя пепломъ, билъ ли въ грудь руками, повергался ли на землю, окружалъ ли себя плакальщицами; призывалъ ли поименно умершихъ, рыдалъ ли при воспоминаніи о нихъ? Ничего такого нѣтъ: но вѣстникъ бѣдъ разсказалъ о несчастіи съ дѣтьми, а онъ едва выслушалъ какъ тотчасъ же началъ любоваться о существѣ вещей, возвѣщая, откуда что происходитъ и отъ кого приводится въ бытіе, и кто по праву распоряжается сущимъ: *Господь даде, Господь отъятъ*. Отъ Господа, говоритъ, бытіе людямъ и къ Нему возвращено; откуда произошло, къ тому и отходить. И такъ Господь, имѣющій власть дать, имѣетъ власть и

взять. Будучи благъ, благого хочетъ; будучи премудръ знаетъ что полезно: *яко Господеви изволися*, — изволися же наилучшимъ образомъ, — тако и содѣлалъ: *буди иля Господне благословенно* (Иов. 1, 21.). Видишь, какова высота великодушія сего борца? Время тяжкаго страданія превратилъ онъ въ люббмудрое размышленіе о сущемъ. Ибо вполне зналъ, что истинная жизнь составляетъ предметъ упованія, жизнь же настоящая есть какъ бы сѣмя будущей. А много отличается отъ настоящаго ожидаемое — столько, сколько колось отличается отъ зерна. изъ котораго вырастаетъ. Настоящая жизнь подобна зерну; жизнь ожидаемая является въ красотѣ колоса. *Подобаетъ бо тльнному сему облещися въ нетльнѣе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53.). Имѣя въ виду все сіе, Іовъ радуется благому жребію чадъ, какъ такому, который скорѣе освободилъ ихъ отъ узъ жизни. Доказательствомъ же сего служитъ то, что когда, согласно обѣщанію возвѣщенному Богомъ сугубо вздать за все отнятое, во всемъ другомъ получилъ воздаяніе вдвое, онъ не искалъ удвоенія числа дѣтей; но вмѣсто отнятыхъ десяти, дано только десять. Послику души людей навсегда пребываютъ, то за потерянное изъ имущесва онъ получаетъ сугубое воздаяніе, а что касается до дѣтей, то рожден-

ныя послѣ причисляются къ роженнымъ прежде, такъ какъ всѣ живутъ предъ Богомъ и временная смерть отшедшихъ нисколько не препятствуетъ ихъ бытію. Да и смерть для людей есть не иное что, какъ средство очищенія порочности. Наше естество Богомъ первоначально было создано какъ бы иѣкимъ сосудомъ, способнымъ къ воспріятію совершенства; когда же чрезъ оболъщеніе врага душъ нашихъ влилось въ насъ зло, то добру не стало мѣста. По сей причинѣ, дабы не увѣковѣчилось поселившееся въ насъ зло, по опредѣленію мудраго провидѣнія, сосудъ на время разрушается смертію, чтобы, по истеченіи зла, преобразовалось человѣческое естество и, чистое отъ зла, возстановилось къ первоначальной жизни. Ибо въ этомъ состоитъ воскресеніе, возстановленіе природы нашей въ первоначальное состояніе. И такъ если невозможно претвореніе природы въ лучшее состояніе безъ воскресенія, безъ предварительной же смерти воскресеніе не можетъ быть: то смерть есть благо, будучи для насъ началомъ и путемъ измѣненія къ лучшему. Посему отложимъ, братіе, скорбь объ усопшихъ, которой предаются одни немущіе упованія. Упованіе же есть Христось. Коему слава и держава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

ИМПЕРАТРИЦЪ ПЛАКИЛЪ (*).

Вѣрный и мудрый строитель (начинаю рѣчь прочтенными словами божественнаго Евангелія), котораго поставилъ Господь надъ домомъ симъ *дати во время житолъриѣ* (Лук. 12, 42) тѣмъ, кои находятся подъ его попеченіемъ, не задолго предъ симъ справедливо осудилъ на безмолвіе слово, вполне понимая великость несчастія и молчаніемъ почтивши скорбь; и я не знаю, какъ при настоящемъ собраніи онъ опять вызываетъ на проповѣданіе въ церкви, самъ уничтожая свое опредѣленіе касательно слова. А я, весьма удивляясь мудрости учителя во многѣмъ другомъ, особенно подивился было тому, что онъ такъ кстати заставилъ умолкнуть слово при несчастіи. Потому что, мнѣ казалось, самое при-

---

(*). Словчилась 14 сентября 385 г.

личное для скорбящихъ врачевство есть молчаніе, такъ какъ оно пораженную во время скорби душу успокоиваетъ безмолвіемъ. Если же кто въ то время, когда душа еще надрывается страданіемъ, приступаетъ къ ней съ словомъ—рана скорби дѣлается неизцѣлимѣе, напоминаніе о несчастіяхъ растравляетъ ее подобно терніямъ. Еслибъ я не почелъ слишкомъ дерзкимъ съ моей стороны въ чемъ нибудь поправлять наставника, то я, быть можетъ, нашелъ бы полезнымъ и до сихъ поръ поддерживать молчаніе, чтобы слово мое, обращенное къ несчастію, не было тяжело для слуха. И теперь еще не такое время, чтобы мысль могла склоняться къ чему либо болѣе радостному. Все еще свѣжо въ душѣ страданіе, а быть можетъ, и навсегда останется въ нашей жизни памятною эта скорбь; еще возмущается наше сердце и сотрясается въ самой глубинѣ, какъ море, волнуемое бурей несчастія. Все еще болѣзнують помыслы, приходя въ смятеніе при воспоминаніи о бѣдахъ. А можно ли спокойно вести рѣчь, когда душу возмущаетъ буря такого бѣдствія, когда она оцепѣнѣваетъ отъ скорбнаго страданія, какъ бы отъ порывовъ какого холоднаго вѣтра!

Но нужно повиноваться повѣлевающему, — а я не знаю, какъ и о чемъ мнѣ говорить не знаю, какъ понять мнѣ мысль учителя

Можетъ быть онъ желаетъ, чтобы я отдалъ долгъ скорби и полными сильнаго чувства словами снова вызвалъ въ собраніи слезы? Если это имѣетъ въ виду, то справедливо по моему мнѣнію онъ и это дѣлаетъ. Ибо если мы находимъ удовольствіе наслаждаться благами счастья, то должны быть также готовы и къ случаямъ печальнымъ; это внушаетъ и Екклезіастъ: *время, говоритъ онъ, слѣзятся и время плакать* (Еккл. 3, 4). Эти слова учатъ насъ, что и душу надобно располагать соотвѣтственно обстоятельствамъ. Счастливы текутъ наши дѣла—благовременно радоваться, обращаются ясные дни въ сумракъ печали—прилично измѣнить и благодушіе въ слезы. Какъ смѣхъ служитъ признакомъ внутренней веселости, такъ кроющаяся въ сердцѣ скорбь высказывается слезами,—и слезы являются какъ бы кровію изъ ранъ душевныхъ; это подтверждаетъ и притча Соломона: *сердцу веселящему, лице цвѣтетъ*: душѣ же въ печальхъ сущей. *слѣзетъ* (Притч. 15, 13). И такъ, вполне необходимо въ соотвѣтствіе расположенію сердца придать печальный тонъ и слову. И, о еслибы возможно было найти слова, подобныя тѣмъ, коими великій Іеремія оплакивалъ иѣкогда несчастіе Израильтянъ! Ибо настоящее несчастіе гораздо болѣе достойно плача, чѣмъ то, или другое какое печальное событіе изъ числа уюми-

наемыхъ въ древности. Печальны повѣствованія объ Іовѣ; но можно ли поставятъ въ сравненіе съ настоящимъ бѣдствіемъ удобоисчислимыя несчастія одного семейства? Если даже представишь себѣ великія общественныя бѣдствія, землетрясенія, войны, наводненія, провалы земли — то и это все мало, если сличить съ настоящимъ. Почему? Потому что бѣдствіе войны не на всю простирается вселенную; но въ одной части ея идетъ война, другая же наслаждается миромъ. Или опять: одно что либо сожгла молнія или потопила вода, или поглотила разверзшаяся земля; но настоящее бѣдствіе есть ударъ вдругъ для всей вселенной: рыданіе не можетъ ограничиться однимъ народомъ, или однимъ городомъ: теперь быть можетъ вполне прилично будетъ возгласить тѣ слова, съ которыми нѣкогда Навуходносоръ обращался къ своимъ подданнымъ: *валѣ* говорю, *народи, племена, языци* (Дав. 3, 4). По лучше позвольте мнѣ присовокупить нѣчто къ Ассирійскому провозглашенію, громогласнѣе возвѣстити о несчастіи и, подобно тому, какъ возгласаютъ со сцены, сказать: «о города, и народы, и языки и вся земля и море съ водами, по коимъ плаваютъ, и островами, на коихъ обитаютъ! Все въ нашей вселенной. что подчинено скипетру нашего царства! Всѣ и повсюду живущіе люди! Восплачьте

всѣ, раздѣляя общую скорбь, соединитесь всѣ въ общемъ слезномъ рыданіи, оплачьте общую всѣмъ потерю.

Или хотите, чтобы я изобразилъ вамъ, сколько могу, эту потерю? Человѣческое естество, выступивъ изъ собственныхъ границъ и превысивъ обычную ему мѣру,— природа или лучше сказать Господь природы, явилъ въ нашемъ поколѣніи мужескую душу въ женскомъ тѣлѣ, образцы добродѣтели все превосходящія. Въ ней, всѣ добродѣтели, какъ тѣлесныя такъ и душевныя сосредоточившись, представили человѣчеству невѣроятное зрѣлище того, какое собраніе достоинствъ можетъ совокупиться въ одной душѣ и въ одномъ тѣлѣ. И какъ бы для того, чтобы видѣше для всѣхъ было счастье нашего поколѣнія, возводится она на высокій престолъ царскій, чтобы подобно солнцу съ высоты сего достоинства озарять лучами добродѣтелей всю вселенную. Заключивъ союзъ общенія, какъ въ жизни такъ и въ царской власти, съ тѣмъ, кому по божественному опредѣленію вручено управление всею вселенною, она содѣлываетъ собою счастье подданныхъ, будучи, какъ говоритъ Писаніе, помощницею (Быт. 2, 18) ему во всякомъ благомъ дѣлѣ. Когда время вызывало къ дѣламъ человѣколюбивъ, то она или сонутствовала ему въ этой добродѣтели или предупреждала его; въ склон-

ности къ челоуѣколюбію та и другая сторона шла всегда согласно. Свидѣтельствомъ моихъ словъ служатъ какъ прежніи безчисленные дѣянія ея, такъ и то, о чемъ возвѣщалось при настоящемъ случаѣ, о чемъ мы сегодня слышали отъ проповѣдника истины. Ищешь ли благочестія? Одинаково было у обоихъ стремленіе къ благочестію. Ищешь попечительности, правосудія или другихъ прекрасныхъ качествъ? Во всемъ было у нихъ взаимное соперничество; старались побѣждать другъ друга въ благотвореніи и ни одинъ не былъ побѣжденъ. Равна была ихъ взаимная любовь; она считала высшею наградою за добродѣтель быть супругою правителя вселенной; онъ мало цѣнилъ власть надъ землею и моремъ въ сравненіи съ счастіемъ обладать ею. Смотрѣть другъ на друга, быть видимыми другъ другомъ, доставляло имъ одинаковую взаимную радость. Каковъ собою онъ? Можетъ ли кто указать красоту совершеннѣе той, которую мы видимъ? Желалось бы, чтобы и внуки могли наслаждаться созерцаніемъ ея. А какова собою была она? Этого нельзя и выразить словами. Самыя точныя изображенія искусства не оставили намъ вѣрнаго подобія ея: а если что и передали намъ картины или ваяніе, то все очень далеко отъ истины

Таковы до сихъ поръ повѣствованія мои

о ней; что же мнѣ сказать вамъ за симъ? Опять возбуждаюсь къ волю, — и вы простите мнѣ чрезмѣрное выраженіе скорби. О, Фракія, ненавистное имя! О, злѣполучная страна, народъ знаменитый несчастіями! Страна, прежде сего опустошенная огнемъ, войною, набѣгами варваровъ, теперь же представившая собою верхъ общественнаго бѣдствія! Отсюда похищается наше сокровище; здѣсь завистливая судьба возстала на царство; здѣсь произошло крушеніе вселенной, здѣсь какъ бы среди бури ударившись о скалу, мы погрузились въ глубину скорби. О несчастное путешествіе, изъ котораго не послѣдовало возвращенія! О горькія воды, источниковъ коихъ она пожелала такъ сильно, какъ не слѣдовало бы! О селеніе, гдѣ случилось это несчастіе, соотвѣтствующее своему имени по значенію: «безлунная ночь» (*σχοτιμήνη*); ибо я слышу, что мѣстность эта на родномъ языкѣ обитателей называется Скотуминъ (*Σχοτεμίν*). Тамъ померкъ святильникъ, тамъ угасло сіяніе, тамъ потускли лучи добродѣтелей, погнбло украшеніе имперіи, кормило правосудія, образецъ — даже болѣе, самый первообразъ человѣколюбія; отнять образецъ супружеской любви, чистая краса цѣломудрія, сановитость всегда доступная, безукоризненная кротость, высокое смиренномудріе, откровенная стыдливость, стройное сочетаніе

совершенствъ. Нестало ревнующей о вѣрѣ, опоры церкви, украшенія жертвенниковъ, богатства убогихъ, многощедрой десницы, прибѣжища всѣхъ угнетенныхъ! Да плачетъ дѣвство, да рыдаетъ вдовство, да сѣтуеть сиротство, да познають что имѣли, когда уже не имѣютъ. Но что пользы мнѣ раздѣлять свой плачь по частямъ и отдѣламъ? Да стенаетъ весь народъ, испуская глубокой вошль изъ глубины сердца! Да плачетъ вмѣстѣ и само священство, такъ какъ завистливая судьба погубила общее украшеніе! Ужели дерзновению будетъ сказать съ пророкомъ: *всюю отринулъ еси Божсе, до конца, и разнилася ярость твоя на оцы нажити твоя* (Ис. 73, 1). За какіе грѣхи мы терпимъ наказаніе? За что наказываемся бѣдствіями, слѣдующими одно за другимъ. Или быть можетъ за умноженіе нечестія, различныхъ ересей, постигла насъ такая участь? Ибо смотрите какими бѣдствіями мы поражены въ короткое время! Еще не отдохнули мы отъ прежняго удара, еще не отерли слезы отъ очей, какъ опять подпали такому несчастію. Тогда мы оплакивали не вполне распутившійся цвѣтокъ,—нынѣ самое растеніе, изъ котораго цвѣтъ тотъ произрастъ; тогда только подававшую надежды красоту,—нынѣ вполне созрѣвшую; тогда только ожидаемое благо,—нынѣ уже испытанное намъ. Простите ли мнѣ, братіе,

если я отъ скорби скажу что либо не разумное. Можетъ быть, какъ говорить Апостолъ (Римл. 8, 22), и сама тварь совоздыхала нашему горю. Напомню вамъ то, что происходило,—и думаю, что многіе будутъ согласны съ моими словамн. Когда одѣтая въ золото и порфиру Императрица была несена въ городъ (если же ее на носилкахъ); то жители всѣхъ чиновъ и возрастовъ, высынавъ за городъ, своимъ множествомъ сдѣлали тѣснымъ широкое поле и всѣ, даже отличенные достоинствомъ, пѣшкомъ сопровождали печальное шествіе. Вы помните, конечно, какъ солнце сокрыло лучи свои въ облакахъ, какъ бы для того, чтобы не видѣть въ своемъ чистомъ свѣтѣ Императрицу, вступающую въ городъ въ такомъ видѣ; не на златокованной колесницѣ, не сопровождаемую съ царскою пышностію блестящими копыеносцами; но лежащую во гробѣ, закрытую печальнымъ покровомъ. Тяжкое и жалкое зрѣлище, предметъ плача для срътающихъ; каждый изъ собравшихся здѣсь пришелець или туземець встрѣчалъ ея прибытіе не радостными восклицаніями, а слезами. Тогда и воздухъ печально помрачился, облекшись мглою, какъ бы какою печальною одеждою; и облака какъ то было имъ возможно, плакали, роняя, вмѣсто слезъ, при сей скорби, дождевыя капли. Уже ли все это въ самомъ дѣлѣ мелочи, не за-

служивающія того, чтобы говорить о нихъ? Если и происходило въ твари нѣчто такое, чѣмъ она какъ бы выразила свое сочувствіе къ несчастію, то это произошло конечно не отъ самѣй твари, а отъ Владыки твари, почтившаго чрезъ то, что содѣлано было имъ, смерть святой; ибо *честна*, говоритъ Писаніе, *предъ Господомъ смерть преподобныхъ ево* (Ис. 115, 6). Но видѣлъ я тогда и другое зрѣлище, еще болѣе дивное, чѣмъ то, о которомъ сейчасъ сказалъ. Я видѣлъ двойкій дождь, одинъ изъ воздуха, другой излившійся на землю отъ слезъ, — и дождь изъ очей не былъ ни чѣмъ не меньше дожда изъ облаковъ. Между столькими тысячами присутствовавшихъ не было не одного ока, которое не орошало бы землю каплями слезъ.

Но я не вполнѣ можетъ быть хорошо угадываю мысль учителя, останавливаясь болѣе чѣмъ сколько нужно на печальномъ. Можетъ быть онъ больше желаетъ утѣшить, чѣмъ опечалить слухъ; а мы сдѣлали теперь противное тому, подобно врачу, который бы взявшись лечить рану не только не позаботился объ излеченіи, но еще прибавилъ бы мученія больному, нѣкоторыми разѣдающими лекарствами. И такъ, на воспаленную рану должно излить слово подобное сему: ибо и евангельское врачебное искусство умѣетъ къ терпкому вину примѣшивать слей. Рѣшаемъ

ся по сему и мы. взявъ отъ Писанія сосудъ елей, обратить сколько возможно, слова печальныя въ слова утѣшенія. И никто да не усумнится повѣрить мнѣ, хотя бы мои слова и показались необычайными. Цѣло, братіе, сокровище, которое мы ищемъ, цѣло и не погибло. Но я сказалъ еще меньше, чѣмъ сколько нужно по истинѣ: не только цѣло сокровище, но и пребываетъ въ болѣе высокомъ мѣстѣ, чѣмъ прежде. Ты ищешь царицу,—она пребываетъ въ царскихъ чертогахъ; ты желаешь видѣть это очами,—но напрасны усилія увидѣть царицу; вокругъ нея страшная стража коньеносцевъ: не о тѣхъ говорю коньеносцахъ, которыхъ оружіе желѣзо, но о тѣхъ, кои вооружены пламеннымъ мечемъ, коихъ вида не выносить взоръ человека. Въ какихъ неизреченныхъ обителяхъ жилище царицы, увидишь тогда, когда и ты совлечешься тѣла; ибо не иначе возможно войти въ недоступныя обители царствія, какъ совлекшись одѣянія плоти.

Но можетъ быть ты думаешь, что наслаждаться жизнію во плоти лучше? И такъ да научить тебя божественный Апостолъ, бывшій участникомъ неизреченныхъ таинъ рая. Что говоритъ онъ о здѣшней жизни, можетъ быть отъ лица вообще всѣхъ людей: *окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Римл. 7, 24). Почему такъ говорить?

Потому что за гораздо лучшее почитаетъ разрѣшиться и со Христомъ быть. Что говоритъ великій Давидъ, облеченный такимъ могуществомъ, имѣющій въ своей власти все нужное для удовольствія и наслажденія? Не тяготится ли жизнью? Не называетъ ли темницею здѣшнюю жизнь? Не вопіетъ ли ко Господу: *изведи изъ темницы душу мою* (Псал. 141, 8)? Не печалится ли продолженіемъ жизни, *увы мнѣ*, говоря, *яко пришествіе мое продолжися* (Пс. 119, 5). Святые ужели потому почитали болѣе предпочтительнымъ для души отшествіе ея изъ тѣла, что не умѣли различать хорошее отъ худаго? И ты, скажи мнѣ, что хорошаго видишь въ сей жизни? Разсуди, въ чемъ проявляется жизнь? Не привожу тебѣ изреченія пророка, *что всяка плоть сгно* (Ис. 40, 6), ибо въ этомъ уподобленіи пророкъ скорѣе представляетъ наше жалкое естество въ лучшемъ видѣ чѣмъ каково оно на самомъ дѣлѣ, и дѣйствительно можетъ быть лучше, еслибы оно было травою, чѣмъ тѣмъ, что оно есть. Почему? Потому что трава не имѣетъ отъ природы ничего непріятнаго; а наша плоть производитъ зловоніе, обращая въ тлѣніе все, что ни приметъ въ себя. Какое наказаніе можетъ быть тяжеле того, какъ все время быть въ подчиненіи вѣлніямъ чрева! Посмотрите на этаго неотступнаго собирателя да-

ни, — говорю о чревѣ, съ какою взыскательностію онъ ежедневно требуетъ своего? Если иногда и больше требуемаго дадимъ ему, это не будетъ нисколько уплатою впередъ слѣдующаго долга. Мы совершаемъ кругъ жизни подобно рабочимъ животнымъ на мельницѣ, у которыхъ закрыты глаза; всегда отходимъ отъ одного мѣста и приходимъ къ тому же, — я говорю о періодически возвращающихся явленіяхъ жизни: о позывѣ къ инщѣ, насыщеніи, снѣ, бодрствованіи, очищеніи, наполненіи; непрестанно отъ этаго переходимъ къ тому, отъ того—къ этому. и опять тоже, и никогда не перестаемъ вращаться въ этомъ кругу, доколѣ не выйдемъ изъ этой мельницы. Хорошо Соломонъ здѣшнюю жизнь называетъ сосудомъ сокрушеннымъ и домомъ чуждымъ (Притч. 23, 27); по истинѣ она чужой домъ, а не нашъ, потому что не отъ насъ зависитъ пробыть въ немъ, когда желаемъ и сколько желаемъ; но и того, какъ вводимся въ этотъ домъ, мы не знаемъ, и когда выйдемъ—тоже не знаемъ. Сравненіе же съ сосудомъ уразумѣешь, если обратишь вниманіе на ненасытимость желаній. Не видимъ ли, какъ люди (какъ бы сосудъ какой) наполняютъ себя почестями, властію, славою и всѣмъ подобнымъ? Но вливаемое утекаетъ и не остается въ сосудѣ. Стремленіе къ славѣ, власти, къ чести постоянно въ

насъ дѣйствуетъ, а сосудъ желаній остается не наполненнымъ. Что сказать и о любостыжательности? По истинѣ, не сокрушенный ли это сосудъ, текущій всѣмъ дномъ, который, если перельешь въ него цѣлое море, естественно не можетъ наполниться.

И такъ чтоже плачевнаго, если блаженная отошла отъ золь жизни и отложивши какъ бы нѣкоторый гной, нечистоту тѣла, съ чистою душою перешла къ жизни нетлѣнной, въ которой нѣтъ обмана, довѣрія навѣтамъ, гдѣ ласкательства не имѣютъ мѣста, не допускается ложь? Удовольствіе и скорбь, страхъ и дерзость, бѣдность и богатство, рабство и господство и всѣ подобныя неравенства здѣшней жизни совершенно чужды той жизни. *Отблизе* оттуда, какъ говоритъ пророкъ, *бользнь и печаль и въздыжаніе* (Ис. 36, 10). А вмѣсто сего что? Безстрастіе, блаженство, отсутствіе всякаго зла, сожительство съ ангелами, созерцаніе невидимаго, общеніе съ Богомъ, радость нескончаемая. И такъ ужели нужно скорбѣть о царицѣ, когда мы знаемъ, что она прозѣняла и на что? Оставила царство земное, но воспріяла небесное; отложила вѣнецъ изъ драгоценныхъ камней, но облеклась вѣнцемъ славы; сложила порфиру, но облеклась во Христа.—это подлинно царское и драгоценное одѣяніе. Здѣшняя порфира, какъ слышно, окрашивается кровью какой-то

морской улитки; но горней порфирѣ сообщаетъ блескъ кровь Христова: смотри какое различіе въ одѣяніи! Хочешь увѣриться, что отшедшая наслаждается всѣмъ этимъ? Прочитай, что сказано въ Евангеліи: *приидите, благословеннїи Отца моего* (такъ говоритъ Судія стоящимъ одесную) *наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѳ. 25, 34). Кѣмъ уготованное? То самое, говоритъ, которое вы уготовили своими дѣлами. Какъ? *Я алкалъ, жаждалъ, страненъ бѣхъ, нагъ, боленъ, въ темницѣ; понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (ст. 40). Если ревность о такихъ дѣлахъ открываетъ доступъ къ царствію: то сочтите, если только можно счесть, сколько человѣкъ одѣто данными ею одеждами! Сколько напѣтано этою великою десницею! Сколько заключенныхъ удостоено ею не посѣщенія только, но и совершеннаго прощенія! Если за посѣщеніе заключеннаго обѣщается царствіе: то ясно, что освобожденіе его отъ наказанія достойно еще большей чести, если только есть что-либо выше царствія. Но не этимъ только ограничиваются ея достоуважные дѣла; добродѣтелями своими она идетъ далѣе заповѣданнаго. Сколько чрезъ нее познало на себѣ благодать воскресенія: сколько осужденныхъ законами на смерть и приговоренныхъ къ смертной казни чрезъ нее снова воззваны къ жизни! Подтверженіе этимъ

словамъ на глазахъ; ты видѣлъ у жертвенника отчаявавшагося въ спасеніи юношу; видѣлъ женщину оплакивавшую осужденіе брата, который нынѣ возвѣщаетъ Церкви добрую вѣсть, что на память царницы плачевный приговоръ къ смерти смѣняется дарованіемъ жизни. Но и это ли только? Куда отнести намъ смиренномудріе, которому Писаніе отдаетъ преимущество предъ всѣми дѣяніями добродѣтели? Она, раздѣлявшая съ великимъ царемъ такую власть, когда всѣ власти преклонялись предъ нею, когда столько народовъ подчинялось ей, — она не допускала въ себѣ гордости, всегда обращая взоры на себя саму, а не на виѣшнее свое (величіе); посему и содѣлывается наслѣдницею блаженства, посредствомъ временнаго смиренія достигнувъ истинной высоты.

Скажу нѣчто и о любви ея къ супругу. Надлежало, чтобы по разрѣшеніи союза супружескаго, произошло раздѣленіе и драгоценныхъ, составлявшихъ достояніе ея, благъ. Какъ же произвела она раздѣлъ? Изъ троихъ дѣтей, (ибо конечно это самыя главныя ея блага) сыновей оставила она отцу, чтобы они были опорюю его царствованія; на свою же часть беретъ одну только дочь. Смотри съ какимъ благородствомъ и нѣжною любовію изъ драгоценностей большую часть уступаетъ мужу! Упомяну также и о томъ, о чемъ

особенно бы нужно намъ сказать,—и окончу слово. Всѣмъ ревнующимъ о вѣрѣ,—одинаково свойственна ненависть къ идоламъ. Но преимущественная ея особенность состояла въ томъ, что она невѣрія Аріанскаго гнушалась столько же, сколько и идолослуженія. Тѣхъ, кои Божество почитали тварію, она почитала нечестивыми не меньше тѣхъ, кои созидаютъ вещественныхъ идоловъ. Въ этомъ отношеніи она судила здраво и благочестиво; ибо поклоняющійся твари, хотя бы дѣлалъ то во имя Христово, есть идолослужитель, прилагающій имя Христово къ идолу. Посему научившись, что иѣтъ Бога новосозданнаго, поклоняется единому Божеству, прославляемому во Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ. Въ такой она возрасла вѣрѣ, въ такой утвердилась, въ такой предала духъ свой; сею вѣрою она перенесена въ лоно отца вѣры—Авраама, къ источнику райскому, отъ коего ни одна капля недостается невѣрующимъ, подъ тѣнь древа жизни, насажденнаго *при исходницѣхъ* тѣхъ водъ (Пс. 1, 3), коихъ и мы да удостоимся во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки.. Аминь.

КАНОНИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

КЪ СВЯТОМУ ЛИТОЮ, ЕПИСКОПУ МЕЛЕТИНСКОМУ.

П р а в и л о 1.

Одна изъ принадлежностей святаго праздника состоитъ и въ томъ, чтобы мы выразумѣли законный и каноническій образъ дѣйствования относительно согрѣшившихъ, дабы уврачевать всякую душевную болѣзнь, происходящую отъ какого-либо грѣха. Поелику этотъ вселенскій праздникъ созданія, по учрежденному обращенію годоваго круга, каждый годъ совершаемый во всемъ мірѣ, совершается ради воскресенія падшаго, а паденіе есть грѣхъ, воскресеніе же возстаніе отъ грѣховнаго паденія; то прилично было бы въ этотъ день приводить къ Богу не только тѣхъ, которые обновляются возрожденіемъ чрезъ благодать крещенія, но и тѣхъ, которые опять возвращаются на путь

жизни чрезъ покаяніе и обращеніе отъ мертвыхъ дѣлъ и руководить таковыхъ къ спасительному упованію, котораго они лишились чрезъ грѣхъ. Дѣло же не маловажное установить опредѣленія относительно ихъ на основаніи суда правильнаго и испытаннаго, по заповѣди пророка, повелѣвающей устроить *слова на судъ*, чтобы, какъ говоритъ Писаніе, не подвигнулся *во вѣкъ и въ память вѣчную* былъ праведникъ (Псал. 111, 5. 6.). Ибо какъ и при леченіи тѣла, цѣль врачебнаго искусства одна—возвращеніе здоровья больному, хотя способы леченія различны; потому что по различію болѣзней и способъ леченія сообразуется съ каждымъ изъ недуговъ: такъ и при душевной болѣзни, вслѣдствіе множества и разнообразія страданій, врачебный уходъ, ведущій леченіе сообразно съ недугомъ, необходимо долженъ быть разнообразенъ. Но чтобы былъ стройный порядокъ (въ изслѣдованіи) предложеннаго вопроса, мы расположимъ (нашу) рѣчь такимъ образомъ.

По первоначальному раздѣленію, въ душѣ нашей замѣчаются три силы: разумная, вождѣтельная и раздражительная. Этими силами совершаются и правыя дѣла людей живущихъ добродѣтельно, и паденія людей склоняющихся къ пороку. Посему намѣревающейся употребить леченіе, соответствующее заболѣвшей части души; прежде всего долженъ

обратить вниманіе на то, въ какой части произошла болѣзнь; потомъ уже соотвѣтственно этому производить леченіе страждущей, чтобы, вслѣдствіе неопытности въ способѣ врачеванія, не случилось того, что леченіе получить не та часть души, которая подверглась болѣзни; какъ впрочемъ и видимъ, что многіе врачи, будучи не въ состояніи узнать той части тѣла, въ которой главное начало недуга, лекарствами своими только усиливаютъ болѣзнь. Часто болѣзнь происходитъ отъ избытка жара, тогда какъ страждущимъ отъ избытка холода полезно бываетъ теплое и согрѣвающее; но если эти средства, принимаемыя къ симъ послѣднимъ, неосмотрительно будутъ употреблять при врачеваніи палимыхъ чрезмѣрнымъ жаромъ, то болѣзнь сдѣлаютъ неизлечимою. Итакъ, какъ для врачей весьма необходимымъ признается изученіе особенностей составныхъ частей тѣла, чтобы каждую изъ нихъ, находится ли она въ хорошемъ или дурномъ положеніи, можно было возстановлять въ случаѣ уклоненія ея отъ естественнаго состоянія: такъ и мы, держась выше указаннаго раздѣленія усматриваемыхъ въ душѣ силъ, вачаломъ и основаніемъ соотвѣтственнаго страданія (душевнымъ) врачеванія, сдѣлаемъ общее разсмотрѣніе. Итакъ соотвѣтственно троякому, какъ мы сказали, раздѣленію свойственныхъ душѣ движеній, на

силу разумную, вождельтельную и раздражительную, добрыя дѣйствія разумной части души суть: благочестивый образъ мыслей о божественномъ. искусство отличать добро отъ зла, соединенное съ яснымъ и отчетливымъ сужденіемъ о природѣ предметовъ — о томъ, какіе изъ нихъ достойны избранія и какіе— отвращенія и отверженія. И опять по противоположности сему конечно можно будетъ видѣть и пороки этой части души: нечестіе относительно Божества, неразумительность о томъ, что истинно прекрасно, превратное и ошибочное мнѣніе о природѣ вещей, такъ что свѣтъ «считается тьмою, а тьма свѣтомъ», какъ говоритъ Писаніе (Ис. 5, 20.). Добродѣтельное же направленіе вождельтельной части души состоитъ въ устремленіи горячей любви къ подлинно-вождельнному и истинно прекрасному, чтобы здѣсь находила предметъ для своей дѣятельности, вся какая ни есть въ насъ сила и расположеніе любви, въ томъ убѣжденіи, что ничто иное не вождельнно по своей природѣ, кромѣ добродѣтели и Существа, служащаго источникомъ добродѣтели. Уклоненіе же съ прямаго пути и грѣхъ этой части души бываетъ, когда кто свое вождельніе направляетъ къ призрачному гщеславію или къ цвѣтущей красотѣ тѣлесной. Отсюда происходитъ сребролюбіе, славолюбіе, сластолюбіе и всѣ подобныя имъ по-

роки, которые имѣютъ своимъ началомъ этотъ родъ зла. Наконецъ, правыя дѣйствія силы раздражительной сущи: ненависть ко злу, борьба противъ страстей и укрѣпленіе въ душѣ мужества, чтобы сражаясь за вѣру и добродѣтель не страшиться того, что многимъ кажется страшнымъ, но противустоять грѣху даже до крови, презирать угрозу смерти, тяжкія мученія и лишеніе того, что всего пріятнѣе и, словомъ, быть выше всего, что многихъ держитъ въ плѣну удовольствій силою привычки и предубѣжденія. Паденія же этой силы души всѣмъ извѣстны: зависть, ненависть, вражда, злословіе, ссоры, сварливое и мстительное настроеніе души, надолго удерживающее злопамятство и доводящее многихъ до убійства и кровопролитія. Ибо умъ необученный, какъ съ пользою употребляютъ оружіе, остріе желѣза обращаетъ противъ самого себя и оружіе, данное намъ отъ Бога на защиту, бываетъ на погибель тому, кто злоупотребляетъ имъ.

Правило 2.

Итакъ, по раздѣленію грѣховъ вышеуказаннымъ способомъ, тѣ грѣхи, которые относятся къ мыслительной части души, отцами признаются тягчайшими и заслуживаю-

щими большаго, болѣе продолжительнаго и строгаго исправленія. Напримѣръ, кто отрекся вѣры во Христа и оказался измѣнникомъ, впавши или въ іудейство, или идолопоклонство, или манихейство или въ иной какой-нибудь подобный видъ безбожія; тотъ если добровольно рѣшился на это зло, а потомъ раскаялся, временемъ покаянія долженъ имѣть все время жизни своей. Ибо таковой, во время совершенія таинственной молитвы, никогда не удостоивается поклоняться вмѣстѣ съ народомъ Богу, но долженъ молиться на единѣ, а отъ приобщенія Святыхъ Таинъ долженъ быть отлученъ совершенно. Но въ часъ смерти своей, тогда да удостоится причастія Святыни. Если же сверхъ чаянія случится ему остаться въ живыхъ; то опять онъ долженъ проводить жизнь подѣ тѣмъ же осужденіемъ, не сподобляясь Святыхъ Таинъ до самой смерти. А тѣ, которые вынуждены были къ тому пытками и жестокими мученіями, находятся подѣ запрещеніемъ на опредѣленное время. Святые Отцы оказали такое человѣколюбіе потому, что не душа ихъ подверглась паденію, но слабость тѣлесная не могла устоять противъ мученій. Посему насильственное и мученіями вынужденное отступленіе, при обращеніи, подвергается эпитиміи въ той же мѣрѣ, какъ и грѣхъ любодѣянія.

Правило 3.

А кто прибѣгнетъ къ чародѣямъ или про-
рицателямъ или общающимъ при содѣйствіи
демоновъ совершить какія-либо очищенія и
отвращеніе вреда, — такихъ надобно тща-
тельно допрашивать и испытывать, оставаясь ли
въ вѣрѣ во Христа они вовлечены были въ
такой грѣхъ какою-нибудь нуждою, потому
что какое-нибудь несчастіе или невыносимая
потеря внушила имъ такое намѣреніе; или со
всѣмъ презрѣвши исповѣданіе, нами имъ ввѣ-
ренное, прибѣгли къ содѣйствію демоновъ.
Ибо если они сдѣлали это съ отступленіемъ
отъ вѣры и съ тѣмъ, чтобы не вѣровать въ
поклоняемаго христіанами Бога: то очевидно
ихъ надобно будетъ подвергнуть осужденію
какъ отступниковъ. Если же, доведя ихъ до
этого какая-нибудь невыносимая нужда, овла-
дѣвъ ихъ малодушіемъ и обольстивъ ихъ ка-
кою-нибудь ложною надеждою; то и такимъ
должно быть оказано снисхожденіе, подоб-
но тѣмъ, которые во время исповѣданія не
могли устоять противъ мученій.

Правило 4.

Грѣхи, происходящіе отъ вождслѣнія и
сладоустрасія, раздѣляются слѣдующимъ об-

разомъ: одинъ называется прелюбодѣянiемъ, другой — блудомъ. Нѣкоторые же болѣе точные (изслѣдователи) и грѣхъ блуда хотятъ почитать прелюбодѣянiемъ; потому что одинъ — законный союзъ жены съ мужемъ и мужа съ женою. Итакъ все незаконное во всякомъ случаѣ противозаконно, и кто беретъ не свое, тотъ очевидно беретъ чужое. Ибо человѣку дана Богомъ одна помощница и надъ женою поставлена одна глава. Итакъ если кто стяжалъ себѣ, по выраженiю божественнаго Апостола, *свой собственный сосудъ* (1. Сол. 4, 4), тому законъ природы дозволяетъ правильное употребленiе его. Но кто обратится не къ своему, тотъ безъ сомнѣнiя будетъ пользоваться чужимъ. А чужое для каждаго все, что не его собственное, хотя бы оно и не имѣло признаннаго владѣтеля. Поэтому, на взглядъ болѣе строгихъ изслѣдователей этого предмета, блудъ не далеко отъ грѣха прелюбодѣянiя, ибо и божественное Писанiе говоритъ *не много буди къ чуждеи* (Притч, 5, 20.). Но поелику Отцы оказывали нѣкоторое снисхожденiе къ людямъ болѣе немощнымъ, то и допущено въ семъ грѣхѣ такое видовое раздѣленiе: блудъ есть и называется имъ выполненiе похоти, содѣланное безъ обиды другому, а прелюбодѣянiе — злоумышленiе и обида чуждому союзу. Сюда относится и скотоложество и мужеложество, потому что и сiи грѣхи суть

прелюбодѣяніе противъ природы. Ибо здѣсь наносится обида другому роду и притомъ вопреки природѣ. При такомъ раздѣленіи, допущениомъ и въ этомъ видѣ грѣха, общее врачеваніе состоитъ въ томъ, чтобы чело- вѣкъ чрезъ покаяніе сдѣлался чистымъ отъ страстнаго неистовства въ этихъ родахъ плотоугодія. Поелику же осквернившіеся блудомъ къ этому грѣху не присоединяютъ обиды другому: то назначается двойное время покаянія тѣмъ, которые осквернили себя прелюбодѣяніемъ или иными возбраненными пороками — скотоложествомъ и неистовствомъ къ мужескому полу. Ибо въ сихъ случаяхъ, какъ я сказалъ, грѣхъ удвоится: одинъ (состоитъ въ непозволенномъ сладострастіи, другой—) въ обидѣ другому. И въ отношеніи къ покаянію согрѣшившихъ сладострастіемъ, должно быть допущено нѣкоторое различіе. Ибо самъ собою приступившій къ исповѣданію грѣховъ, по собственному побужденію рѣшившійся быть обличителемъ своихъ тайнъ, какъ уже начавшій врачеваніе своего недуга и показавшій признакъ своего измѣненія къ лучшему, пусть будетъ подъ эпитимією болѣе снисходительною; а застигнутый въ преступленіи или вслѣдствіе подозрѣнія или обвиненія противъ воли изобличенный, подвергается продолжительнѣйшему исправленію, такъ что допускается къ приобщенію Святыхъ

Таинъ послѣ строгаго очищенія. Касательно этого существуетъ такое правило: осквернившіеся блудодѣяніемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ совсѣмъ отлучаются отъ (церковной) молитвы; въ продолженіи трехъ участвуютъ только въ слушаніи (Писанія); въ продолженіи же другихъ трехъ лѣтъ они молятся вмѣстѣ съ припадающими въ покаяніи и потомъ уже причащаются Святыхъ Таинъ. Для тѣхъ же, которые обнаруживаютъ болѣе ревности въ исправленіи себя, и жизнью своею показываютъ возвращеніе къ добру, надзирающій (за кающимися) ради пользы церковнаго домо-строительства, можетъ сократить время слушанія и скорѣе приводитъ ихъ къ обращенію; и опять, онъ можетъ сократить и это время и скорѣе допустить до пріобщенія смотря потому, въ какомъ состояніи найдетъ онъ врачуемаго, при тщательномъ испытаніи своемъ. Ибо, какъ запрещено повергать бисеръ предъ свиньями, такъ съ другой стороны безразсудно лишать драгоцѣннаго бисера того, кто содѣлался уже человѣкомъ, чрезъ оставленіе и очищеніе страсти. Преступленіе же закона, происходящее отъ прелюбодѣянія и прочихъ видовъ нечистоты, какъ выше было сказано, во всемъ должно быть врачуемо тѣмъ же судомъ, какъ и грѣхъ блуда, но съ удвоеніемъ времени. И при этомъ надобно обращать вниманіе на распо-

ложеніе врачуемаго, подобно тому какъ и на расположеніе впадшихъ въ скверну блуда, чтобы сообразно съ этимъ раньше или позднеѣе допускались они къ причастію блага.

П р а в и л о 5.

Послѣ сего остается подвергнуть изслѣдованію раздражительную силу души, когда она, уклонившись отъ правильнаго употребленія негодованія, впадаетъ въ грѣхъ. Много бываетъ отъ раздраженія грѣховныхъ дѣлъ и всякихъ золъ, но отцамъ нашимъ угодно было объ иныхъ не входить въ подробное изслѣдованіе и они не признали достойнымъ особенной заботливости врачеваніе всѣхъ согрѣшеній, происходящихъ отъ раздраженія. Хотя Писаніе запрещаетъ не только простой ударъ, но и всякое злословіе или хулу (Кол. 3, 8. Еф. 4, 31) и другое подобное, что происходитъ отъ раздражительности, но они только противъ злодѣянія убійства постановили предохранительныя средства въ эпитиміяхъ. Преступленіе это раздѣляется на вольное и невольное. Вольное убійство во первыхъ бываетъ тогда, когда обдуманно предпринято человекомъ, приготовившимъ и средства, какъ совершить это злодѣяніе; потомъ къ вольному убійству относится и то, когда

кого-нибудь во время драки нанося и самъ получая удары наносить рукою ударъ въ какое-нибудь опасное мѣсто. Ибо однажды подчинившись ярости и отдавшись стремленію гнѣва, онъ во время страсти уже не думаетъ ни о чемъ, что могло бы прекратить зло, такъ что убійство, совершенное во время драки, возводится въ дѣло произвола, а не случая. Невольное же убійство узнается по очевиднымъ признакамъ, когда кто, имѣя въ виду что-нибудь другое, случайно совершитъ какое-нибудь тяжкое зло. И такъ за вольное убійство назначается тройной срокъ времени для тѣхъ, которые хотятъ покаяніемъ уврачевать произвольное преступленіе. Для нихъ полагается три девятилѣтія съ назначеніемъ по девяти лѣтъ на каждую степень покаянія, такъ что удавленный отъ церкви находится въ совершенномъ отлученіи въ продолженіи девяти лѣтъ; столько же лѣтъ находится на степеніи слушающихъ, удостоиваясь только слушанія учителей и Писаній; въ продолженіи третьяго девятилѣтія молится вмѣстѣ съ припадающими въ покаяніи; послѣ сего приступаетъ къ приобщенію Святыхъ Таинъ. Очевидно, что и за такимъ домостроительствующій въ церкви долженъ имѣть тоже наблюденіе; по вниманію къ раскаянію и для него можетъ быть сокращена продолжительность эпитиміи, такъ что, вмѣсто девяти лѣтъ на каж-

дую степень покаянія, можетъ быть назначено или восемь, или семь, или шесть, или пять только лѣтъ, если великостію раскаянія онъ упреждаетъ время и ревностію въ исправленіи себя превосходить тѣхъ, которые въ продолжительное время мевѣ дѣятельно очищаютъ себя отъ скверны (грѣха). Невольное же убійство, хотя и считается достойнымъ снисхожденія, но не похвальнымъ. Сіе сказалъ я, чтобы стало ясно, что того, кто осквернитъ себя хотя и невольно убійствомъ, церковное правило объявляетъ уже не чистымъ вслѣдствіе преступленія, недостойнымъ благодати священства. А какое время назначено для очищенія простаго блуда, такое же заблагоразсудили положить и для невольныхъ убійцъ; очевидно, что и здѣсь надобно испытывать расположеніе кающагося, такъ что если достовѣрно его обращеніе, то конечно не нужно соблюдать число лѣтъ, но чрезъ сокращеніе времени вести къ воссоединенію съ церковію и къ причастію Святыхъ Таинъ. Если же кто, не исполнивъ времени (покаянія) назначеннаго правилами, отходитъ изъ жизни сей: то человѣколюбіе отцевъ повелѣваетъ причастить его Святыхъ Таинъ, чтобъ онъ не отпущенъ былъ безъ напутствія въ это послѣднее и дальнее странствованіе. Но если причастившись Святыхъ Таинъ, останется въ живыхъ; то долженъ ожидать исполненія на-

значеннаго времени, находясь на той степени, на которой былъ прежде дозволеннаго ему по нуждѣ приобщенія.

Правило 6.

Другой же видъ идолослуженія (ибо такъ божественный Апостоль называетъ любостыжаніе Кол. 3, 5), не понимаю, какъ отцы наши опустили изъ виду безъ врачеванія. Однакожь и это зло, кажется, бываетъ недугомъ души по тройственному ея составу; ибо и умъ, погрѣшая въ сужденіи о добрѣ, воображаетъ, что благо заключается въ веществѣ и не обращаетъ вниманія на красоту невещественную; и вождельніе стремится къ низшему, уклоняясь отъ истинно вождельннаго; и гнѣвливое и раздражительное расположеніе (души), въ эгомъ грѣхѣ много находитъ поводовъ для себя. И говоря вообще, этотъ недугъ подходитъ подъ апостольное опредѣленіе любостыжанія. Ибо божественный Апостоль объявилъ, что оно не только идолослуженіе, но и корень всѣхъ золъ (1. Тим. 6, 10.). Однакожь этотъ видъ болѣзни оставленъ безъ особаго разсмотрѣнія и безъ врачеванія; по сему болѣзнь эта и умножается въ церквахъ и никто принимаемыхъ въ клиръ не испытываетъ, не осквернились ли они симъ видомъ

идолопоклонства. Но вслѣдствіе того, что отцы наши не обратили вниманія на это, мы считаемъ достаточнымъ—болѣзни любостыжания врачевать, насколько возможно, всенароднымъ словомъ ученія, очищая ихъ разсужденіемъ, какъ иѣкоторыя болѣзни, происходящія отъ полносочія. Только воровство и гробкопательство и святотатство мы считаемъ (тяжкими) иедугами, потому что таково у насъ о семъ преемственное отъ отцевъ преданіе. Божественное Писаніе относитъ также къ числу запрещенныхъ дѣлъ лихву и ростъ и присоединеніе при помощи иѣкоторой власти къ своему имуществу чужаго, хотя бы это сдѣлано было подъ видомъ договора. Итакъ поелику наше мнѣніе не настолько достойно уваженія, чтобъ имѣть значеніе правилъ; то къ сказанному мы прибавимъ каноническій приговоръ о дѣйствіяхъ всѣми согласно признаваемыхъ запрещенными. Воровство раздѣляется на разбойничество и кражу; цѣль того и другаго одна — отнятіе чужаго; но между ними великое различіе въ отношеніи къ расположенію души. Ибо разбойникъ, для достиженія своей цѣли употребляетъ и человѣкоубійство, запасаясь для этого и оружіемъ и помощію себѣ подобныхъ и пользуясь удобствомъ мѣстности, такъ что онъ подлежить такому же суду, какъ и человѣкоубійцы, если онъ чрезъ раскаяніе возвра-

тится къ церкви Божіей. Присвояющій же себѣ чужое чрезъ тайное похищеніе, потомъ на исповѣди открывшій свой грѣхъ священнику, долженъ врачевать свою болѣзнь дѣйствіями противоположными своей страсти, то-есть раздаяніемъ своего имущества нищимъ, дабы расточеніемъ того, что имѣеть, показать, что онъ заботится объ очищеніи себя отъ болѣзни любостыжанія. Если же онъ ничего не имѣеть, кромѣ тѣла; то Апостолъ повелѣваетъ ему врачевать такую болѣзнь тѣлеснымъ трудомъ. Слово же (Апостола) читается такъ: *крадый къ тому да не крадетъ, но паче да труждается, дѣлая благое, да имать подаяти требующему* (Еф. 4, 28.).

П р а в и л о 7.

И самое гробокopatельство раздѣляется на заслуживающее и не заслуживающее снисхожденія. Ибо кто, щадя честь мертвыхъ и оставляя неприкосновеннымъ похороненное тѣло такъ что не выставляется на свѣтъ солнечный неблагообразіе естества, воспользуется нѣкоторыми изъ камней гробницы для какой-нибудь постройки; тотъ хотя и поступитъ непохвально, но обычай это дѣйствіе сдѣлалъ простибельнымъ, если матеріалъ будетъ употребленъ на нѣчто лучшее и общепользѣннѣе. Раска-

пывать же прахъ тѣла, обратившагося въ землю, и тревожить кости въ надеждѣ пріобрѣсти какое-нибудь украшеніе, закопанное съ умершимъ,—это такое преступленіе, которое подвергается такому же суду какъ и простой блудъ, о чемъ было говорено выше, причемъ предстоятель церкви изъ самой жизни врачуемаго долженъ усматривать лекарство для него, такъ что можетъ сократить продолженіе эпитиміи, опредѣленное правилами.

Правило 8.

Святотатство въ ветхозавѣтномъ Писаніи признано достойнымъ не меньшаго осужденія, какъ и убійство. Ибо и обличенный въ убійствѣ и похитившій посвященное Богу равно подвергались побіенію камнями (Исус. Нав. 7, 25.). Въ церковномъ же обыкновеніи, не знаю какъ, послѣдовало нѣкоторое снисхожденіе и послабленіе, такъ что очищеніе этого недуга принято болѣе легкое. Ибо преданіе отцевъ такимъ назначило эпитимію менѣе продолжительную, чѣмъ за прелюбодѣяніе. Во всякомъ же видѣ грѣха прежде всего надобно обращать вниманіе на то, каково расположеніе врачуемаго и для врачеванія достаточно считать не время (ибо какого исцѣленія можно ожидать только отъ времени?),

но добрую волю того, кто врачуешь себя покаяніемъ. Все это послѣ тщательнаго изслѣдованія собравши изъ того, что было подъ руками, усердно посылаемъ тебѣ, человекъ Божій, поелику надобно повиноваться повелѣніямъ братьевъ. Ты же, не переставай приносить о насъ обычныя молитвы Богу; ибо какъ почтительный сынъ, ты обязанъ родителю тебя по Бозѣ поддерживать въ старости твоими молитвами по зѣповѣди, повелѣвающей чтить родителей, *да благо ти будетъ и долгомлтенъ будши на земли.* (Исх. 20, 12.). Увѣренъ же, что ты примешь это письмо, какъ праздничный даръ и не презришь дара, хотя бы онъ былъ и ниже твоего высокаго духа.

ПИСЬМА.

I.

ГРИГОРІЙ НИССКІЙ ФЛАВІАНУ.

Не въ хорошемъ положеніи, человекъ Божій, наши дѣла. Ибо злоба, возрастающая въ людяхъ питающихъ къ намъ несправедливую и незаслуженную нами ненависть, уже не по какимъ-нибудь догадкамъ подозрѣвается, но обнаруживается открыто съ дерзновеніемъ, какъ бы какое доброе дѣло. Вы же, доселѣ не угрожаемые симъ зломъ, нерадите о прекращеніи пламени, свирѣпствующаго въ нашемъ сосѣдствѣ; между тѣмъ какъ люди, благоразумно пекущіеся о собственномъ (имуществѣ), съ великимъ усердіемъ тушатъ пожаръ у сосѣдей, и такимъ образомъ помогая своимъ ближнимъ, дѣлаютъ не нужною ихъ помощь при подобныхъ обстоятельствахъ. Но о чемъ я говорю? Оскудѣло въ мірѣ препода-

біе, удалилась отъ насъ *истиини*, (Псал. 11. 1); прежде хотя имя мира было у всѣхъ насъ въ устахъ, теперь же не только нѣтъ у насъ мира, но не осталось даже самого имени его. Для того же, чтобы яснѣе знать тебѣ на что жалуюсь, вкратцѣ изложу тебѣ самую трагедію.

Нѣкоторые сообщили, что достопочтеннѣйшій Емладій враждебно расположенъ противъ насъ и между всѣми распространяеть, будто я сдѣлался виновникомъ величайшихъ для него золъ. Я не довѣрялъ тому, что говорили, имѣя въ виду себя самого и (мою) правоту въ дѣлахъ. Но когда отъ всѣхъ единогласно до насъ стало доходить одно и то же и когда слухамъ стали соотвѣтствовать и дѣла, то я почелъ приличнымъ не оставлять безъ уврачеванія это еще неукоренившееся и не возросшее враждебное расположеніе. Поэтому я и занялся тщательно симъ предметомъ, пославъ письма и къ твоему благочестію и ко многимъ другимъ, кои могли быть полезны чѣмъ-либо въ настоящемъ дѣлѣ. Наконецъ совершивъ поминовеніе блаженнѣйшаго Петра, въ первый разъ совершаемое у Севастійцевъ, и обычно празднуемая у нихъ памяти святыхъ мучениковъ, которыя приходились въ одно и то же время съ этимъ поминовеніемъ, я возвращался обратно къ сво-

ей церкви. Когда же нѣкто далъ мнѣ знать, что Елладій находится въ сосѣднихъ горахъ, совершая памяти мучениковъ, я сначала продолжалъ прежній путь, рассуждая, что приличнѣе будетъ устроить свиданіе въ главномъ областномъ городѣ. Но когда на пути нарочито встрѣтилъ меня одинъ изъ знакомыхъ, и увѣрялъ меня, что онъ болѣнъ, то я, оставивъ повозку на томъ мѣстѣ, на которомъ дошелъ до меня этотъ слухъ, остальной путь, скалистый и не удобопроходимый отъ крутыхъ подъемовъ, совершилъ на конѣ. Разстоянія между нами было пятнадцать стадій. Прощеши иныя изъ нихъ пѣшкомъ, иныя съ трудомъ на конѣ, раннимъ утромъ, захвативши даже нѣкоторую часть ночи, въ первомъ часу дня я прибылъ въ Андумокины. Такъ называется мѣстность, гдѣ онъ съ другими двумя епископами отправлялъ церковное служеніе. Увидѣвъ издали, съ нѣкотораго холма, лежащаго выше селенія, что подъ открытымъ небомъ собралось церковное собраніе, мы тотчасъ пѣшкомъ отправились къ этому мѣсту, я и мои спутники, ведя за собой лошадей, такъ что къ одному и тому же времени пришлось и то и другое,—и онъ возвратился изъ церкви домой и мы приблизились къ храму мучениковъ. Безъ малѣйшаго промедленія отъ насъ посланъ былъ человекъ,—

возвѣститъ ему о нашемъ прибытіи; по прошествіи непродолжительнаго времени встрѣтился съ нами прислуживающій ему діаконъ, котораго мы просили поскорѣ увѣдомить его, чтобы намъ долѣе пробыть съ нимъ и найти (достаточно) времени для полнаго разъясненія и уврачеванія всѣхъ (недоразумѣній) между нами. Послѣ сего я сѣлъ подъ открытымъ небомъ, ожидая, не позоветъ ли кто насъ, и былъ неблаговременнымъ зрѣлищемъ для всѣхъ, пришедшихъ въ собраніе. Прошло не мало времени; притомъ, дремота, уныніе, усталость отъ пути усиливавшая уныніе, сильный зной, люди смотрѣвшіе на насъ и указывавшіе на насъ другъ другу пальцами,—все это было для меня до такой степени тяжело, что на мнѣ оправдалось слово Пророка: *уны во мнѣ духъ мой* (Пс. 142, 4.). Приближался уже часъ полудня и я сталъ сильно раскаяваться объ этомъ приключеніи, какъ будто я самъ подалъ поводъ къ такому безчестію. Но болѣе тяжелыя страданія, чѣмъ оскорбленія моихъ враговъ, причиняли мнѣ собственныя мои мысли, иѣкоторымъ образомъ, боровшіеся другъ съ другомъ и позднимъ размышленіемъ осуждавшіе то, что было мною предположено. Наконецъ едва отверзсты были намъ царскія палаты и мы вошли внутрь святилища; народу входъ сюда былъ воспрещенъ; со мною же вошелъ мой діаконъ, который

поддерживалъ рукою мое тѣло ослабѣвшее отъ утомленія. Сдѣлавъ привѣтствіе Елладію и постоявъ немного въ ожиданіи, не будетъ ли приглашенія сѣсть, — послыку ничего такого не послѣдовало, я обратившись присѣлъ на одной изъ дальнихъ ступеней, ожидая, не скажетъ ли онъ намъ чего-либо дружественнаго, человѣколюбиваго, или по крайней мѣрѣ не покажетъ ли чего такого хотя взглядомъ. Но все было вопреки нашимъ ожиданіямъ; съ его стороны молчаніе, какъ бы ночью, трагическое смущеніе, удивленіе, изумленіе и совершенное безмолвіе; прошло не мало времени въ тишинѣ, будто среди глубокой ночи. Я же особенно пораженъ былъ тѣмъ, что онъ не удостоилъ отвѣтить намъ хотя бы обычнымъ словомъ, какъ это обыкновенно водится между людьми при встрѣчѣ, — напримѣръ: добро пожаловать, или откуда идешь, или за чѣмъ, или какая цѣль прибытія? Это безмолвіе мнѣ представлялось подобіемъ жизни въ адѣ. Впрочемъ это сравненіе я не признаю вѣрнымъ, потому что въ аду господствуетъ совершенное равенство положеній, такъ какъ ничто изъ того, что составляетъ трагедію жизни на землѣ, не возмущаетъ пребывающихъ тамъ; ибо не сходитъ, какъ говоритъ пророкъ, вмѣстѣ съ людьми слава (Пс. 48, 18), но душа каждаго, оставивъ все, о чемъ теперь заботится большая часть людей, разумѣю над-

менность, превозношеніе, гордость, простою и безъ всякихъ прикрасъ преселается въ преисподнюю и уже никакое изъ здѣшнихъ злосчастій не касается ихъ. Но то, что было тогда, для меня дѣйствительно казалось или адомъ или темнымъ узилищемъ, или другимъ какимъ мрачнымъ мѣстомъ наказанія, когда я размышлялъ, какихъ благихъ обычаевъ наслѣдниками мы были отъ отцовъ нашихъ и что скажутъ о насъ потомки. Что сказать о любвеобильномъ отношеніи между собою отцевъ? Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что люди, будучи всѣ равночестны по естеству, не хотѣли ничего имѣть одинъ больше другаго, но по смиренію готовы были одинъ почитать другаго большимъ себя. Но особенно—то приходило мнѣ на мысль, что Владыка всей твари, Единородный Сынъ, Сущій въ нѣдрахъ Отчихъ, сущій въ началѣ, во образѣ Божіи Сый, всяческая носящій глаголомъ силы своей, не тѣмъ только смирилъ себя, что плотию водворился въ человѣческомъ естествѣ, но и предателя своего Іуду, приближавшагося съ лобзаніемъ, допустилъ къ своимъ устамъ, и вошедши въ домъ Симона прокаженнаго, какъ человѣколюбивый, порицалъ его за то, что онъ не привѣтствовалъ его лобзаніемъ. Меня же не сравняли даже и съ прокаженнымъ. Кто? Кого? Не могу найти различія. Откуда онъ низшелъ?

Гдѣ поверженъ я? ежели только кто станеть обращать вниманіе на мірскія преимущества. Ибо если кто станеть разбирать (преимущества) плоти: то вѣроятно безъ обиды можно сказать, что у обонхъ насъ равночестно и благородство и свобода. Ежели кто станеть искать истинной свободы и благородства по душѣ; то мы оба равно рабы грѣха; равно имѣемъ иужду во Вземлющемъ грѣхи; не мы, а Онъ избавилъ насъ своею кровію отъ смерти и грѣховъ; онъ и искупилъ насъ и не обнаружилъ никакого превозношенія въ отношеніи къ искупленнымъ, призывая мертвыхъ къ жизни, исцѣляя всякую болѣзнь и душъ итѣлесъ.

Поелику же эта гордость въ отношеніи къ намъ и эта высота надменія едва не досягала высоты небесъ; а я не усмотрѣлъ никакой причины и повода къ такому негодованію, чѣмъ извинялся бы этотъ недугъ; (страдають эту болѣзнію вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, когда или происхожденіе или образованіе или превосходство какихъ достоинствъ надмеваютъ людей суетныхъ нравомъ); то я не зналъ, какъ удержать себя въ спокойствіи, такъ какъ сердце мое волновалось отъ безразсудности всего что происходило, и не могло удержать помысловъ въ предѣлахъ терпѣнія. Въ это время я проникся особеннымъ удивленіемъ къ божественному

Апостолу, который такъ ясно изобразилъ происходящую въ насъ брань, говоря, что есть въ удахъ нашихъ нѣкоторый законъ грѣховный, противовоюющій закону ума и часто плѣняющій и покоряющій себѣ умъ (Римл. 7. 23.). Такую брань двухъ противоположныхъ помысловъ я ощущалъ въ себѣ самомъ; одинъ раздражалъ за обиду отъ высокомѣрія, другой — умѣрялъ волненіе. Послѣ того какъ по благодати Божіей худшее побужденіе не одержало перевѣса, я такъ сказалъ ему: «мое прибытіе не препятствуетъ ли тебѣ заняться врачеваніемъ твоего тѣла и не благовременно ли мнѣ уйти?» Когда онъ отвѣтилъ, что ему нѣтъ нужды пенсись о исцѣленіи тѣла, то я сказалъ ему нѣсколько по возможности успокоительныхъ словъ. Когда же онъ въ немногихъ словахъ далъ замѣтить, что огорченъ многими обидами съ нашей стороны, то я такъ отвѣчалъ ему: «ложь имѣетъ между людьми великую силу обмана; но судъ Божій не можетъ быть введенъ въ заблужденіе обманомъ; моя совѣсть во всѣхъ дѣлахъ, касающихся тебя, такъ спокойна, что позволяетъ мнѣ молиться о прощеніи другихъ моихъ согрѣшеній; если же я что сдѣлалъ противъ тебя, то пусть останется это навсегда безъ прощенія.» Оскорбившись этими словами, онъ не хотѣлъ уже и слушать дальнѣйшихъ объясненій. Было болѣе шести часовъ; была и

благоприличная баня; готовилось и угощеніе; день былъ субботній и праздникъ мучениковъ. А ученикъ Евангелія какъ подражаетъ евангельскому Владыкѣ? Тотъ, когда ѣлъ и пилъ съ мытарями и грѣшниками, порицавшимъ его отвѣчалъ, что дѣлаетъ это по человеколюбію; сей же почитаетъ беззаконіемъ и оскорбленіемъ общеніе въ трапезѣ послѣ такого труда, какой понесли мы въ путешествіи, послѣ того зноя, въ какомъ пеклись мы, когда сидѣли подъ открытымъ небомъ у его дверей, послѣ того печальнаго униженія, какому подверглись мы въ его очахъ; и онъ отсымаетъ насъ опять на прежнее мѣсто, тѣмъ же путемъ, когда тѣломъ мы уже изнемогли отъ слабости и утомленія, такъ что перенесши на пути еще множество злоключеній, мы едва позднимъ вечеромъ достигли до своихъ спутниковъ, потому что и облако, внезапно нагнанное бурей въ воздухъ, промочило насъ обильнымъ дождемъ до самыхъ костей; а мы по причинѣ чрезмѣрнаго зноя не запаслись чѣмъ защитить себя отъ дождя. Но по милости Божіей, какъ бы избавившись отъ бури и кораблекрушенія, мы съ радостію достигли своихъ спутниковъ, и отдохнувши ночью, живы и цѣлы вмѣстѣ съ другими добрались до нашихъ мѣстъ, вынеся изъ этой встрѣчи то только, что недавно полученная нами обида, обновила въ памяти все

прежде бывшее. Теперь необходимость заставляет насъ подумать о самихъ себѣ или лучше о немъ самомъ; ибо то самое, что его намѣренія, обнаружившіяся въ прежнихъ поступкахъ, не получили отпора, и довело его до такой непомятой надменности. Потому, чтобы онъ сталъ лучше, чѣмъ каковъ есть, можетъ быть надобно и мнѣ съ своей стороны предпринять нѣчто, чтобы онъ научился, что онъ человѣкъ, и что не имѣеть никакого права наносить обиды и безчестить людей съ нимъ одинаково мыслящихъ и равночестныхъ. Допустимъ, что съ моей стороны дѣйствительно было сдѣлано что-либо непріятное для него. Состоялся ли какой надъ нами судъ за дѣйствительные или подозрѣваемые поступки? Какія доказательства изобличили насъ въ неправдѣ? Какія противъ насъ приведены были правила? Какой законный епископскій приговоръ утвердилъ наше осужденіе? Если же и было что подобнаго, то по законамъ во всякомъ случаѣ была бы опасность относительно степени. А оскорбленіе людей свободныхъ и нанесеніе безчестія равночестнымъ, какими канонами узаконено? Праведный судъ судите, вы обращающіе взоры къ Богу, — чѣмъ извините оказанное намъ безчестіе? Если принимать во вниманіе достоинство по священству: то обоимъ намъ усвоены соборомъ равныя и одинаковыя пра-

ва, или лучше одинаково поручено попеченіе объ исправленіи общихъ дѣлъ. Если же кто, оставивъ въ сторонѣ достоинство по священству, обратитъ вниманіе на насъ самихъ: то въ чемъ одинъ изъ насъ имѣетъ преимущество предъ другимъ? Въ родѣ? Въ образованіи? Въ свободѣ отношеній къ знатымъ и благороднымъ? Въ познаніяхъ? Все это и у насъ можно найти, или въ равной степени, или во всякомъ случаѣ не въ меньшей. Можетъ-быть стануть говорить о богатствѣ? Не дай Богъ дойти до необходимости рассказывать о немъ съ этой стороны; достаточно указать только то одно, каковъ онъ былъ въ началѣ и каковъ сталъ теперь, и представить другимъ разслѣдовать способы, какими увеличилось (его) богатство, до настоящаго времени каждый почти день возрастающее и какъ бы питаемое добрыми распоряженіями. Итакъ, какую власть онъ имѣетъ оскорблять насъ, когда нѣтъ ни превосходства по происхожденію, ни пренумущества достоинствъ, ни избыточествующей силы въ словѣ, ни какой-либо услуги въ предшествующее время? Если бы все это и было, то и въ такомъ случаѣ обида въ отношеніи къ свободнымъ не извинительна. Но такъ какъ ничего такого нѣтъ, то я не думаю, чтобы мы хорошо сдѣлали, оставивъ такую болѣзнь гордости безъ врачеванія. Врачеваніе же состоитъ въ томъ,

чтобы смирить превозношеніе, уничтожить эту пустую надутость, чтобы нѣсколько разсѣялась горделивая надменность. А какъ сего достигнуть, предоставимъ попеченію Божию.

II.

О тѣхъ, которые предпринимаютъ путешествія въ Іерусалимъ.

Послику ты, возлюбленный, письмомъ спросилъ меня, то я почелъ приличнымъ отвѣтить тебѣ обо всемъ по порядку. Для посвятившихъ себя однажды высшему роду жизни, я признаю весьма полезнымъ, чтобъ они постоянно обращались къ словамъ Евангелія. И какъ выравнивающіе что-либо правиломъ, находящіяся въ рукахъ ихъ кривыя вещи по прямизнѣ правила дѣлаютъ прямыми: такъ думаю должно и мнѣ, примѣняя къ своимъ дѣйствіямъ какъ бы нѣкое прямое и неизмѣнное правило, разумѣю образъ жизни по Евангелію, по нему направлять себя къ Богу. Итакъ посліку есть люди изъ избравшихъ иноческую и отшельническую жизнь, которые считаютъ дѣломъ благочестія посѣтить мѣста Іерусалимскія, въ которыхъ видны памятники пребыванія во плоти Господа, то хорошо бы имъ посмотрѣть на правило, и если требуетъ

этого руководство заповѣдей, то дѣлать это дѣло, какъ повелѣніе Господне. Если же нѣтъ этого въ заповѣдяхъ Владыки, то не знаю гдѣ бы заповѣдано было желать дѣлать что-либо, ставя себя самого закономъ въ выборѣ добраго. Тамъ, гдѣ Господь призываетъ благословенныхъ къ наслѣдію царства небеснаго, путешествія въ Іерусалимъ Онъ не поставилъ въ числѣ добрыхъ дѣлъ. Тамъ, гдѣ Онъ возвѣщаетъ блаженства, не внесъ въ число ихъ усердія къ сему. Имѣющій же умъ пусть размыслить, зачѣмъ стараться дѣлать то, что не дѣлаетъ ни блаженнымъ, ни къ царствію небесному близкимъ? Хотя бы и было это дѣло полезно, и въ такомъ случаѣ совершеннымъ не такъ хорошо объ немъ ревновать. Но поелику это дѣло по тщательномъ разсмотрѣніи оказывается приносящимъ и вредъ душевный избравшимъ строгую жизнь, то оно должно быть предметомъ не ревности особой, но величайшей осторожности, чтобы рѣшившійся жить по Богу, не испыталъ какого-либо вреда. Что же въ семъ вреднаго? Благочестивый образъ жизни обязательнъ для всѣхъ и для мужей и для женъ; отличіе же жизни любомудрой, цѣломудренности; а она сохраняется при несмѣшанномъ и отдѣльномъ образѣ жизни, чтобы природа не оскорблялась смѣшеніемъ и тѣснымъ сближеніемъ ни женщинъ съ мужчинами, ни муж-

чинъ съ женщинами, козь скоро они стремятся къ соблюденію цѣломудрія. Но во время путешествія, необходимость всегда приводитъ къ нарушенію осторожности и къ безразличію въ соблюденіи правилъ; ибо женщины неудобно было бы совершить такой отдаленный путь, еслибъ она не имѣла охранителя; по физической слабости она и поднимается (къмъ-либо) на выючное животное, и спускается съ него, и въ трудныхъ случаяхъ поддерживается. А для того, чтобы поднимать, нужно имѣть или знакомаго, который исполнялъ бы эту услугу, или наемника, который бы прислуживалъ: въ обоихъ случаяхъ неизбѣжно здѣсь нареканіе. Ибо ввѣряетъ ли себя чужому или своему, — все не сохраняетъ закона цѣломудрія. А поелику въ восточныхъ странахъ, въ постоялыхъ дворахъ, въ гостиницахъ и городахъ много распущенности, и повода ко грѣху, то какъ можетъ быть, что бы уходящаго въ дымъ не стало рѣзать глаза? Гдѣ оскверняется слухъ, оскверняется и зрѣніе. оскверняется и сердце, принимая ненужное чрезъ зрѣніе и слухъ. Какъ можно пройти безстрастно мѣста, гдѣ дѣйствуютъ страсти? Да и что бѣльшаго получить тотъ, кто побываетъ въ этихъ мѣстахъ, какъ будто Господь доселѣ тѣлесно обитаетъ въ нихъ, а отъ насъ удаленъ, или какъ будто Духъ Святый обилуетъ между Іерусалимляна-

ми, а къ намъ не можетъ прейти? Напротивъ. если заключить о присутствіи Божіемъ потому, что видимъ, то скорѣе можно бы подумать, что Богъ болѣе пребываетъ среди Канадокійцевъ, нежели въ другихъ мѣстахъ. Ибо сколько у нихъ жертвенниковъ, при которыхъ прославляется имя Божіе! Едва ли въ цѣлой почти вселенной насчитаетъ кто столько жертвенниковъ. Потомъ, еслибы бѣлая была благодать въ мѣстахъ Іерусалимскихъ, то грѣхъ не водворился бы въ живущихъ тамъ. А теперъ, нѣтъ вида нечистоты, на который бы они не дерзали; у нихъ и лукавство, и прелюбодѣяніе, и воровство, и идолослуженіе и отравленіе и зависть и убійство, особенно между ними обыкновенно послѣдняго рода зло, такъ что нигдѣ нѣтъ такой готовности къ убійству, какъ въ сихъ мѣстахъ: единоименные подобно звѣрямъ ищутъ крови другъ друга, ради гнусной корысти.

Итакъ, тамъ гдѣ это бываетъ, чѣмъ ты докажешь, чтобы въ этихъ мѣстахъ была бѣлая благодать? Но знаю, что возражаютъ многіе противъ моихъ словъ. Они говорятъ: за чѣмъ же ты себѣ самому не предписалъ этого закона? Ибо если нѣтъ никакой пользы живущему по Богу быть тамъ, для чего ты напрасно предпринималъ такой путь? Выслушайте же мое оправданіе въ семь. Мнѣ по той необходимости, въ какой поставленъ я

жизнь отъ Правителя нашей жизни, случилось быть въ тѣхъ мѣстахъ ради святаго собора, созваннаго для устройства церкви Аравійской. А такъ какъ Аравія сопредѣльна странѣ Иерусалимской, то я общался предстателямъ святыхъ Иерусалимскихъ церквей прибыть къ нимъ на совѣщаніе, такъ какъ дѣла были въ замѣшательствѣ и нуженъ былъ у нихъ посредникъ. При томъ же и благочестивѣйшій императоръ доставилъ удобство пути, давъ общественную колесницу, а потому мнѣ не было нужды терпѣть то, что, какъ узнали, терпятъ другіе. Ибо колесница была для насъ и церковь и монастырь, гдѣ мы всю дорогу вмѣстѣ воспѣвали Господу и постились. И такъ нами никто да не соблазняется. только болѣе долженъ быть убѣдителенъ совѣтъ нашъ, потому что мы совѣтуемъ о томъ, что видѣли своими очами. Что явившійся Христосъ есть истинный Богъ, это мы исповѣдывали и прежде чѣмъ были на мѣстѣ, и послѣ сего вѣра не уменьшилась и не увеличилась. О вочеловѣченіи чрезъ Дѣву мы знали и прежде чѣмъ были въ Вифлемѣ; и воскресенію изъ мертвыхъ мы вѣровали прежде, нежели видѣли гробъ; что истинно было вознесеніе, исповѣдали прежде, нежели увидѣли гору Масличную. Ту только принесло намъ пользу путешествіе, что по сравненію мы узнали, что у насъ болѣе святаго, чѣмъ въ

другихъ странахъ. Иосему боящіеся Господа, хвалите Его въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ находитесь. Ибо перемѣна мѣста не приближаетъ къ намъ Бога. Но гдѣ бы ты ни былъ. Господь придетъ къ тебѣ, если обитель души твоей окажется такою, чтобы Господь могъ вселиться въ тебѣ и ходить (Лев. 26, 12.). А если внутренній твой человѣкъ полонъ лукавыхъ помысловъ, то хотя бы ты былъ на Голгофѣ, хотя бы на горѣ Масличной, хотя бы подъ памятникомъ воскресенія, ты столько далека отъ принятія Христа въ себя, сколько и тѣ, которые не исповѣдали мачала вѣры. Итакъ, возлюбленный, совѣтуй братьямъ изъ тѣхъ путешествовать къ Господу, а не изъ Каппадокіи въ Палестину. Если же кто выставитъ на видъ противъ сего слово Господа, заповѣдавшее ученикамъ не отлучаться отъ Іерусалима, пусть уразумѣетъ смыслъ сказаннаго. Поелику благодать Святаго Духа и раздаяніе (его даровъ) еще не было сообщено Апостоламъ, то Господь приказалъ имъ оставаться въ томъ же мѣстѣ, пока не облечутся силою свыше. Еслибы то, что было сказано, продолжалось до нынѣ, то есть, еслибы Духъ Святой раздавалъ бы каждому дары въ видѣ огня, то всѣмъ слѣдовало бы быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершается раздаяніе дарованій. А если Духъ, гдѣ хочетъ дышать, то и здѣсь увѣровавшіе дѣ-

лаются причастниками дарованія, по сходству вѣры, а не по причинѣ путешествія въ Иерусалимъ.

III.

По истинѣ почтеннѣйшимъ и благоговѣннѣйшимъ сестрамъ Евстафін и Амвросіи, и почтеннѣйшей и честнѣйшей дочери Василісѣ, Григорій *о Господѣ радоватися* (Дѣян. 15, 23.).

Встрѣча съ добрымъ и пріятнымъ людьми и памятники великаго человеколюбія къ намъ Господа, которые показывали мнѣ на мѣстѣ, были для меня предметомъ величайшей радости и веселія; потому что, въ томъ и другомъ, открылся для меня праздникъ Божій: и въ томъ, что я видѣлъ спасительные слѣды (пробыванія здѣсь) оживотворившаго насъ Бога, и въ томъ, что встрѣтилъ души, въ которыхъ духовно созерцаются таковыя же знаменія благодати Господней, такъ что вѣруешь, что по мстинѣ въ сердцѣ того, кто имѣетъ Бога, находится Внѣземъ, Голгоѳа, гора Елеонская, Воскресеніе. Ибо, въ комъ чрезъ добрую совѣсть вообразился Христосъ и кто, пригвоздивши божественнымъ страхомъ плоть свою, сораспявшись Христу и отложивъ отъ себя тяжелый камень житейской лести и вышедши изъ тѣлеснаго гроба, началъ ходить

какъ бы въ обновленіи жизни; кто, оставивъ дальнюю и неизменную жизнь человѣческую, и взошедши высокою пламенною любовію въ пренесбесное жителство, мудрствуя горняя, (пребываетъ тамъ) *идъже Христосъ* (Кол. 3, 2), кто не отягчась дебелиною плоти, болѣе чистою жизнію содѣлался на столько легкимъ, что плоть сопутствуетъ ему въ горняя подобно облаку: тотъ, по моему мнѣнію, есть самъ одно изъ вышеупомянутыхъ селеній, въ которыхъ видны памятники челоуѣколюбія о насъ Господа. Итакъ, поелику я видѣлъ и чувственнымъ взоромъ святая мѣста, видѣлъ при томъ и въ васъ явныя знаменія такихъ мѣстъ, то исполнился такой радости, которую никакое слово передать не можетъ. Но какъ какъ, по обыкновенію, для челоуѣка трудно, если не сказать невозможно, наслаждаться какимъ-либо благомъ безъ примѣси зла: то и у меня, ко вкушенію сладкаго примѣшалось нѣкоторое онущеніе горькаго, отъ чего, послѣ пріятнаго наслажденія радостнымъ, снова возвращался я въ отчество опечаленнымъ, рассуждал, что справедливо слово Господне: *весь міръ во зль лежитъ* (1 Іоанн. 5, 19), такъ что никакая часть вселенной не свободна отъ своей доли зла. Ибо, если мѣсто, принявшее святой слѣдъ истинной жизни, не свободно отъ злаго тернія, что же должно думать о прочихъ мѣстахъ, которымъ участіе

въ благѣ сообщено посредствомъ одного голыко слышанія и проповѣданія? Что имѣя въ виду, говорю я это, о томъ совершенно нѣтъ никакой нужды излагать на словахъ, такъ какъ самыя дѣла явственнѣе всякаго громкаго голоса гласять объ этихъ прискорбныхъ (вещаяхъ). Одну вражду узаконилъ намъ Законоположникъ нашей жизни, — разумѣю вражду ко змію, и ни въ чемъ другомъ не повелѣлъ намъ проявлять силу ненависти, какъ только въ отвращеніи отъ зла. *Вражду положу, говоритъ онъ, между тобою и между нимъ* (Быт. 3, 15.). Такъ какъ зло различно и многовидно, то слово Божіе даетъ разумѣть его подъ образомъ змія, густымъ наслоеніемъ чешун его означая многообразіе зла. Но мы, исполненіемъ желаній противника, сдѣлались союзниками змія, а ненависть обратили другъ на друга, лучше же сказать не на себя, но на Того, Кто далъ заповѣдь. Ибо Онъ говоритъ: *возлюбилши искренняго твоего и возненавидилши врага твоего* (Мѣ. 5, 43), повелѣвая признавать врагомъ одного только противника нашей природы, а всякаго, кто имѣетъ общее съ нами естество, называя ближнимъ каждаго изъ насъ. Но жестокосердый нашъ вѣкъ, удаливъ насъ отъ ближняго, сдѣлалъ то, что мы пригрѣваемъ змія и услаждаемся пестротою его чешуей. Я говорю о томъ, что ненависть къ врагамъ Божіимъ законна, и тако-

го рода ненависть угодна Господу. Врагами же я называю всѣхъ, кто какимъ бы то ни было образомъ отрицаетъ славу Господа,—будутъ ли то Іудеи, или явные идолопоклонники, или, по учению Арія, дѣлающіе для себя идоломъ тварь и воспроизводящіе заблужденіе іудейское. Если же Отець, Сынъ и Святой Духъ благочестиво чувствуются и принимаютъ поклоненіе отъ вѣрующихъ, и въ несліянной и нераздѣльной Святой Троицѣ признается единое и естество и слава и царство и власть надъ всѣми: то вражда можетъ ли быть оправдана основательною причиною? Когда преобладали еретическіе догматы, тогда съ опасностію для себя противодѣйствовать властямъ, (которыми, казалось, поддерживалось ученіе противниковъ) чтобы не порабощено было властями человѣческими спасительное слово, было дѣломъ хорошимъ; сынъ же, когда благочестіе явно проповѣдуется по всей вселенной, отъ одного края неба до другаго, враждующій противъ проповѣдниковъ благочестія вѣдетъ брань не съ ними, но съ Тѣмъ, Кто благочестиво проповѣдуется ими. Ибо, какая иная должна быть цѣль у того, кто имѣетъ божественную ревность, какъ не та, чтобы всѣми способами возвѣщать славу Божию? Ибо до тѣхъ поръ, пока Единородному Богу воздается поклоненіе отъ всего сердца, души

и помышленія, съ вѣрою отъ всѣхъ, что Онъ есть тоже, что и Отецъ; равнымъ образомъ, до тѣхъ поръ пока и Духъ Святыи прославляется единочестнымъ поклоненіемъ, — безъ мѣры мудрствующіе могутъ ли имѣть какой благовидный поводъ къ войнѣ, раздирая не нешвенный хитонъ, раздѣляя имя Господа между Павломъ и Кифою. гнушаясь приближеніемъ къ тѣмъ, которые покланяются Христу и едва открыто не провозглашая этого словами: «дальше отъ меня, не приближайся ко мнѣ; ибо я чистый!» Да дастся же имъ приобрести нѣсколько болѣе знанія, чѣмъ то, какого, по своему мнѣнію, они достигли. И какое знаніе больше того, какъ вѣровать. что истинный Сынъ Божій есть истинный Богъ? Съ исповѣданіемъ Его истиннымъ Богомъ соединяются всѣ благочестивыя и спасающія насъ понятія: что Онъ есть благъ, праведенъ, силенъ, не измѣняемъ, не дѣлается инымъ. всегда тотъ же. не можетъ измѣниться ни къ худшему, ни къ лучшему, потому что первое противно его природѣ, а второе невозможно; ибо что можетъ быть выше высочайшаго: что совершеннѣе всего временнаго? Такъ что созерцаемый во всемъ совершенствѣ блага, Онъ въ отношеніи ко всякому виду измѣненія имѣетъ свойство неизмѣнности и не въ одно какое-либо время проявилъ ее въ себѣ, но всегда былъ тако-

вымъ же: и до времени домостроительства (спасенія) и при самомъ домостроительствѣ, и послѣ того; ничего въ своемъ неизмѣнномъ и непремѣняемомъ естествѣ Онъ не измѣнилъ въ несоотвѣтствующій ему естеству видъ, въ дѣйствованіяхъ по отношенію къ намъ. Ибо неслѣнность и неизмѣняемость по естеству всегда остается тою же и не измѣняется вмѣстѣ съ природою низшею, когда соединяется съ нею по домостроительству, подобно солнцу, которое, бросая лучъ во мракъ, не омрачаетъ свѣтъ луча, но превращаетъ посредствомъ луча мракъ во свѣтъ. Такъ и свѣтъ истинный, возсіявшій во тмѣ нашей, не помрачался самъ тмнотою, но освѣтилъ собою мракъ. Поеліку же родъ человѣческій былъ во тмѣ, какъ написано: *ис познаша ниже уразумѣша, во тмѣ ходятъ* (Псал. 81, 5); то освѣтившій омраченную природу, проведши лучъ божества во весь составъ нашъ, — разумѣю душу и тѣло, содѣлалъ человѣчество причастникомъ въ собственномъ свѣтѣ, чрезъ тѣсное единеніе съ собою содѣлавши его тѣмъ, что и Самъ. И какъ Божество не подверглось тлѣнію, будучи въ тлѣнномъ тѣлѣ, такъ и не содѣлалось инымъ и не измѣнилось, врачуя измѣняемость души нашей. Такъ и во врачебномъ искусствѣ занимающійся лѣченіемъ тѣла, хотя прикасается къ болящему, но самъ не дѣлается больнымъ,

но исцѣляетъ больного. Да не подумаетъ однако кто-нибудь, превратно понимая изреченіе Евангелія, что природа наша во Христѣ въ слѣдствіе усовершенія послѣдовательно, мало-по-малу, претворялась въ болѣе божественную; потому что выраженія: «преуспѣвать *возрастомъ прелюдростію и благодатію*» (Лук. 2, 52), употребляются въ повѣствованіи Писанія для доказательства того, что Господь истинно воспріялъ нашу природу, дабы не имѣло мѣста мнѣніе утверждающихъ, будто вмѣсто истиннаго богоявленія, явился въкоторый призракъ, имѣющій видъ тѣлеснаго образа. Посему-то писаніе не стыдится повѣствовать о Немъ то, что свойственно нашей природѣ, (упомяная) о яденіи, о питіи, снѣ, утомленіи, питаніи и преусиженіи въ тѣлесномъ возрастѣ, возрастаніи, обо всемъ, что составляетъ отличительную принадлежность нашей природы, кромѣ влеченія ко грѣху. Ибо грѣхъ не есть существенное свойство нашей природы, но уклоненіе отъ нея. Подобно тому какъ и болѣзнь и уродство не отъ начала прирождены нашей природѣ, но составляютъ противосестественное явленіе; такъ и дѣятельность, направленную ко злу, должно признавать какъ бы какимъ искаженіемъ врожденнаго намъ добра; зло мы понимаемъ не какъ нѣчто самостоятельное въ нашей природѣ, но смотримъ на него какъ на

отсутствіе только добра. Посему, преобразовавшій нашу природу, давъ ей божественную силу, сохранилъ ее въ себѣ свободною отъ недостатковъ и болѣзни, не прінявъ поврежденія воли, происшедшаго отъ грѣха. Онъ *грѣха не сотвори*, говоритъ Писаніе, *ниже обрѣтется леть во устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22.). И это свойство мы усматриваемъ въ немъ не по истеченіи какого-либо промежутка времени, но тотчасъ, какъ содѣлался, (воплотившись) въ Маріин. человѣкомъ, въ которомъ премудрость создала себѣ домъ. По природѣ человѣческой Онъ произошелъ изъ вещества страстямъ подлежащаго, но вмѣстѣ съ нантіемъ Святаго Духа и осѣненіемъ силою Вышняго, содѣлался тотчасъ тѣмъ, чѣмъ былъ по естеству своему осѣнившій Его. Ибо *безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. 7, 7.).

Итакъ поелику сила Божества есть нѣчто безконечное и неизмѣримое, а человѣческое естество скоротечно и ничтожно, то какъ скоро Духъ снишелъ на Дѣву и Сила Вышняго осѣнила Ее, скінія, водруженная такимъ способомъ, не привлекла къ себѣ ничего изъ человѣческой тѣлности, такъ что въ семь составѣ, хотя и былъ человѣкъ, но въ то же время былъ и Духъ и благодать и сила; особенность нашей природы осіявалась (въ немъ) преизбыткомъ божественной силы. И поелику

существуютъ два предѣла человѣческой жизни: одинъ съ котораго начинаемъ и другой когда перестаемъ жить: то необходимо было Врачующему всю нашу жизнь, обнять насъ съ этихъ двухъ предѣловъ, чтобы, воспринявши наше начало и конецъ, съ той и другой стороны вознести горѣ долу лежащаго. Итакъ, что мы видимъ, при концѣ земнаго бытія, тоже разсуждаемъ и о началѣ его. Ибо, какъ тамъ по домостроительству (спасенія) онъ попустилъ расторженіе тѣла отъ души, причемъ недѣлимое Божество, разъ соединившись съ нашимъ естествомъ, не разлучилось ни отъ души ни отъ тѣла, но будучи съ душею въ раю, чрезъ разбойника открыло входъ въ него людямъ, тѣломъ же находясь въ сердцѣ земли, уничтожило нмущаго державу смерти (почему и самое тѣло называется Господомъ, вслѣдствіе присутствія въ немъ Божества): такъ и о душѣ разсуждаетъ, что сила Вышняго, чрезъ нанигіе Святаго Духа, примѣшавшись ко всему нашему естеству, стала существовать и въ душѣ нашей, какъ прилично ей быть въ душѣ, и соединилась съ тѣломъ, чтобы спасеніе наше было всецѣлымъ во всѣхъ отношеніяхъ, причемъ, какъ и въ началѣ человѣческой жизни такъ и въ концѣ ея, Божество сохраняетъ богоприличное и высокое безсмертіе. Ибо ни начало Его жизни не подобно началу нашей, ни ко-

нецъ его— нашему концу, но какъ тамъ, такъ и здѣсь Онъ проявилъ божескую власть, такъ какъ начало его не было осквернено страстію. ны конецъ не окончился истлѣніемъ. Итакъ, если мы провозглашаемъ и свидѣтельствуемъ, что Христосъ Божія сила и Божія премудрость, всегда неизмѣненъ, всегда нетлѣненъ, хотя и пребывалъ въ тлѣнномъ тѣлѣ, неоскверняемый самъ, но очищая оскверненное: что же несправедливаго въ томъ, и за что насъ ненавидятъ? И что значить это устроеніе противъ насъ новыхъ жертвенниковъ? Развѣ мы проповѣдуемъ инаго Іисуса, или другаго указываемъ? Развѣ мы изъясняемъ другія писанія? Развѣ кто изъ насъ осмѣлился назвать Святую Дѣву Богородицу челоѣкородицею, какъ слышимъ дерзко называютъ ее нѣкоторые изъ нихъ? Развѣ мы баснословимъ о трехъ воскресніяхъ? Или возвѣщаемъ тысячелѣтнее объяденіе? Или говоримъ о возстановленіи снова іудейскаго закланія въ жертву животныхъ? Развѣ мы обращаемъ надежды людей къ дольному Іерусалиму, измышляя возстановленіе его изъ вещества болѣе прекраснаго, чѣмъ камни? Есть ли что-нибудь такое за нами, за что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слѣдуетъ бѣжать отъ насъ и воздвигать противъ насъ другой жертвенникъ, какъ будто мы оскверняемъ святыню? Чувствуя раздраженіе и скорбь въ сердцѣ

отъ такихъ (несправедливостей), я тотчасъ, по возвращеніи въ свой главный областной городъ, положилъ написать къ любви вашей, чтобъ освободить отъ горечи свою душу. Вы же пребывайте въ томъ, къ чему будетъ руководствовать васъ Духъ Святой, ходя вслѣдъ Бога, не прилагаясь плоти и крови, не подавая нѣкоторымъ повода хвалиться (вами), чтобы они не хвалились въ васъ и славолюбіе ихъ не возрастало отъ вашей жизни. Помните о святыхъ отцахъ, которымъ вы поручены блаженнымъ отцомъ вашимъ и которыхъ мы удостоились по благодати Божіей быть преемниками. Не преступайте предѣловъ, которые положили отцы наши, не пренебрегайте языкомъ болѣе простаго проповѣданія и не отдавайте предпочтенія различнымъ послѣдующимъ ученіямъ, но согласуйтесь съ древнимъ правиломъ вѣры, и Богъ мира да будетъ съ вами, здоровыми душою и тѣломъ. Господь да сохранитъ васъ въ неплѣннѣи, о чемъ и молимся.

IV.

Къ Евсевію.

Когда, въ зимнюю пору, начинается увеличиваться продолжительность дня, съ посте-

пеннымъ возвышеніемъ солнца на небоскло-
вѣ, тогда мы празднуемъ Божоявленіе истин-
наго свѣта, возсіявшаго человѣческой жизни
во плоти: нынѣ же, когда свѣтло уже до-
стигло въ (своемъ) теченіи середины неба,
такъ что и день и ночь въ отношеніи одинъ
къ другой имѣютъ равную мѣру продолжи-
тельности, восхожденіе человѣческаго есте-
ства отъ смерти къ жизни дѣлается для насъ
предметомъ того великаго и вселенскаго праз-
дника, который совершаетъ въ это время
весь родъ человѣческій, принявшій таинство
воскресенія. Какой же будетъ предметъ мо-
его посланія? Такъ какъ есть обыкновеніе въ
эти всенародныя священномѣсячія выражать
всѣми способами присущее душамъ нашимъ
расположеніе, а многіе ознаменовываютъ свое
веселіе приношеніемъ отъ себя даровъ, то и
мы признали приличнымъ не пройти мимо
тебя, не одаривши нашими дарами, но при-
вѣтствовать твою высокую и великомудрую
душу бѣднымъ приношеніемъ отъ нашей ску-
дости. Приношеніе же наше предлагаемъ те-
бя въ этомъ письмѣ: а это письмо такого ро-
да, что въ немъ нѣтъ ни одного слова, из-
украшеннаго благозвучными и искусно сло-
женными выраженіями, за что посланіе могло
бы считаться подаркомъ у словесниковъ: но да
будетъ тебѣ даромъ таинственное золото, об-
вернутое какъ бы какою повязкою, вѣрою

христіанскою; я же постараюсь посредством сего письма, сколько возможно, раскрыть и обнаружить сокровенный его блескъ. И такъ намъ нужно обратиться опять къ началу (письма). Что значитъ, что именно въ то время, когда ночь достигла самаго высшаго предѣла и уже перестаетъ увеличиваться въ своей продолжительности, является намъ во плоти объемлющій все, и надъ всѣмъ владычествующій своею силою, необъемлемый даже всѣми умными (силами), во все содержащій и вселившійся въ тѣснѣйшемъ жилищѣ, такъ что великая сила содѣйствуетъ благой волѣ, и равнымъ образомъ куда только ни склоняется воля, необходимо, подобно тѣни, сопровождаетъ ее и слава; причемъ ни въ твореніи сила не оказывается слабѣе хотѣнія, ни въ намѣреніи снизойти до уничиженнаго естества нашего, по благодѣянію къ людямъ, не оказывается беспильною для этой цѣли, но являясь и въ этомъ состояніи, не оставляетъ и вселенную безъ управленія? Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, есть какая-нибудь причина (въ приуроченіи праздниковъ) къ тому и другому бремени, то почему въ то время Христосъ является во плоти, а въ равноденствіе, опять возстановляетъ къ жизни человека, разрѣшившагося нѣкогда въ землю чрезъ грѣхъ? Изложивши (причину сего) въ словѣ, сколько возможно короче, самое писаніе пред-

ставлю тебѣ вмѣсто дара. Конечно, ты уже предугадалъ, своею проникательностію, тайну, заключающуюся въ томъ, что постепенное увеличеніе ночи прекращается съ приращеніемъ свѣта и тма начинаетъ уменьшаться съ постепеннымъ увеличеніемъ дневной продолжительности? И для многихъ другихъ также, быть-можетъ, ясно, что тьма имѣетъ нѣчто сродное съ грѣхомъ, почему зло и называется этимъ именемъ въ Писаніи. Посему нѣкоторымъ объясненіемъ домостроительства о душахъ нашихъ, можетъ служить время, въ которое начинается таинство (нашего спасенія). Ибо, при безмѣрномъ уже распространеніи зла, нужно было, чтобы и для насъ начался день добродѣтельной жизни, при помощи Того, Кто вложилъ въ души наши такой свѣтъ, такъ чтобы свѣтлая жизнь, увеличиваясь преуспѣяніемъ въ добрѣ, расширялась бы какъ можно пространнѣе, а жизнь во злѣ, чрезъ постепенное уменьшеніе, сокращалась до самыхъ малыхъ размѣровъ; потому что увеличеніе добра есть уменьшеніе зла. Равноденствіе же, бывающее въ праздникъ воскресенія, даетъ понять собою, что зло, съ равными силами вступивши въ борьбу съ добромъ, уже не будетъ противостоять ему, какъ равное равному, но свѣтлая жизнь будетъ преодолевать, съ прекращеніемъ мрака идолопоклонства, съ увеличеніемъ дня. По-

чему и луна, совершивши свое теченіе въ продолженіи четырнадцати дней, обращается лицомъ къ солнечнымъ лучамъ, вполнѣ принимая на себя все обиліе блеска и ни въ одной своей части не оставляя мѣста для мрака. Смѣшивъ собою заходящее солнце, она не прежде заходитъ сама, какъ смѣшавши собственные лучи съ истинными лучами солнца, чтобы такимъ образомъ постоянно продолжался одинъ свѣтъ, въ продолженіи какъ ночнаго, такъ и дневнаго времени непрерываемый вторженіемъ тмы. Такое слово, любезная глава, приносимъ мы тебѣ въ даръ нашею скудною рукою. Да будетъ тебѣ вся жизнь праздникомъ и великимъ днемъ, сколько возможно болѣе чуждымъ ночнаго мрака.

V.

Къ недоувѣряющимъ (его) православію въ
Севастіи.

Нѣкоторые изъ единомышленныхъ съ нами братьевъ извѣстили насъ о злорѣчій противъ насъ, распространяемомъ людьми ненавидящими миръ, тайно оговаривающими своихъ ближнихъ и не боящимися страшнаго и великаго судилища Того, Кто возвѣстилъ, что потребуетъ отчетъ даже въ праздныхъ словахъ,

при будущемъ судѣ нашей жизни. Они говорятъ, что вины наши, о которыхъ разглашаетъ молва, состоятъ въ слѣдующемъ: что мы мыслимъ противно (Отцамъ), изложившимъ въ Никсѣ правую и здравую вѣру и приняли безъ разсужденія и испытанія въ общеніе вселенской церкви людей, имѣвшихъ вѣкогда собранія въ Анкирѣ (называемыхъ) по имени Маркедла. Посему, чтобы ложь не восторжествовала надъ истинною, мы въ другихъ писаніяхъ представили достаточное оправданіе во взводимыхъ на насъ обвиненіяхъ и утверждали, (призывая въ свидѣтели) Господа, что не отступали отъ вѣры святыхъ отцевъ, и не сдѣлали ничего безъ разсужденія и испытанія относительно принятыхъ въ церковное общеніе изъ сборища Маркедлова, но все сдѣлали въ согласіи съ православными и сослужителями нашими на востокѣ, которые поручили намъ заняться дѣломъ этихъ людей и одобрили сдѣланное нами. Поелику въ то время, какъ мы письменно издали оную аналогію, вѣкоторые изъ единомысленныхъ намъ братьевъ опять потребовали, чтобы мы отдѣльно и собственными словами представили изложеніе вѣры, которое вполнѣ убѣдило бы, что мы во всемъ слѣдуемъ богодухновеннымъ писаніямъ и преданію отцевъ, то мы признали нужнымъ кратко разсудить и объ этомъ. Мы исповѣдуемъ, что ученіе Господа, кото-

рое онъ предложилъ ученикамъ, предавши имъ таинство благочестія, есть основа и корень правой и здоровой вѣры, и вѣруемъ, что нѣтъ ничего ни выше ни тверже сего преданія. Ученіе же Господа таково: *идите, говорятъ, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19.). Итакъ, поелику животворящая сила, при возрожденіи отъ смерти къ вѣчной жизни дѣйствуетъ чрезъ Святую Троицу въ удостоившихся съ вѣрою благодати, и равнымъ образомъ несовершенна благодать, когда одно какое-либо изъ именъ Святыя Троицы опускается въ спасительномъ крещеніи; (ибо не безъ Духа во единомъ Сынѣ и Отцѣ совершается таинство возрожденія; ни безъ упоминовенія о Сынѣ, во Отцѣ и Духѣ, происходитъ совершеніе жизни въ крещеніи; также ни въ Отцѣ только и Сынѣ съ опущеніемъ Духа, достигается благодать воскресенія): то, посему, всю надежду и увѣренность въ спасеніи душъ нашихъ мы имѣемъ въ трехъ ипостасяхъ, означаемыхъ сими именами, и вѣруемъ во Отца Господа нашего Иисуса Христа, который есть источникъ жизни, и во единороднаго Сына Отчаго, который есть *начальникъ жизни*, какъ говоритъ Апостоль (Дѣян. 3, 15), и въ Святаго Духа Божія, о которомъ сказалъ Господь, что *Духъ есть, иже оживляетъ* (Іоан. 6, 63.). И послѣ-

ку для насъ, искупленныхъ отъ смерти, благодать нетлѣннѣя, какъ мы сказали, совершается въ спасительномъ крещеніи чрезъ вѣру въ Отца, Сына и Святаго Духа; то руководимые симъ мы вѣруемъ, что къ Святой Троицѣ не соприсчисляется ничего служебнаго, ничего тварнаго, ничего недостойнаго величія Отца: поелику едина есть жизнь наша, которой достигаетъ чрезъ вѣру во Святую Троицу, истекающая изъ Отца всѣхъ, происходящая чрезъ Сына и совершаемая во Святомъ Духѣ. Имѣя таковое убѣжденіе, крещаемся, какъ повелѣно, вѣруемъ же какъ крещаемся, а славословимъ какъ вѣруемъ, такъ что и крещеніе и вѣра и славословіе единогласно бываетъ во (имя) Отца, Сына и Святаго Духа. Если же кто говоритъ, что два или три Бога или три Божества, да будетъ анаѳема. И кто, согласно съ развращеннымъ ученіемъ Арія, говоритъ, что Сынъ или Духъ Святыи произошли изъ не сущаго, да будетъ анаѳема. Тѣ же, которые согласуются съ правиломъ истины и исповѣдаютъ три ипостаси. познаваемыя благочестиво въ ихъ собственныхъ свойствахъ, и вѣрують, что едино есть Божество, единая благодать, единое начало и власть и сила, тѣ которые не отвергають державы единачалія, и не впадаютъ въ многобожіе, не сливають ипостасей, и не слагають Святой Троицы изъ инородныхъ и

несходныхъ (сущностей), но въ простотѣ принимаютъ догматъ вѣры, вѣряя всю надежду спасенія своего Отцу Сыну и Святому Духу, — таковыя по нашему сужденію, мыслить одинаково съ нами; съ ними и мы молимся имѣть часть въ Господѣ.

VI. *)

Какъ и слѣдовало ожидать, Господь сохранилъ насъ, напутствованныхъ твоими молитвами, и я расскажу тебѣ о ясномъ свидѣтельствѣ Божіа къ намъ благоволенія. Ибо какъ только показалось солнце надъ тѣмъ мѣстомъ, которое мы оставили за собою, нашли большія тучи и ясная погода смѣнилась глубокимъ мракомъ. Холодный вѣтеръ, подувшій изъ тучи, влажный, обдававшій сыростью наши тѣла, грозилъ и дождемъ, какого еще не было; по лѣвую сторону слышенъ былъ немолкаемый громъ, а ослѣпительныя и непрерывныя молніи предшествовали ударамъ грома; всѣ же горы и впереди и назадъ и со всѣхъ сторонъ были покрыты облаками. Но небольшое облако, бывшее надъ нашею го-

---

*) Въ некоторыхъ спискахъ это писаніе издѣшивается „Авлавію.“ Оно писано или послѣ возвращенія св. Григорія изъ заточенія (ок. 378 г.), или послѣ Собора II вселенскаго (381 г.).

ловою, разрѣшилось дождемъ послѣ того, какъ унесено было сильнымъ вѣтромъ, и мы, подобно Израильтянамъ, чудесно водимымъ Богомъ, окруженные со всѣхъ сторонъ водами, немокренно совершали путь до Вестины. Уже тогда, когда мы остановились здѣсь и дали отдыхъ муламъ, Богъ попустилъ птти проливному дождю. Послѣ того какъ мы провели здѣсь три или четыре часа и достаточно отдохнули, Богъ опять удержалъ дождь, и повозка покатила еще быстрѣе, чѣмъ прежде, потому что по сырой и слегка смоченной дождемъ землѣ, колеса катились гораздо легче. Дорога отъ этого мѣста до нашего города вся идетъ берегомъ рѣки, направляясь по теченію ея. По берегамъ рѣки постоянно встрѣчаются селенія; всѣ они расположены при дорогѣ и находятся другъ отъ друга на небольшомъ разстояніи. Вся эта дорога, вслѣдствіе частыхъ жилищъ на ней, постоянно наполнена людьми, которые то встрѣчали, то сопровождали насъ и къ радости примѣшивали обильныя слезы. Небольшой дождикъ освѣжилъ воздухъ; а недалеко до городка, нависшее облако разрѣшилось сильнѣйшимъ ливнемъ, такъ что пріѣздъ нашъ совершился тихо, когда никто не ожидалъ нашего прибытія. Но какъ только мы вѣхали подъ порткъ и послышался шумъ отъ нашей повозки вслѣдствіе сухости почвы, не знаю отку-

да и какъ, какъ бы чудомъ какимъ во множествѣ появился народъ, столпившійся вокругъ насъ со всѣхъ сторонъ, такъ что намъ невозможно было даже сойти съ повозки: ибо нельзя было найти мѣста, не занятаго народомъ. Едва намъ удалось упросить, — дать намъ возможность вытти изъ повозки и дать дорогу нашимъ муламъ: такъ были мы стѣснены со всѣхъ сторонъ стекшимся народомъ, что чрезмѣрное расположеніе къ намъ чуть не сдѣлалось причиною обморока. Когда же идя по галереѣ мы очутились недалеко отъ входа (въ церковь), то увидѣли огненный потокъ, текущій въ церковь; ибо хоръ дѣвственницъ, неся въ рукахъ восковыя свѣчи, правильными рядами подвигался ко входу церковному, со всѣхъ сторонъ освѣщенный огнями. Вошедши же въ церковь и раздѣлившись съ народомъ и радость и слезы (ибо невозможно было не испытать того и другаго, видя выраженіе тѣхъ же чувствъ), я вмѣстѣ и кончилъ молитвы и мучимый жаждою поспѣшилъ начертать твоей святости сіе письмо, чтобы послѣ письма заняться удовлетвореніемъ потребности своего тѣла.

VII. *)

У насъ есть законъ повелѣвающій: плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися (Рим. 12, 15); но изъ двухъ частей этого закона у насъ, обыкновенно, находятъ приложеніе въ жизни только одна; потому что радующихся очень мало, такъ что нелегко найти такихъ, которымъ мы могли бы сочувствовать въ ихъ счастіи; исполняющихъ же другую часть—великое множество. Это говорю я въ видѣ предисловія къ той несчастной трагедіи, которую какой-то злой демонъ разыгралъ среди тѣхъ, которые изавна извѣстны были своимъ благородствомъ. Юноша благороднаго происхожденія, по имени Синезій, не чуждый моему роду, въ цвѣтѣ лѣтъ, почти еще не начавшій жить, находится въ великой опасности, отъ которой избавить его можетъ одинъ только Богъ, а послѣ Бога ты, которому ввѣрена власть утверждать приговоръ о смерти и жизни. Несчастіе случилось неволью; да и кто добровольно желаетъ быть несчастнымъ? И теперь несчастіе вмѣняютъ ему въ преступленіе тѣ, кото-

---

*) Вѣроятно писано къ Кинезію,—префекту Преторіи (384 — 390 г.), какъ и послѣдующія 9 и 10.

рые затѣяли противъ него этотъ уголовный процессъ. Но этихъ я собственными своими письмами попытаюсь убѣдить оставить гнѣвъ; тебя же прошу, чтобы твое благорасположеніе было неразлучно съ справедливостью въ отношеніи къ намъ, дабы надъ бѣдствіемъ юноши одержало верхъ твое человеколюбіе, избрѣсти всѣ средства, чтобы юноша избавился отъ опасности, побѣдивши при твоёмъ содѣйствіи злаго демона, возставшаго противъ него. Вкратцѣ я сказалъ все, чего желаю; разсуждать же въ подробности о томъ, какъ бы лучше привести къ концу это дѣло, не стану: ибо не мнѣ говорить объ этомъ, и не тебѣ—выслушивать наставленія.

VIII.

Чѣмъ въ особенности возбуждаетъ удивленіе мудрецовъ царь македонскій (ибо удивляются не столько его побѣдамъ въ Мидіи и его подвигамъ въ Индіи и по берегамъ океана, сколько его изреченію, что въ друзьяхъ заключается его сокровище), тѣмъ и я самъ осмѣливаюсь превозноситься; что касается до этого дивнаго изреченія его, то и мнѣ прилично сказать тѣ же слова. Потому что я богатъ друзьями, и можетъ быть этимъ стяжаніемъ превосхожу даже того, кто хвалился

этимъ. Былъ ли у него такой другъ, какъ у меня ты, который стремится превзойти самаго себя во всякомъ родѣ добродѣтелей? Никто конечно не можетъ эти мои слова заподозрить въ лести, если обратитъ вниманіе на мои лѣта, и на твою жизнь: ибо лестъ уже не пристала съдѣнѣ и старость неспособна къ льстивымъ рѣчамъ; похвала же тебѣ, хотя бы то было въ пору лести, не можетъ быть заподозрѣна въ ласкательствѣ, когда жизнь лучше всякихъ словъ говорить о твоихъ достоинствахъ. А такъ какъ богатымъ свойственно умѣнье пользоваться тѣми благами, которыя они имѣютъ; самое же лучшее употребленіе богатства состоитъ въ предложеніи друзьямъ тѣхъ благъ, которыми владѣешь; другъ же болѣе всѣхъ близкій мнѣ по благородству во всѣхъ отношеніяхъ,—возлюбленнѣйшій сынъ Александръ: то позволь мнѣ показать ему мое сокровище, и не только показать, но и дать ему возможность изобильно насытиться имъ, когда ты окажешь ему свое содѣйствіе въ томъ, ради чего онъ идетъ къ тебѣ, нуждаясь въ твоёмъ покровительствѣ. Но онъ расскажетъ все самъ; ибо такъ будетъ гораздо приличнѣе, чѣмъ мнѣ писать въ этомъ письмѣ обо всемъ подробно.

IX. *)

Говорятъ, что актеры въ театрахъ производятъ такія чудныя вещи: взявши разсказъ изъ исторіи, или какое-нибудь изъ древнихъ повѣствованій содержаніемъ своей удивительной игры, они самымъ дѣйствіемъ разсказываютъ зрителямъ исторію и представляютъ такимъ образомъ въ лицахъ историческія событія. Надѣвая костюмы и маски и при помощи занавѣсовъ представляя нѣкоторое подобіе города близь оркестра, и приспособляя открытое мѣсто сцены для живаго подражанія дѣйствіямъ, возбуждаютъ удивленіе въ зрителяхъ; сами они подражаютъ историческимъ дѣяніямъ, а занавѣсы представляютъ какъ бы городъ. Но къ чему веду я объ этомъ рѣчь? Такъ какъ намъ необходимо не городъ показать приходящимъ какъ бы городомъ; то я прошу тебя сдѣлаться на время жителемъ нашего города, хотя бы только показаться имъ, (я же постараюсь, чтобы пустынное мѣсто показалось городомъ): потому что для тебя и путь невеликъ и удовольствіе, которое ты доставишь, весьма значительно. Ибо мы желаемъ показать себя са-

---

) Въ спискѣ Мецциейского изданія вѣстаетъ: „Статирно.“

михъ гостямъ въ возможномъ блескѣ, украшая себя, вмѣсто всякаго другаго украшенія, вашимъ блескомъ.

Ж.

Какіе цвѣты, какіе голоса пѣвчихъ птицъ столько пріятны весною, ласкаютъ ли затихшее море столько легкіе и пріятные вѣтры, увеселяетъ ли столько земледѣльца поле, или обильное посѣвомъ, или волнующееся плодовыми колосьями, сколько отрадна среди скорби, для жизни нашей духовная весна, возникающая отъ умнротворяющаго твоего свѣта, благодаря блеску твоихъ писемъ? Такимъ образомъ можетъ быть прилично будетъ намъ примѣнить къ настоящимъ благамъ пророческое слово: *по множеству больней въ сердцѣ утѣшенія* Божія, благодаря добротѣ твоей, *возвеселиша душу* нашу (Ис. 93, 19), подобно лучамъ солнечнымъ согрѣвая нашу жизнь, замерзшую отъ холода. Ибо то и другое одинаково достигло высшей степени, говорю о тягости нашихъ скорбей и о сладости твоей доброты. И если только благою вѣстію о своемъ прибытіи ты столько обрадовалъ насъ, что во всемъ у насъ крайняя печаль смѣнилась свѣтлою радостію; то чего не сдѣлаетъ одинъ видъ твой, когда прибу-

дешь къ намъ ты, мужъ достопочтенный и добрѣйшій. Какое утѣшеніе получитьъ душа наша, внимая сладкому твоему голосу! Но да исполнится все это какъ можно скорѣе при помощи Божіей, подающей малодушнымъ успокоеніе и сокрушеннымъ отраду! А о насъ знай, что когда мы взглянемъ на себя, то сильно скорбимъ о настоящихъ обстоятельствахъ, да и враги наши не перестаютъ (преслѣдовать насъ); но когда обращаемся мыслями къ твоей досточтимости, то исповѣдуемъ, что велика милость все устрояющаго ко благу Владыки, потому что намъ позволено по сосѣдству насладиться твоимъ пріятнымъ и добрымъ расположеніемъ къ намъ и сколько угодно до избытка насытиться такою пищею, еслибы только возможно было когда-нибудь насытиться ею!

XI. *)

„Добрые боги, какой вы мнѣ дѣнь даровали! О радость! Слышу, какъ свистъ мой и вукъ мой, другъ съ другомъ о храбрости спорятъ. **)

Пріискивая, какое бы сдѣлать приличное и прямо свойственное письму начало, я въ при-

*) Надписывается: „Евпатрію Сходастиву,“ вѣроятно еще язычнику.

***) Одиссея. Вѣнь XXIV, ст. 510.

вычныхъ для меня чтенійхъ, говорю о (Священномъ) Писаніи, не могъ найти ничего такого, чѣмъ бы воспользоваться; не потому, чтобы не могъ тамъ найти ничего подходящаго, но потому, что считаю излишнимъ писать подобное незнающимъ (писаній). Ибо занятія внѣшними науками служатъ намъ доказательствомъ того, что ты не имѣешь ни малѣйшаго попеченія о наукахъ божественныхъ. Итакъ я не буду говорить съ тобой о нихъ, а начну рѣчь съ твоей ученостью о знакомомъ тебѣ. Учитель вашей науки изображаетъ, какъ нѣкто по обычаю старцевъ, радовался послѣ продолжительной своей скорби, видя предъ собою сына своего и вмѣстѣ внука отъ этого сына, который служитъ предметомъ радости. Состязаніе Одиссея съ Телемакомъ о первенствѣ въ храбрости, которое еще памятно Кефаллинамъ, очень пригодно для цѣли нашего слова. Потому что ты и твой достойный всякаго удивленія отецъ, раздѣливши меня цвѣмъ между собою, какъ тѣ Лаерта, стараются превзойти всѣхъ благородныхъ мужей въ почтительности и благосклонности ко мнѣ. онъ оттуда, а ты изъ Каппадокіи, осылая меня письмами. Что же я, старецъ? Самымъ счастливымъ считаю тотъ день, въ который вижу такое соревнованіе сына съ от-

цемъ. Итакъ никогда не переставай оправдывать справедливыя желанія относительно тебя добраго и дивнаго отца и старайся превзойти отеческую славу прекрасными подвигами. Для васъ обоихъ я буду пріятнымъ судьей: тебѣ отдавая предпочтеніе предъ отцомъ, отцу же—предъ тобою. Мы же представимъ собою Итаку, страну грубую не столько вслѣдствіе каменистой почвы, сколько вслѣдствіе грубости нравовъ жителей; въ ней много жениховъ и истребителей достоинства женщины, за которую они сватаются, и тѣмъ самымъ оскорбляющихъ невѣсту, что грозятъ цѣломудрію бракомъ, поступая, какъ думаю, достойно какой-нибудь Меланѣ *) или другой подобной. А владѣющаго въ совершенствѣ лукомъ нѣтъ нигдѣ! Какъ я разговаривалъ по старческому обыкновенію о предметахъ, нисколько намъ неприличныхъ! Но да простится мнѣ это снисходительно ради моей старости! Ибо естественно, что у стариковъ, какъ зрѣніе слабѣетъ и всѣ члены отъ расслабленія старческаго опускаются, такъ и въ разговорѣ является болтливость. Ты же, какъ прилично юношѣ, встрѣтивъ насъ быстрыми и оживленными рѣчами, какъ бы помолодишь старость. прекраснымъ и при-

*) Служанка Пенелопы, угрожавшая Одиссею ударомъ, если онъ не удалится изъ дома.

личнымъ попеченіемъ о старости оказывая помощь преклонному возрасту.

ХІІ.

Обыкновенно прелесть весны наступаетъ не вдругъ, но предвѣстниками этого времени года бываютъ: лучи солнца нѣжно обогрѣвающіе затвердѣлую почву, цвѣты полуприкрытые землею и вѣтеръ обвѣвающій землю, чтобы глубоко проникла въ нее производительная и животворная сила воздуха. Можно видѣть и едва зазеленѣвшую траву и возвращеніе птицъ, которыхъ изгналъ зимній холодъ и многое другое, что можно назвать скорѣе признаками весны, чѣмъ самою весною. Но и это все пріятно, потому что служить предвѣстникомъ еще пріятнѣйшаго. Къ чему же я направляю свою рѣчь? Поелику предвѣстникъ того, что въ тебѣ драгоцѣнно, твоя благосклонность достигшая до насъ при помощи писемъ, хорошимъ началомъ возвѣщаетъ о томъ, чего мы можемъ ожидать отъ тебя: то и принимаемъ мы любовь, проявляющуюся въ этихъ письмахъ, какъ первый цвѣтокъ весны и умоляемъ тебя доставить намъ возможность скорѣе насладиться въ тебѣ полною весною. Ибо много, какъ хорошо ты знаешь, очень много потеряли мы огор-

ченій отъ жесткости и грубости нравовъ здѣшнихъ жителей. И какъ ледъ на кровляхъ домовъ мало по малу увеличивается отъ притекающей воды (заимствуя сравненіе изъ того, что бываетъ у насъ), и вновь притекающая влага, если разольется по замерзшей поверхности, и сама застываетъ на льду и увеличиваетъ его массу; такъ нѣчто подобное усматривается въ нравахъ многихъ жителей сего мѣста, такъ что они постоянно придумываютъ и изобрѣтаютъ что-нибудь для огорченія, и къ совершенному прежде злу прилагаютъ другое, а къ этому еще иное, и опять новое, и такъ бываетъ непрерывно, и нѣтъ предѣла ненависти и приумноженію зла; такъ что намъ нужно много молиться, чтобы вскорѣ повѣяла благодать Духа, уничтожила горечь ненависти и сокрушила твердый ледъ ихъ злобы. Посему хотя весна пріятна и по самой природѣ своей, но она бываетъ еще вожделѣннѣе для тѣхъ, кои ожидаютъ тебя послѣ такой зимы. Итакъ да не замедлитъ явиться эта радость. Кромѣ того при приближеніи уже священнаго для насъ дня, благопріличнѣе было бы отечеству украситься своими, чѣмъ Понту — нашими. Итакъ приходи, возлюбленная глава, неся намъ обиліе благъ, — самого себя; ибо въ этомъ будетъ состоять полнота нашихъ благъ.

XIII. *

Слышалъ я отъ нѣкотораго врача разсказъ объ одномъ странномъ дѣйствіи природы. Вотъ его разсказъ: нѣкто. говоритъ, страдалъ какою-то изъ самыхъ трудно-излѣчимыхъ болѣзней и упрекать врачебное искусство въ томъ, что оно меньше можетъ сдѣлать, чѣмъ сколько обѣщать; ибо все, что ни придумывали для излеченія его болѣзни, не имѣло успѣха. Потомъ когда онъ получилъ сверхъ чаянія какую-то пріятную вѣсть, то счастливый случай замѣняетъ (врачебное) искусство и освобождаетъ этого человѣка отъ болѣзни, потому ли, что душа избыткомъ радости подѣйствовала вѣстѣ съ тѣмъ и на состояніе тѣла, или почему-нибудь иному, — не могу сказать; ибо мнѣ некогда любознательствовать о подобныхъ вѣщахъ, а рассказывавшій объ этомъ не указалъ причины такого явленія. Какъ мнѣ думается, я благовременно вспомнилъ теперь объ этомъ разсказѣ. Ибо чувствуя себя не такъ хорошо какъ бы хотѣлось (теперь нѣтъ нужды перечислять въ точности причины всѣхъ печалей, которыя по-

---

*) Подъ именемъ „Иванъ“ подразумѣваю Соснгу, какъ и послѣдующее.

стигли меня съ тѣхъ поръ, какъ былъ я у васъ и донынѣ, я неожиданно услышалъ отъ кого-то о твоёмъ единственномъ наставникѣ, письмѣ, и загѣмъ немедленно получивши его и пробѣжавши написанное, тотчасъ пришелъ въ такое состояніе духа, какъ будто получилъ похвалу отъ всего міра за какіе-нибудь прекрасные подвиги: такъ высоко я чту твой похвальный отзывъ, которымъ ты обрадовалъ насъ въ письмѣ. Послѣ того п состояніе тѣла моего тотчасъ измѣнилось къ лучшему,—и вотъ теперь я самъ передаю тебѣ такой же странный разсказъ, потому что тоже самое письмо я читалъ сначала больной; а потомъ совершенно здоровый. Но объ этомъ довольно. Поеленку же причиною этой радости для меня былъ Книжій; то какъ великъ ты имѣя возможность въ избыткѣ твоего благодѣянія, дѣлать добро не только намъ, но и благодѣтелямъ нашимъ! Благодѣтель же этотъ нашъ, какъ я сказалъ, былъ поводомъ и причиною того, почему мы получили отъ тебя письмо и поэтому достоинъ благодѣшій. Если же желаешь узнать о нашихъ наставникахъ, отъ которыхъ, кажется, мы научились кое-чему, то найдешь, что это Павелъ и Іоаннъ и прочіе апостолы и пророки, если не покажется дерзостію съ нашей стороны, присвоить себѣ наставленіе отъ такихъ мудре-
жей. Если же ты говоришь о вашей мудро-

сти, то умѣющіе судить говорятъ, что отъ тебя она истекаетъ, распространяясь затѣмъ на всѣхъ, которымъ не чуждо искусство краснорѣчія. Ибо я слышалъ, какъ при всѣхъ говорилъ это твой ученикъ, а мой отецъ и наставникъ дивный Василій. Знай же, что я не обильно пользовался наставленіями учителей, что немного жилъ въ сообществѣ своего брата и лишь настолько наставленъ былъ божественнымъ его языкомъ, насколько необходимо было, чтобы понимать невѣжество тѣхъ, кто не посвященъ въ тайны краснорѣчія; потомъ же и самъ я, когда находилъ свободное время, со всѣмъ усердіемъ занимаясь имъ, былъ страстнымъ почитателемъ красоты вашей рѣчи, и однакожь никогда не могъ достигнуть желаемого. Итакъ, съ одной стороны, какъ скоро я самъ сужу о себѣ, у насъ не было ни одного учителя (краснорѣчія); а съ другой стороны непозволительно было бы признать неправильнымъ твое мнѣніе о насъ. Въ такомъ случаѣ конечно справедливы и ваши слова, и мы не заслуживаемъ быть отверженными судьей, какъ ты. Позволь же имѣть смѣлость приписать тебѣ причину такихъ (успѣховъ). Ибо если Василій есть виновникъ нашего краснорѣчія, а онъ богатство своего слова получилъ отъ твоихъ сокровищъ; то и мы владѣемъ твоими богатствами, хотя и получили ихъ чрезъ другихъ. Не велико

это богатство; но, — немного воды въ амфорахъ, однакожь эта вода изъ Нила.

XIV.

По нѣкоторому отечественному установленію Римляне обыкновенно совершаютъ праздникъ около той поры зимняго времени, когда солнце, поднимаясь въ верхнія пространства неба, начинаетъ увеличивать продолжительность дня. Священнымъ почиталось начало этого мѣсяца, и поэтому дню гадая о цѣломъ годѣ, тщательно замѣчаютъ разныя счастливыя обстоятельства, радости и полученія выгодъ. Что же я имѣю въ виду, такъ начиная свое письмо? То, что и я провелъ этотъ праздникъ, подобно тѣмъ, обрадованный полученіемъ золота; ибо въ этотъ день и въ моихъ рукахъ было золото, но не это обыкновенное золото, которое любятъ правители и которымъ дарятъ богатые, — тяжелое, постыдное и бездушное стяжаніе, — но то, которое для людей, имѣющихъ умъ, выше всякаго богатства, но истиннѣ самый прекрасный подарокъ, по Пиндару; я говорю о твоемъ письмѣ и великомъ богатствѣ, въ немъ заключающемся. Ибо случилось такъ, что я отправляясь въ этотъ день въ главный городъ Каппадокійцевъ, встрѣтился съ однимъ изъ

своихъ друзей, который и подаль мнѣ этотъ подарокъ—письмо, какъ бы вѣкое свидѣтельство праздника. Я же, весьма обрадованный этимъ счастливымъ обстоятельствомъ, предложилъ это сокровище всѣмъ со мною бывшимъ, и всѣ пользовались имъ каждый исполнѣ, безъ всякаго соревнованія и я не потерпѣлъ отъ этого ущерба; ибо, переходя изъ рукъ въ руки, письмо стало собственнымъ богатствомъ каждаго, потому что одни при помощи постоянного чтенія удержали изреченія въ памяти, другія же внесли ихъ въ записныя книжки, и наконецъ оно опять было въ моихъ рукахъ, доставляя мнѣ больше удовольствія, чѣмъ золото глазамъ богачей. Поелику же и въ земледѣльцахъ (я беру сравненіе изъ круга хозяйственнаго) возбуждаетъ большую охоту къ перенесенію дальнѣйшихъ трудовъ похвала за прежніе; то и намъ позволъ отплатить тебѣ тѣмъ, что ты самъ далъ и поэтому написать къ тебѣ, чтобъ и тебя вызвать къ дальнѣйшей перенескѣ. Для общей пользы умоляю тебя не думать болѣе о томъ, чѣмъ ты угрожалъ намъ въ намекахъ подъ конецъ письма. Ибо говорю, что нельзя назвать хорошимъ того твоего рѣшенія, что ты осуждаешь краснорѣчіе и рѣшаешься на молчаніе во всю жизнь потому только, что вѣкоторые дурно дѣлають, измѣняя греческому языку ради варварскаго и дѣ-

лаясь взаимными войнами, слава краснорѣчія предпочитаютъ воинское жалованье. Ибо кто же будетъ говорить, если ты приведешь въ исполненіе свою жестокою угрозу краснорѣчю? Но ужѣстно, можетъ быть, припомнить здѣсь ничто изъ вавилона Цисанія. Ибо законъ нашъ повелѣваетъ тѣмъ, которые имѣютъ возможность дѣлать добро, не взирая на расположеніе тѣхъ, кому оказывается благодѣяніе, не такъ, чтобы заботиться только о признательныхъ и отказывать въ благотвореніи неблагодарнымъ, но подражать Промыслителю вселенной, который допускаетъ къ участию въ благахъ творенія всѣхъ, какъ добрыхъ такъ и злыхъ (Матѣ. 5, 45). Имѣя въ виду это, дивныйъ мужъ, оставайся навсегда въ жизни, такимъ, какимъ былъ ты въ прошедшее время. Ибо не видящіе солнечнаго свѣта не могутъ помѣшать существованію солнца. И такъ невозможно допустить и того, чтобы блескъ твоего краснорѣчія помрачился отъ того, что есть люди съ помраченными чувствами души. Квингія же умоляю, какъ можно больше удаляться той общей болѣзни, которою нынѣ страдаютъ юноши, и добровольно заниматься наукою краснорѣчія. Если же онъ думаетъ объ этомъ иначе, то справедливо принудить его къ этому и невольно, потому что тѣ, которые прежде сего не занимались наукою краснорѣчія, подлинно яв-

ляются теперь жалкими существами и терпят великій позоръ.

XV. *)

И во всѣхъ почти вещахъ, которыя дѣлаютъ счастливыми ихъ обладателей, мы Каппадокійцы нуждаемся, а въ особенности недостатокъ у насъ въ переписчикахъ. Это-то обстоятельство и было причиною продолжительнаго молчанія. Ибо много уже прошло времени съ тѣхъ поръ какъ я составилъ «обличеніе ереси», но у меня не было переписчика; такой недостатокъ въ писцахъ по справедливости наводитъ на насъ подозрѣніе въ лѣности или въ безсиліи что-нибудь написать. Но поелику теперь по милости Божіей нашелся писецъ и исправитель написаннаго, то я и посылаю вамъ это сочиненіе, не въ видѣ подарка, какъ говоритъ Исократъ; ибо я не думаю, чтобъ оно было такого рода, чтобы получившій могъ считать его за цѣнное приобрѣтеніе; но съ тою цѣлію, чтобы намъ можно было возбудить (васъ), цвѣтущихъ въ настоящее время силами юности, къ борьбѣ съ противниками, возбуждающими посредствомъ самой борьбы юношескую смѣ-

---

*) Написывается „Юлиу и Максиму“.

лостъ. Быть можетъ въ этомъ сочиненіи и покажется вамъ что-нибудь стоящимъ вниманія, если вы разсмотрите нѣкоторыя его части, въ особенноти тѣ, которыя предшествуютъ полемикѣ, насколько онѣ относятся къ тому же предмету; равнымъ образомъ и нѣкоторыя догматическія изслѣдованія не покажутся вамъ дурными. Но все, что ни найдете тамъ, прочтите ииенно какъ слѣдуетъ наставнику и исправителю.

XVI.

Вотъ что обыкновенно дѣлають игроки въ мячъ: расположившись трехъ-угольникомъ, они перебрасываютъ другъ другу мячъ, ловко на лету перенимая его одинъ отъ другаго; а того, кто находится въ срединѣ, вводятъ въ обманъ....; притворнымъ движеніемъ лица и какимъ-либо знакомъ руки тому, кто хочетъ поймать мячъ, показываютъ видъ, что хотятъ бросить его въ правую или лѣвую сторону, а на самомъ дѣлѣ отбрасываютъ мячъ въ сторону, противоположную той, куда онъ устремится за нимъ и хитростью уничтожаютъ его надежду. Точно также поступаютъ и нынѣ многіе изъ насъ; не заботясь о дѣлѣ, мы искусно ведемъ съ людьми игру въ мячъ, вмѣсто вѣрныхъ надеждъ, которыя

возбуждаемъ, коварствомъ своихъ дѣйствій обманывая души тѣхъ, которые надѣялись на насъ. Письма, неполненныя миролюбія, выраженія доброжелательства, знаки дружбы, подарки, любезныя изъясненія въ письмахъ,— все это притворное метаніе мячика повидимому на правую сторону; но вмѣсто ожидаемаго отъ дружелюбія слѣдствія. — обвиненія, происки, клеветы, пересуды, порицанія, хитрое выманиваніе одностороннихъ рѣшеній. Блаженны вы въ своихъ надеждахъ, пріобрѣтая чрезъ оныя дерзновеніе къ Богу! Но умоляемъ васъ обращать взоры не на то, что у насъ происходитъ, но на Владычнее ученіе въ Евангеліи; ибо какое утѣшеніе въ скорбяхъ и надежду, что дѣла получать желаемый исходъ, можетъ подать другому тотъ, кто превосходить его несчастіями? Писаніе говоритъ: *жизнь отъщепеніе, азъ воздалъ, глаголетъ Господь* (Рим. 12, 19.). Ты же, мужъ достопочтеннѣйшій, поступи достойно себя, уповай на Бога, и примѣрь нашихъ несчастій да не препятствуетъ тебѣ быть прекраснымъ и добрымъ; полезный же и праведный исходъ дѣлъ вручи Богу правосудному, и дѣйствуй такъ, какъ направитъ тебя божественная мудрость. И Юсифъ конечно не огорчался завистию братьевъ; посему злоба его единокровныхъ была для него путемъ къ царству.

XVII. *)

Отець щедротъ и Богъ всякія утѣхи 2 Кор. 1, 3), все премудро устроющій на пользу, да управить васъ своею благодатию, да при-
вечетъ къ себѣ, творя въ васъ благоугод-
ное себѣ, и да свидеть на васъ благодать
Господа нашего Иисуса Христа и общеніе
Его Святаго Духа, для исцѣленія васъ отъ
всякой скорби и огорченія, для преусиѣнія
во всякомъ добрѣ, для умиротворенія церкви
и назиданія душъ вашихъ, и въ похвалу сла-
вы имени Его. Мы же, въ оправданіе себя
любовію вашею, говоримъ, что не были не-
радивыми въ исполненіи обязанностей (па-
стырскаго) надзора, ни въ предшествующее
время, ни послѣ кончины блаженнаго Патри-
кія; по много было смуть среди церквей на-
шихъ, велика же дряхлость тѣла, увеличива-
ющаяся, какъ и слѣдуетъ, вмѣстѣ съ подвиг-
гающимися впередъ годами, велико и небре-
женіе ваше къ намъ, потому что никогда не
было ни одного возбуждающаго слова въ
письмѣ и никакого отношенія къ нашей цер-
кви, тогда какъ блаженный Евфрасій епис-
копъ, любовію, какъ бы нѣкоторыми узами,

*) Подписывается: „Пресвитеръ Пископидійскій.“

связалъ, благодаря своей высокой святости, меня съ собою и вами. Но хотя бы прежде сего и не была исполнена обязанность любви ни нами чрезъ надзоръ, ни вашимъ благочестіемъ чрезъ возбужденіе насъ къ тому; но иныѣ мы, прпзывая на помощь нашему сильному желанію и вашу молитву къ Богу, молимъ Бога, чтобы намъ какъ можно скорѣе притти къ вамъ, вмѣстѣ получить утѣшеніе и постараться, при руководствѣ Божиемъ, найти средства и къ исправленію уже совершившихся несчастій и къ огражденію себя отъ нихъ на будущее время, такъ чтобы вы, раздѣляемые такимъ несогласіемъ, что одинъ стремится такъ, другой иначе отдѣлиться отъ церкви, уже не были предметомъ посмѣянія для діавола, желанія и дѣйствія котораго въ противоположность божественному изволенію состоятъ въ томъ, чтобы никто не спасся и не пришелъ къ познанію истины. Ибо вы, братіе, знаете, какъ мы скорбимъ, слыша отъ пзвѣщающихъ насъ о вашихъ дѣлахъ, что въ нихъ не произошло никакой перемѣны настоящаго положенія, но воля разъ уклонившихся (съ праваго пути) постоянно увлекается тѣмъ же самымъ стремленіемъ. Если вода въ каналѣ часто переливается чрезъ прилежащую плотину и, разлившись по сторонамъ, утекаетъ отъ русла; то не завалившимѣста, послужившаго причиною разлива, труд-

но бываетъ возвратить ее къ прежнему теченію, такъ какъ она промыла уже углубленіе въ почвѣ. Такъ и стремленіе отступниковъ, однажды изъ страсти къ спорамъ уклонившись отъ прямой и правой вѣры, идетъ глубже и глубже уже отъ привычки, и не легко возвращается къ прежней благодати. Посему ваши дѣла требуютъ мудраго и великаго приставника, умѣющаго хорошо ихъ управить, такъ чтобы онъ въ силахъ былъ безпорядочное отклоненіе этого теченія опять привести къ прежнему благоустройству, дабы у васъ пажити благочестія снова приносили богатые плоды, при орошеніи притокомъ мира. Посему отъ всѣхъ васъ требуется много тщанія и усердія въ этомъ дѣлѣ, чтобы Святымъ Духомъ указанъ былъ такой предстоятель, который бы все вниманіе свое устремлялъ только на дѣло Божіе, не оставившая взоровъ своихъ ни на чемъ, о чемъ заботятся въ сей жизни.

Ибо для того, думаю, ветхій законъ устраиваетъ Левита отъ наслѣдія поземельной собственности, чтобъ онъ предметомъ стяжанія своего имѣлъ одного только Бога и это стяжаніе постоянно хранилъ въ себѣ, не имѣя пристрастія ни къ чему вещественному; если же нѣкоторые, и мы сами равнодушны къ сему; то никто, имѣя это въ виду, да не совершаетъ того, что не должно. Ибо то, что

у другихъ дѣлается, не законъ для простыхъ людей дѣлать недолжное; но вамъ надобно обратить вниманіе на собственныя дѣла, чтобъ они устроились какъ можно лучше, чтобъ отдѣлившіеся опять вошли въ согласіе единого тѣла и чтобы возстановленъ былъ духовный миръ тѣми, которые благочестиво славятъ Бога. Для этого, думаю, при избраніи приличіе всего обращать вниманіе на добрыя качества, которыми долженъ отличаться назначаемый для предстоительства; а происхождение, богатство и мірскую знаменитость апостольское слово не узаконило причислять къ достоинствамъ епископа. Хотя конечно мы не отвергаемъ всего этого, если оно само собою слѣдуетъ за высшими качествами, какъ тѣнь за тѣломъ; но тѣмъ не менѣе мы будемъ выше цѣнить нравственныя достоинства, хотя бы они и не были соединены съ внѣшними преимуществами. Пророкъ Амосъ былъ пастырь козъ; Петръ—рыбарь; Андрей, братъ его, и возвышенный Іоаннъ занимались тѣмъ же промысломъ: Павелъ приготовлялъ палатки; Матеей-сборщикъ податей; подобно имъ и всѣ прочіе апостолы не были ни консулами, ни военачальниками, ни префектами, ни знаменитыми риторомъ и философами; но бѣдными и простыми людьми, призванными къ апостольству отъ самыхъ скромныхъ занятій. И не смотря на все это *во всю землю изыде*

възглаголююще и въ концы вселенныя глаголюще иже.
 (Ис. 18, 5.). Видите, говоритъ, званіе ваше,
 братіе, яко не мнози прелюдри по плоти, не
 мнози сильни, не мнози благородни: но буая мѣ-
 ра избра Богъ. (1. Кор. 1, 26. 27.). Можетъ
 быть и теперь кто-нибудь, по наружности,
 предъ очами людей кажется буимъ, какъ ни-
 чтожный по бѣдности или какъ незнатный по
 тѣлесному происхожденію. Но кто знаетъ, не
 на него ли склоиается рогъ благодатнаго по-
 мазанія, хотя бы онъ былъ самымъ меньшимъ
 между высокими и знатными людьми? Что по-
 лезнѣе было въ началѣ для Рима, избрать ли
 для предстоянія кого-нибудь изъ благород-
 ныхъ и самыхъ знаменитыхъ сенаторовъ, или
 рыбака Петра, у котораго не было никакихъ
 мірскихъ средствъ для достиженія знамени-
 тости? Былъ ли у него какой домъ, были ли у
 него слуги, земля, доходами своимъ доставля-
 ющая избытокъ во всемъ? Но будучи чуже-
 странцемъ, не имѣющимъ крова и пищи, онъ
 былъ богаче всѣхъ обладающихъ, потому что
 неимѣніемъ впчего онъ стяжалъ себѣ всего
 Бога. Такъ и Месопотамляне, имѣя въ сво-
 ихъ сатрапіяхъ знаменитыхъ богачей, оному
 признали достойнѣе всѣхъ для предствоятель-
 ства между ними; Критяне-Тита, Иерусалим-
 ляне-Іакова, и мы Каппадокійцы-Сотника, ис-
 повѣдаваго божество Господа при (крест-
 ныхъ) страданіяхъ, не смотря на то, что въ

то время было много людей знаменитыхъ своимъ происхожденіемъ и имѣвшихъ коней и занимавшихъ первыя мѣста въ совѣтѣ; и во всей церкви можно видѣть, что люди великіе предъ Богомъ были предпочитаемы пріобрѣтшимъ мірскую извѣстность.

Думаю, что и вамъ въ настоящее время слѣдуетъ обратить вниманіе на тоже самое. если вы желаете возстановить древнее достоинство вашей церкви. Ибо вы вполне знаете изъ исторіи своего города, что издревле, пока не разцвѣлъ сосѣдній съ вашимъ городъ, у васъ была столица и между городами не было выше вашего; и нынѣ, хотя и исчезла красота зданій, но по жителямъ, по множеству и знаменитости гражданъ, вашъ городъ не уступитъ блеску древняго. Посему прилично было бы, чтобы вашъ образъ мыслей не былъ ниже достоинства тѣхъ благъ, которыми вы обладаете, но чтобы заботливость о подлежащихъ вамъ дѣлахъ равнялась знаменитости вашего города, такъ чтобы вы могли между народомъ найти себѣ такого предстоятеля, который бы оказался достойнымъ васъ. Ибо постыдно, братіе, и вполне безразсудно, если (корабль) не имѣетъ кормчаго или кормчій не имѣетъ свѣдѣній въ искусствѣ управлять кораблемъ, а держащій кормило церкви не знаетъ, какъ души плывущихъ съ нимъ управитъ въ пристань Бо-

жю. Ибо сколько уже случилось гибельныхъ кораблекрушеній въ церкви, отъ неопытности правителей! Кто исчислить происшедшія въ глазахъ нашихъ (несчастія), которыя не случились бы, еслибы предстоятели церкви имѣли сколько-нибудь правительственной опытности? И желѣзо, для приготовленія изъ него какихъ-нибудь вещей, мы ввѣряемъ опытнымъ въ кузнечномъ искусствѣ, а не тѣмъ, кто не знаетъ его; такъ и души надобно вручать тому, кто хорошо разумѣетъ, какъ умягчать ихъ огнемъ Святаго Духа,—тому, кто посредствомъ образованія разумныхъ органовъ, каждаго бы изъ васъ уготовалъ въ сосудъ избранный и благопотребный Богу. Такую осмотрительность повелѣваетъ соблюдать божественный Апостоль, въ посланіи къ Тимоѳею поставляя для всѣхъ слушающихъ его закономъ, *что подобаетъ епископу быти непорочну* (1 Тим. 3, 2.). Не объ одномъ только Апостоль заботится, чтобы предстоятель священства былъ именно таковъ. И что за особенная польза, если достоинство это будетъ заключаться въ одномъ человѣкѣ. Апостоль зналъ, что подчиненные сообразуются съ жизнью своего начальника и достоинства предводителя усвоятся тѣми, которые находятся при немъ. Ибо каковъ учитель, таковъ бываетъ и ученикъ; потому что не можетъ быть, чтобъ обучающійся

кузнечному мастерству приобрѣлъ свѣдѣнія въ ткацкомъ искусствѣ; ученикъ ткача не можетъ быть риторомъ или землемѣромъ; но что ученикъ видитъ въ своемъ наставникѣ, то онъ усволяетъ и себѣ. Посему и сказано (въ Писаніи): *совершенно всякъ ученикъ будетъ, яко же и учитель его* (Лук. 6, 40.).

Итакъ что же, братіе? Ужели возможно сдѣлаться смиренномудреннымъ, кроткимъ по нраву, и умѣреннымъ, свободнымъ отъ корыстолюбія, свѣдущимъ въ дѣлахъ божественныхъ, опытнымъ въ добродѣтельномъ и пристойномъ образѣ жизни тому, кто не видитъ этихъ качествъ въ учителѣ? Но я не знаю, какимъ образомъ обучившійся только мірскому, можетъ сдѣлаться духовнымъ? Ибо какъ могутъ быть непохожими на него тѣ, кои подражаютъ ему? Какая польза для жаждущихъ въ водоемѣ великолѣпной работы, когда въ немъ нѣтъ воды? Пусть колонны водопровода въ разнообразныхъ формахъ высятся къ небесамъ своими вершинами; что лучше избралъ бы на свою потребу жаждущій, — смотрѣть ли на камни, прекрасно сложенные, или найти самый потокъ, хотя бы онъ струился по деревянному жолобу. лишь бы давалъ чистую и годную для питья воду? Такъ, братіе, и тѣмъ, которые ищутъ благочестія, не слѣдуетъ обращать вниманія на виѣшность скпніи; если кто имѣетъ много друзей, гордится длиннымъ

перечнемъ своихъ достоинствъ, хвалится тѣмъ, что получаетъ много ежегодныхъ доходовъ и обращая вниманіе на свое происхожденіе величается и всячески надмевается гордостью, то такого нужно обходить, какъ водоемъ, не имѣющій воды, если онъ не обнаруживаетъ въ жизни высшихъ достоинствъ; а напротивъ, пользуясь свѣточемъ Духа для испытанія, надобно искать, насколько возможно, *вертоградъ заключенъ и источникъ запечатанъ* (Пѣсн. 4. 12), какъ говоритъ Писаніе, дабы чрезъ рукоположеніе отверзши роскошный садъ и открывши источникъ воды живой, сдѣлать его общимъ достояніемъ вселенской церкви. Да будетъ же такъ, и да даруетъ Господь какъ можно скорѣе среди васъ обрѣсти такового, который былъ бы сосудомъ избранія, столпомъ церкви. Мы же вѣримъ Господу, что это и будетъ, если только вы, при помощи благодати единомыслія, захотите согласно обратитъ вниманіе на то, что благо, предпочтени собственнымъ своимъ желаніямъ волю Господа нашего и то, что Ему пріятно, благоугодно и (въ очахъ Его) совершенно, дабы то, что совершается у васъ, было такого рода, чему бы и мы порадовались, чѣмъ бы и вы были вполнѣ довольны и чѣмъ бы прославился Богъ всяческихъ, Которому подобаетъ слава во вѣки.

XVIII. *)

Какъ прекрасны отображенія прекрасныхъ вещей, когда онѣ сохраняютъ въ ясности черты первообразной красоты! Я видѣлъ самый ясный образъ твоей подлинко прекрасной души въ пріятныхъ твоихъ письмахъ, которыми ты усладилъ насъ, какъ говорить нѣгдѣ Евангеліе, *отъ избытка сердца твоего* (Матѣ. 12, 34). Въ нихъ, казалось миѣ, я видѣлъ тебя самага и наслаждался твоимъ благорасположеніемъ, въ привѣтливости твоихъ писемъ; письма эти я часто беру въ руки и прочитывая, испытываю еще большее желаніе вновь наслаждаться ими и не чувствую пресыщенія. Здѣсь, какъ и при наслажденіи нѣкоторыми другими предметами прекрасными и драгоцѣнными по природѣ, удовольствіе не можетъ прекратиться (отъ пресыщенія). Ибо какъ постоянное созерцаніе солнца не притупляетъ стремленія видѣть оное, и постоянное наслажденіе здоровьемъ не подавляетъ желанія пользоваться имъ, такъ же точно и наслажденіе твоимъ благорасположеніемъ, которое мы многократно испытывали лично, а нынѣ узнали изъ твоего письма, мы убѣж-

---

*) Подписывается Острогъ Еп. Медявскому

дены, не приведетъ къ пресыщенію. Но какъ страдаютъ тѣ, которые по какому-нибудь обстоятельству чувствуютъ неудовлетворенную жажду, такъ и мы, чѣмъ больше наслаждаемся твоимъ добрымъ расположеніемъ, тѣмъ большую испытываемъ жажду его. Если же ты не заподозришь въ такихъ словахъ какого-нибудь обмана и лживой лести (а ты конечно не заподозришь, оставаясь всегда такимъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ и особенно въ отношеніи къ намъ, — добрымъ и искреннымъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой), то вполне повѣришь моимъ словамъ, что пріятность твоихъ писемъ, подѣйствовавъ на наши очи, подобно цѣлительному врачеству, прекратила потокъ слезъ; и мы ожидаемъ, что утвердивъ свою надежду на врачество твоими святыми молитвами, скоро и вполне излечимся отъ таковой болѣзни нашей души. Впрочемъ, что касается до тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ мы нынѣ находимся, то нужно пощадить слухъ любящихъ насъ и покрыть истину молчаніемъ, дабы искренно возлюбившихъ насъ не сдѣлать невольными сообщниками нашихъ несчастій. Ибо какъ скоро подумаемъ, что мы, лишенные того, что всего дороже и ближе намъ, вращаемся среди брани и что тѣ, которыхъ мы вынуждены покинуть, суть дѣти наши, — дѣти, которыхъ мы удостоились родить Богу нашими духовными муками дѣто-

рожденія, которые связаны съ нами закономъ любви, нѣжная любовь которыхъ къ намъ, чрезъ злостраданія во время искушеній еще болѣе усилилась,—покинуть еще сверхъ того любезный намъ домъ, братьевъ, сродниковъ, товарищей, знакомыхъ, друзей, очагъ, трапезу, кладовую, постель, стулъ, платье, общество, слезы, что все такъ пріятно, а отъ привычки сдѣлалось еще болѣе любезнымъ, то думаю, что обо всемъ, какъ тебѣ извѣстномъ нѣтъ нужды писать; все же прочее, что мы имѣемъ вмѣсто онаго, чтобы намъ не говорить непріятнаго, ты представь самъ. Будучи уже при кончинѣ жизни, я опять начинаю жить и учиться; узнаю похвailable нынѣ непостоянство нравовъ, поздно знакомясь съ онымъ злонравнымъ коварствомъ, такъ что всегда краснѣю отъ стыда, будучи столь несвѣдущъ въ этомъ дѣлѣ. Противники же, опытные въ таковой мудрости, способны и сохранять то, чему они научились, и избрѣгать то, чего еще не узнали; итакъ сражаются они издали, бросая стрѣлы, плотно сдвигаютъ свою фалангу для боеваго строя, напередъ обдумываютъ то, что имъ полезно, запасаются средствами, отовсюду окружаютъ себя союзниками. Сильное и неодолимое коварство съ могуществомъ сопутствуетъ имъ, предводительствуя ихъ ратію, какъ бы нѣкоторый ободесноручный борець, сражающій-

ся впереди своего войска объими руками, то собирая дань съ покоренныхъ, то ниспровергая встрѣчающихся случайно. Если же ты пожелаешь узнать нашу частную жизнь, то найдешь еще иное: удушливый домкъ, богатый холодомъ, мракомъ, тѣсною и всякими подобными прекрасными качествами; жизнь наблюдаемую всѣми; голосъ и взоръ, надѣваніе платья, движеніе рукъ, постановка ногъ,—за всѣмъ слѣдятъ съ крайнимъ любопытствомъ; и еслибы не сильная одышка не рѣдко проявляющаяся и еслибы вмѣстѣ съ одышкою не чередовался постоянный стоить, и еслибы нашъ хитонъ не проскользалъ изъ-подъ-пояса, такъ что нѣтъ нужды и въ употребленіи пояса, и еслибы мантия не спадала съ лѣваго плеча нашего, еслибы не было всего этого, то возникъ бы предлогъ къ войнѣ противъ насъ и при этомъ возстали бы на брань съ нами другъ за другомъ и ближніе и дальніе народы. Но нельзя, чтобы дѣла шли постоянно или хорошо или худо; жизнь всякаго болѣею частію слагается изъ противоположностей. Если же, по милости Божіей, твое (расположеніе) постоянно пребудетъ съ нами, то мы перенесемъ все множество нецрїятностей, въ надеждѣ всегда пользоваться твоею благосклонностію. Итакъ никогда не переставай доставлять намъ удовольствіе тѣмъ, чѣмъ и насъ ты успокоишь и себѣ еще боль-

шую уготовишь награду, обѣщанную въ божественныхъ заповѣдяхъ.

ХІХ.

Письмо къ нѣкоему Іоанну о различныхъ предметахъ, также объ образѣ и порядкѣ жизни сестры своей Макрины.

Знаю я, что нѣкоторые живописцы оказываютъ бесполезную любезность своимъ безобразнымъ друзьямъ желающимъ видѣть свое изображеніе начертаннымъ на картинѣ, дѣлая нѣчтопротивное тому, что тѣ желаютъ. Ибо тѣмъ самымъ, что въ своемъ подражаніи исправляютъ природу, при помощи яркихъ красокъ, скрывая на картинѣ непріятныя черты наружности, они измѣняютъ характеристическія особенности. Но для тѣхъ (съ коихъ пишутъ портреты) нѣтъ никакой пользы отъ того, что на картинѣ являются золотистые и густые, завивающіеся надъ челомъ и лоснящіеся волосы, краска на губахъ, румянецъ на щекахъ, округлость вѣкъ, блескъ въ глазахъ, брови лоснящіеся чернотой. лобъ сіяющій бровями, и все иное тому подобное, чѣмъ достигается красота изображенія; ибо если уже отъ природы не имѣетъ ничего подобнаго тотъ, кто предлагаетъ живописцу спясть съ себя порт-

реть, то онъ не получитъ никакой пользы отъ такого челоѣколюбія (живописца). Такимъ же образомъ, мнѣ кажется, что еслибы кто-нибудь по дружбѣ осыпалъ любимаго чрезмѣрными похвалами и на словахъ изображалъ его не такимъ, каковъ онъ есть, а такимъ, какимъ онъ долженъ быть, чтобы стать совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, тотъ хотя своимъ словомъ и начерталъ бы образъ правильной жизни, но самага друга чрезмѣрными похвалами не столько бы почтилъ, сколько обличилъ въ томъ, что онъ въ жизни противорѣчитъ тому, что сказано о немъ, и оказывается на дѣлѣ инымъ, чѣмъ какъ думаютъ о немъ другіе. Къ чему же клонится моя рѣчь? Увидѣлъ я въ письмѣ твоей любви изображение нѣкоторой статуи, отдѣланной съ величайшею тщательностію; имя этой статуи — я, ибо на меня указывало письмо. Но потомъ, разсмотрѣвъ свою жизнь со всею тщательностію, какъ въ зеркалѣ, я убѣдился, что слишкомъ далеко отстою отъ того изображенія, какое усвоено мнѣ въ опомѣ письмѣ. Впрочемъ и въ этомъ я нашелъ доказательство твоей любви къ добродѣтели; ибо тѣмъ самымъ, что полюбилъ меня такимъ, какимъ представилъ меня (въ своемъ письмѣ) ты далъ самое ясное доказательство правоты своихъ нравственныхъ правилъ, такъ что не чувствуя любви ни къ чему, кромѣ добро-

дѣтели, ты полагаешь, что въ нѣкоторой степени она свойственна и намъ, только поэтому имѣешь насъ въ числѣ самыхъ близкихъ своихъ друзей. Поэтому я подумалъ, что лучше имѣть познаніе о себѣ чрезъ самаго же себя, чѣмъ увлекаться отзывами другихъ, хотя бы сіи другіе были вѣрными свидѣтелями во всемъ прочемъ: ибо тоже самое говорить и слово притчи, которое думающимъ знать самихъ себя на основаніи того, что говорятъ о нихъ другіе, предписываетъ самимъ себя изслѣдовать (Пр. 13. 10.). Но объ этомъ довольно, чтобы не показалось, что я тѣмъ самымъ, что отвергаю твою похвалу, посмѣиваюсь надъ похвалами.

Приказывалъ ты намъ также потрудиться написать отвѣтъ на вопросы тобою предложенные съ тою цѣлю, чтобы этимъ трудомъ мы принесли нѣкоторую пользу обществу; но знай, что для этого у насъ столько же почти досуга, сколько и у того, о которомъ говоритъ одинъ изъ пророковъ, что попавшись ко льву и едва ускользнувши отъ его пасти и острыхъ когтей, лишь только казалось избѣжалъ его, неожиданно попалъ въ пасть медвѣдицы; потомъ избѣжавши съ великимъ трудомъ и этой опасности и прислонившись къ стѣнѣ подвергся коварному уязвленію отъ змѣи (Амос. 5, 4.). Также точно и преемство постигшихъ насъ одно за дру-

гимъ несчастій было таково, что чрезмѣрность вновь прибывающихъ бѣдъ, казалось, дѣлала ничтожными тѣ, кои уже исчезли. И если не будетъ невѣжливымъ печалить любящихъ насъ прискорбными разказами, то я коротко изложу тебѣ эту недобрую исторію. Была у насъ сестра, наставница въ жизни, которая послѣ матери замѣнила намъ мать.—сестра имѣвшая такое дерзновеніе къ Богу, что была для насъ столпомъ крѣпости (Ис. 60, 8) и оружіемъ благоволенія (Ис. 3, 13), какъ говоритъ Писаніе, и градомъ оражденія (Ис. 30, 22) и всѣмъ, что ни именуется твердынею въ силу присущаго ей, по ея жизни, дерзновенія предъ Богомъ. Жила она на краю Понта, удалившись отъ сообщества людей. Около нея былъ многочисленный ликъ дѣвственницъ, родивъ которыхъ муками духовнаго дѣторожденія и руководя со всякою заботливостію къ совершенству, она въ чловѣческомъ тѣлѣ подражала жизни ангеловъ. Для нея не было различія между днемъ и ночью; но и ночь, проводимая въ дѣлахъ свѣта, была полна дѣятельности, и дснь по безмятежной жизни представлялъ ночное спокойствіе. Во всякое время жилище ея было полно звуками, день и ночь будучи оглашаемо псалмопѣніями. Ты увидѣлъ бы нѣчто даже невѣроятное для глазъ. — плоть не ищущую свойственнаго себѣ; чрево такое, какимъ,

можно догадываться, оно будетъ при воскресеніи; источники слезъ, равняющіеся мѣрѣ питья; уста вполне усвоившіи законъ: слухъ упражняющійся въ божественномъ; руки неустанно движущіяся къ совершенію заповѣдей. Но какъ ясно изобразить то, что превосходитъ всякое описаніе словами!

Итакъ послѣ того, какъ я перемѣстился отъ васъ къ Каппадокійцамъ, слухъ о ней тотчасъ встревожилъ насъ. Разстояніе было на десять дней пути; совершивъ весь путь съ возможною скоростію, я прибылъ въ Понтъ: и самъ увидѣлъ и меня увидѣли. Но какъ еслибы путешествуя въ полдень безъ всякой защиты отъ солнца, прибѣжалъ къ какому-либо источнику, и прежде чѣмъ коснуться воды, прежде чѣмъ охладить языкъ, нашелъ бы, что вода превратилась въ пыль, потому что источникъ предъ нимъ изсохъ; такъ и я увидѣвши, послѣ десяти лѣтъ (разлуки) ту, которую страстно желалъ видѣть, которая замѣняла мнѣ мать, учителя и всякое благо, прежде чѣмъ удовлетворилось мое страстное желаніе. лишился ея, похоронивъ на третій день. Таково было прибытіе мое въ отечество послѣ возвращенія мозго изъ Антиохіи. Потомъ прежде чѣмъ изгладились слѣды такого несчастія, сосѣди моей церкви, Галаты, тайно занеся во многія мѣста моей церкви обычный имъ недугъ—ереси, дали мнѣ не мало трудовъ, такъ что едва только при по-

мощи Божіей повсюду возмогъ и одолѣть
 этотъ недугъ. Послѣ того къ этому присо-
 единилось иное. На границѣ Понта лежитъ
 городъ Ивора, издревле преданный намъ и
 здравой вѣрѣ. Такъ какъ епископствовавшій
 тамъ незадолго предъ тѣмъ отошелъ отъ сей
 жизни, то граждане всенародно обратились къ
 намъ съ просьбою—не выдать ихъ и не прене-
 бречь ихъ города, терзаемаго руками враговъ.
 (При этомъ) слезы, припаданія, вопли, молъ-
 бы; — все это послужило для насъ началомъ
 настоящихъ золъ. Ибо когда мы были въ
 Понтѣ и какъ слѣдовало озаботились, при со-
 дѣйствіи Божіемъ, дѣлами ихъ церкви, неме-
 дленно на этомъ мѣстѣ встрѣчаетъ насъ по-
 добнаго же рода посольство отъ народа Се-
 вастійскаго, желавшаго упредить пападеніе
 еретиковъ. Но то, что послѣдовало за симъ,
 достойно умолчанія и невыразимыхъ стenanій
 и непрестаннаго стыда и плача непрекращае-
 маго временемъ: такъ какъ всѣ другія несча-
 стія люди легко переносятъ, привыкая къ
 нимъ, здѣшнія же напротивъ съ теченіемъ
 времени усиливаются съ приумноженіемъ еще
 большихъ огорченій. Я участвовалъ въ этомъ
 дѣлѣ вмѣстѣ съ другими созванными еписко-
 пами, чтобы собрать голоса относительно
 рукоположенія, но жребій (избранія) палъ на
 меня самаго, и я несчастный, самъ того не
 вѣдая, былъ уловленъ собственными руками.

За симъ принужденія, слезы, припаданія, стражи, отрядъ воиновъ, и самъ назначенный надъ ними начальникъ ведетъ на насъ рать, приводятъ на насъ въ движеніе власть градоначальника, сосредоточивая противъ насъ все средства для насилія надъ нами. Между тѣмъ судьба насъ натолкнула на дурное положеніе дѣлъ у Вавилонянъ; у нихъ съ давнихъ временъ существовало такое разногласіе изъ-за вѣры между людьми, что болѣзнь эта затвердѣла и сдѣлалась неизлечимою. Умомъ они тупоумны; по языку болѣе чѣмъ варвары; голосъ у нихъ грубый и звѣрскій; проводя жизнь подобно лукавымъ звѣрямъ, они до того изощрились въ изобрѣтеніи зла, что предъ ними ничто и Архимедъ и, даже болѣе, Сизифъ, Керкионъ и Скиронъ и другіе подобныя изъ упоминаемыхъ въ исторіи, такъ какъ ложь болѣе имъ близка, чѣмъ всякая истина; они до такой степени упорны въ своей лжи, въ какой не защищаютъ истины сильныя въ истинѣ. И даже, если кого-нибудь изъ нихъ изобличаютъ въ величайшихъ порокахъ, то это самое у многихъ служитъ поводомъ къ похваламъ; дерзость, надменность, безчувственность и сквернословіе у нихъ почитается искусствомъ общежитія и чѣмъ-то прекраснымъ.

Сообщаемъ тебѣ немного изъ многого, избѣгая растянутости письма, чтобы не обвинялъ ты насъ въ лѣности, и не имѣя теперя

временн повѣствовать подробно. Но если у тебя подлинно есть желаніе, чтобы мы когда нибудь занялись этимъ дѣломъ, то даруй намъ, какъ самаго себя, такъ особенно время для свиданія, если только не улаждаютъ тебя удовольствія городскія болѣе, чѣмъ наша любовь. А еслибы тебя удержали тѣ же обстоятельства, что и у насъ (ибо я слышу, что и вся церковь въ томъ же положеніи), то окажешь намъ достаточную помощь въ бранн и тѣмъ, если станешь молить Бога подать намъ нѣкоторое ослабленіе нашихъ золъ, и при содѣйствіи Божиемъ, быть можетъ, мы улучимъ когда нибудь такой досугъ и не останемся бесполезны для общаго дѣла.

XX.

Къ Аделфію схоластику.

Пишу тебѣ это письмо изъ священныхъ Ванотъ, если только я не обижу той мѣстности, называя ее по туземному. Говорю: не обижу той страны; потому что по названію въ ней ничего нѣтъ пріятнаго; и это Галатійское наименованіе не дастъ ни малѣйшаго понятія о столь великой красотѣ этой мѣстности; нужно видѣть ее, чтобы представить всю прелесть ея. Пбо я, выдавшій уже мно-

гое и во многихъ мѣстахъ, со многимъ уже знакомый и по описаніямъ въ повѣствованіяхъ древнихъ, все, что я видѣлъ и слышалъ, считаю ничтожнымъ сравнительно съ красотою здѣшнихъ мѣстъ. Ничтоженъ оный Геликонъ; острова Блаженныхъ—басня; поле Сиционійское —нѣчто незначительное; а рассказы о Пенеѣ суть нечто иное, какъ поэтическое пустословіе; о немъ рассказываютъ, что, разлившись изобильнымъ потокомъ по сторонамъ, онъ образовалъ многопрославленную долину Темпейскую въ Оессалии. Ибо что такое значить каждый изъ этихъ рассказовъ, сравнительно съ тою красотою, какую мы увидѣли на Ванотѣ у себя на родинѣ? Ибо если кто ищетъ естественной красоты мѣстности, тотъ здѣсь не будетъ имѣть нужды въ красотахъ искусства; если кто имѣетъ въ виду произведенія искусства, то ихъ здѣсь столько и они таковы, что въ состояніи бы восторгествовать и надъ менѣе счастливою природою. Но вотъ что даровала природа этой мѣстности, украшая землю безыскусственной прелестью. Внизу течетъ рѣка Галисъ, берегами своими украшающая мѣстность; она сверкаетъ подобно золотой лентѣ на ярко пурпуровой одеждѣ, катя красныя отъ ила воды. Вверху длиннымъ гребнемъ тянется горатѣнистая густо-заросшая со всѣхъ сторонъ, покрытая дубами, болѣе достойная по-

хваля какого-либо Омира, чѣмъ та гора Ниритъ на островѣ Итакѣ, о которой этотъ поэтъ говоритъ, что она прекрасна и покрыта густымъ лѣсомъ. Иѣсть, самою природою насаженный, спускаясь по наклонности горы, при подошвѣ ея соприкасается съ произведеніями земледѣлія. Ибо тутъ же виноградные сады, раскинувшіеся по сторонамъ, по отлогостямъ и углубленіямъ подошвы горы, покрываютъ подобно зеленой одеждѣ всю внизу находящуюся мѣстность. Красоту же мѣстности увеличиваетъ и время года, представляя прекрасное зрѣлище виноградныхъ гроздовъ. И это тѣмъ болѣе приводитъ въ удивленіе, что между тѣмъ какъ въ сосѣдней мѣстности плоды еще не дозрѣли, здѣсь можно съ удовольствіемъ ѣсть виноградъ и сколько угодно наслаждаться всѣми этими красотою. Потомъ издали, какъ бы пламя какое отъ великаго костра, засіяла предъ нами красота зданій. По лѣвую руку на нашемъ пути видѣнъ молитвенный домъ, построенный въ честь мучениковъ; правда постройка его еще не доведена до конца; онъ не имѣетъ еще крыши, но при всемъ томъ онъ блистателенъ. По прямому же пути идутъ красивыя зданія; каждое изъ нихъ представляетъ что-либо особенное. придуманное для удовольствія; выдающіяся башни, постройки для пиршествъ, широкіе и высокіе ряды деревьевъ, предъ

дверями увѣнчивающіе входъ. Потомъ около домовъ Фесакійскіе сады; но иѣтъ, — красоты Ванотъ да не унизятся сравненіемъ ихъ съ этими садами. Гомеръ не знаетъ зѣлншей яблони, «золотыми плодами обильной,» яркостію своихъ красокъ не уступающимъ краскамъ своего цвѣтка. Не видѣлъ онъ груши, которая бѣлѣе вновь отполированной слоновой кости. А кто опишетъ разновидность и разнообразіе персидской яблони и того, что произошло съ нею отъ смѣшенія и соединенія ея съ другими породами? Ибо что люди, въ вымыслахъ своихъ переступающіе за предѣлы естественнаго, повѣствуютъ о трагеллафахъ, инпокентаврахъ и подобныхъ смѣшанныхъ изъ различныхъ животныхъ существахъ, тоже надобно сказать и объ этой яблонѣ: природа, вынужденная искусствомъ, произвела такое смѣшеніе, что и по имени и по вкусу она кажется то миндальнымъ деревомъ, то орѣшиною, то дорациною. И во всѣхъ этихъ садахъ сверхъ красоты являлось и обиліе каждаго рода деревъ, распорядокъ въ ихъ насажденіи и стройная живописность. Ибо по истинѣ это дивное зрѣлище больше произведеніе живописца, чѣмъ земледѣльца. До какой степени легко природа повиновалась желанію тѣхъ, которые давали такой распорядокъ (ея произведеніямъ), я не нахожу возможнымъ передать на словахъ. А дорожку подъ при-

вязанными къ деревьямъ виноградными лозами и приятную тѣнь отъ гроздовъ и повый родъ стѣнъ по сторонамъ изъ кустовъ розъ и виноградныхъ вѣтвей перенлетшихся между собою и вмѣсто стѣнъ преграждающихъ ходъ по сторонамъ, и на концѣ этой дорожки водоемъ и въ немъ выкармливаемыхъ рыбъ—кто по достоинству можетъ описать все это. И среди всего этого, управляющіе домою твоего благородства, съ свободою привѣтливостію и усердіемъ водили меня и показывали мнѣ, изъясняя порознь всѣ работы, произведенныя для тебя, какъ будто чрезъ насъ доставляя удовольствіе тебѣ самому. Здѣсь одинъ молодой человекъ, подобно чудодѣю какому, показалъ намъ зрѣлище, не совсѣмъ обыкновенное въ природѣ. Ибо спустившись на дно водоема по своему произволу вынималъ рыбъ, какихъ ему хотѣлось, и онѣ не пугались прикосновенія ловца, какъ бы ручные шепята, выкормленные рукою искусника и повинующіеся ему. Потомъ привели меня къ нѣкому дому, назначенному какъ бы для отдохновенія; ибо крыльцо заставляло насъ думать о домѣ; но переступивши порогъ, мы очутились не въ домѣ, но въ галлерей; галлерей же стояла на возвышеніи, весьма высоко поднимаясь надъ глубокимъ прудомъ; вода ударяла въ фундаментъ, поддерживавшій галлерей, которая служила какъ бы преддверіемъ вну-

тренней роскоши. Ибо по правую руку, галерея заканчивалась домомъ съ высокою кровлею, отовсюду освѣщаемымъ солнечными лучами, разувѣнченнымъ различными живописными изображеніями, такъ что мы, будучи на этомъ мѣстѣ, почти позабыли то, что видѣли прежде. Домъ привлекалъ къ себѣ; геммерей надъ прудомъ также представляла особенное зрѣлище. Ибо лучшіе породы рыбъ, какъ бы намѣренно играя съ нами стоящими на землѣ, выплывали изъ глубины на поверхность какъ бы какія птицы подпрыгивая и въ самый воздухъ; сдѣлавшись на половину видимыми и выставивъ голову на воздухъ, за тѣмъ опять скрывались въ глубинѣ. Другія же стаями и рядами слѣдуя другъ за другомъ, представляли (любопытное) зрѣлище для непривычныхъ къ тому. Въ иномъ мѣстѣ можно было видѣть цѣлую стаю рыбъ, на подобіе винограднаго грозда, густо столпившихся около куска хлѣба; одна изъ нихъ отговяла прочь другую, одна набѣгала, другая уходила къ низу. Но и объ этомъ заставилъ насъ забыть принесенный намъ виноградъ на вѣткахъ и въ корзинкахъ, угощеніе разнообразными плодами, приготовленный завтракъ, различныя кушанья, лакомства, печенья, кубки гостепрѣимства и чаши. За тѣмъ, когда насытившись, я намѣревался отойти ко сну, то поставивъ около себя писца, какъ бы

какія грезы, набросалъ тебѣ это письмо. Но желалъ бы я не на бумагѣ и при помощи чернилъ, а собственнымъ моимъ голосомъ и языкомъ, подробно рассказать тебѣ самому и любящимъ тебя о всемъ, что видѣлъ у тебя прекраснаго.

XXI.

Епископу Авлавію.

Есть такого рода искусство ловить голубей. Когда занимающіеся подобною охотою поймаютъ одного голубя и сдѣлаютъ его ручнымъ и своимъ сотоварищемъ, то намазавши благовоннымъ масломъ его крылья пускаютъ летать въ одной стаѣ съ другими голубями. Голубь благоуханіемъ масла приманиваетъ эту свободную стаю къ тому, кто его пустилъ. Потому что за тѣми голубями, которые издаютъ благовоніе, летятъ и прочіе и поселяются съ ними. Къ чему же я веду такое предисловіе? Къ тому, что я послалъ къ твоей святости сына Василія, ... намазавши крылья его души божественнымъ муромъ, съ тою цѣлію, чтобы и ты возлетѣлъ съ нимъ на высоту, и занялъ то гнѣздо, которое устроилъ вышеупомянутый. Еслибы это исполнилось, и я при своей жизни уви-

дѣлъ бы, что твое благородство избрало болѣе высокую жизнь, то я вполне воздалъ бы достожджное отъ себя благодареніе Богу!

XXII.

Епископамъ.

Въ теченіе трехъ только дней пророкъ былъ во чревѣ кита; однакоже Іона возскорбѣлъ духомъ. Я же, находясь столько времени среди нераскаленныхъ Ниневитянъ, содержимый во внутренностяхъ сего звѣря, еще и доселѣ не могу быть изрыгнутъ изъ этой широко зіяющей пасти. Итакъ помолитесь Господу, чтобы свершилась его милость, дабы вышло повелѣніе, которое освободило бы меня отъ этихъ узъ и я достигъ бы своего крова и успокоился бы подъ нимъ.

XXIII.

Избавляю тебя отъ многихъ словъ, потому что щажу твое утомленіе. Помни о своихъ (обязанностяхъ) и все будешь имѣть въ блистательномъ положеніи. Потребна скорая благодать. Этимъ кончаю наше увѣщаніе.

XXIV.

Еретику Иракліону.

Слово здравой вѣры для тѣхъ, которые благомысленно принимаютъ богодухновенные глаголы, имѣетъ силу въ простотѣ, и для подтвержденія истины не требуетъ никакой словесной мудрости, такъ какъ оно само по себѣ удобопонятно и ясно по первому преданію, которое мы приняли отъ слова Господа, предавшаго таинство спасенія въ банѣ купельнѣ. *Шедше убо, говоритъ Онъ, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ савѣ* (Мѣ. 28, 19. 20.). Раздѣляя христіанскую жизнь на двѣ части,— на нравственную и на точное соблюденіе догматовъ, спасительное ученіе Онъ утвердилъ установленіемъ крещенія, а къ усовершенствованію жизни указалъ путь въ исполненіи Его заповѣдей. Но та часть, которая относится до заповѣдей, такъ какъ съ этой стороны менѣе можетъ произойти вреда для души, оставлена діаволомъ искривленною. Вся же забота противника устремлена болѣе на главную и важнѣйшую часть,—чтобы такъ совратить души многихъ, чтобы не

было никакой для нихъ пользы, еслибы даже они и достигли нѣкотораго совершенства чрезъ соблюденіе заповѣдей, такъ какъ для тѣхъ, которые вовлечены въ заблужденіе относительно догматовъ, не остается уже этой великой и первой надежды (спасенія). Посему мы, заботящимся о своемъ спасеніи, советуемъ, чтобъ они не отступали отъ простоты первыхъ реченій вѣры, но принимая въ душѣ Отца и Сына и Духа Святаго не думали бы, что это есть одна многоименная ипостась. Ибо не возможно, чтобы Отецъ назывался Отцомъ самого себя; не истинно было бы для Отца названіе Сына, происшедшаго отъ Него Равнымъ образомъ не возможно думать, что и Духъ есть одно и то же, что и другія упомянутыя лица, такъ что названіе: Духъ, будто наводитъ слышащаго оное на понятіе объ Отцѣ или Сынѣ. Но въ каждомъ изъ именъ собственно и отдѣльно подразумѣвается означаемая названіями ипостась. Услышавъ объ Отцѣ,—мы подразумѣваемъ причину всего; узнавъ о Сынѣ,—познаемъ силу возсіявшую изъ первой причины для устроенія вселенной; узнавши о Духѣ,—уразумѣваемъ совершительную силу того, что приведено въ бытіе твореніемъ отъ Отца чрезъ Сына. Итакъ ипостаси, сообразно сказанному, несліянно отдѣлены одна отъ другой, — разумѣю ипостаси Отца и Сына и

Святаго Духа, а существо ихъ, каково оно ни есть (ибо оно не вырази́мо словомъ и не постижимо мыслию), не раздѣляется въ какую-либо инаковость природы. Посему-то непостижимость, недомыслимость, необъемлемость мыслию равно приличиваетъ каждому изъ лицъ почитаемыхъ въ Троицѣ. Слѣдовательно тотъ, у кого спросить, что по сущности есть Отецъ, разсудительно и истинно скажетъ, что этотъ вопросъ выше познанія. Точно также и касательно Единороднаго Сына согласится, что никакимъ словомъ не возможно объять Его сущность, ибо сказано: *родъ же Его кто исповѣсть* (Ис. 53, 8.). Подобнымъ образомъ и относительно Духа Святаго, слово Господне показываетъ такую же невозможность постиженія, говоря: *гласъ Его слышаша, но не вси откуда приходитъ и како идетъ*. (Іаон. 3, 8.). Итакъ, поелику мы не признаемъ никакого различія въ непостижимости трехъ лицъ (потому что одно лицо не есть болѣе непостижимо, а другое менѣе, но одно и то же понятіе непостижимости въ Троицѣ), то, руководимые самою непостижимостию и неурзумѣваемою, говоримъ, что не находимъ никакого различія сущности въ Святой Троицѣ, кромѣ порядка лицъ и исповѣданія ипостасей. Порядокъ лицъ, по которому вѣра начинаясь въ Отцѣ, чрезъ посредство Сына оканчивается въ Духѣ Святомъ, намъ

предавъ въ Евангеліи. А различіе лицъ, открывающееся въ самомъ порядкѣ отдѣльности ихъ въ преданномъ ученіи, не внушаетъ никакой мысли о сліяніи ихъ для тѣхъ, которые могутъ слѣдить за значеніемъ словъ, такъ какъ названіе Отца показываетъ особенность понятія (объ Отцѣ), и названіе Сына и Святаго Духа также особое понятіе, такъ что (лица), обозначаемыя именами, никакимъ образомъ не сливаются одно съ другимъ.

Итакъ мы крещаемся, какъ приняли, въ Отца и Сына и Духа Святаго. А вѣруемъ какъ крещаемся; ибо вѣрѣ надлежитъ быть согласною съ исповѣданіемъ. Славимъ же, какъ вѣруемъ; ибо славословію не свойственно противорѣчить вѣрѣ. Итакъ, поелнку вѣра есть въ Отца и Сына и Духа Святаго, а вѣра, славословіе и крещеніе слѣдуютъ другъ за другомъ, то и славословіе Отца и Сына и Святаго Духа не различается. Самое же славословіе, которое мы возсылаемъ, по своей природѣ есть не что иное, какъ исповѣданіе благъ, присущихъ величію божескаго естества. Ибо мы, не по нашему произволу приписываемъ честь естеству недостойному, но исповѣдуя въ немъ то, что ему принадлежитъ, тѣмъ вполне воздаемъ честь. А поелнку каждому изъ лицъ, исповѣдуемыхъ нами во Святой Троицѣ принадлежитъ петленіе, вѣчность, безсмертіе, благодать, могущество,

святость, мудрость, — все что только въ состояніи мы помыслить величественнаго и высокаго; то исповѣдуя словомъ эти присущія Имъ совершенства, мы тѣмъ самымъ воздаемъ должное прославленіе. Если же все, что свойственно Отцу, имѣетъ Сынъ и всѣ совершенства Сына усматриваются въ Духѣ, то мы не находимъ во Святой Троицѣ никакого различія относительно высоты чести между Ея лицами. Но и не по тѣлесному какому-либо сравненію одно выше, а другое ниже; потому что невидимое и не имѣющее очертанія не объемлется мѣрою. Также и по отношенію къ всемогуществу и благодти, не находится сравнительнаго различія во Святой Троицѣ, чтобы можно было сказать, будто въ нихъ есть разность большаго или меньшаго. Ибо кто скажетъ, что одно могущественнѣе другаго, тотъ молча признаетъ, что уменьшаемое въ силѣ слабѣе болѣе сильнаго. А это крайняя степень нечестія, — представлять въ умѣ какой-нибудь признакъ слабости или безсилія, въ маломъ ли то или большемъ, относительно Единороднаго Бога и Духа Божія. Ибо слово истины предастъ, что и Сынъ и Духъ совершенны въ могущество, благодти, неслѣнн и во всемъ, что только ни мыслится высокимъ. Итакъ, если совершенство всякаго блага благочестиво исповѣдуется въ каждомъ изъ почитаемыхъ во

Святой Троицѣ лицъ, то не свойственно природѣ называть одно и тоже и совершеннымъ и опять сравнительно не совершеннымъ. Ибо допускать меньшее по величію силы и благодости есть нечто иное какъ усиливаться утверждать, что есть не совершенное. Посему, если совершенъ Сынъ, совершенъ и Духъ. Ибо разумъ не признаетъ (степеней) совершенства въ томъ, кто всесовершенъ, не почитаетъ его ни менѣе совершеннымъ, ни болѣе совершеннымъ. И изъ дѣйствій (лицъ Святой Троицы) мы узнаемъ нераздѣльность ихъ славы. *Живитъ* Отецъ, какъ говоритъ Евангеліе (Іоан. 5, 21), животворитъ и Сынъ, животворитъ и Духъ, по свидѣтельству Господа, сказавшаго, *что Духъ есть, иже оживляетъ* (Іоан. 6, 63.). Итакъ надлежитъ представлять силу, начинающуюся отъ Отца, проходящую (*προϊοδου*) чрезъ Сына и совершающуюся въ Духъ: ибо мы научены, что все произошло отъ Бога и все чрезъ Единороднаго и Имъ стоитъ (Колосс. 1, 16. 17) и что чрезъ все проникаетъ сила Отца, дѣйствующая *вся во всяхъ*, какъ хочетъ, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 12, 6.).

XXV.

А м ф и л о х і ю.

Я уже увѣренъ, что по благодати Божіей исполнится мое намѣреніе относительно храма въ честь мучениковъ. О еслибы ты захотѣлъ, — предпріятіе совершится силою Бога, который можетъ, когда речеть, привести слово въ дѣло. Послику, какъ говоритъ Апостолъ, *начный дѣло благо и совершитъ* его. (Филип. 1, 6.), согласись и ты, въ этомъ дѣлѣ быть подражателемъ великаго Павла и привести въ исполненіе наши надежды, выславъ къ намъ столько мастеровъ, чтобы достаточно ихъ было для этого дѣла. А чтобы твоему совершенству, для соображенія было извѣстно, въ какихъ размѣрахъ задумано все это зданіе, я попытаюсь письменнымъ словомъ объяснить тебѣ всю постройку. Видь этого храма представляетъ крестъ, составленный, какъ обыкновенно, изъ четырехъ со всѣхъ сторонъ зданій. Смыкаясь между собою, эти зданія посредствомъ связей держатъ другъ друга, какъ видимъ вездѣ при крестообразной формѣ построекъ. Въ этомъ крестѣ вставленъ кругъ, раздѣленный восемью углами. Эту осьмнугольную фигуру я называю кру-

гомъ по ея округлому очертанію, такъ что каждыя двѣ стороны этого осьмнугольника, противоположація другъ другу, посредствомъ сводовъ соединяють этотъ кругъ съ прилежащими съ четырехъ сторонъ зданіями. Другія же четыре стороны осьмнугольника, которые лежатъ между четырехъугольными зданіями, не будутъ простираться непрерывно до зданій, но каждую изъ этихъ сторонъ будутъ облегать полукругъ, заканчивающійся вверху сводомъ, въ видѣ раковины. Такимъ образомъ составитя всего восемь сводовъ, посредствомъ которыхъ и четвероугольники, противоположаціе другъ другу и самыя полукружія соединятся между собою посредниѣ. Въ среднѣ же, между угловыми столбами будетъ поставлено равное имъ число колоннъ для украшенія и прочности. Они также будутъ поддерживать своды надъ ними, устроенныя также какъ и внутренніе. Вверху надъ этими восемью сводами, соотвѣтственно лежащимъ надъ ними окнамъ, будетъ возвышаться на четыре локтя осьмнугольная надстройка. Верхъ надъ нею долженъ быть конусообразный, въ видѣ крыши суживающейся начиная съ основанія и заканчивающейся остроконечіемъ. Внизу, размѣръ каждаго изъ четырехъугольныхъ отдѣленій въ ширину будетъ восемь локтей, въ длину — въ полтора раза больше, въ высоту — сколько потребуетъ

соразмѣрность съ шириною. Ту же мѣру будутъ имѣть и полукружія. Подобнымъ же образомъ въ восемь локтей опредѣляется и промежутокъ между столбами. Сколько покажетъ очертаніе циркуля, установленнаго на серединѣ одной изъ сторонъ, какъ бы въ центрѣ, и проходящаго до ея края, столько же будетъ въ широту. А высоту уважаетъ таже соразмѣрность съ широтою. Толщина же стѣны по всему протяженію зданія будетъ три фута, измѣряя разстояніе извнутри. Это я со тщаніемъ написалъ твоей благодати съ тою цѣлію, чтобы и по толщинѣ стѣны и по промежуточнымъ разстояніямъ ты съ точностію опредѣнилъ, какая будетъ общая мѣра числа локтей. Поэтому, если пожелаешь, при благомъ руководствѣ благодати Божіей, въ этомъ дѣлѣ тебѣ будетъ легко понять все, и будетъ возможно чрезъ точное вычисленіе узнать общую денежную стоимость всѣхъ матеріаловъ, такъ чтобы ни больше, ни меньше, чѣмъ сколько потребно, ты прислалъ намъ мастеровъ. Въ этомъ случая я бы желалъ убѣдить тебя особенно озаботиться о томъ, чтобы изъ нихъ были такіе, которые знали бы устройство фундамента на сводахъ. Ибо мнѣ извѣстно, что выстроенное такъ зданіе прочнѣе, чѣмъ то, которое утверждается на столбахъ. Недостатокъ же лѣса наводитъ насъ на такую мысль: покрыть

все зданіе черепицею, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ нѣтъ матеріала годнаго для кровель. Да повѣрите не живая душа твоя, что тридцать здѣшнихъ мастеровъ соглашались построить квадратное зданіе по златницѣ на день, съ придачею разумѣется къ златницѣ и условленной нищи. У насъ же нѣтъ другаго каменнаго матеріала, кромѣ кирпича изъ обожженной глины; только это вещество и будетъ употреблено на постройку, и еще случайно попадающіеся камни, такъ что нѣтъ никакой нужды тратить время на обработку лицевой стороны камней для приличнаго соединенія ихъ другъ съ другомъ.

Относительно опытности въ искусствѣ и умѣренности цѣнъ я узналъ, что здѣшніе лучше тѣхъ, которые приходили сюда торговаться по случаю нашего дѣла. А трудъ камнетесовъ нуженъ не только для осьми колоннъ, которыя надлежитъ украсить и привести въ лучшій видъ, но требуется такой же трудъ и для основаній колоннъ, имѣющихъ видъ жертвенника, и для капителей, которыя должно обдѣлать въ коринтскомъ стилѣ. Входъ будетъ изъ мраморныхъ камней, обдѣланныхъ съ приличными украшеніями. Надъ входами помѣщаются ниши съ какими-нибудь отчетливо по выступу карниза выполненными рисунками, какъ это обыкновенно бываетъ. Для всего этого матеріалъ очевидно будетъ нами

приготовлень, но форму этому материалу дать искусство. Къ тому же во вѣншей галлерей (перистивѣ) будетъ не менѣ сорока колоннъ; и эти вообще подлежатъ обработкѣ камнетесовъ. Итакъ если моя рѣчь точно объяснила это дѣло, то да будетъ возможно твоему благочестію, по усмотрѣніи въ чемъ состоитъ это дѣло, успокоить насъ во всемъ относительно мастеровъ. Если же мастеръ вознамѣрился договариваться съ нами, то пусть опредѣлитъ, если возможно, ясно мѣру дневной работы, дабы онъ, если проведетъ время безъ дѣла, послѣ сего не въ состояніи будучи доказать производствомъ работы, что онъ именно во столько дней совершилъ работу, не сталъ требовать платы за дни, въ которые не было работы. Я знаю, что многіе сочтутъ насъ какими-нибудь мелочными людьми за то, что мы съ такою точностію опредѣляемъ условія. Но убѣдись согласиться со мною. Потому что этотъ мамонъ, много и часто слышавшій о себѣ худыхъ отъ насъ отзывовъ, наконецъ переселился отъ насъ очень далеко, возненавидѣвши, думаю, постоянныя надъ собою насмѣшки. И какою-то непроходимую пронастью, то-есть бѣдностью, отгородилъ себя отъ насъ, такъ что ни онъ къ намъ, ни мы къ нему не можемъ переходить. Потому-то для меня очень важна уступчивость въ цѣнѣ мастеровъ, чтобъ она могла

дать намъ возможность выполнить предположенное намѣреніе безъ всякаго препятствія со стороны бѣдности — этого похвальнаго и достожелаемаго зла. Однако къ этимъ рѣчамъ примѣшивается небольшая часть шутки. Ты же, *о человѣче Божій* (1 Тим. 6, 11), такъ условившись съ людьми, какъ возможно и законно, объяви смѣло всѣмъ имъ отъ насъ благорасположеніе и выдачу условленной платы. Мы отдадимъ все безъ остатка, когда Богъ по молитвамъ твоимъ отверзетъ и намъ руку благословенія.

СОДЕРЖАНІЕ

СОРОКЪ ПЯТАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО

(Часть VIII).

Слово на день свѣтовъ, въ который крестился нашъ Господь.	1
Слово на св. Пасху, и о тридневномъ срокъ воскресенія Христова.....	26
Слово на св. Пасху о воскресеніи; сказано въ великій день воскресный.	56
Слово на святую и спасительную Пасху	88
Слово на день, называемый по мѣстному обычаю у Каппадокійцевъ: <i>'Ελιοσφορίη</i> то-есть на праздникъ вознесенія Господа нашего Иисуса Христа.....	92
Слово о Святомъ Духѣ.....	98
Похвальное слово Святому Первомученику Стефану.....	105
Слово о жизни Святаго Григорія Чудотворца.....	126
Похвальное слово великомуученику Теодору (Тирону).....	198
I. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ.....	213
II. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ.....	222
III. Похвальное слово Святымъ сорока Мученикамъ, произнесенное во храмѣ ихъ.....	239
Похвальное слово преподобному отцу нашему Ефрему....	257
Слово въ день памяти Василія Великаго, роднаго брата..	294
О жизни преподобной Макрины, сестры Василія Великаго (къ Олимпію монаху).....	326
Надгробное слово Мелетію Великому, епископу Антиохійскому.	374
Надгробное слово Пульхеріи	388
Надгробное слово императрицѣ Шаквалѣ.....	403
Капоницское посланіе къ святому Литою, епископу Мелетинскому.	420
Письма	438

ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО:		ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	
4	снизу 4	по
6	сверху 18	надъ ними
8	— 4	Царствъ.
18	— 7	<i>отъ души</i>
19	— 8	<i>возвѣщаетъ</i>
29	— 15	<i>отъца</i>
60	— 11	бросится
64	— 3	<i>въ животъ семъ</i>
68	— 6	вѣнчѣ
79	снизу 4	производитъ
102	сверху 5	<i>по дни</i>
140	— 11	,
155	— 8	отсюду
164	— 4	Юардана
166	— 6	просили чтобъ
—	— 7	убѣдился что
—	— 16	любоудрствуя,
170	снизу 6	гавъ и себѣ
181	— 15	тираннами,
188	— 13	молитвою,
268	сверху 3	дѣтвицы
273	снизу 2	Ефессы
317	сверху 10	столы
335	снизу 3	шума
336	— 14	и стремился
341	— 5	Въ то время
349	сверху 8	ишь
350	— 8	<i>подвизался</i>
357	— 20	сокрыты
367	— 13	за стройнымъ
374	снизу 2	Все
386	— 5	нессомы
396	сверх. 19	жизнь Иерем. (20, 14)
466	снизу 7	тебѣ
510	— 17	послѣдствую
		по
		надъ нихъ
		4 Царствъ.
		<i>отъ души</i>
		<i>возвѣщаетъ.</i>
		<i>отъца</i>
		бросится
		<i>въ животъ семъ точно</i>
		вѣнчѣ
		производитъ
		<i>по дни</i>
		,
		отсюду
		Юрдана
		просили, чтобъ
		убѣдился, что
		любоудрствуя
		такъ и себѣ.
		тираннами
		молитвою
		дѣтвицы
		Ефессы
		столы
		шума
		стремился
		Въ то время онъ
		ишь
		<i>подвизался</i>
		закрыты
		за онымъ стройнымъ
		Все
		нессомый
		жизнь (Иерем. 20, 14).
		тебѣ
		послѣдствую

4152